

Берега Ангралы 3'2009

Исполнительное Управление при Совете
Р С Ф С Р

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ БИЛЕТ
№ 05265

Настоящий билет выдан Переселенческому
отделу при Удмуртском облисполне
(Исполн. Управление при Совете Министров)
г.р. Сыктывкар
(Фамилия, имя, отчество)

в том, что он с семьей действительно является
переселенцем в Калининградскую область и
имеет право на получение земельного участка
от 9 июля 1960 г. № 1323 по первоочередному
мероприятию по заселению районов и разнотипу
сельского хозяйства Калининградской области

Нач. Исполнительного отдела

Для ФОТО

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Берега Ангралы 3'2009

Редакционная коллегия:

И.В. Ерофеев – главный редактор,

Г.В. Каштанова-Ерофеева –
заместитель редактора,

Г.И. Ваткеева,

А.К. Гахов,

А.В. Кленовый,

В.Н. Хабибуллин

Берега Анграпы: худож.-публицист. альм. – Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2009. – 2009, Вып.3/ред.-сост. И.В.Ерофеев, Г.В.Каштанова-Ерофеева; авт. вступ. ст. В.П.Хлиманков. – 2009. – 232 с.: ил., фото. – Примеч., библиогр.: с.220 – 224. – ISBN 978-5-98787-058-7. – [Б.ц.] – 620 экз.

84(2Рос=Рус)6-4я43

По заказу
администрации муниципального образования
«Черняховский муниципальный район»

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система»
муниципального образования «Черняховский муниципальный район»
Историко-краеведческое общество «Седьмая земля»
Литературное объединение «Рассвет»

Составители: *И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева*
Подбор оформления: *Г.В. Каштанова-Ерофеева*

Благодарим за поддержку, помощь и содействие в издании альманаха администрацию муниципального образования «Черняховский муниципальный район», районный Совет депутатов; директора муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система» Черняховского района З.И. Пикалову, программиста библиотечной системы С.А. Ищенко; главного специалиста Государственного архива Калининградской области А.П. Бахтина; члена совета Общества Шаруна, архитектора Д.Б. Сухина (Роттердам); студента КГТУ А.И. Ерофеева. Редколлегия глубоко признательна за предоставленные документы, материалы, фотографии директору Калининградского областного историко-художественного музея С.А. Якимову и его коллегам: заведующей сектором истории региона В.Г. Бикеевой, старшему научному сотруднику сектора истории региона Э.В. Юрченко, старшему научному сотруднику сектора истории региона В.В. Чернышевой, заведующей военно-историческим отделом Т.В. Напреенко, хранителю коллекции фотографий В.И. Лабжиной; руководителю Музея боевой и трудовой славы им. И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра г.Черняховска Н.Н. Юрьевой; заведующей музеем истории Калининградской железной дороги Черняховского узла О.Н. Князевой; директору Музея истории Л.В. Климовой; руководителю музея Привольненской средней школы Черняховского района А.В. Кленовому; главному специалисту архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район» О.Б. Квитченко; главному редактору газеты «Полнос + ТВ» А.Ф. Рубченко и ее шеф-редактору А.А. Лобанову; работникам Черняховской городской библиотеки: заведующей отделом книгохранения Т.Ф. Шабан, заведующей отделом краеведения и иностранной литературы Н.М. Филипповой; библиотекарю Гремяченской сельской библиотеки Г.Г. Кучиной, библиотекарю Кировской городской библиотеки О.И. Пеля; руководителю отряда волонтеров Черняховского городского Дома культуры В.В. Харитоновой; руководителю краеведческого кружка школы №5 О.Н. Кузнецовой; руководителю поискового отряда «Форпост» лицея №7 Э.А. Синявскому; музыкальному руководителю детского сада №31 ОАО «РЖД» О.И. Сидоренко; фотографам В.Е. Васильеву, С.Г. Мазаловой, С.А. Треню, художникам И.Е. Павловой (Гусев), А.Н. Смирнову, а также В.А. Гудилину (Санкт-Петербург), А.А. Лунину (Калининград), З.Д. Остен (Калининград), К.И. Андрияничевой, В.Н. Белану и Е.Г. Козловской, К.К. Богдановой, В.В. Гнездилову, Ю.Е. Гулиевой (пос.Привольное), Т.Я. Квитченко, А.П. Котлярову, З.П. Лисовцовой, Т.Г. Масловой, В.Г. Мироновой, Г.Н. Мороз, Т.И. Попоновой, В.И. Соболевой, З.А. Сташевской, Л.Р. Чабан, Е.М. Шабан, семьям Гречишниковых, Зябировых, Каштановых, Кондаковых, Матва.

При использовании материалов альманаха ссылка на издание обязательна.

Издательство «ИП Мишуткина И.В.»

ISBN 978-5-98787-058-7

© Редколлегия, колл. авторов, 2009

К ЧИТАТЕЛЯМ

История Черняховска насчитывает немногим более шести десятков лет. В масштабах «биографии» человечества это не срок, для нас же эти годы – этапы большого пути. Они наполнены трудом тысяч людей, которые искренне хотели видеть свой город краше и уютнее. И уже для трех поколений он стал домом и судьбой.

Тем, кто в числе первых осваивал эту землю и возрождал город из руин, посвящен новый выпуск альманаха.

Это было нелегко – жить, работать на территории, где все: израненные дома, улицы, дороги, деревья, даже самый воздух, пропитанный запахом пороха и гари, – напоминало о недавней кровопролитной войне. И на чужом – и в то же время уже своем – пепелище предстояло организовать продуктивную и созидательную жизнь. Каким образом это происходило? Что двигало людьми, прибывшими в переселенческих эшелонах из опаленных войной центральных районов России в «неведомый» край? Где истоки их силы воли и трудовой доблести? Возможно, вы найдете ответы на эти вопросы, ознакомившись с материалами, подготовленными редколлективом и многочисленным авторским коллективом и основанными на воспоминаниях очевидцев и документальных источниках.

Отрадно сознавать, что в Черняховском районе немало людей, равнодушных к истории родного края, литературному творчеству. В свое время была принята муниципальная программа поддержки местных авторов, рассчитанная на три года – с 2006-го по 2008-й. Срок ее действия завершился, и, надо сказать, она полностью себя оправдала: все издания, выпущенные в рамках программы, востребованы и вызывают интерес не только у черняховцев. Поддерживая добрую традицию, администрация муниципального образования «Черняховский муниципальный район» выходит на новый виток работы в этом направлении: запланирован выпуск еще ряда изданий по результатам творческих конкурсов.

Я бы хотел пожелать вам, дорогие читатели, здоровья, успехов, благополучия и неустанного интереса к познанию, неиссякаемой любви к жизни, к родной земле. Особая благодарность – нашим землякам, ветеранам становления района, строившим город и поднимавшим село. Ваш труд не был напрасным, нам продолжать ваши начинания и, сохраняя доброе, создавая новое, делать город достойным имени героя нашего Отечества – Ивана Даниловича Черняховского.

Владимир ХЛИМАНКОВ,
Глава администрации муниципального образования
«Черняховский муниципальный район».

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вы открываете уже третий выпуск художественно-публицистического альманаха «Берега Анграпы», представляющего собой своеобразное и разноплановое исследование жизни нашего города, в которое вносят вклад краеведы, историки, журналисты, педагоги, работники библиотек, студенты, школьники – словом, все те, кем движет жажда восполнить пробелы в знаниях о далеком и близком прошлом родного края.

В первом номере, посвященном солдатам Великой Отечественной войны, рассказывается, прежде всего, о событиях января 1945 года, когда во время ночного штурма войсками 3-го Белорусского фронта была взломана оборона противника, сдавшего победителям один из самых мощных укрепленных пунктов Восточной Пруссии – город Инстербург. Статьи, очерки, документы и другие материалы, в нем опубликованные, теперь размещены в Интернете и достаточно широко используются – в первую очередь, в колледжах и школах города и района на уроках Мужества, конференциях, классных часах, конкурсах.

Второй, специальный, выпуск альманаха – дань уважения памяти черняховского краеведа Геннадия Федоровича Разумного, собравшего обширные сведения по довоенной истории Инстербурга. В номер вошла большая часть его публикаций разных лет в местной и региональной прессе.

В 2009 году исполняется 60 лет со дня создания Черняховского литературного объединения «Рассвет», в рядах которого работали интересные и талантливые люди. К этому, безусловно, примечательному событию мы и приурочили выпуск третьего номера «Берегов Анграпы». Речь в нем идет о восстановлении города, причем руками многих из тех, кому во время штурма было не до его красот и достоинств: надо было во что бы то ни стало взять Инстербург, стоявший на пути главного удара. В номер включены, наряду с хроникой событий самого трудного, после большой разрушительной войны, периода, воспоминания первых переселенцев, статьи, написанные на основе документов и свидетельств очевидцев, очерки о людях, живших и трудившихся в Черняховске в те далекие годы, в том числе об участниках первых составов литературной группы, созданной при городской газете «Коммунист», и конечно же поэзия и проза земляков-современников, разнообразные по тематике.

Особый интерес представляют фотоматериалы: фактически все они, за исключением единичных, публикуются впервые – их любезно предоставили специально для этого выпуска Калининградский областной историко-художественный музей, Музей боевой и трудовой славы им. И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра г.Черняховска, музей истории Черняховского железнодорожного узла Калининградской железной дороги, музей Привольненской средней школы Черняховского района, архивный отдел администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район», частные лица: проживающий ныне в Санкт-Петербурге В.А. Гудилин, калининградец А.А. Лунин, черняховцы В.Н. Белан, Е.Г. Козловская, В.Е. Васильев, В.В. Гнездилов, В.М. Гречишников, Л.В. Климова, З.П. Лисовцова, Т.Г. Маслова, В.Г. Миронова, Г.Н. Мороз, Л.Р. Чабан, а также герои ряда очерков.

**Игорь ЕРОФЕЕВ,
Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА.**

ВЕРСТЫ ВРЕМЕНИ

История и краеведение:
хроника, статьи, документы

Игорь ЕРОФЕЕВ

ХРОНИКА ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Инстербург-Черняховск: 1945 – 1950

Памятник Герою Советского Союза Шота Леоновичу Гамцемлидзе в пос. Калиновка.

1945

20 января. Бессмертный подвиг совершил гвардии младший сержант Шота Гамцемлидзе во время боя за населенный пункт Ауловёнен.

22 января. К вечеру, после ночного штурма и тяжелых уличных боев, 18-я и 16-я гвардейские стрелковые дивизии 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта, которым командовал генерал армии И.Д. Черняховский, овладели крупным опорным пунктом Ильменхорстского укреп-

района – городом Инстербургом. В этот день Москва салютовала в честь победы советских воинов двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Командир 18-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.И. Карижский был награжден орденом Ленина. 18-я гвардейская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия, 130-я истребительно-бомбардировочная авиационная дивизия 1-й воздушной армии, 1-й Краснознаменный танковый корпус, в числе других соединений и частей, удостоились почетного наименования Инстербургских.

18 февраля. Под городом Мельзак, неподалеку от Хайлигенбайля, командующий 3-м Белорусским фронтом, генерал армии, дважды Герой Советского Союза Иван Данилович Черняховский был смертельно ранен осколком снаряда, разорвавшимся неподалеку от его машины. Никто из сопровождавших его лиц не пострадал. Генерал был срочно доставлен в медсанбат 41-го стрелкового корпуса, где, не приходя в сознание, скончался.

26 февраля. В Инстербурге начала действовать первая на отвоеванной у фашистов территории тюрьма.

11 марта. В одном из госпиталей Инстербурга умер от ран Федор Семенович Лутай, кавалер трех орденов Славы. Похоронен в братской могиле на ул. Спортивной.

17 июля – 2 августа. На Потсдамской конференции главы союзнических государств рассматривали, наряду с другими вопросами, и вопрос о судьбе Пруссии. Было принято решение о ее разделе и передаче под советское управление Кёнигсберга, а также прилегающей к нему территории площадью более 15 тысяч квадратных километров – северной части Восточной Пруссии, Земландского полуострова с уникальной песчаной косой Фрише-Нерунг и половины залива Фришес-Хаф.

Военный корреспондент Александр Становов
в Инстербурге 20 февраля 1945 года.

26 августа. В Инстербурге, в здании бывшей немецкой школы имени Иоганна Генриха Песталоцци, построенной в 1927 году, открылась школа №1.

Октябрь. Начались ремонтно-строительные работы на Инстербургском железнодорожном узле, и в первую очередь на участке Инстербург – Гумбиннен.

Создан штаб уполномоченного НКВД с разветвленной системой оперативно-следственных и тыловых подразделений. Одним из структурных подразделений штаба стал Земландский оперсектор с 8 районными опергруппами, в том числе с Инстербургской.

19 ноября. В соответствии с Постановлением Военного совета 3-го Белорусского фронта №028 от 10 мая 1945 года в Кёнигсберге образован первый неконституционный орган государственной власти – Временное управление по граж-

данским делам, имевшее в своей структуре коммунальные отделы и подчинявшееся только Военному совету Кёнигсбергского особого военного округа.

21 ноября. Контрольным Советом, созданным по окончании Второй мировой войны, был утвержден план перемещения немецкого населения с аннексированных территорий во все четыре зоны разделенной Германии. Этот план относился и к Восточной Пруссии.

23 ноября. Начал работу гарнизонный Дом офицеров.

Ноябрь. Инстербургская тюрьма, которая вошла в созданное при областном УМВД в этом же месяце тюремное отделение (всего в его составе было 3 тюрьмы), получила порядковый номер «2». В качестве следственного изолятора она использовалась около двух с половиной лет.

Декабрь. Сдано в эксплуатацию первое предприятие города – мяскокомбинат.

Организовано вагонное депо: перешиты тракционные пути, пущены в эксплуатацию колесный станок, кузнечный горн.

1946

Январь. Организовано Управление лагерями военнопленных и интернированных №445 МВД СССР. Его штаб размещался в Георгенбурге. Здесь же находился госпиталь, где лечились военнопленные, получившие ранения во время боев, и больные.

18 февраля. Приказом Временного управления по гражданским делам Особого военного округа на территории бывшего немецкого поселения Норкиттен был создан совхоз №22, а на территории поселения Грос-Бершкааллен – совхоз №23.

Февраль. На станции Инстербург организовано линейное отделение милиции – второе после Кёнигсбергского.

7 апреля. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Кёнигсбергской области в составе РСФСР» и статье Конституции РСФСР, образована Кёнигсбергская область (город Кёнигсберг с прилегающей к нему территорией

Коллектив ЛОВД ст.Черняховск Литовской железной дороги. 1950 год.

Восточной Пруссии) и включена в состав РСФСР. Постановлением Совета Министров СССР создано областное управление по гражданским делам и аппарат политотдела, а также соответствующие аппараты в городах и районах.

Май. В Инстербурге начало действовать районное гражданское управление. Размещалось оно в небольшой комнате на ул. Спортивной. Его возглавлял А.Т. Илларионов (позже председатель Гусевского горисполкома).

Гражданское управление получило телеграмму из Курской области об отправке в Инстербург первых двух эшелонов с переселенцами-колхозниками. Все 16 служащих управления собрались на экстренное совещание для предварительного распределения по населенным пунктам будущих жителей Инстербургского района.

11 июня. Приказом областного Управления по гражданским делам на базе принятых районными и городскими управлениями предприятиями и мастерских предписано организовать районные и городские хозрасчетные промкомбинаты.

21 июня. Издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи в Кёнигсбергской области».

Июнь. В Инстербурге проживало 5,5 тысячи человек.

Начала работу первая сберкасса.

1 июля. Торговое обслуживание населения возложено на универсальный торг (горторг). Магазины и столовые

районных комендатур переданы в ведение предприятий торговли.

4 июля. Указом Президиума Верховного Совета СССР Кёнигсбергская область, ранее включенная в состав РСФСР, переименована в Калининградскую область в память о деятеле КПСС и Советского правительства, Герое Социалистического Труда М.И. Калинин (скончался 3 июня 1946 года). Согласно принятому административному делению, в области было 8 городов областного подчинения, 14 – районного, 13 сельских районов, 4 городских района, 5 поселков городского типа, 97 сельских советов. Город Кёнигсберг получил новое наименование – Калининград, Земландский полуостров стал называться Калининградским полуостровом, залив Фришес-Хаф – Калининградским заливом, коса Фрише-Нерунг – Балтийской косой.

9 июля. И.В. Сталин подписал Постановление №1522 Совета Министров СССР, открывшее путь массовому заселению края. Согласно этому документу, в течение только трех месяцев, с августа по октябрь 1946 года, в область, на добровольных

началах, переселялось 12000 семей колхозников из центральных районов России и Белоруссии.

Июль. Издан приказ гражданского управления о создании сети школ города и района и подготовке их к новому учебному году.

Открылась юридическая консультация.

Создано 6 госавтоинспекторских участков: в городах Черняховск, Советск, Гвардейск, Нестеров, Мамоново и в поселке Романово.

1 августа. Областным управлением по гражданским делам издан приказ о подготовке к приему колхозников-переселенцев, согласно которому Инстербургский район в период с августа по сентябрь должен был принять 900 семей.

2 августа. Издан приказ начальника Управления по гражданским делам Калининградской области об открытии начальных и семилетних школ для немецкого населения в наиболее крупных поселках и городах области.

24 августа. Прибыл первый эшелон с переселенцами из Курской области. В этом же месяце приехали жители Калужской

Угол улиц Сулинской (ныне ул.Калинина) и Пионерской. 1950-е годы.

Передовой работник вагонного депо ст.Инстербург
Д.Н. Сычевский. Конец 1940-х годов.

и Брянской областей. В районе созданы первые колхозы – «Парижская Коммуна», «Знамя Ильича», «Ленинская «Искра»», «Красный Октябрь», «Победа», «Калининград», «Новая Жизнь».

Приказом начальника областного Управления по гражданским делам на базе бывшего частного немецкого кожевенного завода образован Инстербургский кожевенный завод.

Август. Приступил к работе горпромкомбинат.

Создана санитарно-эпидемиологическая служба из военных фельдшеров.

Эвакуационный госпиталь №4587 Прибалтийского военного округа реорганизован в гарнизонный военный госпиталь.

Организована Инстербургская нефтебаза на месте немецкой. Новое предприятие имело несколько резервуаров, оставшихся с довоенного времени, и одну автозаправочную станцию.

В кинотеатре «Ударник», открытом в здании бывшего немецкого кинотеатра, демонстрировался первый художественный фильм.

7 сентября. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Инстербург переименован в Черняховск в память о дважды Герое Советского Союза генерале армии И.Д. Черняховском. Железнодорожная станция все еще носила название Инстербург.

15 сентября. Открыта Черняховская городская библиотека.

Открыта школа рабочей молодежи.

26 сентября. Во вновь организованную военизированную пожарную команду на городское довольствие зачислены первые 6 человек.

Сентябрь. Введен в строй речной порт, относящийся к Неманскому речному пароходству.

1 октября. На основании решения горисполкома в Черняховске открыт Дом пионеров. Первые кружки (сначала их было 3: художественного чтения, танцевальный и спортивный) работали на базе школы №1. С 1947 года Дом пионеров переведен в здание на ул.Первомайской (ныне ул.Ленина).

Октябрь. На горпромкомбинате вступили в строй швейная, сапожная, а несколько позже и слесарная мастерские.

На ул.Первомайской открылся первый книжный магазин (директор А.Р. Ковтун), который позже будет переведен в помещение на ул.Сулинской (ныне ул.Калинина).

Смонтирован радиоузел. В центре города установлен репродуктор.

37 семей переселенцев приехали в Дидлакен и организовали колхоз имени Тельмана. Директор колхоза – С.Г. Мельничёнок.

1 ноября. Бюро областного комитета ВЛКСМ приняло постановление об организации в Черняховске ГК ВЛКСМ. Первым секретарем был утвержден В.А. Логинов, вторым – А.П. Крещенко. К концу года в городе насчитывалось уже 6 первичных комсомольских организаций, в которых всего состояло 107 человек.

11 ноября. Образован отдел военной комендатуры (позже военный комиссариат г.Черняховска).

Ноябрь. Вступило в эксплуатацию вагонное депо.

Организовано 5-е (Инстербургское) отделение Литовской железной дороги (6-е находилось в Кёнигсберге).

Начал действовать городской водопровод протяженностью до 20 километров.

Восстановлены линии электропередач Фридланд – Инстербург – Тильзит.

Создана клинико-диагностическая лаборатория.

Организована инфекционная больница, принявшая первых больных в здании бывшего роддома на ул.Театральной.

На территории района работало уже 23 колхоза, 4 совхоза и 2 МТС, располагавшие 8 комбайнами.

25 декабря. Вступила в действие телефонная станция на 200 номеров.

Декабрь. Организован конезавод №153 для выращивания лошадей тракененской породы. На заводе было 12 жеребцов-производителей и 100 маток. Территория, выделенная заводу, включала в себя усадьбу

Цвион, участки Неттинен и Георгенталь. Имущество и поголовье лошадей принято от конного депо 11-й гвардейской армии. Для работы на заводе отдел распределения рабочей силы выделил 100 человек.

1947

Январь. В городе насчитывалось 14 комсомольских организаций, в которых состояло на учете 82 человека.

Начал работу городской Дом культуры.

9 февраля. Состоялись первые в Калининградской области выборы депутатов в Верховный Совет РСФСР. От Черняховского округа избран депутатом В.А. Борисов.

23 февраля. Начал работать хлебосушарный завод, сначала как небольшая пекарня, оборудованная на месте разрушенного немецкого хлебного завода.

10 марта. В Калининград на первый областной смотр художественной самодеятельности колхозников, рабочих, служащих и интеллигенции направлена творческая делегация из г.Черняховска. С успехом выступила колхозница из Черняховского района – кавалер ордена «Мать-героиня»

Черняховский речной порт.

тов. Гнусевич, исполнившая шуточные народные песни.

2 апреля. Состоялось первое заседание бюро Черняховского городского комитета партии.

29 апреля. Принято постановление бюро обкома о создании в Черняховске и Советске городских газет. Предполагался ежедневный их выпуск разовым тиражом 2500 экземпляров, объем должен был соответствовать ½ объема газеты «Правда».

Апрель. В Черняховске создано добровольное спортивное общество «Локомотив» и сформирована футбольная команда.

25 мая. На областное совещание молодых стахановцев делегированы черняховские передовики производства.

28 мая. Принято Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о создании в районах и городах Калининградской области районных и городских исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся в составе: председатель, заместитель председателя, секретарь, члены исполкома (3-5 человек). Упразднены управления по гражданским делам, устанавливались границы городских земель.

6 июня. Решением №14 исполнительного комитета Калининградского областного Совета депутатов трудящихся до проведения выборов в Черняховске образованы исполнительные комитеты городского и районного Советов депутатов трудящихся. Председателем райисполкома назначен Тимофей Иванович Березин, заместителем председателя – Тимофей Иванович Серавин, секретарем – Иван Андреевич Слоквенко. Председателем горисполкома стал Николай Григорьевич Зинович, секретарем – К. Баканова.

16 июня. На основании постановления №4 Калининградского облпотребсоюза организовано Черняховское районное потребительское общество.

25 июня. Издан Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном устройстве Калининградской области». В области создано 17 сельских районов, образовано 4 района в Калининграде. Города Калининград, Советск, Черняховск, Балтийск, Гусев, Неман и Светлогорск отнесены к категории городов областного подчинения. 11 городов районного подчинения, 5 населенных пунктов отнесены

Здание Черняховского райисполкома в пос. имени Кирова (быв. Шприндт). Конец 1940-х годов.

к рабочим и курортным поселкам. В составе сельских районов образовано 129 сельсоветов.

Июнь. По решению бюро горкома ВКП(б) в Черняховске открыта вечерняя партийная школа.

На железнодорожном узле создан санитарно-контрольный пункт. Одновременно создан санитарно-врачебный участок с врачом и фельдшером. В помощь им присланы четыре выпускницы Ярославского медицинского железнодорожного училища. Участок размещался в двух комнатах общей площадью 40 кв.метров в доме №8 на ул.Железнодорожной. Позже участок станет больницей, а на 2-м Госпитальном переулке расположатся стационар и детская консультация.

В Черняховской городской библиотеке, в читальном зале, организован межбиблиотечный абонемент. По запросам читателей выписывались книги из других библиотек страны, в том числе из Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина.

10 июля. В черняховском кинотеатре «Ударник» стартовал спортивный кинофестиваль, продлившийся до 20 июля, когда в области впервые был проведен День физкультурника. В этот же день спортсмены района выехали в г.Калининград для участия в 1-й областной спартакиаде.

20 июля. На основании приказа №376 по Калининградскому областному отделу образования и в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР №3395 от 3 июля 1947 года открыто Черняховское дошкольное педагогическое училище.

На базе бывшего Инстербургского леспромхоза образован Черняховский лесхоз.

25 июля. В городе открылся Детский дом.

Август. Открыта Свободненская семилетняя школа.

В совхоз №22/136 прибыли первые переселенцы.

На втором этаже восстановленного здания бывшей ратуши открылась железнодорожная поликлиника.

4 сентября. Бюро Калининградского ОК ВЛКСМ приняло постановление вручить Черняховской городской комсомоль-

Первый председатель Черняховского горисполкома Н.Г. Зинович (1-й слева), секретарь ГК КПСС Сидорчук (1-й справа). 1947(48) год.

ской организации Красное Знамя на постоянное хранение.

18 сентября. Начались занятия в Черняховском дошкольном педагогическом училище. В нем работали 9 преподавателей, обучавших 61 студента.

Сентябрь. На основании приказа Министерства мясной и молочной промышленности СССР от 21 июня 1947 года и решения горисполкома от 9 сентября 1947 года образован Черняховский маслозавод №19.

Утвержден городской комитет по делам физкультуры и спорта при горисполкоме.

Образована городская типография.

Открыто районное отделение связи.

На основании статьи 16 Положения о судостроительстве РСФСР и решения райисполкома образован районный народный суд.

1 октября. В Черняховске открылся спортивный зал.

1 октября – 2 ноября. В соответствии с Уставом ВКП(б) прошли отчеты и выборы

в первичных партийных организациях района. Общая явка на собрания составила 92%.

11 октября. Принято Постановление Совета Министров СССР «О переселении немцев из Калининградской области РСФСР в Советскую зону оккупации Германии», согласно которому предусматривалось переселить в октябре-ноябре 1947 года 30 тысяч немцев.

14 октября. Опубликовано принятое на собраниях трудовых коллективов письмо «От трудящихся Калининградской области великому вождю и учителю товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу» об экономическом и культурном развитии области.

Октябрь. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1947 года и решением райисполкома от 5 октября 1947 года на территории Черняховского района образованы сельские Советы.

Открылись детские ясли №1.

7 ноября. Вышел первый номер городской газеты «Коммунист». (Всего до конца года выпущено 18 номеров).

Начала издаваться районная газета «Сталинец», освещавшая жизнь села.

18 ноября. Организована Калужская МТС.

Ноябрь. В паровозном депо (начальник В. Павлов) на хозрасчет переведены 8 паровозов и 2 токарных станка.

Смонтирована линия электропередач Черняховск – Гусев.

В Черняховске открылся второй кинотеатр – «Салют» (на 300 мест).

2 – 4 декабря. На 1-й областной партийной конференции Черняховск представлял одну из самых крупных партийных первичных организаций, насчитывавшую 783 человека.

21 декабря. Состоялись выборы в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся. Всего избрано 26 депутатов в районный Совет, 89 – в городской, 136 – в сельские Советы. В областной Совет избран кузнец из Черняховска В.Ф. Павлов.

27 декабря. В доме №27 по ул.Первомайской состоялась 1-я сессия Черняховского городского Совета депутатов трудящихся первого созыва. На ней присутствовало 80 депутатов и 19 гостей. Сессию открыл депутат от 64-го избирательного

Ул.Пионерская. 1947-1948 годы.

Контора благоустройства. 1950-е годы.

округа Н.В. Семенов. Мандатную комиссию возглавил работавший тогда заведующим культпросветотделом Я.Ф. Сорокин. Сессия рассмотрела организационные вопросы и обсудила доклад о жилищно-коммунальном хозяйстве города и задачах на 1948 год. Был избран горисполком, образованы десять его отделов, созданы постоянные комиссии. Утверждены заведующие: горздравотделом – Л.М. Шор, отделом социального обеспечения – А.Е. Коптева, общим отделом – П.Е. Дорошенко, отделом народного образования – В.И. Кузнецов. Подведены итоги проделанной работы по благоустройству. Контора благоустройства израсходовала на приведение в порядок улиц и скверов города около 500 тысяч рублей. Расчищены улицы, вывезено на свалку более 7 тысяч кубометров строительного мусора, заложено 800 метров проемов, восстановлено 6 километров водопроводной сети, закончено строительство водонапорной станции, посажено 3600 декоративных деревьев и кустарников, благоустроено 2 сквера. Восстановлен железнодорожный узел, налажено автобусное сообщение.

30 декабря. В пос. имени Кирова (ранее Шприндт), в здании, где ныне располагается школа №5, проходила 1-я сессия Черняховского районного Совета депутатов трудящихся первого созыва.

Декабрь. Организованы уличные комитеты. Активно работал, занимаясь благоустройством, комитет ул.Московской (руководитель комитета – депутат городского Совета тов.Гоголева).

Образован Черняховский отдел милиции.

Образован горпищекомбинат (директор Л. Асташенко).

В городе работало 58 магазинов, 20 ларьков и палаток и 8 столовых.

За год центральная сберкасса Черняховска выплатила 1 миллион 171 тысячу рублей по выигранным облигациям государственного займа.

1948

1 января. В паровозном депо Черняховска организована паровозная колонна «Пятилетку – в четыре года». В ее составе 54 человека.

Тираж газеты «Коммунист» увеличился до 2050 экземпляров. Ответственным редактором назначен А.И. Жмуров.

17 января. На основании решения облисполкома образована Черняховская государственная заводская конюшня.

25 – 28 января. На 1-й областной зимней спартакиаде команда Черняховска заняла второе место, пропустив вперед только калининградцев.

10 февраля. Состоялось собрание профактива, в нем приняли участие представители всех предприятий и учреждений района. С докладом «Об итогах XVII пленума ВЦСПС и задачах профсоюзных организаций» выступил уполномоченный ВЦСПС по Калининградской области тов. Прохоров. Магазины №2 (директор тов. Булочникова) за образцовую работу в четвертом квартале 1947 года присуждена 3-я премия Министерства торговли СССР. Коллектив получил поздравительную телеграмму от заместителя министра торговли тов. Жаворонкова.

12 февраля. По решению облисполкома образован гвоздильно-сеточный завод. Площадку для него подготовил горпромкомбинат.

23 февраля. У братской могилы состоялся митинг, посвященный закладке памятника погибшим при взятии Инстербурга воинам Красной Армии.

26 февраля. Подписано решение №72 исполнительного комитета Черняховского городского Совета депутатов трудящихся «О проведении в 1948 году местных налогов и сборов по г.Черняховску», согласно которому взимались налоги с владельцев строений, транспортных средств, скота, земельная рента. Решение подписано председателем исполкома Черняховского городского Совета депутатов трудящихся Н.Г. Зиновичем.

Решением №74 исполкома «О предупреждении уничтожения и порчи зеленых насаждений и дальнейшем их развитии» определена ответственность за сохранность зеленых насаждений, разрешена передача в аренду и индивидуальное пользование декоративных насаждений, примыкающих к жилым домам, площадью до 400 кв.метров, установлено, что за индивидуальное пользование зелеными насаждениями горкомхозом взимается плата: за плодоносное фруктовое дерево –

Черняховский маслозавод. 1950-е годы.

Коллектив ШЧ ст.Черняховск. 1952 год.

10 рублей в год, за плодоносящий кустарник – 2 рубля в год.

27 февраля. Состоялась читательская конференция, подготовленная Черняховской городской библиотекой и горкомом ВЛКСМ. С докладом «Люди с чистой совестью» выступил учитель литературы школы №1 Г.И. Липский.

Февраль. Начал работу Черняховский государственный племенной рассадник.

В рамках декады искусств в клубах и Домах культуры Черняховского района состоялось около 70 концертов.

В Черняховске выступила заслуженная артистка РСФСР Л.А. Русланова, приехавшая на гастроли в Калининградскую область.

5 марта. Городской отдел народного образования провел День учителя.

Исполнительный комитет Калининградского областного Совета депутатов трудящихся своим решением запретил продажу с рук на улицах городов Калининградской области предметов домашнего обихода и продуктов питания.

10 марта. Завершился городской трехнедельный шахматный чемпионат, в котором участвовало 22 человека. Первое место занял тов. Орлов.

При Черняховской автомобильно-транспортной конторе открыт филиал

областной автошколы по подготовке шоферов.

16 марта. В Доме культуры железнодорожников состоялось районное собрание агитаторов.

20 марта. Постановлением горисполкома поддержана инициатива коллектива рабочих и служащих 5-й дистанции сигнализации и связи ст.Инстербург, обратившихся ко всем жителям города с призывом превратить Черняховск в один из цветущих городов страны и произвести полное благоустройство Привокзальной площади. Железнодорожники решили с этой целью отработать в течение года в свободное время 3,5 тысячи часов, то есть по 40-50 часов на человека.

При вагонном участке Инстербургского отделения Литовской железной дороги работают стахановские школы по обработке поездов скоростными методами.

23 марта. На Черняховском мясокомбинате начал работу пирожковый цех. За первый месяц работы он изготовил для продажи горожанам около 30 тысяч пирожков с ливером, творогом и капустой.

28 марта. Гастролировавший в городе Национальный ансамбль песни и пляски Карело-Финской ССР (художественный руководитель А.И. Голланд) дал заключительный концерт.

Фонтан «Дружба народов» у городского театра (Дом офицеров). 1950-е годы.

30 марта. Горком ВЛКСМ провел пионерский слет под лозунгом «Работай, учись и живи для народа, советской страны пионер!».

Март. Организован колхоз им.Горького.

Создана дистанция зданий и сооружений (НГЧ-5).

В Черняховске функционирует 700 радиоточек. На улицах Первомайской, Сулинской, в пос.им.Кирова, а также на Привокзальной площади установлены динамики. Полностью радиофицирован центр города. Продолжается радиофикация улиц Полевой, Железнодорожной, Крестьянской и Чапаева.

В Доме пионеров действуют кружки: драматический, рисовальный, рукоделия, стрелковый, музыкальный, хоровой и аккордеонистов.

В городе работают обувная артель инвалидов «Звезда» и промартель «Путь в коммуну».

В Черняховске насчитывается 10 подсобных хозяйств, располагающих 886 гектарами пахотной земли. Всего в черте города имеется 1900 гектаров пахотной земли. На конец месяца отделом сельского хозяйства горисполкома отведено 542 гек-

тара земли под индивидуальные и коллективные огороды.

4 апреля. На ул.Сулинской открыт магазин для огородников.

7 апреля. В городском театре состоялось торжественное собрание, посвященное 2-летию образования Калининградской области. На собрании были обозначены первые успешные итоги хозяйственного и культурного возрождения. К тому времени в городе уже было 2 кинотеатра, Дом культуры, городская библиотека, начальная, семилетняя, средняя, вечерняя школы, железнодорожная школа, школа для детей нерусской национальности, 3 детских сада на 150 мест, Дом пионеров с детской библиотекой, дошкольное педучилище, поликлиника, центральная городская больница, инфекционная больница, станция скорой помощи, тубдиспансер, санитарно-бактериологическая лаборатория.

15 апреля. Агитбригада Черняховского Дома культуры дала первый концерт в колхозе «Прогресс», прошли выступления и в колхозах им.Андреева и «Коммунар».

Начались гастроли Калининградского областного драматического театра, показавшего спектакли по пьесам А. Островского («Лес»), А. Арбузова («Встреча с юностью») и др.

Перед товарищеским матчем. 1950-е годы.

У городского стадиона. 1950-е годы.

18 апреля. Сыграны тренировочные матчи с участием четырех городских команд. В этот день стадион посетило около 5000 человек.

Состоялось собрание городского комсомольского актива. С докладом о задачах комсомольской и пионерской организаций в период подготовки к экзаменам выступила секретарь горкома ВЛКСМ Панфилова.

Организован массовый выход горожан на очистку улиц, дворов, чердаков от мусора и хлама. Через неделю воскресник повторился. Удалось в основном ликвидировать завалы на тротуарах, было заложено 509 кв.метров оконных проемов, очищено 38 трапов, посажено 800 молодых деревьев.

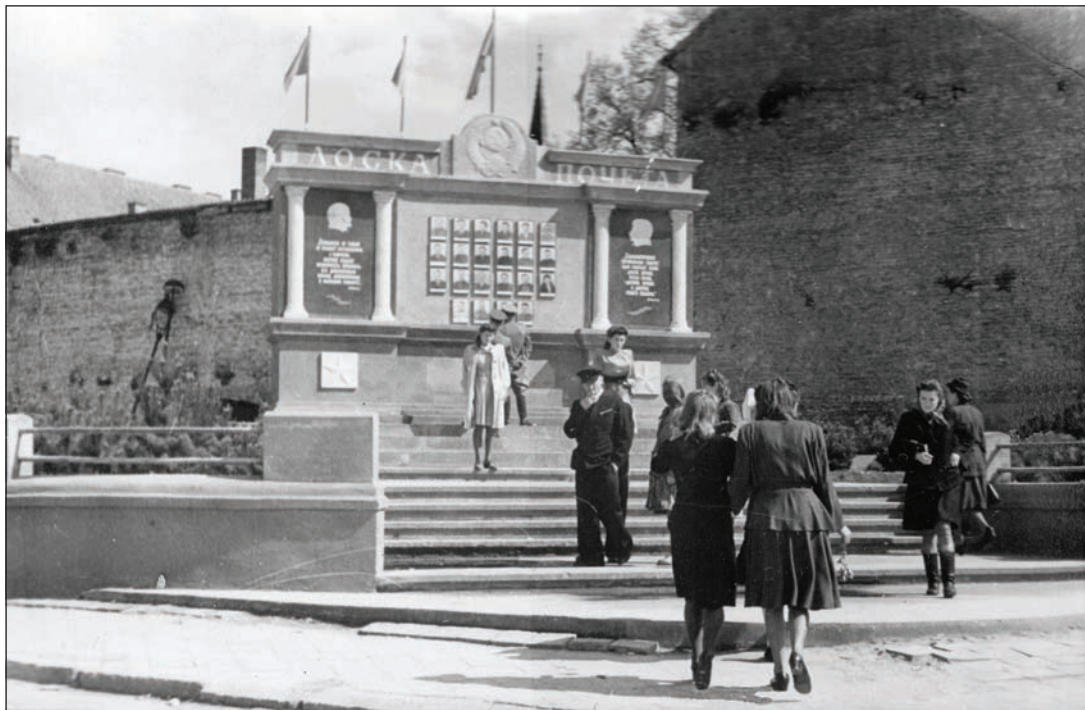
Месячник по санитарной очистке города длился до 15 мая.

20 апреля. Городская автотранспортная контора открыла новую пассажирскую линию. Автобусы начали курсировать между центром и восточной окраиной города по ул.Крестьянской.

22 апреля. После двухмесячного капремонта на пивзаводе вступил в эксплуатацию основной цех фруктовых вод.

В здании Дома пионеров (ул.Первомайская, 29) состоялась 4-я сессия городского Совета депутатов.

29 апреля. На углу улиц Садовой и Госпитальной открылся новый магазин межрайторга.

Городская Доска почета на углу улиц Спортивной и Первомайской (ныне ул.Ленина). Конец 1940-х годов.

Опубликовано решение исполкома городского Совета депутатов трудящихся №165 «Об учреждении Доски почета».

Апрель. На городском рынке перед Первомаем открылось 15 новых киосков, 23 лотка и 6 передвижных тележек. Городские пищевые предприятия вышли на уровень ежедневного выпуска 5 тысяч штук пирожных, 7 тысяч штук пирожков.

На стадионе открыто 7 киосков. Новые киоски появились на улицах Сулинской, Краснофлотской и Московской.

На Черняховском кожзаводе приведены в действие дубильные барабаны, лощильная машина, закончен монтаж приточно-вытяжной вентиляции, установлена паровая сушилка.

На горпромкомбинате к уже имеющимся мастерским прибавились еще 3: столярная, часовая и художественная.

Черняховский леспромхоз стал обеспечивать всех принятых на работу жильем, приусадебными участками, а одиноких еще и постельным бельем.

Открыта детская комната милиции.

Речной порт Черняховска получил 2 теплохода – «Казбек» и «Куйбышев».

1 мая. Черняховский речной порт начал весеннюю навигацию по водной магистрали Черняховск – Калининград.

На углу улиц Первомайской и Спортивной установлена облицованная мрамором городская Доска почета высотой 5 метров. В числе черняховцев, чьи имена были занесены на нее первыми, – стахановцы: В.М. Бульчев, старший машинист углеподъемного крана перевалочной базы; Н.Л. Козлов, грузчик перевалочной базы; А.М. Матвеев, машинист углеподъемного крана перевалочной базы; М.И. Ковалев, старший машинист углеподъемного крана перевалочной базы; В.В. Карасев, слесарь паровозного депо; А.М. Усанов, лесоруб гортопа; П.Т. Барковский, старший машинист паровозного депо; Е.М. Волков, кочегар паровозного депо; Н.П. Ковалевская, заведующая цехом тепловой промывки паровозного депо; В.Я. Пинчук, составитель поездов; Д.С. Бондаренко, составитель поездов; В.В. Евстигнеев, бригадир-слесарь механической бригады строительно-монтажного поезда №133; В.И. Дигун, бригадир по ремонту автомашин автотранспортной конторы; И.В. Виноградов,

шофер автотранспортной конторы; В.Н. Берковский, столяр промартели «Путь в коммуну»; Р.М. Мухина, портниха промартели «Путь в коммуну»; П.П. Саликов, жестянщик-истопник промартели «Путь в коммуну»; В.Р. Ковалевский, столяр ремстройконторы; И.Г. Петрова, грузчица Заготзерна; В.К. Кузмин, плотник; Израиль Ефимович Лопата, начальник автотранспортной конторы; Виктор Федорович Иванов, начальник 5-й дистанции сигнализации и связи Литовской железной дороги; И.Д. Балакин, шофер автотранспортной конторы.

Вступил в строй кондитерский цех в промартели «Путь в коммуну».

К Первомаю на ул. Спортивной дополнительно установлено 8 уличных фонарей. Всего по городу установлено 42 фонаря уличного освещения.

Коллектив вокзала (начальник тов. Глушенко) рапортовал о побелке зала ожидания, очистке перрона, разбивке клумб, установке на площади большого портрета генерала И.Д. Черняховского, увеличении числа прожекторов. Кроме того, на перроне открыт ряд буфетов с продажей горячей пищи пассажирам.

К празднику радиофицированы полностью улицы Московская, Пушкина, Победы, Гумбинненское шоссе, нефтебаза. Всего построено 22 километра радиолиний.

Первомайская демонстрация началась в 12.00 на городском стадионе. Трудящиеся организованно следовали на стадион колоннами по установленным маршрутам. Движение отдельных граждан на стадион с 10.30 до 15.00 воспрещалось. Пищевые предприятия города подготовили подарки для детей – по 200 граммов кондитерских изделий, которые были вручены им в школьных и дошкольных учреждениях.

4 мая. На мясокомбинате начато производство мороженого.

7 мая. Начал курсировать пригородный автобус между Черняховском и Норкиттеном.

8 мая. У вокзала открылась новая парикмахерская на три кресла.

9 мая. Состоялся весенний праздник физкультурников на городском стадионе. В параде приняло участие около 2000 человек.

10 мая. На Привокзальной площади началась закладка фундамента памятника

Спортивный праздник на Черняховском стадионе. Конец 1940-х годов.

В пионерском лагере. Конец 1940-х годов.

генералу И.Д.Черняховскому. Вокруг памятника разбит сквер.

В городском Доме культуры состоялось совещание работников социалистического учета.

15 мая. Контора благоустройства закончила разбивку сквера у Доски почета. Сквер обнесен оградой, засажен цветами и декоративными деревьями.

16 мая. Состоялась первая встреча футбольных команд Черняховска (ДСО «Локомотив») и Советска (спортивное общество «Бумажник»). Счет матча – 2:2. Нашу команду готовил Тхаржевский.

Стартовал традиционный профсоюзно-комсомольский кросс, закончившийся 30 мая. В соревнованиях приняли участие 1200 человек.

18 мая. На пленуме горкома ВЛКСМ за высокие показатели в социалистическом соревновании были вручены Почетные грамоты передовым производственникам-комсомольцам: грузчику погрузо-разгрузочной конторы Кунцевичу, портнихе промартеля «Путь в коммуну» Мухиной и токарю паровозного депо Науменко, который выполнил за рабочий день норму на 401,7%.

20 мая. Состоялось общегородское собрание агитаторов.

25 мая. На ул.Первомайской открыт бакалейно-гастрономический магазин №5 межрайторга.

27 мая. Закончено восстановление шлюзов и гидроузлов на водном канале, по которому в Черняховский порт из Калининграда прибыл первый пароход – «Красная Звезда». Рейс совершен за десять часов.

31 мая. В Доме культуры прошло совещание стахановцев промышленности и транспорта города.

Состоялось заседание городского врачебного общества.

Май. На промкомбинате начала работу новая пилорама.

Открыта новая пассажирская линия Черняховск – Краснознаменск. Автобус Черняховск – Шприндт стал курсировать до 24 часов.

Черняховское дошкольное педучилище, располагавшееся на ул.Луговой (ныне ул.Крупской), 10, объявило прием учащихся. Один из устных вступительных экзаменов – Конституция СССР.

На перевалочной базе создан кружок по изучению биографии Сталина.

Политшкола при парткабинете горкома ВКП(б) выпустила 18 слушателей.

5 июня. Гастроль в Черняховске Русского драматического театра Латвийской ССР открылась спектаклем «О друзьях-товарищах».

7 июня. В день годовщины смерти В.Г. Белинского в районном Доме культуры состоялось собрание интеллигенции города.

В военный совхоз №22/136 прибыла вторая партия переселенцев.

12 июня. Состоялось заседание научно-общества врачей г.Черняховска. На нем присутствовал 31 человек.

25 июня. В городском театре открыт новый, хорошо оборудованный ресторан.

26 июня. В Шприндте начал работать двухсменный пионерский лагерь на 120 человек. В нем отдыхали дети черняховцев в возрасте от 7 до 12 лет. Стоимость одной путевки – 252 рубля. На содержание лагеря отпущено 85 тысяч рублей бюджетных средств.

28 июня. Горсовет передал 5-му отделению Литовской железной дороги помещение Дома культуры.

Июнь. В горбольнице вступила в эксплуатацию механическая прачечная.

Сданы в эксплуатацию 5 стандартных многоквартирных домов для работников 5-го отделения Литовской железной дороги.

В паровозном депо оборудован и сдан в эксплуатацию новый сборочный цех.

При Черняховской горбольнице организован пункт переливания крови.

Пекарня №2 хлебокомбината переведена на выпечку штучного хлеба весом 1 килограмм.

В артели кооперации инвалидов «Звезда» открыта новая швейная мастерская.

На ул.Водопроводной открыта городская ветеринарная лечебница.

При вокзале оборудована портняжно-сапожная мастерская.

В горпромкомбинате открылась радио-мастерская.

На пивзаводе пущена мельница для размола солода, восстановлен большой разливочный агрегат.

В городе создана юношеская футбольная команда из учащихся старших классов.

Состоялся слет пионеров. Секретарь горкома ВЛКСМ по школам тов.Панфилова сделала доклад об итогах года. Лучшим пионерам вручена премия. Всего на премии выделено 800 рублей.

Канал, ведущий от Черняховского речного порта к Преголе. 1950-е годы.

Ул.Первомайская во время первомайской демонстрации. Начало 1950-х годов.

В районе работали сельхозартели: «Прогресс», «Коммунар», «Советская крепость», «На страже» и др.

Конторе благоустройства на озеленение города выделено 85 тысяч рублей. Эти средства использованы для покупки, посадки на улицах, площадях и скверах города 8 тысяч деревьев. Восстановлены две оранжереи.

По итогам учебного года школу №1 (директор Александр Парамонович Камзолов) с золотой медалью окончили 3 человека: Анатолий Грищенко, Валентина Ефимова, Георгий Иоссель. Всего аттестаты получило 30 выпускников.

1 июля. Начались регулярные рейсы почтовых самолетов из Калининграда в Советск, Черняховск и Нестеров по доставке писем, а также центральных и областных газет в день их выхода.

Завершены противомалырийные мероприятия в городском парке. Очищены два водоема площадью в 4 гектара.

4 июля. Черняховские учащиеся приняли участие в областной спартакиаде школьников.

6 – 11 июля. В городском театре проходили гастроли Центрального театра Красной Армии (позже Центральный академический театр Советской Армии), худо-

жественным руководителем которого являлся лауреат Сталинской премии, народный артист СССР А.Д. Попов. До 11 июля черняховскому зрителю были представлены жизнерадостная комедия основоположника испанской национальной драматургии Лопе де Вега «Учитель танцев», драма Алексея Арбузова «Встреча с юностью» и другие пьесы. Звездами театральных вечеров были заслуженные артисты РСФСР Владимир Михайлович Зельдин (исполнитель главной роли в популярнейшем тогда кинофильме «Свинарка и пастух») и Любовь Ивановна Добржанская. Завершая гастроли, московские артисты выступили на местном радио с концертом.

21 июля. При Черняховском райпо организована заготовительная контора.

23 июля. Начались гастроли Республиканской русской хоровой капеллы.

30 июля. В Черняховск приехала народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии Любовь Петровна Орлова. Свои трехдневные гастроли Любовь Орлова начала с выступления перед общественностью. В общей сложности она дала три концерта (один из них для детей), на которых побывали 2,5 тысячи горожан.

Парад на Первомайской пл. (ныне пл.Ленина). Начало 1950-х годов.

Артистка исполняла романсы А.С. Даргомыжского и П.И. Чайковского, песни из кинофильмов: «Веселые ребята» («Песня Анюты»), «Волга-Волга» («Молодежная»), «Цирк» («Лунный вальс», «Колыбельная», «Номер на пушке»), «Весна» («Журчат ручьи»), «Светлый путь» («Сцена волшебного зеркала»). В гастрольной поездке Орлову сопровождали солист Московской государственной филармонии Лев Николаевич Миронов, артистки Мария Азарина и Ольга Валентинова.

Июль. На городском стадионе прошли соревнования на личное первенство по многоборью ГТО.

При Черняховском ДOME культуры железнодорожного узла (ул.Загородная, 6) открылась студия сценического балетного танца. Студией руководила солистка Киевского театра оперы и балета М.А. Шаповалова.

В городе имелись 1 газетный киоск и 12 витрин для газет.

15 августа. В городском театре состоялся творческий вечер дважды лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР Николая Константиновича Симонова.

20 августа. В пищекомбинате вступил в строй новый кондитерский цех.

26 августа. Кузнец паровозного депо Чабан и его напарник, молотобоец Пилюгин, выполнили сменное задание на 526%.

Состоялся массовый комсомольский субботник по расчистке территории от мусора для постройки стены на углу улиц Первомайской и Спортивной и засыпке котлована во дворе средней школы №1.

26 – 27 августа. В школе №1 проходила конференция учителей города.

Август. В помощь подшефным колхозам силами трудящихся города были организованы два «красных обоза» (14 автомашин, 500 человек) для вывозки хлеба на элеватор. У элеватора для приезжающих были оборудованы буфет и передвижная библиотека.

В пекарне №3 установлена новая тестомешальная машина.

Восстановлена столовая на ул.Садовой.

Черняховская городская контора благоустройства в качестве противомалярийных мероприятий ликвидировала заболоченные местности в черте города, засыпав их грунтом на площади 1200 кв.метров.

Рядом с городским театром открылся стрелковый тир.

На горпромкомбинате начался серийный выпуск стульев рижского образца.

4 сентября. Начались гастроли Псковского государственного областного драматического театра имени А.С. Пушкина. Театр гастролеровал в Черняховске в течение полутора месяцев. Помимо спектаклей, артисты театра дважды выступили на местном радио.

В Доме культуры состоялось городское собрание интеллигенции.

Сентябрь. В городской больнице начал работать родильный дом.

Речниками Неманского речного пароходства полностью восстановлена водная магистраль Черняховск – Гвардейск. Из Черняховского речного порта (начальник А. Данилов) водным путем можно было попасть в Гвардейск, Советск, Неман, Полесск, Калининград, Клайпеду, Каунас и Ленинград.

На мясокомбинате в пирожковом цехе установлена мощная электромясорубка, в колбасном – кутор для дальнейшего размягчения фарша.

В помещении крытого рынка открыта закусочная для колхозников.

Состоялась 5-я профсоюзная конференция работников железнодорожного узла.

Рабочие строительного-монтажного поезда: бригадир плотников Борисов, столяр-стекольщик Свердлов и плотник Лобанов – награждены знаком «Отличный восстановитель».

Горпищекомбинат освоил варку брусничного варенья, заготовив 600 килограммов.

На городскую Доску почета занесены новые имена передовиков производства: А.В. Семеняк, работник кожзавода; В.В. Иванец, рабочий кожзавода; П.М. Михайлов, начальник водонасосной станции горводопровода; И.А. Эрдман, бригадир хлебокомбината; А.А. Мутовкин, начальник цеха пищекомбината; А.М. Нежура, столяр горпромкомбината; М.М. Алексеевский, столяр горпромкомбината; М.Ф. Дмитричев, столяр горпромкомбината; А.А. Ермаков, начальник мясожирового цеха мясокомбината; К.З. Каптур, мастер ремонтной службы «Горэлектро»; М.И. Гладиллин, мастер аварийной службы «Горэлектро»; А.С. Кузьмина – грузчица; М.Т. Кудряшев, старший сушильный мастер; Н.С. Быстрова, заведующая хлебным магазином №2; А.В. Александров, старший кассир отдела Госбанка; Н.Г. Ходенко, грузчик углеперевалочной базы; В.Я. Пинчук,

Гвоздильно-сеточный завод. 1950-е годы.

составитель поездов; И.И. Красноперов, путевой обходчик; К.И. Горбунов, дорожный мастер; Н.Г. Сорокоумов, составитель поездов; А.А. Криворогов, слесарь; Р.М. Мухина, мастер-швея; А.А. Калачев, ведущий весоремонтной мастерской.

Награды войны нашли своих героев: орден Ленина вручен Г.П. Иванченкову, орден Красной Звезды – И.С. Тюшеву, П.П. Миненкову, Н.С. Савенко.

«Медалью материнства» 1-й степени награждена тов.Гунина, родившая и воспитавшая шестерых детей.

В футбольном чемпионате на переходящий кубок, в котором принимали участие 8 команд, победила сборная тов.Кошевого.

Решением исполкома Черняховского городского совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью» запрещено пребывание детей до 14 лет на киносеансах позже 22 часов. В клубах, садах, парках в вечернее время несовершеннолетним разрешено появляться только в сопровождении родителей или лиц, их заменяющих.

В Доме пионеров организованы новые кружки – радиокружок и стрелковый.

1 октября. Артисты Псковского государственного областного драматического театра имени А.С. Пушкина встретились с учащимися Черняховского дошкольного педагогического училища. На встрече хор учащихся исполнил «Кантату о Сталине».

Начал работу гвоздильно-сеточный завод.

10 октября. Преподаватели и учащиеся Черняховского дошкольного педагогического училища обратились с призывом ко всему населению города сделать Черняховск городом-садом, городом высокой культуры древонасаждений, городом липовых, березовых и каштановых аллей.

10 – 18 октября. В Черняховске проходила сельскохозяйственная выставка в целях популяризации опыта в сельскохозяйственном производстве, распространения лучших достижений по урожайности полевых культур, огородничества и садоводства.

Октябрь. Коллектив педучилища провел Неделю сада. Благоустроен сквер у Доски почета, произведена планировка 1440 кв.метров

Первый памятник И.Д. Черняховскому. 1948 год.

земельной площади, обустроены дорожки, клумбы, высажено около 1000 кустов сирени.

7 ноября. В Черняховске на Привокзальной площади открыт первый памятник генералу армии И.Д. Черняховскому – мраморный обелиск с барельефом полковника.

11 ноября. Образован отдел сельского и колхозного строительства.

15 ноября. Кожзавод наладил пошив новой обуви и изготовление столярного клея.

Ноябрь. На ул.Первомайской, во дворе здания, где теперь располагается магазин «Мебель», открылась топливораздаточная колонка. С нефтебазы бензин возили в бочках, машины заправлялись вручную.

26 декабря. Состоялись первые выборы народных судей. Народным судьей района был избран Николай Степанович Макаров.

Декабрь. Создан городской комитет Красного Креста. Председатель комитета – В. Кочеткова.

За 1948 год в городе посажено 14 тысяч деревьев и кустарников, отремонтировано 17 жилых домов.

По сравнению с 1947 годом рождаемость в городе увеличилась на 14%.

Ул.Садовая у колхозного рынка и Театральной пл. (за площадью видны руины Тиволи-театра). 1950-е годы.

1949

25 – 27 января. В Калининградской области в ночное время наблюдалось редкое для нашего края явление – северное сияние.

26 января. Редакцией городской газеты «Коммунист» был объявлен первый в Черняховске литературный конкурс.

Январь. Горпромкомбинат освоил производство гончарных изделий: молочных крынок, макитр, кувшинов, цветочных горшков и др.

Утильцех мясокомбината, после анализа выпущенной в предыдущем месяце пробной продукции, приступил к массовой выработке хозяйственного мыла.

В школе №2 начал работать родительский университет.

Автотранспортная контора города выделила автомашину для грузового такси.

При городском театре организован кружок художественной вышивки, в котором занималось 30 человек.

16 февраля. Черняховск посетила бригада мастеров спорта СССР, приехавших в Калининградскую область с целью пропаганды спорта и ознакомления спортивной общественности с крупнейшими достиже-

ниями советского спорта на международной арене. В составе бригады: пятикратный чемпион СССР по боксу, заслуженный мастер спорта Анатолий Грейнер; шестикратный чемпион СССР по боксу, мастер спорта Лев Сегалович; абсолютный чемпион страны по гимнастике, заслуженный мастер спорта Леонид Тимошек; чемпион СССР по борьбе, мастер спорта Александр Мазур и экс-чемпион страны Сенаторов.

Февраль. В ДКЖ работало 6 кружков: драматический, хоровой, хореографический, духовой оркестр, детская балетная студия и музыкальная школа. Художественный руководитель ДКЖ – Р. Шаповалов.

21 марта. Создано первое в Черняховске литературное объединение при редакции городской газеты «Коммунист». На организационном собрании присутствовало 18 человек – увлеченные литературой черняховцы, по большей части участники проведенного газетой в феврале-марте литературного конкурса. Многие из этих молодых людей еще не сняли фланелевую гимнастерку.

26 марта. Несколько позже намеченного срока состоялось официальное открытие Дома культуры железнодорожников с залом на 600 мест, киноустановкой, новой мебелью.

Черняховский колхозный рынок. 1949 год.

Занятия в кружках начались еще в феврале. Ремонт здания производился работниками железнодорожной станции Инстербург. На первом этаже разместились зрительный зал, кафе, буфет и гардеробная, на втором – городская библиотека и техническая библиотека железнодорожников, на третьем – лекционный зал на 150 мест и технический кабинет, а также комната для репетиций кружков художественной самодеятельности. В день открытия состоялась читательская конференция по книге Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке».

Март. В дошкольном педагогическом училище организован кружок фотографии и экранизации. Руководитель кружка – Э.Г. Григорьева.

Женщины-домохозяйки взяли шефство над общежитием 5-й дистанции пути.

20 – 25 апреля. В Доме культуры железнодорожников проходил первый смотр художественной самодеятельности района. В смотре приняло участие около 300 человек. Жюри отметило отличную подготовку хора дошкольного педучилища, художественной самодеятельности ДКЖ и Дома пионеров.

Апрель. В военный совхоз №22/136 прибыла третья партия переселенцев

из Смоленской, Калужской, Брянской областей.

Расформирован лагерь НКВД для военнопленных в пос.Маёвка.

16 мая. В Черняховске стартовал профсоюзно-комсомольский кросс, в котором приняло участие более тысячи спортсменов. По итогам кросса лучшие результаты показали легкоатлеты городской больницы.

18 мая. Состоялась 1-я городская конференция ДОСАРМ (Добровольного общества содействия армии).

21 мая. Состоялась 1-я областная конференция Добровольного общества содействия авиации.

31 мая. В Доме пионеров состоялась 1-я городская конференция ДОСФЛОТ (Добровольного общества содействия флоту).

Май. В городском театре выступил ансамбль песни и пляски народов Кавказа.

Открылась новая автобусная линия протяженностью 13 километров от пос.им.Чапаева до Краснофлотских дач.

При городском театре открылась переплетная мастерская.

Городское добровольное общество содействия Военно-Морскому флоту взялось за восстановление лодочной станции.

На Привокзальной площади сооружена Доска почета железнодорожников по проекту главного инженера 5-го отделения Литовской железной дороги Мельникова.

Коллектив гвоздильно-сеточного завода освоил выпуск кроватной сетки.

В промартели «Путь в коммуну» начала работу скульптурная мастерская.

1 июня. Решением горисполкома за подписью председателя Н.Г. Зиновича открыт Черняховский колхозный рынок.

6 июня. В городском театре состоялся вечер, посвященный 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Июнь. На станции Инстербург начал работать кружок радистов.

В полуразрушенном здании приступил к выпуску своей первой продукции молочный завод. Из оборудования в то время был в наличии только лишь бочковый маслоизготовитель емкостью в 100 литров. Холодильное оборудование состояло из одного компрессора. Котельная едва обеспечивала хозяйство паром.

Август. В Черняховской библиотеке создано 7 библиотечек-передвижек: в горпром-

комбинате, МТМ, хлебозаводе, горэлектростроительно-монтажном поезде, промартели «Путь в коммуну» и на дистанции пути.

Городской хлебокомбинат выпустил 15 видов продукции, освоив в предшествующее время производство саек и сухарей.

Возле городского Дома пионеров комсомольцы разобрали развалины дома, засыпали котлован и расчистили пустырь под спортплощадку.

Оранжея вырастила 20 тысяч корней цветов.

Железнодорожники Черняховского железнодорожного узла и рабочие Гусевского леспромхоза отправили подарок рабочим Донбасса – сквозной маршрут крепёжного леса. На вагонах были расклеены лозунги и плакаты.

На станции Черняховск выпущен первый номер стенной фотогазеты.

В паровозное депо прибыло молодое пополнение – 8 помощников машиниста, окончивших Каунасскую школу машинистов.

18 сентября. 300 школьников вышли на работу в сквер у строящегося памятника погибшим воинам. Учащиеся 1-й школы

Фонтан в сквере у памятника погибшим воинам (ул. Спортивная). 1-я половина 1950-х годов.

Памятник погибшим воинам на братской могиле (ул. Спортивная). 1950-е годы.

очистили большую площадь и вынесли 43 кубометра кирпичей, учащиеся 4-й школы убрали 1 тонну металлолома.

Сентябрь. Горпищекомбинат, имевший 6 гектаров плодового сада, расширил его на 10 гектаров.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за выслугу лет и безупречную работу награждены учителя железнодорожной школы: А.М. Серебрякова – медалью «За трудовую доблесть», Т.И. Маркова – медалью «За трудовое отличие». Министр путей сообщения СССР Бещев прислал правительственную телеграмму, в которой поздравил награжденных.

В горбольнице оборудована волейбольная площадка. В отделениях созданы 8 женских волейбольных команд и 1 мужская.

В ДКЖ состоялось городское собрание интеллигенции, посвященное 100-летию со дня рождения великого русского ученого И.П. Павлова.

При женской консультации организована школа матерей.

На гвоздильно-сеточном заводе создана первичная партийная организация. Секретарем избрана тов. Матюшина.

На станции Черняховск выпускается сатирическая стенная газета «Крокодил».

Горпищекомбинат освоил производство квашения капусты и засолки помидоров. Также освоен выпуск мармелада из свежих фруктов и шоколадных конфет.

В городском театре коллектив художественной самодеятельности (художественный руководитель Р. Гольдвер) показал первый большой концерт. Драматический кружок работает над пьесой Константина Тренева «Любовь Яровая».

В вагонное депо прибыли 33 новых специалиста, закончивших ремесленное училище.

В прохождении в ДКЖ городском шахматном турнире приняли участие 16 лучших шахматистов Черняховска, 1-е место занял товаровед торгова тов. Иванов.

10 октября. После капитального ремонта открылась Детская музыкальная школа, вторая в Калининградской области. В ней было всего 3 преподавателя и около 50 учеников. Самое большое количество учащихся занималось на фортепианном отделении.

В Черняховске открыта автобусная станция.

В городской библиотеке организован литературный кружок, которым руководит заведующая читальным залом В.С. Дорошенко.

Водонапорная башня на ул. Спортивной. 1960(?) год.

Черняховская автостанция. 1957 год.

7 ноября. Состоялось торжественное открытие мемориального комплекса погибшим воинам, установленного на высоком берегу Анграпы над братской могилой. Памятник представляет собой гранитный обелиск в форме 13-метрового штыка, увенчанного звездой, с двумя скульптурными группами у подножия. Автор – скульптор О.Н. Закаменный.

15 ноября. Коллектив горпромкомбината приступил к изготовлению полумягких дубовых стульев, предназначенных для продажи населению.

24 ноября. В результате реорганизации органов внутренних дел были созданы Гусевский, Советский и Черняховский отделы милиции.

Ноябрь. В городе стали курсировать легковые такси марки «Победа», выпущенные Горьковским автозаводом.

В поезде убит первый председатель колхоза «Калужский» М.Ф. Хлюстенков.

Открыт магазин спортивного инвентаря и спортивной одежды.

Черняховский пивзавод расширил выпуск безалкогольной продукции, реализуя населению напитки апельсиновый, вишневый, мандариновый и малиновый, а также крем-соду.

В ДКЖ состоялся вечер-встреча молодых стахановцев Черняховска.

Горпромкомбинат построил свой клуб со зрительным залом.

Коллектив гвоздильно-сеточного завода вместо плановых 5 сортов гвоздей выпустил в этом году 12, а также освоил производство одинарной и полуторной сетки.

После капитального ремонта открыт новый зал для междугородных телефонных переговоров.

Декабрь. В городе действует 12 промышленных предприятий. Лучшие из них – горпищекомбинат, горпромкомбинат, маслозавод и мясокомбинат. Промышленность города выполнила годовой план на 125% и вышла на одно из первых мест в Калининградской области. Сверхплановой продукции выпущено более чем на 7 миллионов рублей.

1950

1 января. В первый день Нового года горводопроводом введена в строй новая скважина.

2 января. На гвоздильно-сеточном заводе бригада волочильщиков, возглавляемая тов.Стельмах, выдала 400 килограммов

проводами сверх плана, а сеточница тов.Максимова вместо положенной нормы – 5 погонных метров заборной сетки – выработала 11.

Февраль. В Черняховский, Славский, Советский и Нестеровский районы прибыли переселенцы из Орловской области.

На горпищекомбинате велась заготовка льда на летний период (только за один день заготавливалось 150 кубометров).

В газете «Коммунист» начинает работать бывший узник фашистских концлагерей и будущий писатель Всеволод Остен.

3 марта. Стартовала областная звездная эстафета. Вся область была поделена на отдельные зоны. В Черняховск были доставлены рапорты об успехах Нестеровского, Гусевского, Черняховского и Озерского районов. Из Черняховска команда мотоциклистов доставила рапорты в областной центр.

18 марта. В Черняховск поделиться опытом приехали представители коммунальных организаций г.Советска.

23 марта. На ул.Пионерской открылся цветочный киоск: в нем продавались цветы, выращенные в городской оранжерее.

Март. На маслозаводе (директор Н. Гольдберг) вступил в строй цех по изготов-

лению мороженого. В первый день его работы было выпущено 200 килограммов новой продукции. Закончены монтажные работы в цехе сгущенного молока.

Продукция гвоздильно-сеточного завода направляется в города Калининградской области, а также в Москву, Тулу, Тамбов, Ижевск, Златоуст, Брест и другие города страны.

Молодежь города обустроила сквер возле городской Доски почета, посадила липы на ул.Луговой и декоративные кустарники у средней школы №1.

Жильцы домоуправления №1 на воскреснике на ул.Карла Маркса посадили за день свыше 600 кустов, 10 деревьев, заложили 10 проемов.

Коллектив горэлектро взял шефство над колхозом им.Тельмана и провел в артель электролинию.

При городской детской библиотеке работают библиографический и литературный кружки.

8 апреля. Черняховские мотогонщики выезжали на областные соревнования в Калининград.

25 апреля. Принято Постановление Совета Министров СССР «О неудовлетворительном хозяйственном устройстве

Памятник А.С. Пушкину у автостанции. 1950-е годы.

Вокзал станции Черняховск. Конец 1950-х годов.

переселенцев в колхозах Калининградской области».

Апрель. На ремонт и благоустройство стадиона райпрофсоюз 5-го отделения железной дороги получил 100 тысяч рублей. Планируется обнести стадион оградой, отремонтировать трибуны и поставить новые скамейки.

В районе действуют добровольные спортивные общества: «Локомотив», «Спартак» и «Большевик».

При конторе благоустройства открыта скульптурная мастерская, где работает молодой скульптор Мария Прокофьева.

Началось строительство нового вокзала. От прежнего после войны остались только стены, осколками сильно поврежден навес пассажирской платформы. Из-за выведенной из строя канализации уцелевший тоннель долгое время был залит водой.

5 мая. В Доме культуры железнодорожников прошло городское собрание партийного, советского и рабкоровского активов, посвященное Дню большевистской печати. С отчетным докладом о работе редакции газеты «Коммунист» выступил тов. Ухмаков, с сообщением о работе областной газеты «Калининградская правда» –

тов. Жмылев, в прениях – начальник управления водоканализации тов. Корвейт, директор пищекомбината тов. Асташенко, заместитель председателя горисполкома тов. Приезжев, заведующий отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б) тов. Скобелев и др.

7 мая. На городском стадионе состоялось открытие летнего спортивного сезона. Оно сопровождалось парадом физкультурников, спортивными играми и массовым гулянием.

15 мая. В школе №1 начал работу радиоузел, оборудованный кружковцами-радиолюбителями.

27 мая – 9 июня. В Черняховске проходили соревнования между стрелковыми кружками первичных организаций ДОСАРМ, в которых приняли участие 26 команд. Лучшими стрелками стали спортсмены 5-го отделения Литовской железной дороги, средней школы №1 и горисполкома.

Май. Черняховский маслозавод приступил к регулярному производству кефира. Если в 1949 году завод выпускал только масло и творог, то в 1950 году – уже 16 видов молочной продукции.

Через станцию Черняховск следуют поезда: Москва – Калининград (ежедневно),

Бюст И.Д. Черняховского в сквере на углу улиц Первомайской и Железнодорожной. 1950-е годы.

Рига – Калининград (по нечетным дням), Вильнюс – Калининград (по четным дням), Каунас – Балтийск (ежедневно), Радвилишкис – Железнодорожный (ежедневно), Черняховск – Вирбалис (два раза в сутки), Черняховск – Гусев (два раза в сутки), Черняховск – Краснолесье (два раза в сутки)

5 июня. В Черняховске состоялась межрайонная конференция медицинских работников. В город съехались врачи из Нестеровского, Гусевского и Озерского районов.

13 июня. На городском стадионе проводились массовые гуляния пионеров и школьников с играми, аттракционами и спортивными соревнованиями.

Июнь. Заканчивается строительство фабрики-кухни, которая должна обслуживать 200-250 человек в час и выпускать широкий ассортимент блюд, а также копченые и вареные колбасы.

Специальной бригадой конторы благоустройства высажена 21 тысяча цветочных корей.

На ул.Пионерской началось строительство жилого дома. Новый дом на 50 квартир возводится и на ул.Пушкина. Строительство ведет строительско-монтажный поезд.

Политотделом 5-го отделения Литовской железной дороги подготовлена к выпуску световая газета для демонстрации в Доме культуры железнодорожников перед киносеансами.

Создано районное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В состав отделения общества вошли 4 лектора.

4 июля. В городском театре начался городской шахматный чемпионат, в котором приняли участие 8 лучших шахматистов Черняховска, имевших 2-ю всесоюзную категорию.

7 июля. Выдающийся венгеро-советский шахматист, международный гроссмейстер Андор (Андрэ Арнольдович) Лилиенталь прочитал в городском театре лекцию о шахматной игре и провел сеанс одновременной игры на 40 досках. До встречи с черняховцами знаменитый гость провел сеанс одновременной игры с калининградскими мастерами.

12 июля. На «Литературной среде» – занятии литературной группы при газете «Коммунист» – самодеятельные авторы Черняховска обсудили рассказ Николая Белана «Перемены».

15 июля. В городе начались гастроли Ленинградского государственного театра комедии с постановки пьесы Ц. Солодаря «Летний день».

23 июля. В Доме пионеров открылся пионерский лагерь для 40 детей рабочих и служащих предприятий города.

26 июля. В Черняховск на гастроли приехал народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Игорь Владимирович Ильинский, выступивший в городском театре с чтением рассказов А.П. Чехова и стихов С.Я. Маршака и В.В. Маяковского.

30 июля. На стадионе «Локомотив» состоялось массовое гуляние, посвященное празднованию Сталинского Дня железнодорожников. В программе дня – спортивные соревнования, футбольный матч, настольные игры, аттракционы, концерт. Главный инженер 5-го отделения Литовской железной дороги тов.Мельников прочитал доклад «О Сталинском Дне железнодорожников».

Июль. Проведено укрупнение колхозов Черняховского района: вместо 49 их стало 12.

13 августа. Прошел массовый воскресник по оказанию помощи колхозам и совхозам района в уборке урожая.

20 августа. Артисты Ленинградского Государственного театра эстрады показали черняховцам литературно-сценический монтаж по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

27 – 28 августа. В Черняховске проводились областные соревнования на лично-командное первенство по многоборью ГТО. В упорной борьбе 1-е общекомандное место заняли многоборцы Черняховска.

Август. В соревнованиях по авиамodelьному спорту в Калининграде юные члены авиамodelьного кружка Черняховского Дома пионеров Витя Злаков, Боря Матвеев, Витя Мирошниченко и Витя Пискунов со своими моделями показали лучшие результаты.

На территории городского рынка открылся новый посудо-хозяйственный магазин.

4 сентября. В Черняховске начались гастроли Житомирского Государственного Украинского драматического музыкального театра.

11 сентября. Водным транспортом рабочие речной пристани г.Черняховска под руководством тов. Данилова отправили

Спортивный праздник на городском стадионе. Середина 1950-х годов.

Сцена из спектакля по пьесе Б. Лавренева «Голос Америки». Дом офицеров. Осень 1950 года.

497 тонн различных грузов, что составило 1000% дневного плана.

20 сентября. В газете «Коммунист» появляется первая публикация начинающего журналиста и будущего писателя Анатолия Лунина.

7 – 8 октября. В городском театре выступил артист оригинального жанра, гипнотизер Вольф Мессинг.

Октябрь. К Всесоюзному смотру художественной самодеятельности драматический коллектив городского театра под руководством режиссера Игоря Петровича Криворучко готовит постановку пьесы Б. Лавренева «Голос Америки», а драматический кружок ДКЖ работает над спектаклями по произведениям А. Корнейчука («Платон Кречет») и В. Гусева («Слава»).

Колхозники сельхозартели им.Молотова открыли на рынке свой ларек по продаже сельскохозяйственной продукции.

Бригада молодых рабочих горпищекомбината, возглавляемая техноруком тов.Бабенко, собрала 2000 килограммов грибов.

Закончен монтаж сушильного цеха на кожевенном заводе.

На ул.Победы путейцы железнодорожного узла построили двухэтажный 16-квартирный дом.

В инструментальной кладовой горводопровода имеется свыше 250 наименований инструментов. На каждый вид инструментов заведена специальная картотека.

В рамках месячника распространения книг населению магазин книготорга и киоски продали более 10 тысяч книг.

1 ноября. Завершено перезахоронение погибших в Великой Отечественной войне воинов из отдельных могил в братскую.

5 ноября. На Привокзальной площади, на месте первого памятника генералу армии И.Д. Черняховскому, установлен бюст героя работы Марии Прокофьевой, молодого скульптора городской конторы благоустройства.

7 ноября. Праздничную демонстрацию в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции открыла колонна учащихся во главе с начальной школой №2. На транспарантах и лозунгах было написано: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» В демонстрации участвовало более 10 тысяч человек.

Кинотеатр «Ударник». 1950-е годы.

7 – 8 ноября. В Черняховске выступал Ансамбль песни и пляски Советской Армии под управлением Б.А. Александрова – дирижера, композитора, лауреата Государственной премии СССР, автора любимой многими оперетты «Свадьба в Малиновке» и других музыкальных произведений.

Ноябрь. По местному радиовещанию состоялась трансляция концерта хорового кружка дошкольного педагогического училища (руководитель Н. Шахин).

Новый вид конфет – «Яблоко» – появился в магазинах города. Этикетку оформил мастер-новатор горпищекомбината А.В. Новиков.

Закончилось строительство нового хлебозавода. Произведено испытание первых печей.

Во время месячника книги, с 7 октября по 7 ноября, служащие города приобрели 2400 экземпляров книг с произведениями В.И. Ленина и И.В. Сталина.

Три дня в г.Калининграде продолжались областные соревнования членов

ДСО «Большевик» по волейболу и баскетболу. Черняховская женская сборная по баскетболу стала лучшей в области, мужчины-баскетболисты заняли второе место.

22 – 24 декабря. Состоялся смотр достижений коллективов художественной самодеятельности.

Декабрь. С большим успехом прошли гастроли Московского театра музыкальной комедии.

Начались гастроли Ансамбля русской народной песни и танца Московской областной филармонии под управлением заслуженного артиста РСФСР В.С. Арсеньева.

В Черняховск прибыл передвижной вагон-клуб технической пропаганды Дома техники Литовской железной дороги.

С начала года населению реализовано 125 тысяч книг с художественными произведениями.

В кинотеатрах города побывало более полумиллиона человек – в 2 раза больше, чем в 1949 году.

ОНИ ВОЗРОЖДАЛИ КРАЙ

Страницы Именной книги организаторов становления и развития Калининградской области

15 мая 2000 года на областном собрании ветеранов Калининградской области было принято решение учредить Именную книгу организаторов становления и развития Калининградской области, избрать оргкомитет по ее подготовке и изданию. В 2002 году она увидела свет. В нее внесены имена и тех, кто в свое время поднимал Черняховский район. Это ветераны труда, ветераны становления области. Кого-то из них уже нет с нами, кто-то и ныне живет и здравствует. Кто-то длительное время жил в нашем городе, для кого-то он был одной из страниц биографии. В любом случае вклад каждого из этих людей в общее дело весом и значим.

Анищенко Виктор Андреевич – заведующий отделом Неманского горкома КПСС, заместитель председателя Неманского горисполкома, второй секретарь Неманского горкома КПСС, председатель Неманского горисполкома, заместитель председателя Черняховского горисполкома, заместитель начальника управления сельского хозяйства облисполкома. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Баско Константин Федорович – командир 16-й гвардейской Карачевской ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии, командир 1-й танковой дивизии. Генерал-майор. Награжден многими орденами и медалями.

Биленко Евгения Михайловна – заведующая отделением Черняховского педучилища, заведующая кабинетом политпросвещения Черняховского горкома КПСС, консультант, заместитель заведующего Домом политпроса, заведующая партийным архивом обкома КПСС. Награждена двумя медалями СССР и знаком Историко-архивного института Министерства обороны «Активному участнику поисков защитников Родины, погибших в годы Великой Отечественной войны».

Васильковская Тамара Францевна – доярка совхоза «Гремяченский» Черняховского района. Герой Социалистического Труда. Награждена орденами Ленина, «Знак Почета», медалями.

Вербицкий Валентин Васильевич – начальник Черняховского локомотивного депо, второй секретарь Черняховского гор-

кома КПСС, заведующий отделом обкома КПСС, первый заместитель председателя облисполкома. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Довгий Андрей Антонович – директор совхоза «Побединский», заместитель председателя Большаковского райисполкома, председатель Железнодорожного райисполкома, первый секретарь Нестеровского райкома партии, первый секретарь Черняховского горкома КПСС, генеральный директор областного производственного объединения молочной промышленности. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Долгополов Николай Васильевич – заместитель начальника Черняховского вагонного депо, второй, первый секретарь Черняховского горкома КПСС, заместитель начальника производственного строительного-монтажного объединения «Калининградстрой». Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Дубасов Владимир Петрович – слесарь, кочегар, помощник машиниста Черняховского паровозного депо, инструктор Черняховского горкома КПСС, заместитель председателя Черняховского горисполкома, второй секретарь Черняховского горкома КПСС, председатель Черняховского горисполкома, первый секретарь Черняховского горкома КПСС. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

1-й секретарь ГК КПСС
Владимир Петрович Дубасов. 1984 год.

Зайцева Вера Алексеевна – бригадир совхоза «Калининградский» Черняховского района. Награждена орденом Ленина, медалями.

Зарубецкий Сергей Иванович – начальник Черняховского райотдела МГБ, заместитель начальника 2-го отдела, заместитель начальника Управления комитета госбезопасности по Калининградской области. Награжден многими орденами и медалями СССР, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Зенкин Петр Алексеевич – секретарь Черняховского горкома КПСС, инструктор обкома КПСС, первый секретарь Московского райкома КПСС, первый секретарь Черняховского горкома КПСС, председатель областного совета профсоюзов. Награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Илларионов Афанасий Терентьевич – первый секретарь Черняховского горкома КПСС, первый секретарь Гусевского гор-

кома КПСС. Награжден орденами Ленина, «Знак Почета», медалями.

Ильиных Павел Петрович – заместитель директора Славской МТС, заведующий отделом, секретарь Большаковского райкома партии, председатель колхоза им.Кирова Славского района, секретарь, второй секретарь Черняховского горкома КПСС, первый секретарь Озерского райкома КПСС, начальник управления по охране государственных тайн в печати. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Калмыкова Анна Николаевна – главный инженер Черняховского, Багратионовского, Советского мясокомбинатов, главный инженер управления пищевой промышленности совнархоза, главный инженер областного управления мясо-молочной промышленности, секретарь областного Совета профсоюзов. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Кашников Василий Макарович – механизатор колхоза «Знамя Ильича» Черняховского района. Награжден орденом Ленина, медалями.

Кимберг Геннадий Семенович – инженер Черняховского линейно-технического узла связи, главный инженер Калининградского эксплуатационно-технического узла связи, главный инженер, начальник областного узла связи. Награжден орденом «Знак Почета», медалями, в том числе золотой медалью ВДНХ.

Ковалева Елизавета Ивановна – директор Пушкиревской начальной школы Черняховского района. Отличник народного просвещения СССР. Герой Социалистического Труда.

Кочетов Геннадий Федорович – старший агроном областной конторы Главзаготзерно, инспектор, начальник отдела областной конторы Заготзерно, инструктор обкома КПСС, секретарь Озерского райкома КПСС, заместитель начальника Черняховского территориального производственного колхозно-совхозного управления, председатель Славского райисполкома, первый секретарь Славского райкома КПСС, начальник областного управления

хлебопродуктов. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями.

Кравец Михаил Зиновьевич – врач железнодорожной больницы г.Черняховска, ординатор, заведующий лабораторией, заведующий ревматологическим отделением, заведующий кардиологическим отделением областной больницы. Заслуженный врач РФ. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Кравченко Валентин Иванович – инженер, начальник участка, старший прораб Багратионовской ММС, главный инженер, начальник Гусевского управления осушительных систем, директор Правдинской ММС, второй секретарь Правдинского райкома КПСС, председатель Правдинского райисполкома, председатель Черняховского горисполкома, главный инженер объединения «Калининградмелиорация». Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Кузнецов Борис Григорьевич – учитель, директор Каменской средней школы Черняховского района, заведующий отделом Неманского горисполкома, заведующий отделом Неманского горкома КПСС, лектор, заместитель заведующего отделом, заведующий отделом обкома КПСС. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Куприянов Иван Михайлович – управляющий отделением совхоза «Междуречье» Черняховского района. Награжден орденом Октябрьской Революции, медалями.

Логинов Василий Андреевич – первый секретарь Черняховского горкома ВЛКСМ, первый секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь, первый секретарь Черняховского горкома КПСС, заместитель председателя облисполкома, второй секретарь обкома КПСС, председатель облисполкома. Избран делегатом пяти съездов КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Лунин Анатолий Алексеевич – ответственный секретарь газеты «Коллективист» Ладушкинского района, ответственный секретарь Черняховской межрайонной газеты

«Знамя труда», редактор газеты «Идеи Ильича» Полесского района, инструктор, заместитель заведующего отделом обкома КПСС, заместитель редактора газеты «Калининградская правда», редактор газеты «Маяк». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

Миронов Иван Игнатьевич – секретарь парторганизации колхоза «Вперед», директор Заветинской семилетней школы Черняховского района, инструктор, заведующий отделом, второй секретарь Черняховского райкома КПСС, председатель Черняховского райисполкома, первый секретарь Ладушкинского райкома КПСС, заместитель начальника Краснознаменского производственного колхозно-совхозного управления, начальник управления сельского хозяйства Черняховского района, председатель Черняховского горисполкома, заместитель начальника Черняховского племобъединения. Награжден орденом Ленина, Трудового Красного Знамени, медалями, в том числе Большой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Наконечный Анатолий Семенович – директор Черняховского, Советского, Гусевского хлебокомбинатов, директор Калининградского хлебозавода №1, секретарь обкома профсоюза работников пищевой промышленности.

Нитченко Василий Иванович – механизатор Черняховского конного завода. Награжден орденом Ленина, медалями.

Петов Хамзет Закирович – начальник ширпотреба Черняховского лесхоза, заведующий отделом, заместитель председателя Черняховского горисполкома, секретарь Черняховского горкома КПСС, секретарь, второй секретарь Краснознаменского райкома КПСС, председатель Озерского райисполкома, заведующий отделом облисполкома. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Плетнева Анна Степановна – доярка совхоза «Калининградский» Черняховского района. Избиралась депутатом Верховного Совета СССР. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Депутат Верховного Совета СССР Анна Степановна Плетнева (2-я справа). Конец 1950-х годов.

Пожарицкая Нина Михайловна – доярка колхоза «Путь к коммунизму» Черняховского района. Герой Социалистического Труда. Избиралась депутатом Верховного Совета СССР. Награждена орденами Ленина, «Знак Почета», медалями, в том числе двумя золотыми медалями ВДНХ.

Потапов Александр Никитович – секретарь Озерского райкома ВЛКСМ, председатель колхоза, заместитель председателя Черняховского горисполкома, заместитель начальника областного сельскохозяйственного управления, председатель Славского райисполкома, первый секретарь Славского райкома КПСС. Награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями.

Рябинина Екатерина Яковлевна – доярка совхоза «Первомайский» Черняховского района. Награждена орденом Ленина, медалями.

Савка Евгений Антонович – заместитель начальника Черняховской конторы связи, главный инженер Черняховского линейно-технического узла связи, начальник Калининградского электротехнического узла

связи. Почетный радист РФ. Заслуженный работник связи.

Салазкин Леонид Сергеевич – главный зоотехник, директор совхоза «Юдинский», директор Черняховского треста совхозов, секретарь Черняховского горкома КПСС, начальник Черняховского территориального управления сельского хозяйства, заместитель председателя облисполкома. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями, в том числе пятью медалями ВДНХ.

Соколов Александр Степанович – начальник цеха, главный инженер, директор Черняховского кожевенного завода. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Троцкая Вера Ивановна – бригадир Черняховской кондитерской фабрики. Награждена орденом Ленина, медалями.

Хрюкин Прокофий Васильевич – заместитель начальника по политчасти Черняховского управления по гражданским делам, второй секретарь Озерского райкома КПСС, первый секретарь Железнодорожного

райкома КПСС, первый секретарь Балтийского райкома КПСС, председатель Зеленоградского райисполкома. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

Шамардин Владимир Никифорович – столяр дистанции зданий и сооружений станции Черняховск, радист Черняховского Дома офицеров, заместитель директора средней школы №6, директор средней школы №2, заведующий Черняховским горно, заместитель заведующего облоно, заведующий отделом обкома КПСС. Кандидат педагогических наук. Член-корреспондент Международной Славянской академии. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Шелков Иван Александрович – техник, инженер, начальник отдела водоснабжения Черняховского отделения железной дороги, начальник отдела водоснабжения Калининградского отделения железной дороги, начальник РСУ управления «Водоканал», председатель Центрального райисполкома, начальник управления «Водоканал», начальник управления коммунального хозяйства облисполкома. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Шерстобитова Людмила Васильевна – хирург Черняховской городской больницы, хирург, начальник медицинской части областной больницы. Заслуженный врач РСФСР.

Шор Лев Моисеевич – заведующий поликлиникой, хирург медсанчасти №2, заведующий отделом Черняховского горисполкома, главный хирург областной больницы, главный хирург облздравотдела. Доктор медицинских наук. Заслуженный врач РСФСР. Почетный гражданин г. Калининграда. Награжден орденом «Знак Почета».

Щелкунов Сергей Ефимович – директор совхоза «Междуречье» Черняховского района. Награжден орденом Октябрьской Революции, медалями.

Ярыгин Алексей Терентьевич – агроном совхоза «Гремяченский», директор совхозов «Партизанский», «Гремяченский» Черняховского района. Награжден орденами Ленина, «Знак Почета», медалями.

Ястребов Анатолий Николаевич – помощник машиниста, машинист Черняховского локомотивного депо, инженер локомотивного отдела, ревизор по безопасности движения Калининградского отделения железной дороги, заместитель начальника локомотивного хозяйства, председатель профсоюзного комитета Калининградского отделения железной дороги. Почетный железнодорожник СССР. Награжден орденом «Знак Почета», медалями.

Игорь ЕРОФЕЕВ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЧЕРНЯХОВСКОГО РАЙОНА 1945 – 1970

Организация сельскохозяйственного производства на территории Черняховского района началась уже в 1945 году в неимоверно сложных условиях.

В ходе военных действий большая часть жилых и производственных помещений была разрушена. Линии электропередач полностью выведены из строя. Сильно пострадала мелиоративная система. Разрушено множество защитных дамб, из-за чего обширные площади сельскохозяйственных земель подверглись затоплению. Приведены в негодность насосные станции. Поля изрыты траншеями, окопами, воронками от бомб и снарядов.

Основные мероприятия по восстановлению сельского хозяйства были осуществлены в первые пять послевоенных лет. В этот период в Черняховский район прибыли переселенцы из Белорусской ССР, Брянской, Владимирской, Орловской, Курской, Рязанской, Костромской, Горьковской, Московской и Пензенской областей.

Первый эшелон с переселенцами из Курской области прибыл в район 24 августа 1946 года. В этом же месяце приехали жители Калужской и Брянской областей. Всего за период с августа по сентябрь 1946 года Черняховский район принял около 900 семей. (Плановое переселение шло вплоть до первой половины 60-х годов.)

Были созданы (помимо организованных ранее военных совхозов) первые колхозы: им. Тельмана, «Парижская Коммуна», «Знамя Ильича», «Ленинская "Искра"», «Красный Октябрь», «Победа», «Калининградец», «Новая Жизнь». К концу 1947 года в районе насчитывалось уже 23 колхоза, 4 совхоза и 2 машинно-тракторные станции, располагавшие 8 комбайнами. В основном это были небольшие хозяйства, где на животноводческих фермах преобладал ручной труд, а полевые работы производились преимущественно на лошадиной тяге. В первые годы существования колхозов и совхо-

зов рабочий скот составлял главную часть их производственных фондов.

Малые размеры хозяйств затрудняли их развитие: они не располагали достаточными земельными угодьями, были ограничены в возможностях вести крупное строительство и приобретать новые машины для развития производства. Большинство хозяйств получало низкие урожаи, в среднем по 6-7 центнеров зерна и по 30-40 центнеров картофеля с гектара. Учитывая низкую продуктивность, областное руководство в 1950 году взяло курс на укрупнение колхозов. Этот процесс происходил и в совхозах, которые пополняли свои угодья за счет прирезки не использованных ранее земель.

К концу 1950 года работа по созданию социалистического сельскохозяйственного производства в районе в основном была завершена.

На территории Черняховского района в 1950 году было 6 совхозов: №7 (пос. Курортное), №8 (пос. Привольное), №21 (пос. Свобода), №136 (пос. Междуречье), №137 (пос. Гремячье), №153 – и 12 укрупненных колхозов: им. Ленина, «Калининградец», им. Сталина (пос. Глушково), им. Мичурина (пос. Тимофеевка), им. Молотова, им. Андреева (пос. Загорское), «Коммунар» (пос. Приозерное), им. Ворошилова, им. Тельмана, им. Черняховского, «Знамя Ильича» (пос. Володаровка), «Путь к коммунизму» (пос. Покровское), в которые вошли бывшие колхозы «Вперед», «Ленинская искра», им. Жданова, «Путь крестьянина», «Заря», «Прогресс», «7 Ноября», «Победа», «Новая жизнь», «На страже», «4-я пятилетка», «Красный Октябрь», им. Димитрова, «Советская крепость», им. Матросова, им. Кирова, им. Энгельса, им. Горького, «Трудовик», «32-я годовщина», «Парижская коммуна», им. Калинина и «Красное Знамя». Кроме того, в районе имелись государственная конюшня и 2 машинно-тракторные станции – Калужская и Черняховская. Район был разделен на 8 сельских советов: Загорский, Краснополянский, Каменский,

Бережковский, Свободненский, Калужский, Гремяченский и Междуреченский.

Усилия партийных органов, помноженные на энтузиазм населения и материальную помощь государства, позволили наладить сельскохозяйственное производство в рекордно короткий период. План первых двух послевоенных пятилеток в сфере животноводства был выполнен в районе за 9 лет по всем видам скота. Количество тракторов по сравнению с 1947 годом увеличилось в 5 раз, число комбайнов только в колхозах по сравнению с 1949 годом увеличилось в 4 раза. Колхозы и совхозы в 1950 году сдали государству молока больше в 8,5 раза, чем в 1947 году, вдвое увеличен удой на одну фуражную корову. Посевные площади колхозов расширены в 4,5 раза, совхозов – в 2 раза. Заготовлено древесины в 1950 году в 4 раза больше по сравнению с 1947 годом. В районе работали 14 медицинских пунктов, 7 библиотек, 41 школа, в том числе 1 средняя, 13 семилетних и 27 начальных, а также 2 школы сельской молодежи на 36 человек¹.

Постановлением Калининградского облисполкома и бюро обкома ВКП(б) по итогам 1950 года звание «Лучшая телятница области» было присвоено телятнице колхоза им. Андреева Марии Николаевне Бугровой,

звание «Лучший свиляр области» – свинару колхоза «Знамя Ильича» Андрею Михайловичу Винокурову. Среди передовиков совхозов Калининградского Молжливсовхозтреста звания «Лучшая телятница области» удостоена Клавдия Федоровна Гончарова, телятница совхоза №8.

Местная пресса в этот период приводит десятки примеров самоотверженного труда селян района. Так, следуя примеру молодой работницы московской обувной фабрики «Парижская коммуна» комсомолки Лидии Корабельниковой, бригада трактористов 1-го отделения совхоза №8, возглавлявшаяся Александром Степановичем Базаровым, выступила с предложением бороться за комплексную экономию горюче-смазочных материалов на весеннем севе. Они дали слово один день в десятидневку работать за счет сэкономленных смазочных материалов и горючего². Скотник совхоза №137 Николай Пархоменко во внеурочное время построил узкоколейку от ворот коровника до навозохранилища протяженностью 350 метров, заменив тем самым две пары лошадей³. Тракторист совхоза №7 Владимир Шкирут, дав обязательства вспахать за сезон 1000 гектаров (при норме 750) вспахал 1105, сэкономив при этом более 250 килограммов

Колхоз им. Сталина Черняховского района. Уголок пос. Глушково. 1949 год.

Колхоз им. Сталина. Колхозница А.К. Архипцева читает газету товарищам во время перерыва на сенокосе. 1949 год.

горючего. Как писала районная газета, его трактор находился в борозде круглосуточно⁴. Колхозницы сельхозартели «Путь к коммунизму» Т.Д. Казакова и П.А. Бодрова проявили инициативу и сдали излишки личного картофеля на пополнение семенного фонда колхоза⁵. В марте 1951 года механизаторы тракторной бригады Василия Меркулова Черняховской МТС обратились ко всем трактористам области взять закрепленные трактора на социалистическую сохранность и провести весенний сев в предельно сжатые сроки⁶.

Создававшиеся в первые послевоенные годы, наряду с колхозами, машинно-тракторные станции сыграли значительную роль в развитии сельского хозяйства района. Благодаря МТС расширялись посевные площади зерновых и кормовых культур, повышалась урожайность. Ежегодно перед началом жатвы организовывались подготовительные курсы для работы на конных уборочных машинах и молотилках. Колхозники и рабочие МТС Черняховского района, проявив инициативу, обратились ко всем хлеборобам области с призывом о формировании «красных обозов», что способствовало усилению темпов хлебозаготовок в районе.

Большую работу вели водохозяйственные организации, подготовившие и сдав-

шие в эксплуатацию колхозам и совхозам района тысячи гектаров земель. Однако земли Черняховского района нуждались в более масштабной мелиорации. В колхозах же допускались факты нарушения Устава сельскохозяйственной артели, низкой оставалась производительность труда.

В деле дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства большую роль сыграло социалистическое соревнование, развернутое между Черняховским и Озерским районами. Положительные результаты приносило и соревнование между хозяйствами внутри района. В частности, активно соревновались труженики колхозов им. Сталина и им. Ворошилова.

3 февраля 1951 года колхозники 3-й полеводческой бригады сельхозартели им. Сталина обратились ко всем колхозникам и колхозницам района с призывом получить со всей площади урожай зерновых культур не менее 20 центнеров с гектара, а с площади в 40 гектаров – по 22 центнера, картофеля – по 250 центнеров с каждого гектара⁷.

Начинание было подхвачено по всему району. Все больше работников сельскохозяйственной сферы района трудилось со значительным опережением производственных заданий.

К началу 50-х годов сложились предпосылки для развития основной отрасли сельского хозяйства колхозов и совхозов района – высокотоварного животноводства с широко развитым растениеводством. Такая направленность обуславливалась природно-климатическими условиями и наличием большого количества пастбищных и сенокосных угодий, распахки малопродуктивных лугов и пастбищ. Кормовые качества угодий были исключительно высокими и давали в среднем от 1 до 2 тонн сена с гектара. Из культивируемых зерновых культур широкое распространение имели озимая рожь и пшеница, яровая пшеница, овес и ячмень. В 1954 году в колхозах и совхозах района впервые была высажена кукуруза, давшая превосходный урожай. Комсомольцы и молодежь района взяли на себя обязательства – вырастить кукурузу на площадях в 500 гектаров и получить с каждого гектара по 600 центнеров силосной массы и 40 центнеров кукурузы в початках. Выдача на трудодни зерна с каждым годом все увеличивалась. Если в 1952 году было выдано по 2 килограмма зерна, то в 1954,

в большинстве колхозов, – по 3 килограмма. До 98% всей земли обрабатывалось тракторами, урожаи убирались комбайнами, что говорило о высокой степени механизации хозяйств. Колхозники стали жить в хороших кирпичных домах, с надворными постройками и приусадебными участками размером 0,5 гектара. Все 12 колхозов района к 1955 году были радиофицированы, завершилась их электрификация. В колхозах и совхозах имелись 47 магазинов и буфетов, обеспечивавших население всем необходимым. В районе работали 16 сельских и 6 совхозных клубов, 8 кинопередвижек и 1 стационарная киноустановка. Только за 1954-1955 годы для колхозников-переселенцев возведен 41 дом со всеми надворными постройками⁸.

В 1957 году по итогам работы участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за высокие показатели в повышении сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства в 1956-1957 годах диплома 1-й степени был удостоен колхоз им.Мичурина Черняховского района,

Колхоз им.Сталина. Бригадир животноводов Е. Масько и А. Литвинова (справа) в поле. 1950 год.

Черняховская делегация на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. 1960-е годы.

дипломов 2-й степени – Черняховская МТС и колхоз «Калининградец», колхоз им. Сталина премирован библиотекой, а колхоз «Каменский» награжден электродоильным агрегатом.

По мере организационно-хозяйственного укрепления колхозов в апреле 1958 года по решению правительства, постановлением бюро обкома КПСС и облисполкома машинно-тракторные станции были реорганизованы в ремонтно-технические станции, на которые была возложена обязанность обслуживать все колхозы и совхозы района. Колхозы, в свою очередь, приобрели в собственность тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику, принадлежавшую ранее МТС. Таким образом, в хозяйствах была создана своя техническая база, что привело к изменениям в характере труда и производства на селе.

После реорганизации МТС в Черняховском районе было создано объединение «Сельхозтехника», которое на договорных началах осуществляло срочный ремонт сельскохозяйственной техники. Объединение продавало удобрения, тракторы, комбайны и другие машины, оказывало необходимую помощь сельским труженикам

в повышении эффективности использования средств механизации.

Согласно новой реформе, постановлением бюро обкома КПСС «О реорганизации ремонтно-технических станций» на базе районных РТС были организованы межрайонные машиноремонтные мастерские (МРМ), в функции которых входил капитальный ремонт тракторов, автомобилей и двигателей.

Все преобразования в сельскохозяйственной сфере района способствовали стабильному росту производства и укреплению материально-технической базы. За годы трех послевоенных пятилеток общественное хозяйство колхозов и совхозов района существенно укрепилось. К 1961 году они представляли собой уже крупные, организационно окрепшие хозяйства с развитым земледелием и животноводством. Заметно увеличилось поголовье крупного рогатого скота и свиней.

В 1962 году произошла очередная реорганизация системы управления сельским хозяйством. Несмотря на то что Черняховский район утратил права территориально-административной единицы, этот факт не повлиял на растущие темпы сельскохозяйственного производства.

В середине 1960-х годов на селе были осуществлены политические и организационные меры, разработанные на мартовском (1965) пленуме ЦК КПСС и одобренные XXIII съездом партии, где обсуждались мероприятия, направленные на организационно-хозяйственное укрепление колхозов на местах. Главное внимание было сосредоточено на правильном использовании экономических законов развития социалистического производства, укреплении материально-технической базы сельского хозяйства, соблюдении принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, а также улучшении финансирования и кредитования совхозов и колхозов.

В 1966-1970 годах машинно-тракторный парк колхозов и совхозов района обновился более чем наполовину. Значительно возросли и поставки минеральных удобрений.

В крупных размерах району стали выделяться средства на производственно-культурное строительство, приобретение техники и реконструкцию осушительной сети, направленную на повышение плодородия сельскохозяйственных угодий.

Большую экономическую помощь от государства хозяйства района получили за счет повышения закупочных цен на зерно, молоко, мясо и другие продукты, которое проводилось дважды, в 1965 и 1970 годах. Одновременно была повышена и минимальная заработная плата рабочих и служащих в совхозах. В 1968 году была введена гарантированная оплата труда колхозников, в результате чего средний месячный заработок трудоспособного колхозника в 1970 году достиг 93 рублей в месяц. По сравнению с 1965 годом он возрос на 60%. В совхозах заработная плата рабочего увеличилась за этот период на 26% и в 1970 году составляла уже 96 рублей в месяц.

После мартовского (1965) пленума ЦК КПСС преобладающее значение получили экономические методы управления сельскохозяйственным производством. В 1969 году хозяйства района были переведены на полный хозрасчет. Труд, быт, культура труженика села к началу 70-х претерпели изменения. Почти все дома колхозников и рабочих совхозов были газифицированы. Повсеместно в быт вошли современная мебель, телевизоры, холодильники и

В колхозе им. Черняховского. Слева направо: Валентин Иванович Кравченко (председатель горисполкома), Б.А. Зайцев, Николай Прокофьевич Чака (председатель колхоза), Николай Александрович Белан.

Рысаки, выращенные на конезаводе №7.

стиральные машины. На селе открывались новые культурно-просветительные учреждения. Считалось, что жизнь на селе все более приближается к городскому уровню.

Курс на интенсификацию сельскохозяйственного производства способствовал росту механизации работ в ведущей отрасли – молочном животноводстве. За 1966-1970 годы уровень комплексной механизации на фермах крупного рогатого скота возрос с 11 до 36%, что позволило снизить затраты труда на центнер молока с 11 до 8 человеко-часов. Труд доярки на фермах стал не столь изнурительным, как ранее.

В число передовых хозяйств района вышел колхоз им. Черняховского, где собиралось от 25 до 30 центнеров зерна с гектара, доярки надаивали от коровы от 3200 до 3500 килограммов молока. Рентабельность производства хозяйства достигала 70%.

В 1968 году за успешную работу в области животноводства золотыми медалями ВДНХ были награждены доярка Н.М. Пожарицкая (колхоз «Путь к коммунизму») и дояр В.И. Прилипкин (совхоз «Гремяченский»).

К 1970 году на территории Черняховского района работало 9 колхозов: «Красная Поляна», им. Черняховского, им. Мичурина,

«Знамя Ильича», «Партизанский», «Путь к коммунизму», «Калужский», «Коммунар» и «Загорский», а также 8 совхозов: «Партизанский», «Калиновский», «Калининградский», «Свобода», «Междуречье», «Гремяченский», конезавод №7, «Степной». Общая площадь земельного фонда на 1 ноября 1970 года в колхозах составляла 36628 гектаров (в том числе площадь сельхозугодий 32464 гектара), в совхозах – 48056 гектаров (в том числе площадь сельхозугодий 43635 гектаров). Общая численность работников в колхозах района составляла на 1970 год 1879 человек, в совхозах – 2971 человек. поголовье скота по всем категориям хозяйства района возросло с 3400 голов в 1947 году до 14209 в 1970 году, свиней – с 2000 голов до 20273. Производство молока по сравнению с 1951 годом увеличилось с 5445 тонн до 32611 в 1970 году. Парк пахотных и пропашных тракторов в колхозах и совхозах района увеличился за 10 лет (с 1961 года по 1971) с 223 единиц до 546. Рентабельность колхозно-совхозного производства из убыточного в 1963 году достигла к 1970 году 45,2%. Далеко за пределами области стали пользоваться спросом элитные лошади, выращивавшиеся на конезаводе №7.

5 августа 1970 года в Черняховске состоялся пленум городского комитета КПСС. За четыре года пятилетки, согласно докладу А.А. Довгого, первого секретаря горкома КПСС, совхозы получили 5,5 миллиона рублей прибыли, чистый доход колхозов составил около 5 миллионов рублей, рентабельность сельскохозяйственного производства – 32%. Урожайность зерновых поднялась до 17,6 центнера с гектара, валовой сбор зерна увеличился на 42%. Удои от коровы достигли 3200 килограммов молока. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 25%. В хозяйствах построено свыше 8 тысяч кв.метров жилья, газифицировано свыше 1,5 тысячи квартир, капиталовложения в колхозное и совхозное производство района составили 8,4 миллиона рублей против 3,4 миллиона рублей в минувшем пятилетии, или возросли в 2,2 раза. Хозяйства получили 305 тракторов, 132 зерновых и силосоуборочных комбайна, свыше 50 автомобилей, на 4 миллиона рублей различной сельхозтехники. Мелиораторы подготовили 9 тысяч гектаров площадей, в том числе 8 тысяч гектаров с закрытым дренажом на площади 2,3 тысячи гектаров. За четыре года в районе, по сравнению с 1966 годом, производство мяса увеличилось на 24%, яиц – на 59,6%. Продуктивность коров возросла на 267 килограммов. По этому показателю Черняховский район стал занимать ведущее место в области. На начало года после анализа бонитировки в районе содержалось 98,4% чистопородного чернопестрого скота. В колхозе им.Черняховского, в совхозах «Междуречье» и «Калиновский» созданы бригады по направленному выращиванию телочек.

Большой вклад в развитие сельскохозяйственного комплекса района внесли лучшие руководители хозяйств: Федор Никифорович Чететкин (колхоз им.Мичурина), Николай Прокофьевич Чака (колхоз им.Черняховского), Сергей Ефимович Щелкунов (совхоз «Междуречье»), Алексей Терентьевич Ярыгин (совхоз «Гремяченский»).

В 1970 году закончился второй период дальнейшего организационно-хозяйствен-

ного укрепления колхозов и совхозов, начавшийся в 1950 году и характеризовавшийся переходом к интенсивному земледелию и животноводству.

10 февраля 1971 года в районном Доме культуры состоялось совещание передовиков села. В нем участвовали герои труда: А.И. Пронина, надоившая почти 5000 килограммов молока от коровы; звеньева И.П. Якушев, вырастивший рекордный урожай картофеля – по 235 центнеров с гектара; Герой Социалистического Труда телятница Т.Ф. Васильковская, получившая за год от одного теленка более 800 граммов среднесуточного привеса; комбайнер А.В. Володин, намолотивший 400 тонн зерна за жатву. Победитель в социалистическом соревновании среди колхозов – колхоз «Калужский»(председатель И.Г.Горох), среди совхозов – совхоз «Калининградский». Победитель соревнования среди доярок – Н.М. Пожарицкая (колхоз «Путь к коммунизму»). В честь Н.М. Пожарицкой и А.И. Прониной в Черняховске был поднят Красный флаг.

8 апреля 1971 года Нине Михайловне Пожарицкой Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства и выполнении пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства.

В мае 1971 года Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденом Ленина наиболее отличившиеся работники сельского хозяйства Черняховского района: Вера Алексеевна Зайцева, бригадир совхоза «Калининградский»; Иван Степанович Базаров, тракторист совхоза «Калининградский»; Павел Михайлович Кузьминых, тракторист колхоза им.Мичурина; Мария Семеновна Плахова, доярка совхоза «Партизанский»; Александра Ивановна Пронина, доярка конного завода №7; Иван Максимович Смирнов, заместитель председателя колхоза «Красная Поляна»; Сергей Ефимович Щелкунов, директор совхоза «Междуречье».

**Игорь ЕРОФЕЕВ,
Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА**

ИВАН МИРОНОВ: ВЕХИ ЖИЗНИ

Почему он посвятил себя сельскому хозяйству? Наверное, не только потому, что родился в крестьянской семье (его родина – деревня Полошково Козельского района Калужской области).

У него были возможности избрать другую стезю: и когда учился в Козельске – древнем городе, жители которого поразили некогда своим упорством и стойкостью орду хана Батия; и когда работал в столице – сначала слесарем на Московском вагоно-ремонтном заводе, а затем агентом по снабжению теплотехнической электроцентрали; и когда его призвали в Красную Армию (это было в 1938 году) и направили на учебу в военное училище в Брянск...

А потом – война. Западный фронт, Волховский, Донской, Брянский, Центральный... Он получает боевые награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

В октябре 1945 года 27-летний старшина Миронов демобилизуется и работает в Козельском районе Калужской области воспитателем спецдетдома №1. В 1947 году как переселенец едет в Калининградскую область, в Черняховский район. Его избирают секретарем партийной организации колхоза «Вперед». Людей не хватало – и его

Председатель Черняховского райисполкома Иван Игнатьевич Миронов (справа) и 1-й секретарь горкома КПСС Василий Андреевич Логинов у Почетного Знамени Совета Министров РСФСР. 1957 год.

назначают директором Заветинской семилетней школы Калужского сельсовета, которую он и восстанавливал. Сюда приезжают молоденькие выпускницы пединститута, среди них Валя Сидорова – Валентина Георгиевна, учительница истории. Она-то и запала в душу. Долго за ней ухаживал, пока не согласилась стать его женой. (И, как оказалось, не ошибся в выборе. Много позже он скажет: «Все боевые ордена и медали – это мои награды, а трудовые – делю пополам с женой: она мой надежный тыл и главная опора».)

Молодому человеку – инициативному, энергичному, обладающему недюжинной организаторской жилкой – предлагают новое поле деятельности: в 1948 году бюро Черняховского райкома КПСС отзывает его на партийную работу, он становится инструктором РК КПСС и помощником секретаря, а затем заведующим сельскохозяйственным отделом райкома партии. И он это поле осваивает – вместе с полями более чем двух десятков хозяйств Черняховского района.

В 1952 году Миронов избран вторым секретарем Черняховского райкома КПСС, в 1955 выдвинут на должность председателя Черняховского райисполкома. Его никоим образом нельзя было отнести к руководителям «кабинетного типа». Он постоянно «в поле». «И на отдыхе не переставал думать о работе, – говорит о нем Валентина Георгиевна. – Помню, были мы в санатории, он там коллегу из другой российской области встретил – только и разговоров было, что об урожайности зерновых, о племенных бычках, сенокосе: настолько увлечен был своим делом, буквально жил им». Его козельское упорство принесло свои плоды. В 1957 году Черняховский район стал участником Выставки достижений народного хозяйства в Москве и получил Почетное Знамя Совета Министров РСФСР. 22 августа этого же года Указом Президиума Верховного Совета СССР за достижение высокого уровня производства продуктов животноводства и увеличение сдачи их государству в

1956 – 1957 годах председатель исполкома Черняховского района Иван Игнатьевич Миронов был удостоен ордена Ленина, а 31 декабря, за высокие показатели в социалистическом соревновании в сельском хозяйстве, – Большой серебряной медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В мае 1959 года обком КПСС направил И.И. Миронова в Ладушкинский район, первым секретарем районного комитета партии (в это же время он заочно учился в Гусевском сельскохозяйственном техникуме Министерства сельского хозяйства РСФСР). 30 января 1960 года на VIII областной партконференции его избрали членом Калининградского областного комитета КПСС.

В 1965 году Миронов возвращается в Черняховск: он направлен на должность начальника управления сельского хозяйства Черняховского района.

При непосредственном участии Ивана Игнатьевича Миронова в 1950-х – 1960-х годах Черняховский район входит в число лучших в области по показателям в сельскохозяйственном производстве и удерживает переходящее Красное Знамя за строительство коровников, овцеферм, птицеферм, птичьих дворов, внедрение машинного доения, автопоилок и других прогрессивных форм работы. Тогда и многие труженики села за результаты своего труда получали высокие правительственные награды.

В 1966 году Миронов награжден медалью «За трудовую доблесть». 8 апреля 1971 года ему вручен орден Трудового Красного Знамени. Неоднократно он избирался в областной и районный Советы депутатов трудящихся.

Ему, ветерану войны и труда, и на пенсии (он был персональным пенсионером республиканского значения) не сиделось дома – работал в Черняховском племобъединении (заместителем начальника).

Он ушел из жизни в 1985 году.

Но остались награды за бой и за труд. И память о человеке, беззаветно любившем свое дело.

«ТРУД МНЕ ВСЕГДА БЫЛ В РАДОСТЬ...»

Нина Михайловна Пожарицкая (Телешева) родилась 21 августа 1930 года в селе Солова Воронокского (Стародубского) района Брянской области в крестьянской семье. Война застигла ее на родине. Вместо школы – жизнь в лесу, в землянке. Пекла хлеб, стирала белье. «Выживали, как могли, – рассказывала она. – Вернулись в село, а оно немцем сожжено. Вновь землянки выкопали. Так и жили. Лес потом заготавливали за Десной. Четыре месяца зимой опять в лесу пришлось провести... С десяти лет трудиться начала».

В 1946 году шестнадцатилетней Нине была вручена первая правительственная награда – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1952 году вместе с родителями, тремя братьями и тремя сестрами она переехала в Калининградскую область, в колхоз «Путь к коммунизму» Черняховского района (пос. Покровское). Начала свою трудовую биографию в колхозе свинаркой. Через несколько лет ее перевели работать телятницей. «Трудное было время. Работали не покладая рук, без выходных и отпусков, – вспоминала Нина Михайловна. – За телят мне тогда орден и дали». В 1965 году Нина Пожарицкая получила вторую государственную награду – орден «Знак Почета» – за 800 выращенных ею телят.

Свинаркой и телятницей она отработала в общей сложности 13 лет и была снова переведена – на этот раз на отстающую ферму, дояркой. Уже в феврале 1966 года получала от каждой из 13 первотелок по 13-14 килограммов молока и вскоре стала одной из лучших доярок района. В пору отелов каждую корову приходилось доить по 6-7 раз в день. Надаивала ежедневно по 25 ведер молока. Болели руки, но работу свою ни на какую другую поменять не хотела. Таким образом, за полтора десятилетия ей удалось в совершенстве овладеть всеми основными животноводческими профессиями. В конце 1968 года за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства

СССР она была награждена золотой медалью ВДНХ.

В ноябре 1969 года Н.М. Пожарицкую избрали делегатом III Всесоюзного съезда колхозников: «В Москву ездила первый раз. Брежнева Леонида Ильича видела совсем близко. Выступала с трибуны». Вместе с другими участниками съезда принимала она закон колхозной жизни – Примерный Устав.

В 1970 году удои молока в среднем от каждой коровы у Пожарицкой составляли уже около 4500 килограммов. В районе никто такого показателя не достигал, да и во всей области не много было доярок с большей производительностью труда. На вопрос, как удавалось добиваться такого результата, отвечала просто: «Молоко у коровы на языке. Все зависит от питания: чем ее накормишь – то она и отдаст. Привозили нам и мороженую свеклу на корм – чего скрывать? Кто-то отказывался ею кормить. А я труда не жалела, горячей водой ее помою – и на транспортер, вот коровки и поедят. Наши доярки жаловались, что коровы у них то не пьют, то не едят, а у меня все пили-ели подчистую... Их беречь надо, как малых детей...»

8 апреля 1971 года за выдающиеся успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства и выполнении пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства, Нине Михайловне Пожарицкой присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Награду восприняла как нечто неожиданное. Вот каким запечатлелся этот день в ее памяти: «Иду с фермы, а мне навстречу парторг на мотоцикле едет. Остановился. Как дела дома, спрашивает. В порядке все, говорю, сейчас муж придет чистить коровник. А парторг мне: “Ты знаешь, Нина, мне сейчас звонили из управления, что тебя к Герою Труда представили”. И давай меня обнимать, поднял, кружит. “Иди, – говорит

он, – домой, готовься, сейчас поздравлять приедут”. Я – домой. Блины только поставила, а тут начальство с Николаем Васильевичем Долгополовым¹. Сначала митинг, потом в школу – на торжественное. Делегация из Калужского приехала. Мать с отцом в президиум посадили. Мне слово дали, а у меня ком в горле, слезы текут... Отметили Звезду дома. Гостей много пришло. Хорошо, что свое сало было, яйца, картошки наварила, килька еще была... Думала, Героев только космонавтам давали, а тут – мне. Не могла поверить... Звезду мне в Калининграде вручали, сам Коновалов²».

В том же году Н.М. Пожарицкая была награждена второй золотой медалью ВДНХ. На «ферму Пожарицкой» зачастили руководящие работники, корреспонденты. Ее методы содержания и ухода за животными изучаются и пропагандируются. Нина Михайловна успевала работать и на ферме, и в народном контроле, и в женсовете колхоза, и в родительском комитете школы, где учились ее девочки.

«У меня три дочки. Ясель-то в селе не было – оставляла детей дома одних. Они у меня с самого начала самостоятельные были: сами расчешутся, заплетутся. А подросли – стали мне первыми помощницами. Обдаивали всю группу коров».

Женщину-труженицу избирают депутатом Верховного Совета РСФСР. Она ведет прием граждан Черняховского, Нестеровского, Гусевского и Озерского районов, выполняет указы избирателей, дважды в год выезжает в Москву на сессии Совета. «Тогда порядок был. Я и автобусы, и самосвалы для автоколонны “выбивала” в Москве, и с жильем помогала, и воду по моим наставлениям проводили людям, и многое другое делала. Не успевала домой вернуться из столицы, а указы уже выполнены».

Нина Пожарицкая удерживает позиции передового работника сельскохозяйственного комплекса Черняховского района. Пятилетку она выполняет с рекордными показателями, надоив от 13 коров закрепленной группы 3087 центнеров молока – на 315 центнеров больше установленного задания.

Делегат 3-го Всесоюзного съезда колхозников
доярка колхоза «Путь к коммунизму»
Нина Михайловна Пожарицкая.

«Колхоз в то время был крепким. Директором был Потапов Александр Никитович. Хороший хозяин, справедливый... Имелось в колхозе четыре фермы – на 200 голов каждая, 1200 голов только дойного гурта, а еще и двести бычков растили. И кормов, главное, хватало на всех. И тяжело было, работали очень много, но и отдыхать умели. В “красном уголке” соберемся с девчонками, песню затянем – земля дрожит... А сейчас?! Дети иногда привозят меня в родное село из города. Гляну я на эту разруху – сердцу больно становится. Куда делось то, что мы наработали своими руками? После поездки от обиды всегда слягу...»

В 1977 году колхоз «Путь к коммунизму» был реорганизован в совхоз «Брянский». Нина Михайловна продолжала здесь трудиться самоотверженно (иначе не скажешь) до самой пенсии и после нее. И только в сентябре 1995 года переехала в город. В 2001 году на проводившемся в районе конкурсе она была признана «Человеком года».

Кстати, если бы все молоко, надоенное ею, этой невысокой, сноровистой женщиной, подчас вручную, перелить в цистерны – получился бы не один железнодорожный состав...

Ее не стало 12 февраля 2006 года. А разговор наш состоялся всего за несколько месяцев до ее ухода, в августе 2005-го, в канун ее 75-летия. Чувствовала она себя неважно – сказывались годы и болезни, – но, когда речь вела о своей работе, о своих «подопечных», – глаза ее сияли молодо и радостно, и было в них столько любви ко всему живому и к самой жизни, а в словах столько искренности, непосредственности и сердечности, что мы явственно ощутили и поняли: да, именно такой человек – умелый, сметливый, преданный до самоотвержения тому делу, коему будто самой природой предназначен, – по праву заслу-

живает высоких почестей. Ее подвижнический каждодневный труд, к которому не как к повинности тяжелой и подневольной относилась – в него щедро душу вкладывала, – и есть чистой пробы, настоящее мирного времени героичество, ею не осознававшееся. Для нее это было нечто само собой разумеющееся, обычное человеческое бытие, и в том заключались и долг, и счастье. О прошлом своем она говорила так: «Хорошие были времена, сытные. Я нисколько не жалею о своей судьбе: большую часть жизни я трудилась, а труд мне всегда был в радость. Мне бы хотелось, чтобы эти времена вернулись...» И сетовала, что нередко в последние годы сталкивалась с небрежением и к селу, и к сельскому труду, – а ведь он-то всегда необходим и должен быть в чести, потому как всю страну, всех людей кормит.

**Андрей КЛЕНОВЫЙ,
Юлия ГУЛИЕВА**

ИСТОРИЯ СОВХОЗА «КАЛИНИНГРАДСКИЙ»

(По материалам из архива музея Привольненской школы)

8 мая 1945 года капитулировали последние немецкие подразделения на косе Фрише-Нерунг¹. Война в Восточной Пруссии закончилась одновременно с капитуляцией фашистской Германии.

Еще с середины января 1945 года на территории Восточной Пруссии во всех завоеванных городах и крупных населенных пунктах стали создаваться военные комендатуры. Всего к апрелю 1945 года было сформировано 36 фронтовых комендатур, которыми руководили военные советы и политуправления 3-го Белорусского фронта. На комендантов возлагались сложные и ответственные функции по наведению порядка в освобожденных от фашистов районах, обеспечению безопасности тылов действующих армий и руководству процессом нормализации жизни местного населения².

До войны сельскохозяйственные угодья Восточной Пруссии составляли 1161,5 тысячи гектаров. Лишь около половины этих земель было пригодно для использования после войны. Начало процессу освоения земель положил приказ командующего 3-м Белорусским фронтом от 24 марта 1945 года о создании подсобных хозяйств в объединениях и соединениях войск. Продовольственное снабжение фронта по разным причинам становилось напряженным. Возникла необходимость дополнить централизованный подвоз продуктов и фуража самообеспечением войск.

Постановлением Государственного комитета обороны №8435 от 6 мая 1945 года при 3-м Белорусском фронте создается сельскохозяйственное управление³. В июле в районах Велау, Тапиау, Инстербурга,

Работа на волах. 1948 год.

Вывоз навоза на участок. 1948 год.

Вальдау, Кёнигсберга⁴ организуются военные совхозы. Подсобные хозяйства, преобразованные в военные совхозы, получили соответствующую нумерацию. Во главе новых хозяйств ставились офицеры, имевшие хоть какой-то опыт работы в сельском хозяйстве. Дело тормозилось отсутствием квалифицированной рабочей силы, так как по решению Гаагской конференции государствам запрещалось в массовом порядке переселять на оккупированную территорию своих граждан. Агрономов, шоферов, механиков разрешалось набирать только из местного немецкого населения, а также из числа советских граждан, репатриированных из Германии⁵.

Совхоз №8 Черняховского района был образован на основании приказа №71 от 1945 года Кёнигсбергского треста по производству мясных и молочных продуктов. Задачей совхоза было создание базы для снабжения мясом и молоком военных и мирного населения путем всемерного увеличения поголовья крупного рогатого скота и повышения его продуктивности. Совхоз состоял из 3 отделений: 1-е отделение – пос.Привольное, 2-е – пос.Придорожное, 3-е – пос.Михайловка. Первым директором совхоза стал В.И. Тиханский. Правление располагалось в старой немецкой кирхе.

Первые годы становления были крайне тяжелыми. В первую очередь необходимо было принять все меры безопасности:

территория совхоза находилась в зоне немецкого Ильменхорстского укрепрайона, а значит, поля были тщательно заминированы. В лесах и на удаленных хуторах могли прятаться дезертиры и враждебно настроенные местные жители. Колодцы могли быть отравлены ядами или трупами погибших животных. Перед весенним севом нужно было очистить поля от проволоки, бревен, деревьев, трупов животных, засыпать окопы, воронки, траншеи, собрать оставшееся после боев оружие. Важно было проверить, не остались ли где мины или неразорвавшиеся снаряды.

Осенью 1945 года рабочие провели вспашку зяби и озимый сев. Там, где не хватало трофейных сеялок и лошадей, сеяли вручную. К этому времени был ослаблен жесткий режим для немецкого населения, которое получило право свободного передвижения и общения с советскими людьми и допускалось к работе по месту жительства. В основном немцы трудились на животноводческих фермах в поселках Привольное и Придорожное, куда был согнан весь сохранившийся крупный рогатый скот округи. Немки охотно становились доярками, а старики и дети – скотниками. В качестве грузового транспорта использовались запряженные в телегу лошади или волы с огромными прямыми рогами. За свою работу немцы получали в сутки по 600 граммов хлеба, 800 граммов картофеля,

75 граммов мяса и 100 граммов крупы⁶. Каждой немецкой семье разрешалось иметь индивидуальный огород площадью не более 0,15 гектара.

7 апреля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об образовании Кёнигсбергской области и о включении ее в состав РСФСР⁷. 4 июля она была переименована в Калининградскую. Особый военный округ был расформирован.

9 июля 1946 года И.В. Сталин подписал Постановление Совета Министров СССР №1522, которым предусматривалось переселение в августе – октябре 1946 года на добровольных началах 12 тысяч семей колхозников из 23 областей и республик РСФСР и из Белоруссии. Переселенцам предоставлялись следующие льготы: бесплатный проезд и провоз багажа, списание недоимок и освобождение от налогов на три года, безвозвратные денежные пособия (1000 рублей на главу семьи и 300 рублей на каждого ее члена), выделение каждой семье в личную собственность дома и участка земли в 0,5 гектара, льготные кредиты на строительство и приобретение скота, продажа

переселенцам по госрасценкам определенного набора продуктов и промтоваров и др.⁸

В конце августа 1946 года стали прибывать первые эшелоны с переселенцами. В основном переселялись семьями, так как семьям, в которых было не менее двух трудоспособных членов, гарантировался полный набор льгот. Нередко браки заключались прямо на станциях. Несмотря на четкие инструкции вербовщикам набирать крестьян из крепких хозяйств, к самой распространенной категории переселенцев относились погорельцы, жители тех областей России, Украины и Белоруссии, которые в годы войны оказались в зоне гитлеровской оккупации. Многие решались на переезд, просто спасая себя и своих детей от голода, в надежде выжить на новом месте⁹. В организации переселения в сельскую местность государство придерживалось принципа землячества, т.е. компактного поселения вместе жителей из одних и тех же областей.

В совхоз №8 в последних числах августа приехали переселенцы из сел Брянской области. Уже к концу года в поселке

Строительство бани. 1948 год.

Животноводческая бригада. 1955 год.

Привольное (1-е отделение) проживало 660 человек. Из них работающих было 366 человек, в том числе 143 женщины. Жилая площадь поселка составляла 9002 кв.метра. Имелось 77 домов, но находились они в крайне плачевном состоянии. Это были либо большие усадьбы, либо бараки для рабочих. Чаще всего центрального отопления не было, а для обогрева была приспособлена одна самая вместительная жилая комната (зимняя комната), где располагалась печь (каждая печь, украшенная резным разноцветным кафелем, представляла собой истинное произведение искусства). Большинство домов имело прохудившиеся крыши и трещины в стенах. Первым переселенцам разрешили самим занимать свободные дома. Хуже всего было то, что добротные дома находились далеко друг от друга, на хуторах. Люди боялись селиться отдельными семьями в незнакомой местности. Чтобы привести в порядок свое жилище, новые хозяева чаще всего строительные материалы брали в соседних, еще не занятых никем домах, варварски уничтожая их. Из этих же домов поступали первая мебель, кухонная утварь и дрова. Директор совхоза Л.И. Михайличенко с опозданием приказал провести перепись жилищного фонда.

До войны поселок был электрифицирован, в усадьбах были установлены телефоны. Во время боев линии электропередач были разрушены, первым переселенцам приходилось пользоваться керосиновыми лампами или копилками из артиллерийских снарядов.

Питьевую воду первоначально брали из прудов и колодцев, но последние были сильно засорены. Возле некоторых домов колодцы были оснащены насосами.

Постепенно все вошло в обычное русло. В конце 1946 года в поселке появились совхозная баня, детский сад (на 20 детей) и начальная школа. Главной проблемой было отсутствие автобусного сообщения с районным центром. Почту приходилось доставлять на велосипедах. Торговля товарами велась прямо с автолавки.

Земельный фонд совхоза на 1947 год составил примерно 7500 гектаров: пашни – 391 гектар, луга и сенокосы – 700 гектаров, пастбища – 400, сады и ягодники – 5,5, перелого и залежи¹⁰ – 4749, земля под постройками – 210, прочие земли – 1000. За весь год удалось разработать лишь 423,8 гектара посевной площади, где 343 гектара пришлось на зерновые культуры, 14 – на картофель и овощи, 66,8 – на кормовые культуры. Это

объясняется тем, что суровая зима 1946-1947 годов не позволила начать ранний весенний сев. Имея в своем распоряжении единственный трактор, совхоз не мог показать высокие результаты в оставшееся время; так, к середине мая 1947 года показатель весеннего сева был всего лишь 70 гектаров. И хотя были подключены все возможные ресурсы, использованы все задействованные лошади и волы, план весеннего сева не был выполнен. Отсутствие постоянных звеньев в растениеводстве приводило к невыполнению основ агротехники и осуществлению всего лишь минимума ухода за посевами, следствием чего являлись крайне низкая урожайность и большое повышение себестоимости продукции: по зерновым яровым культурам – в 2 раза, по зерновым озимым культурам – в 3, по кормовым корнеплодам – в 18 раз. План по растениеводству совхоз так же начисто провалил, а многолетние травы на площади в 700 гектаров не дали ожидаемого укоса.

На 1947 год в совхозе числилось 437 голов крупного рогатого скота, 130 свиней, 74 овцы, 63 лошади и 26 гусей. Появилась собственная пасека на 15 ульев. Но отсутствие квалифицированной рабочей силы сказалось и на показателях животноводческой отрасли. Крупный рогатый скот страдал от болезней и истощения. В совхозе не велась зоотехническая племенная работа: стада были плохо изучены, производители не были отобраны. Первые зоотехники совхоза с трудом понимали суть своей деятельности. Так, главный зоотехник В.Г. Куприянов неумело работал с кадрами, не мобилизовал коллектив животноводов на выполнение плана, в результате работа в животноводстве была пущена на самотек. Куприянов халатно отнесся к обеспечению скота кормами в зимовку 1947-1948 годов. Сено было выписано из самой Литвы, но поступило оно с большим опозданием, что привело к падежу скота.

Ветеринарная работа была поставлена также крайне неудовлетворительно. Старший ветеринарный врач П.А. Филиппович выполнял свои обязанности халатно, в совхозе господствовали антисанитария, инфекционные заболевания. Филиппович не

произвел вовремя необходимые прививки крупному рогатому скоту против инфекции, и вспышка паратифа¹¹ повлекла за собой массовую гибель телят. Был допущен большой процент заболевания скота, лечение не проводилось вовсе. Специализированная ветеринарная лечебница и родильное помещение для крупного рогатого скота также отсутствовали.

Трудовая дисциплина в совхозе была чрезвычайно низкой. Неявка на работу в среднем за год составила 54 дня на каждого рабочего (и это во времена И.В. Сталина). Неправильный учет труда, а также большое количество невыходов на работу сказались на среднем заработке рабочих, который составил 218 рублей в месяц.

Первые руководители совхоза, В.И. Тиханский и Л.И. Михайличенко, не обеспечили должной дисциплины и организации труда в совхозе, не создали необходимых бытовых условий рабочим. Михайличенко за время своего пребывания на директорском посту уволил 150 человек.

На основании распоряжения Совета Министров СССР №410 от 15 января 1948 года совхоз №8 реорганизован в племенной совхоз по разведению крупного рогатого скота остфризской породы.

На 1948 год земельный фонд совхоза заметно сократился и составил лишь около 4800 гектаров: пашни – 428,8 гектара, луга и сенокосы – 700 гектаров, пастбища – 400, сады и ягодники – 5,5, перелог и залежи – 3055, земля под постройками – 210. В 1948 году удалось в два раза увеличить посевную площадь до 926 гектаров, из которых 425 гектаров приходилось на зерновые культуры, 20 – на картофель и овощи, 72 – на кормовые культуры. Это объясняется не повышением качества труда рабочих (весенний сев составил лишь 72 гектара), а поступлением в совхоз в конце весны 5 новых тракторов. Осваивать новую технику пришлось И.С. Еремихину – воину-герою, дошедшему с боями до Венгрии.

Удалось незначительно увеличить поголовье скота: крупного рогатого – до 550 голов, лошадей – до 90, свиней – до 140; в птичнике насчитывалось до 300 гусей. Совхозная пасека увеличилась вдвое и

На свиноферме. 1955 год.

составила 30 ульев. Однако в итоге работы за 1947-1948 годы совхоз ни по одному показателю план не выполнил.

В 1949 году по инициативе директора в разные районы области были направлены вербовщики с целью привлечь как можно больше квалифицированных кадров в совхоз. Не секрет, что иногда высококвалифицированные рабочие за неимением работы по месту жительства занимались не своим ремеслом. Задание было выполнено отлично. В совхоз прибыли рабочие и управленцы высокого уровня. Число жителей поселка значительно увеличилось, что привело к проблеме нехватки жилья. Перед правлением стала первостепенная задача: в короткий срок обеспечить всех жителей квартирами. Вдоль дороги Черняховск – Неман началось строительство 16 домов. При каждом доме имелся значительный приусадебный участок.

Произошли перемены в руководстве совхоза. Вместо явно не справляющегося со своими обязанностями директора Л.И. Михайличенко приходит Н.А. Рукавицин, а затем Н.Г. Осипов.

Благодаря наличию высококвалифицированных специалистов, к 1951 году удалось значительно увеличить поголовье крупного рогатого скота – до 1700 голов, свиней – до 900, птиц – до 1731. На этот период совхоз имел 3 молочно-животноводческие фермы, 1 телятник, 2 откормочные фермы, 1 свиноферму, 3 конюшни (всего 85 лошадей)

и 1 птицеферму, на которой содержались куры и гуси. Число ульев на совхозной пасеке выросло до 180. Появилась собственная ветлечебница. В результате успешной селекционной работы удой на одну фуражную корову составил 3700 литров в год, валовой выход яиц – 90000 штук (на одну несушку – 100 штук).

В совхозе имелось складских помещений на 300 тонн, 8 гусеничных тракторов, 1 колесный трактор и 8 автомашин. На 1950 год посевная площадь составила 1177,8 гектара, а на 1951 год – уже 2042. Урожайность зерновых культур выросла в два раза и составила 17 центнеров с гектара (в 1949 году – 8,5), урожайность картофеля – 110 (в 1949 году – 85,3), урожайность овощных культур – 150 (в 1949 году – 47,4).

В помещении реформатской кирхи заработал Дом культуры, который открылся в 1951 году. Привольненская школа стала семилетней.

С июля 1946 года по 26 мая 1953 года совхоз №8 подчинялся напрямую Калининградскому тресту по производству мясных и молочных продуктов.

С 26 мая по 27 ноября 1953 года, в связи с ликвидацией Калининградского молживсовхозтреста, совхоз стал подчиняться управлению совхозов Калининградского областного управления сельского хозяйства и заготовок.

С 27 ноября 1953 года по 11 июня 1955 года совхоз был подчинен Калининградскому областному тресту совхозов.

Решением Калининградского облисполкома №275 от 27 мая 1955 года совхоз №8 за высокие показатели был переименован в совхоз «Калининградский». С 11 июля 1955 года по 13 июля 1957 года он подчинялся Калининградскому управлению совхозов.

Начиная с 1955 года совхоз «Калининградский» становится совхозом молочного направления. Резко увеличивается поголовье коров и производство молока. Но, наравне с производством молока, развиваются и птицеводство, мясное животноводство, пчеловодство. В 1955 году валовой надой молока составил 1077 центнеров, т.е., по сравнению с 1947 годом, производство молока выросло в 4,5 раза. За 5 лет совхоз «Калининградский» увеличил производство

молока на 167,5%. Надой молока на одну фуражную корову в 1960 году составили почти 3 тысячи килограммов.

Увеличение надоев молока напрямую зависело от состояния растениеводства совхоза. К 1955 году на полях совхоза была налажена дренажная система, нарушенная либо во время боев, либо неумелой деятельностью первых советских крестьян на чужой земле. Это позволило более качественно обрабатывать земли, а также увеличило площадь используемых земель. Растениеводство стало усиленно развиваться. Увеличилась урожайность основных культур. Уже в 1960 году урожайность зерновых культур составила 24,6 центнера с гектара, а валовой сбор зерна – 1845 центнеров. Стали получать больше силоса, кормовой свеклы и картофеля. Все это позволило увеличить поголовье свиней почти в 2,5 раза, птицы – в 1,7. Резко возросло производство яиц и свинины.

Специалисты совхоза стали более тщательно заниматься подбором и учебой кадров животноводов и механизаторов. Появились животноводы 1-го и 2-го классов, а также механизаторы различной квалификации.

Более чем в 2 раза увеличился машинно-тракторный парк совхоза, к 1960 году в нем было уже 20 тракторов.

С 13 июля 1957 года по 26 апреля 1961 года совхоз подчинялся управлению совхозов Калининградского управления сельского хозяйства.

С 26 апреля 1961 года по 26 марта 1962 года совхоз был подчинен Черняховскому территориальному тресту животноводческих совхозов.

С 26 марта 1962 года по 18 декабря 1962 года хозяйство входило в подчинение Черняховского территориального производственного колхозно-совхозного управления.

В соответствии с Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР №1571 от 30 ноября 1962 года, постановлением бюро Калининградского обкома КПСС и облисполкома №602 от 18 декабря 1962 года на основе укрепления сельских районов образовано Озерское производственное колхозно-совхозное управление, в подчинение которого перешел совхоз «Калининградский».

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 года Черняховский район был вновь организован, и решением облисполкома №6 от 12 января 1965 года совхоз «Калининградский» был передан из Озерского района в его подчинение.

С 13 января 1965 года по 22 декабря 1969 года совхоз подчинялся районному

Животноводческая бригада. 1965 год.

Передовики производства. 1965 год.

производственному управлению сельского хозяйства.

Наибольшие и наилучшие показатели совхоза «Калининградский» в молочном животноводстве были достигнуты в 1965 году. Он стал бронзовым призером сельскохозяйственной выставки в Москве по итогам работы за 1965 год. В это время надои молока на одну фуражную корову составили 3860 килограммов, а валовое производство молока – 2644 тонны. Многие доярки совхоза были награждены орденами и медалями, а также почетными грамотами и свидетельствами.

Доярка совхоза Анна Степановна Плетнева удостоена ордена Трудового Красного Знамени и избрана депутатом Верховного Совета СССР¹².

Бригадир доярок совхоза Вера Алексеевна Зайцева награждена орденом Ленина и медалями¹³.

Орден Ленина вручен лучшей доярке – Ефросинье Алексеевне Жуковой, которая

постоянно держала пальму первенства в соревновании за «большое молоко». Она ежедневно надаивала по 20 и более килограммов молока от каждой коровы. Не намного от нее отставала доярка совхоза Вера Гринько. Ежегодно между ними проходили соревнования. Внимательно Вера присматривалась к работе более опытной подруги и, наконец, в 1965 году опередила ее, надоив 4616 килограммов от каждой фуражной коровы, что на 123 килограмма больше, чем у Е.А. Жуковой.

Высокие показатели в отрасли животноводства невозможны без хорошей кормовой базы. Агрономическая служба совхоза и коллектив механизаторов совместно произвели в 1965 году 2570 тонн зерна, собрав с каждого гектара по 28 центнеров. Впервые у совхоза была такая высокая прибыль – 585,3 тысячи рублей. Все его труженики получили высокую заработную плату. Именно тогда сформировался крепкий совхозный коллектив.

В то время во главе совхоза «Калининградский» стоял грамотный, умный и опытный руководитель Валерий Николаевич Серов, с которым и связывают все высокие результаты. Во главе 2-го и 3-го отделений он поставил высококвалифицированных управленцев – Федора Ивановича Банникова и Николая Ивановича Барышева. Благодаря их руководству рабочие могли, не отвлекаясь от своей деятельности на преодоление каких-либо житейских проблем, а полностью погрузившись в работу, достигать высоких результатов. Все бытовые трудности ложились на плечи правления. В эти годы более 3500 килограммов молока на одну фуражную корову надаивали многие доярки: А.Я. Курцева, Р.Н. Герасимович, Т.П. Анисимова, Р.Д. Васякина, А.В. Пономарева, Е.В. Калкина, М.М. Семенова, А.В. Герцева, В.К. Колбасова, Э.В. Мародудина, В.С. Чекалкина, А.В. Кожунова и другие. Зоотехническая служба составила специальный рацион кормления скота. Для получения высоких надоев доярки ежедневно скармливали каждой корове 5 килограммов сена, 15 килограммов кормовой свеклы, 70 граммов минеральной подкормки, 250 граммов концентрированных кормов, 15 килограммов силоса, 5 килограммов запаренной соломы. Был введен особый распорядок дня на ферме крупного рогатого скота в стойловый период:

04.30. Начало работы. Кормление коров грубыми кормами.

05.00. Первое доение коров.

07.00. Чистка коров.

11.45. Кормление коров концентратами.

12.00. Второе доение коров.

13.30. Кормление коров сочными кормами.

15.00. Выгул коров.

18.45. Кормление коров сочными кормами.

19.00. Третье доение коров.

20.40. Кормление грубыми кормами.

21.00. Ночной отдых.

Сложился отличный коллектив механизаторов под руководством главного инженера – выпускника Куйбышевского сельскохозяйственного института Ю.И. Новикова. Ряд механизаторов ежегодно показывал стабильные высокие результаты. Настоящими профессионалами своего дела были О.Г.

Ракитянский, А.О. Пономарев, П.И. Герасимович, И.И. Чаркин, И.Н. Рыжих.

С 22 декабря 1969 года совхоз стал подчиняться управлению сельского хозяйства Черняховского горисполкома. Был переведен в отстающий совхоз всеми уважаемый директор В.Н. Серов. Ему на смену пришел менее опытный директор, С.Н. Зайцев. Несколько лет совхоз еще по инерции занимал главные позиции в производстве мяса и молока.

Начиная с 1973 года совхоз «Калининградский» начал сдавать свои позиции. В это время им руководила Антонина Матвеевна Кудрявцева. Снижение показателей произошло по многим причинам. Рост поголовья крупного рогатого скота и свиней привел к большой их концентрации, что, в свою очередь, могло привести к массовой гибели животных от инфекционных заболеваний из-за нарушения санитарных норм. Кроме того, не стало хватать доярок и механизаторов, а при любой нехватке рабочей силы резко падает трудовая дисциплина. В поселке катастрофически не хватало жилья, а это означало, что в ближайшем будущем вопрос о кадрах не мог быть решен. Снизились результаты сначала по производству мяса, потом по производству зерна и, наконец, по производству молока. Впервые после 1948 года совхоз стал банкротом.

В начале 1970-х годов по всей стране в сельском хозяйстве началась интенсивная специализация производства. Стали создаваться огромные птицефабрики, откормочные совхозы, крупные совхозы по производству мяса, молока, а подсобные отрасли в хозяйствах ликвидировались.

В 1974 году в совхозе была ликвидирована птицеферма, а в 1975 году продана пасека, известная далеко за пределами области.

С 1975 года деятельность совхоза «Калининградский» стала носить только молочно-мясной характер.

С 30 апреля 1975 года по декабрь 1982 года совхоз подчинялся производственному управлению сельского хозяйства горисполкома.

В 1979 году в поселке Привольное был построен молочный комплекс на 800 голов крупного рогатого скота с полной

механизацией всех животноводческих процессов. Раздача кормов осуществлялась при помощи трактора, доение коров происходило в доильном зале типа «Елочка», уборка навоза осуществлялась транспортером «Дельта-скрепер». На территории комплекса находились проходная с охраной, комната для отдыха рабочего персонала, комната для совещаний, автоматизированный доильный зал, помещения для скота, профилакторий для телят, изолятор для больных животных, родильный зал для крупного рогатого скота, конюшня и многое другое.

Чтобы обеспечить комплекс дополнительной рабочей силой, в поселке было построено 10 двухэтажных четырехквартирных домов, а также школа на 400 мест и очистные сооружения.

Для увеличения поголовья коров совхозом было закуплено 200 голов племенных телок 1-го и 2-го классов на племенном заводе «Тимирязевский».

Увеличение поголовья коров требовало увеличения посевных площадей, особенно под зерновые культуры и многолетние травы. Чтобы купить новую технику, совхоз решил продать весь молодняк крупного рогатого скота: бычков в месячном возрасте – совхозу «Коммунар»¹⁴, полугодовалых бычков – в откормочный совхоз «Степной», телочек в месячном возрасте – совхозу «Междуречье».

В первый же год пуска комплекса (1979-1980) совхоз резко сократил отставание от передовых хозяйств района. Показатели

по производству мяса и молока снова достигли нормативных. Благодаря слаженным действиям животноводческих и механизаторских бригад хозяйство благополучно вернулось в элиту передовиков. На комплексе стали работать самые лучшие кадры совхоза: скотники-пастухи А.П. Фадеев, Л.Н. Шарепа, В.А. Молчанов, С.Е. Ларионов, доярки А.М. Кленовая, Г.И. Васильева, А.В. Ковальчук, А.В. Кожунова и другие. Комплекс возглавляли грамотные и опытные специалисты: Г.Ф. Кацер, А.Ф. Кацер, Г.П. Синюткина, В.Е. Быковская, В.А. Кленовый.

Специалисты совхоза постоянно повышали свою квалификацию, так как технология производства молока была новой и передовой. Зоотехник Г.П. Синюткина проходила учебу в Новгородском институте повышения квалификации. Главный зоотехник совхоза В.Е. Быковская пополняла свой багаж знаний на двухмесячных курсах в Ленинградском сельскохозяйственном институте и недельных курсах сессии ВАСХНИЛ в Ярославле. Главный ветврач совхоза А.П. Томчук прошел месячные курсы повышения квалификации в Калининграде. Специалисты постоянно учили животноводов новым методам ведения хозяйства при его полной механизации. Передовые доярки комплекса обслуживали 40-50 коров каждая и надаивали по 100-105 тонн молока от группы в год.

В 1981 году на комплексе был построен кормоцех «КОРК-15», готовивший кормосмеси для крупного рогатого скота. Производительность «КОРК-15» составляла 15 тонн кормосмесей в час. Кормосмеси, в которые входили солома, силос, соленая или свежая рыба, концентраты, соль, мел и другие компоненты, были очень полезны для скота, так как были богаты белком и минеральными веществами.

Однако, несмотря на все усилия, комплекс так и не достиг проектной мощности. Предусматривалось получить от каждой коровы по 3 тысячи килограммов молока в год, что в совокупности дало бы государству 2400 тысяч килограммов молока в год. Но план не был выполнен. Во-первых, хотя на комплексе и трудились лучшие кадры совхоза, осваивать новую технологию им

Передовая животноводческая бригада. 1966 год.

Передовая доярка В.Ф. Новченкова. 1966 год.

пришлось в процессе производства. Во-вторых, помешала крайне низкая в эти годы кормовая база, так как на одну условную голову крупного рогатого скота необходимо было заготовить по 18,5 центнера кормовых единиц, а совхоз мог производить только не более 13. «КОРК-15» явно не был загружен до предела. В-третьих, транспортер «Дельта-скрепер» не справлялся с поставленной задачей, из-за чего поломки агрегата следовали одна за другой, а помещения были сильно занавожены, что приводило к частым заболеваниям скота.

В 1981 году большая концентрация скота на комплексе (1500 голов вместо 800) привела к вспышке некробактериоза и пастерелёза. Этот случай вряд ли можно отнести к ошибке руководства совхоза: районные власти требовали, чтобы комплекс работал в полную силу. Для того чтобы выполнить поставленный план, животноводы совхоза пошли на нарушение всех санитарных норм, приспособив телятник и родильный зал для размещения коров. Все усилия специалистов и ветеринарных служб дали мало эффекта. Болезнь прогрессировала и достигла своего пика в 1984 году, когда погиб практически весь молодняк.

С декабря 1982 года совхоз подчинялся управлению сельского хозяйства горисполкома. Новым руководителем совхоза был назначен М.В. Гермолид.

В недалеком прошлом совхоз «Калининградский» ставили всем в пример, это было лучшее хозяйство района. В последние годы существования слава его заметно померкла, на многих участках обнару-

жилось значительное отставание. Постепенно заинтересованность в результате труда стала минимальной, уровень трудовой дисциплины был крайне низким. Нередки стали случаи хищения государственной собственности и пьянства. Безвозвратно уходило время передовиков. Не имея перед собой ярких примеров трудовой доблести, молодежь стремилась уехать из родного совхоза в город. Те же, что остались, оказались неспособными бороться в условиях жесткой конкуренции и тяжелого кризиса.

Для снижения затрат на запчасти и горюче-смазочные материалы впервые были введены лимитные карточки на каждого механизатора, что, по мнению руководства, должно было ограничить нецелевое и незаконное использование техники. Лимитирование, в конце концов, распространилось и на каждую животноводческую ферму и полеводческую бригаду, что привело к жесткой экономии расходного материала. В целях установления действенного контроля над качеством полевых работ каждому трактористу и комбайнеру вручили «Паспорт качества», в соответствии с которым должна была производиться оплата труда.

Отсутствие навозохранилищ сыграло свою пагубную роль. Свежий навоз, смешанный с кормовыми отходами, явился главным рассадником сорняков на полях. Сорняки же, в свою очередь, привели к снижению урожайности многих культур. От них не могли избавиться даже две химпрополки.

В середине 80-х годов в совхоз поступили картофелеуборочные комбайны, использование которых должно было существенно повысить производительность труда крестьян. Но проведению работ мешали камни, которые в избытке валяются на полях и в наши дни. Из-за них комбайны больше стояли в ремонте, а не работали. Каждый камень совхозу обошелся в кругленькую сумму.

Значительно снижалась производительность труда в летний период и у животноводов, так как большинство передвижных мехдоек невозможно было подключить к линиям электропередач из-за неправильно выбранных мест стоянки. Так же сложно решалась проблема водоснабжения летних гуртов.

В 1987 году совхоз практически прекратил поставки свинины государству.

Начиная с 1991 года все показатели его производственной деятельности стали заметно снижаться. Количество свиней сократилось почти в 2 раза. Надои молока на одну фуражную корову уменьшились почти на 100 килограммов. Валовой доход хозяйства снизился почти на 200 тысяч рублей, а в 1992 году совхоз оказался банкротом с дефицитом бюджета в 64,5 тысячи рублей.

В 1992 году решением Черняховского городского совета №510 от 29 декабря, на основании учредительных документов совхоза «Калининградский» и правовых актов, совхоз был реорганизован в товарищество с ограниченной ответственностью «Привольное». Последним руководителем ТОО «Привольное» стал директор совхоза Александр Владимирович Повх.

Товарищество получило в наследство от совхоза огромный долг. В это же время надои молока с каждой фуражной коровы составили всего 1412 килограммов. Повсеместные повальные пьянки, хищение госу-

дарственного имущества, низкая трудовая дисциплина, задержка заработной платы, отсутствие помощи со стороны государства, несвоевременное получение денег за произведенную продукцию, несоответствие цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары привели к полному развалу ТОО «Привольное».

В 1996 году рабочие товарищества получали заработную плату лишь 2 раза. Стоит ли удивляться, что к 1997 году в нем остался только 61 человек? В том же году зафиксирован рекордный долг в размере 228 тысяч рублей.

В феврале 1998 года ТОО «Привольное» прекратило свое существование. Все, что имело в собственности товарищества, было переведено в собственность рабочим на паи.

Было разделено все имущество, кроме молочного комплекса¹⁵.

На территории бывшего совхоза в 1998 году было создано 5 фермерских хозяйств, владельцами которых являлись В.М. Гермолид, Н.В. Кузнецов, Г.Ф. Кацер, В.В. Конотоп, В.А. Повх.

Дмитрий СМИРНОВ

ЧЕРНЯХОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛЕМЕННОЙ РАССАДНИК ОСТФРИЗСКОГО СКОТА

(По материалам из архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район»)

На основе изучения делопроизводственных документов Черняховского государственного племенного рассадника (с 1960 года Черняховская государственная станция по племенной работе), хранящихся в фонде №158 архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район», нами предпринята попытка в проблемном ключе воссоздать историю предприятия с момента его основания до 1986 года (дата последнего документа фонда).

История Черняховского госплемрассадника¹ де-юре началась 21 июля 1947 года, после обнаружения Постановления Со-

вета Министров СССР №26-24, в котором значилось, что вышеупомянутая организация должна быть образована в поселке Россталь² на базе колхозных ферм Черняховского, Правдинского, Гвардейского и Полесского районов (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.5).

Однако фактически деятельность предприятия началась на семь месяцев позже, а именно 6 февраля 1948 года, когда было принято решение Калининградского исполкома областного Совета депутатов трудящихся об утверждении в должности директора Георгия Кузьмича Тиняева и одобрении сметы расходов Черняховского

госплемрассадника на 1948 год в сумме 190000 рублей (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.18). В свете данного обстоятельства интересно отметить, что месяцем ранее – 9 января 1948 года – в областной Совет была подана объяснительная записка к смете

расходов госплемрассадника на 1948 год, в которой посредством подробного описания необходимых затрат на содержание организации обосновывалась сумма в 418620 рублей. С чем связана столь весомая разница (см. табл.) в цифрах?

Сравнительная таблица³

	Некоторые статьи расходов Черняховского госплемрассадника на 1948г. по смете от 9 января 1948г., направленной в Калининград к утверждению (с указанием годовых сумм в рублях)	Некоторые статьи сметы на содержание Черняховского госплемрассадника в 1948г. (утвержденной областным Советом депутатов) от 6 февраля 1948г. (с указанием годовых сумм в рублях)
Зарплата персонала	63320	29565
Адмхозрасходы	36500	39565
Исследоват. деятельность	226000	10000

По какой причине областные власти изменили первоначальный план расходов предприятия? Ведь согласно смете от 9 января 1948 года только на зарплату по штатному расписанию, включавшему 39 рабочих единиц (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.1), необходимо было иметь для выдачи 63320 рублей в год.

Ответить на эти вопросы напрямую, исходя из сохранившихся документов, не представляется возможным. Однако решение областного Совета депутатов трудящихся (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.3. Л.18) о снижении суммы затрат предприятия и утверждении штата персонала на весь 1948 год в количестве всего 8 человек, по-видимому, объяснялось острой нехваткой финансов. Жесткие условия дефицита бюджета,

которые явились следствием интенсивного использования денежных средств без должной отдачи в обстановке становления экономики Калининградской области, подвергли существенному сокращению расчеты на хозяйственные нужды и восстановление помещений, произведенные руководством Черняховского госплемрассадника. Так, только на жилье специалистам, ремонт конторы и покупку грузовой автомашины предприятие планировало истребовать у областного руководства 190000 рублей (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.3). Однако председатель областного Совета депутатов Борисов своим постановлением (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.18) обязал черняховские власти предоставить пригодное помещение под контору и квартиры

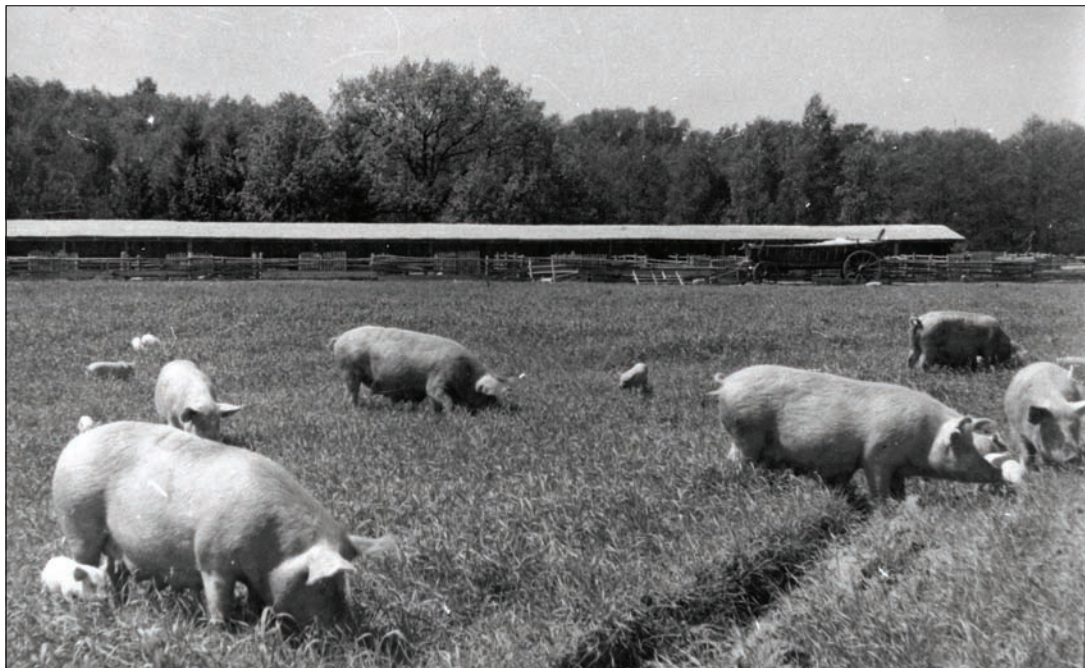
Совхоз №7. Молодняк крупного рогатого скота.

специалистам за счет местного неаварийного жилого фонда, а машину выделить из резерва Зооветснаба. Тем самым упраздняясь целая статья расходов, которые могло бы понести областное казначейство.

Тем не менее недостаточное финансирование неминуемо отразилось на качестве работы организации. Последнее обстоятельство в свете Постановления Совета Министров Союза ССР №126 от 7 января 1949 года «О дополнительных мерах помощи сельскому хозяйству Калининградской области», а также в связи с переводом Черняховского государственного племенного рассадника с областного на союзный бюджет заставило областной Совет депутатов по-новому взглянуть на проблемы работы предприятия и, в частности, признать тот факт, что утвержденный на 1948 год штат работников в количестве 8 человек не обеспечивает развертывания племенной работы в колхозах 4 районов, входивших в зону деятельности рассадника (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.8). Поэтому решено было ходатайствовать перед Государственной штатной комиссией и Министерством финансов об утверждении сметы на содержание Черняховского госплемерассадника в 1949 году в размере

480550 рублей при штате в 39 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.1. Л.8), то есть фактически вернуться к варианту, обсуждавшемуся в начале 1948 года. Однако в дальнейшем, уже при новом директоре, коим с 5 июня 1949 года стал Иосиф Селиверстович Лукашевич, количество работников так и не было доведено до указанного количества. Так, в 1950 году в штате числился 31 специалист (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.7. Л.55), а в 1951 число рабочих единиц сократилось до 10 (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.7. Л.47). Примерно такое же количество служащих⁴ состояло в штате на протяжении последующих тридцати лет существования предприятия: 1955 год – 8 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.19. Л.2); 1957 – 7 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.23. Л.2), 1960 – 4 человека; 1961 – 14 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.31. Л.1); 1964 – 12 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.43. Л.2); 1975 – 13 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.56. Л.2). И лишь к 1981 году в Черняховском госплемерассаднике трудилось 54 человека рабочих и служащих (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.84. Л.1).

Анализируя документацию предприятия, относящуюся к учету и контролю персонала, можно констатировать, что, во-первых, штат работников госплемерассадника (племенной

Колхоз им.Сталина. Свиноматки с молодняком на выпасе. 1949 год.

станции) всегда был невелик и варьировался в зависимости от времени года. Как правило, костяк организации составляли специалисты с высшим и средним образованием⁵. Эти люди занимали должности, в делопроизводительной практике рассадника именовавшиеся не иначе как «штатные»⁶. Кроме того, для подобных специалистов была предусмотрена периодическая учеба с целью повышения квалификации (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.3. Л.18). Но были и «внештатные», сезонные, работники⁷, с которыми заключался договор о временном трудоустройстве. Однако на практике процедура приема таких людей на работу не всегда юридически оформлялась. Об этом свидетельствует целый ряд ревизионных актов, составленных за период с 1951 года по 1954⁸.

Относительно проблемы комплектования кадрами Черняховского государственного племенного предприятия в конце 1940-х годов можно отметить еще одну интересную деталь, а именно тот факт, что руководство рассадника не предоставляло систематически в Главживупр СССР квартальные отчеты о движении специалистов (прибытие, перемещение, отбытие), хотя в соответствии с постановлением Главного управления животноводства №367-10 от 12 марта 1948 года надлежало подобные сведения «обязательно направлять в Москву один раз в три месяца» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.3. Л.11).

Что касается хозяйственно-экономической составляющей, то при ее характеристике⁹ огромное значение имеют так называемые акты осмотров и годовые отчеты, составленные в разные годы существования рассадника. Так, согласно ревизии от 24 мая 1951 года, племенной рассадник обслуживал три района: Черняховский, Гвардейский и Правдинский, всего 8 племенных ферм¹⁰. На балансе предприятия насчитывалось 1009 коров, 862 теленка (из них пало 306 особей), куплено 554 головы рогатого скота, 124 головы сдано государству, надоено молока 2567 литров¹¹, осеменено 440 коров¹² (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.5. Л.14). Кроме того, госплемрассадник имел 2 автомашины (на ходу): «ГАЗ-АА» №08-53 и «ГАЗ-ММ» №70-61 – и 1 лошадь. В собственности предприятия находилось 2 кирпичных дома: один был занят под контору, а второй под

Работницы Черняховской государственной станции по племенной работе (1-я справа – З.П. Лисовцова).
Пос.Маёвка. 1974 год.

квартиры служащих. Плюс ко всему, имелись надворные постройки и каменный сарай. Рассадник по-прежнему содержался на союзный бюджет; в 1951 году расходы Министерства сельского хозяйства на данное предприятие составили 103790 рублей при штате в 10 человек (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.10. Л.12).

По состоянию на 1 декабря 1952 года план увеличения поголовья скота был выполнен на 100,1%, надой молока составил 2235 литров на одну фуражную корову, а это примерно 83,4% от запланированного. Однако в том же году были выявлены и существенные недостатки в деятельности рассадника: не организована работа по искусственному осеменению, стада не привиты от туберкулеза¹³ (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.3. Л.24). Более того, согласно приказу Калининградского областного управления сельского хозяйства от 6 февраля 1953 года работу Черняховского племенного рассадника в 1952 году вообще признали неудовлетворительной¹⁴.

Впоследствии особым постановлением областного сельскохозяйственного управления

Лаборатория Черняховской государственной станции по племенной работе в пос.Маёвка. 1974 год.

от 28 марта 1955 года в зону деятельности госплемрассадника были включены колхозы «Дружба» и «Большевик» Нестеровского района (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.18. Л.1). В 1960–1961 годах предприятие переименовано в Черняховскую государственную станцию по племенной работе (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.4. Л.1). Тогда же назначен и новый директор – тов.Шуйский (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.4. Л.11). К 1975 году станция обслуживала уже более 10 племенных животноводческих ферм, причем не только по выращиванию крупного рогатого скота, но и свиней¹⁵ (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.71. Л.11).

В 1985 году было закуплено новое оборудование – в докладной записке руководства племенной станции в областное сельскохозяйственное управление особо отмечались аппараты машинного доения и замораживатели органических веществ (спермы животных), «что позволило интенсифицировать работу с племенными фермами в колхозах... и повысить производительность скота» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.62. Л.3). В годовом отчете за 1986 год сказано буквально следующее: «...Черняховская племенная станция находится на стадии

подъема своего технико-экономического развития... На протяжении последних двух лет ресурсы предприятия используются наиболее полно... Все это в совокупности позволит выдать отличные результаты, перевыполнив план, поставленный правительством в XI пятилетке...» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.101. Л.2). Эта выдержка из отчета, по нашему мнению, достаточно симптоматична. Она ярко характеризует эйфорию начавшегося в 1985 года процесса «перестройки», который фактически привел к прекращению деятельности предприятия...¹⁶

Таким образом, подводя итог нашим изысканиям, мы можем констатировать факт достаточно длительного существования в Черняховском районе крупного центра племенного животноводства, который имел свои спецфермы в ряде районов Калининградской области. Однако автор находит нужным обратить внимание читателей на то обстоятельство, что многие из проблемных моментов, затронутых в рамках данной ознакомительной статьи, заслуживают более детального изучения, с привлечением документов из других фондов Черняховского архива¹⁷, как предмет нового, многопланового, исследования.

ТЫ – ЧЕРНЯХОВЕЦ!

(Из анкет, собранных пионерами города в 1970-1980-е годы)

В 70-х и 80-х годах прошлого столетия пионеры школ города, помимо анкет ветеранов Великой Отечественной войны, собирали и анкеты под заголовком «Ты – черняховец!», которые ныне хранятся в Музее боевой и трудовой славы имени И.Д.Черняховского Детско-юношеского центра (школа №8). Очевидцы событий прошлых лет отвечали на следующие вопросы: «Когда Вы приехали в г.Черняховск? Ваши первые впечатления о городе тех лет. В какой школе учились? Что из жизни школы запомнилось как самое памятное? Ваши трудовые пути. Самые памятные случаи, эпизоды Вашей трудовой биографии. Какие трудовые награды Вы имеете? Ваше любимое место в нашем городе. Ваша строка в истории города Черняховска».

Выдержки из нескольких анкет мы приводим здесь как документы тех времен – насколько трудных, настолько интересных.

Маликов Иван Васильевич:

«В Черняховске с 1945 года. Помню, что город был изрядно разрушен: фактически не было вокзала, центральная улица была завалена кирпичом и щебнем, не было воды, все торговые точки были разрушены, свет был только на улице Первомайской (теперь Ленина).

Работал и учился на шофера, затем пересел на трактор, трудился на конезаводе №7¹».

Агафонова Валерия Григорьевна:

«Приехала в Черняховск со своей дочкой. Увидела пустынные улицы, разрушенные

дома, горы щебня и мусора. Однако работа по расчистке улиц кипела. Появились первые вывески: “Детский сад”, “Детские ясли”, “Школа”.

Работала в городской библиотеке».

Вдовиченко Василий Степанович:

«В сентябре 1946 года приехал в Черняховск после демобилизации из армии. Был откомандирован с Винницкой железной дороги для восстановления путевого хозяйства на Литовскую железную дорогу. Город Черняховск был сильно разрушен. Там, где сейчас находится железнодорожный вокзал, в

Инстербург после штурма. Вид на Альгер Маркт со стороны Лютеранской кирхи. 22 января 1945 года.

Ул. Советская. 1947 год.

то время были одни развалины. Вокзал временно располагался в бараке, в котором пассажиры ожидали поездов на скамейках или ютились на полу. Поезда ходили смешанные – товарно-пассажирские.

Проходил по городу – казалось, что города не существует. Было разрушено все: здания, тротуары, улицы. Немногочисленные горожане жили в уцелевших домах в наспех отремонтированных квартирах.

Нам пришлось восстанавливать железнодорожные пути, путевые здания. Работал в должности дорожного мастера. Неоднократно поощрялся. Дважды был награжден знаком «Отличный путеец», медалью «За доблестный труд»».

Никулина Надежда Борисовна:

«Когда я в 1946 году приехала в Черняховск, он еще назывался Инстербургом. Улицы были засыпаны кирпичом. Фактически не было тротуаров. От домов остались одни «коробки». Уцелевшие дома удивляли своей архитектурой. Первые годы мы росли вместе с немецкими детьми, которые учились в школе вместе с нами на улице Чайковского, где сейчас находится детский сад².

После окончания техникума работала начальником службы по ремонту и строительству на аэродроме».

Стафеева Анна Алексеевна:

«В Черняховск я приехала 6 ноября 1946 года из г. Уручье в связи с переводом мужа, работающего в горотделе МГБ. В город приехали поздно ночью. Из вагона вышли прямо на рельсы, так как железнодорожного вокзала просто не было. Первое время жили в служебном помещении мужа. На город смотрела с любопытством: было много развалин, уцелевшие дома с остроконечными черепичными крышами мне показались черными, неприветливыми, чужими. Бывшие жители Инстербурга ходили в деревянных колодках, стук которых о тротуар далеко раздавался по улице. В 1947-48 годах немцев выселили в Германию.

С 1947 года по 1959 работала в городском отделе МГБ. Затем до пенсии проработала секретарем-машинисткой в УКХ Черняховского горисполкома. Вырастила троих детей».

Гриневиц Эдуард Петрович:

«В Черняховске с апреля 1947 года. Многие дома были разрушены, в том числе и вокзал. На улицах груды кирпича, пустые коробки домов с обрушившимися крышами. На товарной станции кладбище немецких танков и тяжелых орудий. Трудности со снабжением, очереди за хлебом, которые

сохранялись даже ночью. Частые случаи падения полуразрушенных зданий от ветра – по улицам было опасно ходить, особенно по тротуарам. Обилие бомбоубежищ, дзотов, множество траншей вокруг города (излюбленные места игр ребят тех лет). Разрушенные и разбомбленные заводы с горами металла и битых кирпичей.

В сентябре 1947 года я пошел учиться в 1-й класс школы №4 на ул.Крестьянской. Школы были отремонтированы в первую очередь и оборудованы школьной мебелью. Мы с ребятами очень любили спорт и охотно занимались в спортивных секциях. Проводились частые субботники по сбору металлолома, по расчистке города от завалов. Школа отправила меня в 1954 году в пионерлагерь “Артек”. Учился на “отлично”. В 1959 году закончил училище в Вильнюсе. Работал в локомотивном депо Черняховска, а после института – в “Сельхозтехнике”».

Денисова Елена Федоровна:

«Окончила в 1940 году Казанский государственный медицинский институт. До 1945 года работала на Амурской железной дороге начальником врачебного участка станции Благовещенск. Прибыла в Черняховск в 1947 году. Город представлял из се-

бя груды развалин. Разрушенные взрывами, сожженные и исковерканные дома; мрачные, пустые оконные проемы; засыпанные обломками стен тротуары. Канализация и водопровод полностью разрушены, подвалы домов залиты водой и нечистотами. В руинах вокзал и административные здания, почта и телеграф.

Начала работать в Черняховской узловой больнице врачом, а с октября 1947 года – заведующей поликлиникой, одновременно рентгенологом. В апреле 1948 года вступила в ряды КПСС. С 1965 года – главный врач узловой больницы.

Из детства памятные годы участия в ликбезе, когда нас, отличников, привлекали к преподаванию в школах ликбеза.

Награждена орденом “Знак Почета”, медалями “За доблестный труд”, “Ветеран труда”, знаком “Отличник здравоохранения”».

Алёхина Анна Ермолаевна:

«В 1948 году, после окончания Задонского педучилища, я приехала в Черняховск по направлению. Город встретил развалинами. Хотя часть зданий уцелела, они терялись на фоне разбитых и сожженных домов, которые зияли своими разломами и отверстиями подъездов и окон. Жителей

Ул.Калининградская. 1950-е годы.

было мало, но они в свободное время трудились, закладывая кирпичами пробоины на нижних этажах.

Черняховск жил своей беспокойной жизнью. Особое внимание в те годы уделялось художественной самодеятельности. Этому городу, залечивающему раны, нужны были веселые, задорные, работающие люди. И город пел. Неустанно работал отдел культуры. Выступали с концертами в селах и воинских частях. С продуктами было хорошо. В магазинах все было. Настрой был у людей боевой, они радовались жизни, совсем не так, как сейчас.

Я работала в школе Бережковского сельсовета. Много работало там и немцев – простых тружеников. Удивляли их трудолюбие, вежливость, уважительное отношение к русским (возможно, они боялись нас или чувствовали себя виноватыми). Всегда уступят место, еще издали здороваются. В магазине не возьмут хлеба, пока не возьмут наши. Потом их стали отправлять в Германию, а они плакали и не хотели уезжать.

После окончания института я работала в Краснополянской восьмилетней школе».

Козменова Зоя Зосимовна:

«В 1954 году я приехала в колхоз «Коммунар» Поначалу впечатление о колхозе сложилось плохое. Почти не было техники, работали в основном на лошадях. Однако людей в колхоз стало приезжать много, в том числе немало молодежи, поэтому работать было весело. Дома культуры еще не было, а для танцев имелся только клуб на 3-й бригаде.

Мне было 24 года. Время было трудное, но мы были молоды. Больше двух десятков лет проработала дояркой. Награждена знаком «Ударник IX пятилетки».

Если говорить о лучших местах, то считаю, что краше мест, что рядом с нашим колхозом, нет».

Карулина Эльвира Андреевна:

«В Черняховск я приехала в январе 1963 года. Запомнился центр города, особенно площадь им.Ленина, которая оставалась большой и пустынной. Еще много было руин. На улице Ленина целые дома можно было пересчитать по пальцам. Между площадью и Домом пионеров улица вообще

Вид на ул.Ленина и сквер с Доской показателей предприятий. 1960-е годы.

выглядела плачевно – одинокие дома, пустыри и руины. Жили мы на улице Победы, куда транспорт ходил с перебоями. Теперь здесь новый микрорайон с современными жилыми массивами, магазинами и кафе. Удивительно похорошела и главная улица города – улица Ленина.

С 1963 года работала учителем в средней школе №2, а затем в педагогическом училище».

Кожевникова Валентина Георгиевна:

«Первое впечатление о городе было тягостным: мрачные улицы, кругом грязь. Почти все дома были разрушены. Правда, был сентябрь 1966 года – красивая пора, что и скрашивало общую удручающую картину. Что мне сразу понравилось, так это множество красивых деревьев и кустарников.

Вся моя жизнь связана со школой, в которой работаю с 1952 года – сначала как пионервожатая, а по окончании пединститута учителем русского языка и литературы. Самые памятные дни в жизни – участие в составе делегации на ВДНХ».

ЖИВОЙ ГОЛОС ИСТОРИИ

Воспоминания,
очерки, заметки

Василий Александрович Гудилин – один из тех, кто в 1946 году приехал восстанавливать край. Приехал вместе с родителями и братьями. Было ему тогда всего восемнадцать, а за плечами – и опыт самостоятельного труда (в 1941-м, после ухода отца на фронт, пошел работать в колхоз, в неполные четырнадцать лет стал трактористом), и опыт войны (был «сыном полка», позже, в шестнадцать-семнадцать лет, разминировал территории, освобожденные от оккупации). Теперь ему предстояло осваивать незнакомую землю. В разное время он работал на ответственных должностях в сфере управления (в частности, в 1965-1967 годах был председателем Черняховского горисполкома), служил в армии, в органах юстиции. С 1994 года живет в Санкт-Петербурге и, хотя ныне находится на пенсии, активно участвует в общественной жизни, пишет книги. Фрагменты одной из них, рукопись которой была любезно предоставлена автором, мы предлагаем вниманию читателей.

Василий ГУДИЛИН

О ВРЕМЕНИ, РОДНЫХ И О СЕБЕ

(Из воспоминаний)

Дорога, встреча в Инстербурге и первые впечатления

Наша семья переехала в Калининградскую область в октябре 1946 года. Вместе с нами на новое место жительства переселилась семья К.С. Некрасова, друга моего отца.

Всего же из деревень Тербунского района Курской области – Анненки, Воейково, Покровки, Синяевки, Петровского и других – переселилось в новый край более 30 семей. Отобранные для переселения семьи тербунцев были готовы к отъезду 10-12 октября 1946 года. Правда, отъезд нашей семьи чуть было не сорвался. Отец рассказывал, что накануне отъезда первый секретарь Тербунского райкома ВКП(б) В.Ф. Мигаль в доброжелательной форме предложил ему меня с собой не брать, оставить в Тербунах. Он обещал отцу, что через какой-то промежуток времени райком выдвинет меня на какую-то престижную работу. Он сказал отцу буквально следующее: «Вы, Александр Алексеевич, поезжайте, а сына Василия, пожалуйста, оставьте в наше распоряжение». Я к тому времени стал кандидатом в члены ВКП(б) и, видимо, был включен в резерв на выдвижение. Конечно, отцу было приятно слышать добрые слова о своем сыне, но просьбу секретаря райкома он отклонил. Ответ был кратким: «Без сына я не поеду».

Перед отправкой в дорогу я был назначен заместителем начальника нашего эшелона.

Это дало мне право принять самое активное участие в обеспечении погрузки в вагоны домашнего скота, птицы, неприхотливой мебели и другого имущества и обеспечить, таким образом, полную и всестороннюю подготовку к отъезду.

Но одну важную ошибку, как выяснилось потом, я все же допустил. Зря согласился принять на хранение, под свою личную ответственность, картофель, принадлежавший семьям переселенцев.

Забегая вперед, отмечу одну неприятную историю. Когда мы приехали на место, картофель перевозился без должного контроля и после разгрузки в течение целой ночи никем не охранялся. Это дало возможность бесчестным крестьянам совершить кражу.

Всего было похищено около полутора тонн. В результате некоторым семьям зафиксированное при погрузке количество картофеля пришлось уменьшить при раздаче. Больше всего пострадала наша семья. Кто совершил хищение картофеля, мне потом стало известно. Но называть имена этих людей здесь я не стану, тем более что их отношение ко мне всегда было более чем доброжелательным. Правда, этот явно безнравственный случай еще раз убедил меня, что внешние признаки уважительного отношения и добропорядочности человека далеко не всегда отражают его внутреннее состояние, истинные чувства и замыслы.

Продолжим рассказ о следовании эшелона с тербунскими переселенцами. Эшелон следовал по маршруту «Тербуны – Черняховск (Инстербург)». Выехали мы где-то в середине октября 1946 года. Движение проходило более-менее нормально, но что тревожило переселенцев? Прежде всего, это сам факт поездки в неизвестность и видимая черная панорама недавней войны. Почти во всех городах и деревнях, которые проходилась проезжать, подавляющее большинство объектов – жилые дома, корпуса промышленных предприятий, административные и многие другие здания и сооружения – находилось в разрушенном или сгоревшем состоянии. Уцелевшие коробки кирпичных строений не имели крыш, окон и дверей, а те, которые подверглись пожару, имели и впрямь какой-то особый, «скорбящий» черный вид. Не лучше обстояло дело и в деревнях. Там очень часто на месте жилых домов можно было видеть только сиротливо стоящие русские печи. В общем, поразмышлять было над чем.

Перед приближением нашего эшелона к конечному пункту поезд совершил длительную остановку в литовском городе Каунасе. Там всех нас помыли в бане, выдали нам горячую пищу, подвергли санобработке верхнюю одежду.

В Черняховск наш эшелон прибыл 22 октября 1946 года. Сразу бросилось в глаза, что вокзала как такового не было. На его месте стояла больших размеров обгоревшая кирпичная коробка, свидетельствующая о недавних боях.

К месту непосредственной разгрузки вагонов (железнодорожный тупик речного порта) эшелон был подан к середине дня 22 октября 1946 года. Встречали нас представители гражданского управления города. Среди встречавших был и сам начальник управления по гражданским делам Афанасий Терентьевич Илларионов, впоследствии ставший хорошим знакомым и даже другом нашей семьи. Совсем рядом с местом разгрузки вагонов стояла колонна грузовых автомобилей. Они были сосредоточены здесь заранее с одной лишь целью: доставить всех вновь прибывших переселенцев к местам, где предполагалось их дальнейшее проживание. Отмечу, что пер-

В.А. Гудилин. 1944 год.

вые впечатления от всего увиденного оказались неутешительными, а у некоторых явно тревожными. В самом Инстербурге мы увидели картину, вполне сравнимую с нашими городами, которые в той или иной степени подверглись разрушениям в ходе боевых действий. Но главная причина душевного дискомфорта заключалась в другом. Она напрямую была связана с самим фактом вступления на землю, которая совсем недавно принадлежала врагу... Хотя уже тогда, несмотря на поверхностный осмотр окружающей действительности, можно было увидеть, что построен город был добротно, с умом и даже красиво, все же то, что нам довелось увидеть: жилые дома с остроконечными крышами, покрытые красной черепицей, католические соборы с высокими колокольнями-шпилями, полуразрушенные или сгоревшие заводские здания и сооружения, – вызывало у нас какое-то особое настроение, а то и просто нежелательную тревогу и чувство тоски.

Конечно, мы понимали: для адаптации к новым условиям жизни потребуется какое-то время, что всех нас и успокаивало.

Вернемся, однако, к разгрузке вагонов с переселенцами. Сразу хочу отметить, что ничего особенного в этой операции не было. Разгрузка проводилась организованно, с соблюдением всех мер предосторожности и технической целесообразности. Машины для загрузки подгонялись непосредственно к дверям вагонов. Вначале грузили домашний скот, у кого тот имелся, домашнюю птицу, а затем неприхотливую домашнюю мебель и другое имущество. Затем груженные машины в сопровождении представителей гражданского управления вместе с переселенцами отправлялись к конкретным местам, где всем нам потом предстояло жить и трудиться.

Для нас таким местом оказались несколько хуторов и два небольших поселка по 10-12 жилых домов, расположенных в паре километров от железнодорожной станции Юдчен (ныне пос. Веселовка). Дома, в которые вселялись переселенцы, имели бесхозный, сиротливый вид. Во многих из них не было окон, дверей, требовался соответствующий ремонт полов, печей, кровли и т.п. Примерно в таком же состоянии находились и многие надворные постройки – помещения для содержания домашнего скота, птицы, хранения грубых кормов, сельхозинвентаря и техники.

Характеристика ситуации на новом месте

Нашей семье был предложен дом, который сразу же вызвал у нас объяснимое замешательство. Дом был большим, городского типа, в нем только на втором этаже имелось 5 или 6 комнат. Кроме этого, были еще огромный коридор, какие-то кладовки, холлы и другие помещения. Все выглядело красиво, добротно, опять же построено с умом. Мне лично особенно приглянулись отопительные печи, которые были сложены из высококачественного кафеля, имели красивые дверцы и стояли на удачно выбранных местах. В комнатах были массивные филенчатые двери, паркетные полы и удобные ниши для шкафов и хозяйственных полок. И это только на одном втором этаже. А на первом этаже,

кроме кухни, имелось еще несколько хозяйственных помещений – кладовые для хранения продовольствия и другого домашнего имущества. В доме был просторный подвал, а на чердаке – две летние комнаты и специальная печь-коптильня. С восточной и южной сторон к дому примыкал небольшой фруктовый сад.

Недостатком предложенной нам усадьбы являлось отсутствие помещений для содержания домашнего скота и птицы. В случае заселения нам предстоял бы большой ремонт, с которым мы вряд ли смогли бы справиться. Дело в том, что все основные ремонтные работы по дому предстояло бы делать мне, но меня вот-вот должны были призвать на армейскую службу. Отец же являлся инвалидом второй группы: у него была перебита правая рука. Братья Яков и Степан были еще совсем маленькие, да и Михаил не достиг еще совершеннолетия. Материальное положение семьи в тот момент было более чем тяжелое.

В результате, после долгих раздумий, мы пришли к единому мнению: предложенный нашей семье дом не занимать, а передать его в распоряжение правления колхоза, которое предполагалось избрать в ближайшее время. Тем более что к дому примыкало еще одно добротное помещение, которое вскоре стало использоваться в качестве сельского клуба.

Отказавшись от предложенного жилья, первые 3-4 дня мы провели в доме, занятом семьей К.С. Некрасова. Жили вместе, как говорилось, в тесноте, но не в обиде. Затем, как и семья Некрасовых, переселились в небольшой стандартный домик, стоявший недалеко от поселка. Его техническое состояние было вполне удовлетворительным. Но размеры его нашу большую семью, конечно же, не устраивали. Прожили мы в этом жилище всего лишь 4,5 – 5 месяцев. Усадьба эта и пережитые там трудности запомнились каждому из нас на всю жизнь. И связано это было с особыми обстоятельствами.

Первое – это то, что именно в этом доме 23 февраля 1947 года родилась моя дорогая сестричка Мария. Второе – это пережитая

В.А. Гудилин в колхозе «Заря». 1947(48) год.

голодовка. Я хорошо помню, когда в отдельные дни в доме не было никаких продуктов. У мамы, например, от постоянного недоедания опухали руки и ноги, а ведь на руках был еще и грудной ребенок. Основной нашей едой в этот период была обыкновенная брюква, которую мы покупали в литовском городе Кибартае.

Во второй половине марта 1947 года наша семья перебралась в дом, который всех устраивал и, хотя был старым, выглядел вполне прилично.

До нашего приезда в доме временно проживала супружеская пара пожилых немцев и два гражданина, кажется, из Западной Белоруссии, которые работали в одном из подсобных хозяйств, принадлежавшем какой-то воинской части. Встречаясь со всеми жильцами дома, я в тактичной форме просил их ничего не портить в доме и поторопиться с отъездом. Все вроде бы шло нормально. Правда, родители переезд чуть-чуть затягивали, были на это и объективные причины. И все же можно было поторопиться. Обидно, что за день до нашего переезда в сарае-гараже, пристроенном к дому, была обнаружена

отъезжающими яма-склад с большим количеством посуды, которая была запрятана бывшими хозяевами этого дома. Соверши мы свой переезд на 2-3 дня раньше, найденный склад оказался бы нашим трофеем. И все же, несмотря на такой исход, все случившееся несколько нас не огорчило. Мама так и говорила: «Чужого нам не надо».

Усадьба была построена в 1837 году. Указанная дата была высечена на гранитной плите, уложенной в капитальную стенку сарая-гаража, пристроенного к торцевой части дома с западной стороны. Дом имел крепкий, глубоко уложенный фундамент, массивные перекрытия, большую устойчивую крышу с красной черепицей. Всего в доме было около десяти жилых комнат, большая кухня, два добротных подвала, обустроенный чердак. Сам дом и окружающие его строения: скотный двор, конюшня, свинарник, большие навесы – свидетельствовали о длительном сроке их использования. Были в саду специально обустроенные беседки, цветники, прогулочные дорожки и даже небольшой водоем. Все это, несмотря на некоторое запустение, выглядело красиво. Жаль, конечно, что и мы

по ряду причин тоже не сумели восстановить всю эту красоту и разумно ею пользоваться. Виной тому был наш совершенно иной образ жизни.

Колхозникам выделяли всего лишь по 0,4-0,5 гектара земли под огород для выращивания картофеля, овощей, других видов сельскохозяйственных растений, необходимых для питания семьи и кормления домашнего скота.

Новое жилье мы постепенно привели в порядок. Отец отремонтировал все окна, двери, печи. На кухне вместо плиты он сложил отличную русскую печь, облицевав ее светло-серым кафелем.

Я, в свою очередь, особое внимание уделил крышам дома и сарая-гаража, на которых было уложено около десяти тысяч штук черепицы, и каждую мне пришлось подержать в руках, осмотреть и, если на ней не было трещин и сколов, положить на место.

Комнат в доме было много, но занимали мы, особенно зимой, всего лишь две-три – самые большие, теплые и уютные. Правда, в конце 40-х – первой половине 50-х годов какое-то время в другой половине дома пришлось прожить вначале мне, а потом и брату Михаилу. Позднее эта часть дома пустовала. После призыва в армию я бывал здесь наездами. Братья Михаил, Яков и Степан через какое-то время тоже покинули родительский дом. Не стала исключением и судьба моих сестер Марии и Зинаиды, которые вышли замуж и жили в других местах.

Пришло время, когда в доме жить оказалось некому. Родители, по состоянию здоровья и в силу преклонного возраста, содержать дом, ухаживать за скотом и птицей, обрабатывать огород уже не могли. К тому же в те годы политика государства по отношению к крестьянству была далеко не разумной. Взять хотя бы моих престарелых родителей. Вместо оказания им какой-то помощи руководство колхоза, а затем и совхоза не разрешало им заготавливать сено для домашнего скота, не оказывало помощи в подвозе топлива, допускало другие притеснения и ограничения. В конце концов дом пришлось оставить. Роди-

тели переехали в Черняховск. Вначале они занимали комнату в коммунальной квартире, принадлежавшей дочери Марии. Затем отцу, как инвалиду и ветерану войны, была выделена отдельная квартира со всеми удобствами, в которой они прожили до конца своих дней. Что касается дома в колхозе «Заря», то, оказавшись бесхозным, он через какое-то время был разрушен.

Первые хозяйственные и организационные мероприятия на новом месте

Хочу сразу отметить, что, прибыв в новую область, мы увидели здесь не только сожженные жилые дома, до основания разрушенные заводские строения, объекты транспорта, энергетики и связи, но рассматривали и нечто другое. Во-первых, мы пришли к выводу, что до войны этот край был очень даже хорошо и продуманно обустроен. Несмотря на серьезные разрушения, можно было понять, что почти все жилые дома, объекты промышленных предприятий, дороги, мосты, дамбы, строились здесь добротнo, красиво и надолго.

Обустроенность крестьянских усадеб и целых поселков, ухоженность лесов и сельскохозяйственных угодий, эффективно действующая мелиоративная система свидетельствовали о том, что раньше здесь жили люди, имевшие незаурядное трудолюбие, высокий профессионализм и естественную любовь к своему родному краю.

Жаль, конечно, что не всем этим на следствием нам удалось воспользоваться. Думаю, что отдельные важные объекты, и особенно те, которые представляли большую историческую и архитектурную ценность, можно было бы сохранить. Хотя, в порядке объективности, не обращая внимания на эмоции, стоит признать, что в тот период, сразу после окончания войны, никаких условий для сохранения архитектурных и каких-то других важных объектов вообще не существовало. Не было тогда действующих коллективов строителей. О них стали думать намного позднее.

В данном случае отрицательную роль сыграл и психологический фактор. Сейчас

это звучит вроде бы глупо, но тогда находились люди – их было немало, – которые считали, что все сохранившиеся здесь в любом виде объекты, даже разрушенные, являются для нас чужими. Объяснение было простым: все они недавно принадлежали фашистам – нашим заклятым врагам. А раз это так, то сохранять не стоит. Разумеется, такой психологический настрой многих жителей нового края был явно ошибочным и даже вредным. Более того, он способствовал продолжению разрушительных процессов, что совсем не соответствовало интересам и практическим планам и целям прибывших сюда поселенцев.

Конечно, для ликвидации такого явно отрицательного синдрома, оставшегося от войны, требовалось какое-то время. Все это так. И все же, я считаю, некоторые уникальные строения следовало бы сохранить.

Я, например, до сих пор жалею, что в Черняховске не удалось сохранить старинное церковное здание, стоявшее на вершине крутого берега реки Анграпы рядом с пешеходным мостиком, недалеко от центральной площади города.

Как очевидец и участник многих конкретных событий того времени, еще раз и совершенно определенно могу утверждать, что решить тогда задачу сохранения и восстановления всего ценного и даже очень важного и нужного было просто невозможно. Чтобы такое чудо могло совершиться, нужны были огромнейшие материальные и трудовые ресурсы. А их-то как раз и не было.

**Колхоз «Заря»
Черняховского района.
Работа правления и общественных
организаций колхоза**

После вышеизложенного отступления вернусь к проблемам, вставшим перед переселенцами на первом этапе их жизни и трудовой деятельности. Определенно могу сказать, что ситуация, возникшая в среде переселенцев, была на редкость сложной, даже критической, но все же не безнадежной. Именно такая ситуация еще теснее сплотила людей, укрепила их дух и заметно

В.А. Гудилин. 1950-е годы.

способствовала взаимной поддержке, взаимопониманию и взаимовыручке.

С чего и как начиналась наша жизнь на новом месте? Первые 3-5 дней были посвящены знакомству со всем, что нас окружало. В это же время поселенцы приводили в порядок свои домовладения и надворные постройки. Активисты вели целенаправленную организаторскую и разъяснительную работу, связанную с подготовкой первого общего собрания крестьян-переселенцев.

В начале ноября 1946 года такое собрание состоялось. На нем были приняты решения:

1. Создать колхоз и дать ему символическое название «Заря».
2. Избрать правление и председателя колхоза.

Председателем колхоза единогласно был избран мой родитель – Гудилин Александр Алексеевич. Членами правления были избраны пять человек: А.А. Гудилин – председатель, П.Н. Карпухин – бухгалтер, К.С. Некрасов – завхоз, Д.М. Орехов – бригадир бригады №2, В.П. Иванченков – кузнец.

На этом же собрании были согласованы и утверждены в должностях и некоторые другие колхозники: Б.Н. Игрунов – бригадир первой бригады, Д.И. Мамистов, Т.Г. Карасев, А.И. Петрухин, Н.Ф. Власов – конюхи (последние готовили и помещения для коней).

Оценив ситуацию, правление колхоза провело ряд важных и нужных мероприятий:

- осмотр и оценку технического состояния всех пока что свободных помещений с целью их разумного использования в ближайшей перспективе;

- уточнение границ, рельефа и качественного состояния земельных угодий, отведенных колхозу;

- организацию поиска и доставки к местам хранения бесхозного сельхозинвентаря, транспортных средств, кормов, других ценных предметов и имущества.

Большое внимание в этот период было уделено объединению людей в крепкий, трудоспособный коллектив, оказанию им морально-психологической поддержки с целью более быстрой и безболезненной адаптации к новым условиям жизни.

Сложность данной проблемы заключалась не только в самом факте переселения, его некоторых издержках, но и в психологическом состоянии людей, порой во взаимной несовместимости. Ведь, несмотря на то что все они являлись выходцами из одного района, в их конкретных деревнях, селах, где они жили раньше, обязательно существовали свои какие-то особые традиции и привычки. И некоторые соблюдались только ими. И все это при создании нового единого коллектива нужно было учитывать.

Проблема осложнялась и некоторыми другими важными факторами, и прежде всего связанными с особенностями природных условий. Если взять здешний климат, то его никак нельзя было сравнить с тербунским. В нем явно чувствовалось морское дыхание – влажность и свежесть. Море-то было рядом.

Заметно отличались от привычных земельные угодья. Главным образом, это касалось плодородия и размера полей, струк-

турного состояния почв, наличия дренажной системы и т.д. Приведу по этому поводу небольшую справку.

Здешние почвы делятся на торфяно-болотистые, дерново-подзолистые, глинистые, тяжелые суглинистые и легкосуглинистые, есть и песчаные. Пахотный и гумусный слой небольшой. Причем все почвы требуют внесения не только большого количества органических и минеральных удобрений, но и регулярного известкования, а на тяжелые суглинки и глинистые почвы необходимо вносить еще и песок. Все это при обработке здешних земель обязательно надо было учитывать.

А вот еще одна важная сторона рассматриваемого вопроса, которая тоже не лучшим образом сказалась на положении дел в колхозе. Переселенцы какое-то время никак не хотели признавать отведенную колхозу землю своей. Они достаточно долго считали ее чужой и необходимой заботы и любви к ней, которая была присуща им при обработке земли своих предков, никак не проявляли.

В душах людей, как я уже отмечал, продолжал сохраняться психологический синдром, оставшийся от Великой Отечественной войны и мешавший им реально смотреть на объективную реальность и разумно решать все хозяйственные, бытовые и другие жизненно важные вопросы и проблемы.

Понятное дело, требовалось некоторое время, в течение которого переселенцы смогли бы пересмотреть свои взгляды, убеждения и направили бы их в нормальное русло. Тем более что условия для этого имелись.

Уже тогда было видно, что мягкий, влажный климат позволяет именно на этих землях получать высокие урожаи не только зерновых и овощных культур, но и ценных сортов фруктов, ягод, других нужных людям растений.

Однако, чтобы все это дошло до сознания переселенцев, необходимо было провести огромную разъяснительную и организаторскую работу, которая, конечно, проводилась тогда самым активным образом.

Председатель Черняховского горисполкома В.А. Гудилин (в центре).

Испытали тогда наши переселенцы и некоторые другие трудности и неудобства. Ведь у колхоза ничего не было. На первых порах колхоз не имел сельскохозяйственной техники, инвентаря, транспортных средств и средств связи, отсутствовало электроснабжение, не было топлива.

Весной 1947 года многие семьи колхозников испытали серьезный голод, а некоторые вообще оказались в крайне тяжелом положении. Не обошел голод и нашу семью, о чем я уже говорил.

В такой вот критический момент (март-апрель 1947 года) нас в прямом смысле спасла гнилая картошка, которую я и брат Михаил собирали на прошлогоднем картофельном поле, принадлежавшем в то время подсобному хозяйству одной из воинских частей Черняховского гарнизона.

Запомнился и такой, вроде бы совсем обычный, случай. В конце апреля 1947 года мне удалось приобрести в личном хозяйстве Ботняева небольшой мешок картофеля. Для семьи это стало большим со-

бытием. Но суть дела не в этом. Именно в тот момент к нам домой зашел первый секретарь Черняховского горкома комсомола М. Усаченок. По этому случаю, чтобы покормить гостя, мама сварила целый чугунок очищенного картофеля, аромат которого радовал душу и вызывал аппетит. К столу пригласили гостя. Мы приготовленной еде были рады до бесконечности, представлялось, что мы присутствуем на празднике. Но, как мне тогда показалось, приготовленная еда нашему гостю не понравилась. Думаю, что переживать голод этому человеку не приходилось. Знал бы он, что в это время в нашей семье несколько дней подряд не было даже маленького кусочка хлеба. Питались, главным образом, гнилой картошкой и, реже, овсяным киселем, для приготовления которого размолотый овес тоже достать было очень трудно.

В такой вот достаточно сложный момент всех нас спасла помощь государства. Именно тогда каждой переселенческой семье было выделено продовольственное

зерно из расчета 30 килограммов на человека и определенное количество семян для проведения весеннего сева.

В разрешении вышеуказанных и многих других сложных проблем я тоже принимал самое активное участие. В результате молодежь колхоза избрала меня своим вожаком (секретарем комсомольской организации).

Дорожа оказанным мне доверием, я хорошо понимал, что при правильном использовании сил молодых людей, их боевого духа, естественной энергии, других важных черт личности в колхозе можно совершить немало крайне необходимых, очень полезных и важных дел, в том числе хозяйственных, политических, нравственно-этических и культурных. Потом немало таких дел нам удалось совершить на практике.

В колхозе была создана крепкая, достаточно сплоченная и эффективно работающая молодежная организация. Ситуация складывалась таким образом, что почти все основные и самые трудоемкие работы в колхозе (в полеводстве, животноводстве, сфере технического обслуживания) выполнялись членами молодежной организации.

Помню, как на одном из совещаний в райкоме ВКП(б) секретарь райкома А.Т. Илларионов с нескрываемым удовлетворением и даже какой-то особой гордостью рассказал о факте, увиденном им в нашем колхозе.

Суть рассказа заключалась в следующем. Ранней весной 1947 года Афанасий Терентьевич решил побывать в нашем колхозе, чтобы «подтолкнуть» правление колхоза к началу весенних полевых работ. Но то, что он увидел, проезжая проселочными дорогами, его приятно удивило и обрадовало. Когда он, в ходе поездки, осматривал поля, то увидел, как он выражался сам, невероятное. Перед ним в нескольких местах предстали десятки молодых ребят, которые, работая на лошадях, готовили землю к посеву ранних зерновых культур. Причем делалось все это с каким-то особым огоньком, качественно и с хорошим настроением, что оставляло прекрасное впечатление.

Отмечу, что и уборку первого урожая проводила в основном молодежь. Причем

все основные работы выполнялись вручную, так как каких-либо средств механизации в тот период не было.

Результаты труда оказались хорошими. План хлебозаготовок 1947 года наш колхоз выполнил одним из первых в Калининградской области. Хорошо помню, как об этом факте с большим удовлетворением сообщала газета «Калининградская правда».

Отмечу, что для транспортировки хлеба на элеватор колхозу была выделена грузовая машина-полупортка. Погрузочные и разгрузочные работы выполняли всего двое – Николай Делин и сам «герой» этого рассказа. И хотя план хлебосдачи был небольшим (около 18-20 тонн), работали мы с большим напряжением. За высокопроизводительный труд и хорошо налаженную работу молодежной организации я и мой сверстник Николай Мамистов были награждены Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ – наградой по тем временам очень высокой.

Молодежная организация колхоза «Заря» проявляла инициативу и в проведении ряда других важных мероприятий. Например, осенью 1947 года силами молодежи в поселке Степановка был заложен фруктовый сад на площади около двух гектаров. Жаль, конечно, что из-за плохого ухода сад не стал таким, каким бы мы его хотели видеть в недалеком будущем.

В рассматриваемое время большая группа членов нашей молодежной организации во главе со мной выезжала по решению бюро Черняховского райкома ВЛКСМ на заготовку строительного леса. Работать нам пришлось в сложнейших условиях, и все же нам удалось заготовить и загрузить пять вагонов высококачественного леса. Цифра вроде бы и небольшая, но надо иметь в виду те условия, в которых нам довелось работать.

Скажем прямо, условия эти были более чем неважные, фактически все работы велись вручную, почти никто из нас не имел нормальной одежды и обуви, плохо обстояло дело с питанием. Да и само место, где мы отдыхали, было далеко не подходящим. Мы занимали всего две небольшие комнаты, спали на дощатых нарах, все удобства на улице, а ведь среди нас были и девушки.

И все же, несмотря на сложность условий, ребята не спасовали. Они с честью выполнили установленное задание, и все мы благополучно вернулись домой. В колхозе, наряду с производственно-хозяйственной деятельностью, молодежь достаточно активно проявила себя в регулярной подготовке, а затем и в проведении культурно-массовых, спортивных и других интересных мероприятий.

В этих целях по инициативе и при личном участии многих юношей и девушек было отремонтировано здание клуба полезной площадью около 250 кв.метров. Данное мероприятие имело для колхоза важное значение, ибо оно способствовало подъему настроения и сплочению колхозников. В клубе почти каждый день проводились те или иные мероприятия: общие собрания колхозников и молодежи, вечера отдыха, демонстрация кинофильмов, концерты художественной самодеятельности и т.п.

Важное значение в этом же смысле имело и создание на центральной усадьбе колхоза «Заря» спортивного комплекса. Именно здесь было оборудовано футбольное поле, установлены турник, брусья, конь и некоторые другие снаряды.

На стадионе, кроме спортивных мероприятий, устраивались иногда обычные гуляния. Как правило, они сопровождались песнями и плясками.

Все подобные мероприятия колхозники ценили, открыто поддерживали и сердечно благодарили организаторов и конкретных исполнителей песен и плясок. Думаю, что происходило такое не случайно: хорошие песни, другие увеселительные мероприятия создавали у них не только хорошее настроение, согревали и успокаивали душу, но и настраивали их на полезный и высокопроизводительный труд. Почти все колхозники в это сложное время вели себя достойно, на деле проявляли высокую ответственность, порядочность и традиционную нравственность.

Наибольшую активность в трудовой деятельности и общественной жизни молодежной организации колхоза проявляли Николай Мамистов, Алексей и Мария Куз-

Полковник В.А. Гудилин. 1990-е годы.

нецовы, Михаил Гудилин, братья Иван и Владимир Кузнецовы, Мария, Прасковья, Михаил и Николай Некрасовы, Зинаида и Виктор Ореховы, сестры Александра, Мария, Зоя и Нина Мордвины, Митрофан и Василий Власовы, Екатерина Князева, Екатерина Мишакина, Иван Алимов, Николай, Клавдия и Мария Делины, Сергей и Александр Макаровы, Николай и Варвара Иванченковы, Сара Поршнева, Александра и Клавдия Налетовы, Николай Симонов, Виктор и Николай Карасевы, Иван Уваров и многие другие. До создания своих семей активно работали в нашей организации и бывшие молодые фронтовики: Б.Кузнецов, А.Букин, А.Макаров, Д.Симонов, Н.Кузнецов и А.Брусенцов.

Весной 1947 года в состав колхоза влились еще восемь семей переселенцев, прибывших из Белоруссии. Среди них оказалось немало молодежи: это Иван и Алексей Пинчук, Иван и Галя Тарелко, Ольга и Лидия Стукальские, Надежда Дрень и другие. Они тоже, как и все наши ребята, стали

активно работать в молодежной организации колхоза, именуемой тогда комсомольской.

Как правило, в семьях вообще не было мужчин. Их главами являлись вдовствующие женщины, мужья которых погибли на войне. Так, например, в семье Н.И. Мордвиной было четыре дочери, в семье А.С. Налетовой – две дочери и престарелая мать, в семье М. Князевой – две дочери, в семье Стукальской – тоже две дочери. В некоторых семьях, наоборот, было больше мужчин. Например, в семье А.М. Кузнецовой было четыре сына и одна дочь. Были семьи, где главами являлись мужчины, – как правило, инвалиды Великой Отечественной войны. Все семьи переселенцев объединяло и даже роднило то горе, невероятные страдания, которые им пришлось пережить совсем недавно. Сплачивали их и конкретные цели и задачи, направленные, прежде всего, на скорейшую ликвидацию последствий войны, на создание условий, необходимых для ведения нормального образа жизни. Именно данное обстоятельство способствовало тому, что люди работали с огоньком и достаточно напряженно.

В июле 1947 года я был принят в члены ВКП(б), но этим дело не закончилось. Через несколько дней после указанного события, по рекомендации райкома партии, я был избран секретарем первичной партийной организации, одновременно оставаясь секретарем первичной комсомольской организации и членом бюро райкома комсомола.

Важную роль в формировании моей личности, помимо родителей, конечно же, оказала длительная общественная работа и общение с замечательными людьми района. Глубокий след в моей памяти оставили первый секретарь Черняховского РК ВКП(б) А.Т. Илларионов, председатель райисполкома А.С. Берендюгин, первый секретарь РК ВЛКСМ В.И. Королев, редактор районной газеты Н.Я. Сергеев и другие.

Бывая в нашем колхозе, все выше названные руководители обязательно посещали наш дом. Мы подолгу и достаточно глубоко обсуждали многие жизненно важные проблемы, а некоторые из них решали практически. Помню, как ранней весной 1947 года Николай Яковлевич Сергеев, будучи уполномоченным райкома партии, два дня работал в колхозной кузнице в качестве кузнеца. Оказалось, что по кузнечной части он был весьма способным специалистом. Николай Яковлевич ковал лезвия сошников для конных плугов, без которых вести пахоту полей просто невозможно. Им было отремонтировано 12 лемехов, что дало возможность привести в рабочее состояние шесть конных плугов.

Колхоз «Заря» в 1947-1948 годах почти по всем производственно-техническим и экономическим показателям являлся одним из лучших в Калининградской области. Жаль, конечно, что через какое-то время он растерял свои достижения. Правда, многое из того, что было заложено в первые годы его существования, сохранялось еще достаточно долго.

Любовь МАЗАЛОВА

А ЗНАЧИТ, ЖИЛ И ВОЕВАЛ ОН НЕ ЗРЯ...

Небольшой городок Сычевка, что в Смоленской области, расположен на возвышенности и огибается двумя красивыми речками – Ласминкой и Вазузой. Еще во времена Отечественной войны 1812 года смоляне были первыми, кто в течение двух недель сформировал ополчение, в которое вступило 12143 ратника. Они собрали продовольствия и снаряжения для армии на сумму 10 миллионов рублей. Жители деревень жертвовали сельскохозяйственные продукты. Население Сычевского уезда собрало: ржи – 5805 четвертей, сухарей – 6370 пудов, овса – 854 четверти и т.д. Народ чувствовал полное единение с армией. Уже тогда, в 1812 году, французы поняли, что голыми руками Смоленск не взять. Многочисленные штурмы города, предпринятые неприятелем, не увенчались успехом. Русских невозможно было сломить, и тогда Наполеон, утомленный противоборством, приказал сжечь город. Из 2500 домов уцелело всего 350. Он сгорел почти дотла, но не сдался.

История повторяется. Но теперь уже другой враг посягнул на нашу священную землю, и снова взрываются дома и гибнут люди, и вся страна, включая и маленький городок Сычевку, живет по законам военного времени. И поднимается народ на защиту своей Родины против ненавистного врага. Смоленск всегда был главной крепостью на пути к сердцу нашей Родины – Москве.

...Раннее утро. В свежеврытых окопах спят люди – женщины, дети, старики. На их лицах – печать беспокойства и усталости. Четырехлетняя девочка, почувствовав утреннюю прохладу, потянула на себя одеяло и позвала маму. Ее рядом не оказалось, и Тома забеспокоилась, однако лежала тихо с открытыми глазами, хотя и не могла уже уснуть.

Последнее время участились налеты немецких самолетов, сбрасывавших зажигательные бомбы на дома и важные объекты.

Сычевка. 21 мая 1941 года.

В городке преобладали деревянные постройки, и нужно было успеть с крыши скинуть бомбу вниз, где стояли вода и песок. Этим, наряду со взрослыми, занимались старшие сестры Тамары. В домах оставаться было опасно, и люди жили в окопах.

Внезапно раздался крик: «Шпионы! Шпионы!» Ничего не понимавшие спросонок, люди засуетились и бросились бежать кто куда. Какое-то время маленькая девочка растерянно стояла в окопе и думала, кто такие эти шпионы и почему она их не видит. И вдруг прямо перед ее носом появился огромный жук с длинными усами. «Вот же он, шпион, – подумала Тома. – И что его все так испугались? Он же такой маленький». Гул самолета отвлек ее внимание. Она стояла, задрав голову вверх, наблюдая за медленно спускающимися на землю белыми

Яков Кузьмич Хренов.

куполами парашютов, под которыми болтались маленькие, будто игрушечные, человечки. В это время мать схватила ее за руку и потащила за собой.

Они жили в большом, светлом и самом теплом доме на свете. Этот дом достался им от бабушки и деда. В доме суетился брат матери. Притихшие сестры глядели на мать широко открытыми, испуганными глазами. Дядя велел матери забирать детей и срочно уходить из города.

– Шубу возьми, в дороге пригодится детей укрыть; сапоги хромовые продашь, если нужда будет. Гусей забирай с собой, чтобы было чем детей накормить. Я в городе останусь, здесь я больше нужен, – сказал он.

По возрасту дядя уже не подлежал призыву в армию, но был полон готовности послужить городу.

Расцеловались. Помнит и она, Тамара, колючую небритую дядину щеку. Не знали они тогда, что прощаются навсегда.

Несмотря на летнее время, мать надела шубу и хромовые сапоги, взяла на руки маленькую Тому и пошла с дочерьми в неизвестность. А Тамара не сводила глаз с любимой, подаренной отцом игрушки, что стояла

на подоконнике, – яркой коровы из папье-маше. Жалко было бросать ее здесь одну.

Сестры ветками загнали гусей в речку и зашагали вдоль Ласминки, которая привела их к деревне Зимино, где жила тетка. Там и заночевали. Но никогда не забудет Тома, как поздним вечером стояла она на подоконнике и смотрела на горящий город. Ей казалось, что немецкие самолеты бросают на него «огурцы», от которых взрывались и загорались дома. В душе маленькой, ничего не понимающей девочки эта сцена вызвала детскую боль и тревогу. Языки пламени неумолимо сжигали и ее родной дом, и любимую игрушку...

Наступило утро. На дворе у тетки было много наших солдат. Мать разрешила им рубить гусей, чтобы всех накормить. И полетели головы птиц, а те, еще живые, шли вперед, пока не утыкались окровавленными шеями в тын.

Но внезапно из утренней дымки вылетел немецкий самолет. С оглушительным ревом он пронесся над деревней на предельно малой высоте, и снова летели из него смертоносные «огурцы». Солдаты начали стрелять из винтовок. В огороде стояла прикрытая ветками зенитная пушка, из которой тоже стреляли. Наверное, мама считала, что самое безопасное место – возле зенитки, и потащила детей туда. А там накрыла их всех шубой, словно клуша защищая своих цыплят. Зенитчики с трудом прогнали ее оттуда, объясняя, что немцы в первую очередь будут стрелять по пушке.

Люди бежали в сторону моста через Вазузу, стараясь успеть перейти по нему, пока немцы его не взорвали. За ними бросилась и мать, схватив маленькую Тому на руки.

Переночевав в деревне Карманово, пошли дальше. По дороге встретили отступавших солдат, измотанных, уставших, с ними – обоз с ранеными. Мама сказала детям: «Давайте постоим: может, батьку увидим». Остановились. Хмуρο шагали по разбитой дороге солдаты, то и дело оставившаяся перемотать обмотки, чтобы ботинки не натерли ноги.

– Мама, – отец! – в один голос закричали сестры.

Тома встрепенулась, как птичка: «Где же он?» И вдруг увидела в толпе чужих дядей знакомое лицо отца, осунувшееся, небритое, но до боли родное. Она вырвалась из рук матери, кинулась ему навстречу, крепко обняла его за шею и стала рассказывать о том, что у нее нет теперь ее любимой игрушки – замечательной коровы, потому что плохие дяди спалили ее вместе с домом. Детские слезки орошали отцовские щеки.

Неожиданная и радостная встреча с отцом была короткой.

– Идите на Волоколамское шоссе, там машины собирают беженцев, – сказал он.

А через какое-то время мчалась машина с беженцами в направлении Москвы. Среди них, прижавшись друг к другу, сидели сестры. Уткнувшись в мамину шубу, дремала на руках у матери уставшая маленькая девочка.

Доехав до станции метро без названия, машина остановилась. Не успели люди выгрузиться из машин, как оглушительно завывла сирена.

– Тревога! Тревога! Всем спуститься в метро! – кричал голос из репродуктора.

Люди засуетились, хватая детей, вещи, и бежали – кто в готовый к отправке состав, а кто в метро. Прошло совсем немного времени, и началась бомбежка. И когда от взрывов содрогалась земля, менялись и тревожные лица людей, столпившихся в метро. Чуть позже беженцы расположились на деревянных складных кроватях, на которых и провели ночь. Всем выдали по кусочку хлеба.

Наутро, поднявшись наверх, люди увидели ужасающую картину: разбомбленные, обгоревшие вагоны с торчащей арматурой и растерзанными телами людей, так и не успевших уехать...

Беженцев спешно посадили в приготовленный для них состав. В вагонах – нары и солома. Ехали очень долго. И по сей день помнит Тамара Яковлевна огромный голубой мост и зеркальную гладь озера Байкал, которые поразили ее воображение. А еще показывает она выдавшее виды свидетельство о рождении, потрепанное временем, изорванное, но аккуратно подклеен-

ное. По предъявлении свидетельства выдавали паек хлеба на остановках и на обратной стороне ставили отметку-дату. Поэтому все берегли документы как зеницу ока. Там же, на станциях, все запасались кипятком.

После долгого пути поезд привез их в Иркутскую область, в село Куйтун. Мама устроилась на работу, работала и сестра, а Тома ходила в детсад...

Прошло время, однажды они услышали по радио, что советские солдаты освободили Смоленскую область. Вскоре мама получила письмо от соседей, из которого узнала, что их дом фашисты взорвали и он почти полностью сгорел. Дядю немцы замучили до смерти. Мама решила все же возвращаться с детьми в родные места.

По возвращении жить было негде, на месте их жилья возвышались печная труба и остатки обгоревшего дома. На время семью приютили соседи. А мать наняла рабочих, и они слепили небольшую избушку на том же месте, где стоял некогда их родной дом. Так и жили, пока не вернулся из Монголии отец.

А в 1947 году, по вызову брата Тамары, отец, мама и Тома поехали в Калининградскую область. Старшие сестры остались на Смоленщине. Тамаре к тому времени исполнилось уже девять лет. Ее жизнь не была похожа на сказку, и это наложило отпечаток и на ее облик, и на характер. И была она не по годам взрослой, строгой и умницей, а еще трудолюбивой и очень доброй.

Очень хорошо помнит она ту чудесную весну, которой встретил их небольшой бывший немецкий городок Инстербург. И хотя был он разрушенным, но везде была идеальная чистота, а еще цвели каштаны. Пробуждалась природа, а вместе с ней и люди, несмотря на тяготы послевоенного времени, тянулись к новой жизни: копошились, отстраивали город и надеялись на лучшую жизнь.

Поселились на улице Прегельной, в доме №24. Отец с матерью, брат с женой работали в военном подсобном хозяйстве вместе с немцами. Один немец – Франц,

конюх, – подарил Тамаре одноглазую таксу, все звали ее Муха. В школу Тома ходила пешком за восемь километров в село Енишкен (ныне пос.Свобода). Вставать приходилось в пять часов, а в шесть утра она, со своей верной защитницей Мухой, через разбитые хутора, по бездорожью, шагала в школу. Когда уставала и замерзала, Тамара залазила с собачкой на нагретый солнцем немецкий танк и грелась.

Барский немецкий дом с колоннами приютил семью Тамары. Это был красивый двухэтажный особняк с большими комнатами. В помещении, где они жили, было пять окон, потолок, выложенный звездой, паркетный пол и ставни, собирающиеся гармошкой. Вторая комната открывалась на белокаменную круглую террасу, которая выходила в сад. За садом протекала речка Голубая с крутыми берегами, но с чистой, как слеза, водой, такой, что каждый камешек в ней был виден и играл на солнце всеми цветами радуги. Тамара очень любила речку. Отец научил ее ловить рыбу бутылкой, и она это делала мастерски.

Через речку был перекинут небольшой мостик. На другой стороне реки, в длинном бараке, жили немцы, работавшие вместе с русскими в подсобном хозяйстве. Все они ухаживали за скотиной: коровами, овцами, лошадьми, свиньями. Немцы стригли овец, а женщины-немки вязали кофты. Молоко сепарировали, делали сметану, творог. Мясная и молочная продукция хозяйства продавалась на улице Ленина в военном магазине. Почему-то запомнилось Тамаре, как однажды она за пустые бутылки, сданные в магазин на улице Толстого, получила взамен полкусочка хозяйственного мыла и фаянсовую мисочку.

В сентябре 1948 года была объявлена депортация немецкого населения в Германию.

После расформирования подсобного хозяйства семья переехала в поселок Тельманово. Родители работали в ДЭУ-146, где ремонтировали шоссейную дорогу от Черняховска до Железнодорожного, а Тамара ходила в школу...

Кажется, так давно все это было. И ей-то самой уже под семьдесят лет. И двоих

детей вырастили с мужем, и работали всю жизнь не покладая рук, и дома успевала она с хозяйством управляться. В память о любимой игрушке, подаренной отцом, – корове из папье-маше – завела себе настоящую корову. Да еще и мастерица на все руки: и вышивкой занималась, и игрушки шила, и такие картины из лоскутков мастерила – загляденье!.. Жизнь, что называется, пролетела. Но только никогда не забывала Тамара Яковлевна о войне, каждую деталь помнит, несмотря на возраст. Много крови и горя повидать пришлось. Разве такое забудешь? Память об отце свято хранит. Вспоминает его рассказы о войне, перебирает фотографии, показывает медали и грамоту от Сталина, которую вручили отцу за оборону Москвы. Отец всегда был ей не только родным человеком, но и хорошим другом и учителем.

Как же любила она эти длинные зимние вечера-чаепития, когда вся семья усаживалась возле отца и он рассказывал им истории из своей жизни обо всем, что пришлось пережить ему и многим, таким же, как он, солдатам. А историй у него было великое множество.

Когда умерла мама, Тамаре исполнилось пятнадцать лет. Горе еще больше сблизило их с отцом. Вся забота о нем и о хозяйстве легла на ее хрупкие плечи. Дочка часто просила отца рассказать ей о войне, и он, лежа на печи, допоздна вспоминал о своих военных дорогах. А участвовать пришлось в четырех войнах – шутка ли?..

Яков Кузьмич Хренов, 1894 года рождения, уроженец города Сычевка Смоленской области, в 1914 году был призван на службу в царскую армию. Воевал в Первую мировую войну. В Австрии попал в плен. Приходилось строить железную дорогу, а также работать на лесоповале. Конвоирами были мадьяры, они очень жестоко обращались с военнопленными. Отец несколько раз пытался бежать из плена, но удалось ему это только с третьего раза. Полтора года добирался на родину, на Смоленщину. Он горько шутил, что по дороге всех вшей собрал, мать даже в дом не впустила – сначала в баню отправила. И так

уж вышло, что прямо из бани забрали его в Красную Армию, в отряд Буденного. А шел тогда 1918 год. Воевал не хуже других, отчаянным был и смелым...

Через какое-то время угодил отец еще с двумя красноармейцами в плен. Довелось ему тогда с самим батькой Махно встретиться. Когда их привели, тот лежал на кровати. На пленных бросил жгучий и пристальный взгляд. «Аж, мурашки по коже пробежали!» – рассказывал отец, поживаясь.

– Порубать! – резко приказал Махно.

Красноармейцев раздели до нижнего белья. И вдруг Махно спросил:

– Кто из вас играет на гармошке?

Отец сказал, что он играет.

– Тогда мою любимую перед смертью сыграй!

И отец играл для него «Распрягайте, хлопцы, коней...». В это время в хату зашел кто-то из помощников Махно и удивленно обратился к отцу:

– Яков, как ты сюда попал?

– Ты его знаешь? – спросил Махно.

– Да, мы знакомы, – ответил вошедший.

После этого они вышли с Махно в дружную комнату. Пленные ждали своей участи. А приговор был неожиданным.

– Мы вас отпускаем, добежите к своим живыми – ваше счастье. Увести! – приказал Махно.

Зима. Тридцатиградусный мороз. Пленных босиком, в нижнем белье, ведут в поле конвоиры. Они уже тоже порядком замерзли.

– Пуцдай бегут, и так замерзнут, – сказал один из них.

Чтобы выжить, нужно было бежать. На их счастье встретился им дозор красноармейцев. Так и спаслись.

После окончания Гражданской войны отец устроился работать. А когда началась советско-финская война, его призвали в кавалерию. Запомнился Томе больше всего один эпизод, о котором рассказывал Яков Кузьмич. Слушая, она представляла его лежащим в холодном снегу. А вокруг рвались снаряды. И эти ужасные взрывы смешали в одно кровавое месиво и землю, и снег, и растерзанных людей и лошадей. Вспомнил отец, что и греться приходилось порой в брюхе у лошади, и кониной питаться.

Участвовал Яков Кузьмич и в Великой Отечественной войне. По возрасту в кавалерию его не взяли, поэтому был он ездовым, доставлял боеприпасы к орудиям на передовую линию фронта. Прошел путь от Москвы до Кенигсберга. Получил серьезное ранение в голову. Долго лежал в госпитале. Домой написать не мог, так как был безграмотным, да и беспокоить свое бабье царство не хотел, догадывался, что и им было нелегко. Победу встретил Яков в Пиллау (ныне г.Балтийск). Рассказывая дочке о победной весне, Яков Кузьмич не мог удержать слез: «Этого, дочка, я не могу тебе передать словами. В этом слове и великая радость, и боль тоже, и горечь. Одним словом – Победа!»

После капитуляции гитлеровской армии многих наших солдат демобилизовали, отпустили домой. Отца же отправили с составом на Дальний Восток, еще на одну войну, теперь уже с Японией. Доехали до Монголии и остановились – это был тупик, железной дороги дальше не было. Жили какое-то время в палатках прямо в степи. Монголы меняли конину на вещи. А в конце августа 1945 года подали эшелон и повезли их обратно – на Родину, в Россию. 2 сентября 1945 года правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции.

Но домой приехал отец уже в конце ноября, когда морозец стал лужи прихватывать. К тому времени и мать с дочерьми вернулись на Смоленщину...

Тамара скользила по замерзшим лужам, когда мимо нее прошел солдат и направился к их небольшой избушке, слепленной мужиками из остатков разбомбленного дома. Екнуло сердечко: «Отец!» И уже через одно мгновение она, обхватив шею отца, целовала его в небритые щеки, по которым крупными каплями текли слезы настоящего, долгожданного отцовского счастья. Мама и сестры, услышав крик, выбежали из дома и не могли поверить своим глазам. А мать только шептала: «Живой, слава Богу, живой...» – и тоже плакала от радости.

При въезде в хутор Тельманово стоял немецкий дом, в котором и жили после смерти мамы Тамара с отцом. Там отцу и

Супруги Владимир Филиппович и Тамара Яковлевна Квитченко. 2007 год.

возраст пенсионный подоспел. А так как трудовой стаж был десять лет, пенсию по инвалидности насчитали в 25 рублей 30 копеек – ни больше ни меньше. За войну трудовой стаж не полагался.

...Умер отец. Но горькая память о пережитом в годы войны, о нелегкой судьбе ее родителей часто возвращает Тамару Яковлевну Квитченко в то грозное и нелегкое время, которое ей довелось пережить и тяготы которого разделить вместе со всеми. И все же она была по-своему счастлива в том суровом далеке, так как с ней рядом были самые дорогие ее сердцу люди – ее родные.

Была то воля судьбы или случайное совпадение, но в настоящее время сын Тамары Яковлевны живет с семьей в Балтийске, именно там, где его дед закончил войну и встретил долгожданную Победу. И ходят они именно по той дороге, которая раньше называлась Вислинская, а теперь – Фронтвая. В самом конце войны, когда советские солдаты наступали по всем фронтам, фашисты спешили вывезти по ней награбленные ценности и унести ноги.

Грандиозный план «Барбаросса» рассыпался в прах. И теперь вся надежда была на военно-морскую базу Пиллау, куда и спешило гитлеровское командование, надеясь успеть отплыть в Германию. Но по этой же дороге уходило и эвакуированное немецкое население. Люди с узлами шли семьями, кто-то пешком, а кто-то на небольших ручных повозках тащил и детей, и стариков, и свой скарб. Страшная судьба ожидала немецких беженцев, пытавшихся спасти свои семьи...

Эту историю рассказал Тамаре Яковлевне отец. Под напором наступающей Красной Армии гитлеровцы на танках и машинах устремились по Вислинской косе, полной беженцев. И давили своих же людей, наматывая их на гусеницы танков, – старались поскорее попасть на корабли. Отец с горечью и содроганием описывал ужасающую картину: в кюветах, вдоль всей дороги, лежали убитые, раздавленные люди. Порой можно было увидеть рядом всю погибшую семью – старики и дети в кювете прямо в коляске, а рядом женщина с мужчиной.

Сын Тамары Яковлевны говорит: «Где вдоль дороги ни копни – везде одни кости». Очень хотелось ей самой лично увидеть эту дорогу. Как-то летом поехала в гости к сыну в Балтийск. И конечно же первым делом попросила показать ей Фронтовую дорогу. В настоящее время кюветы сровняло время, но блиндажи вдоль дороги остались. Не поленилась Тамара залезть в блиндаж, а потом по лестнице поднялась наверх и живо представила наступление наших войск и то, как из этих блиндажей их обстреливали немцы, представила и своего отца, подвозившего снаряды. Давно она не испытывала такого волнения, ее переполняло трепетное чувст-

во сопричастности к происходящему. Казалось, будто она сама перенеслась в то далекое непростое время и видит воочию сражения, разыгравшееся в ее воображении.

Отныне музей Балтийска пополнился фотографиями и документами о судьбе еще одного освобождавшего город участника войны, которым по праву могут гордиться его жители. В Калининградской области живут восемь внуков, шестнадцать правнуков и шесть праправнуков Якова Кузьмича Хренова. Свою посильную лепту вложил он самоотверженным трудом, приближая светлый день Победы над врагом. А значит, жил и воевал он не зря!

Виктор ХАБИБУЛЛИН

ДИНАСТИЯ

Услышав сигнал тревоги, сержант Василий Кондаков выскочил из блиндажа и посмотрел в бинокль. Из зимнего холодного утра на позицию артиллеристов надвигалась лавина немецких танков с крестами на корпусе, царапая бронированными гусеницами стылый снег. Казалось, что их никто не сможет остановить. Так начался очередной бой под украинским городом Белая Церковь, коренным образом изменивший жизнь солдата.

По надвигающемуся врагу артиллеристы открыли шквальный огонь. Никого не приходилось подгонять: каждый знал, что от его усилий зависит не только исход боя, но и жизнь его боевых товарищей и его самого.

Несколько танков врага уже горело, но остальные упорно продвигались вперед, открыв ответный огонь по нашим расчетам. Руководя действиями, сержант увидел яркую вспышку разорвавшегося неподалеку снаряда, выплунутого немецким «тигром», летящие в разные стороны комья земли, опрокинутое орудие – и все померкло в его глазах...

Супруги Мария и Василий Кондаковы. 1951 год.

Бой закончился, оставшиеся в живых воины собирали трупы убитых. Другие долбили стылую землю, копая братскую могилу, около которой лежали собранные тела погибших. Сюда же отнесли и тело сержанта. Обожженные огнем отгремевшего сражения, оглушенные взрывами снарядов, бойцы скоро сделали скорбную работу и, закончив рыть землю, стали опускать в могилу закорстевшие от

холода тела. Когда подняли Кондакова, с удивлением увидели, что тело не заостенело, а гнется: человек был еще жив. Его надо было срочно отправлять в лазарет...

Придя в сознание, он с удивлением увидел, что находится в чистой постели. Вскоре он с грустью узнал, что осколком снаряда ему раздробило правую руку по предплечье, что он перенес операцию ампутации и стал инвалидом. Это были трагические дни: закончилась одна жизнь, в которой остались деревня, босоное полуголодное детство, война, наполненное горечью отступление, непрерывные бои, когда тысячи воинов, выпив положенные сто фронтowych граммов водки, бежали на позиции противника с громовым «ура!», чтобы заглушить свой страх перед возможной смертью или страданиями, – и началась другая, пугающая своей новизной и неизвестностью...

Когда Мария Николаевна Кондакова (в девичестве Волкова) вышла из поезда на станции Инстербург, она увидела дере-

В.П. Кондаков. Черняховск. 1955 год.

вянный сарай, используемый вместо вокзала, и множество развалин города, который три года назад, в январе 1945-го, был взят штурмом в ходе ожесточенного многочасового боя с упорно обороняющимся противником. После боя центр города был разрушен до основания, окраины – в разной степени. Сюда из древнего Одоева, расположенного в Тульской области, после окончания Одоевской строительной школы молодая женщина, счетовод-экономист Волкова, приехала по комсомольской путевке. Приехала, несмотря на то что вышла замуж за артиллериста, инвалида отгремевшей войны, демобилизованного сержанта Кондакова Василия Петровича, и родила своего первенца – сына Владимира. Сын и муж остались у его родителей. Ей исполнилось только 23 года, но за ее плечами был долгий путь среди лишений и испытаний войны.

Она сразу включилась в новую жизнь, принимала приезжавших из советских республик переселенцев, расселяла их по району. Вместе с товарищами по строительной организации выходила на субботники и воскресники: засыпали землей окопы, воронки от бомб и снарядов, расчищали «развалки», латали кирпичом дыры и проломы в домах, подлежащих капитальному ремонту, и наблюдали, как танки, присланные им в помощь, валили руины зданий, которые уже невозможно было восстановить. Жилья для прибывающих постоянно не хватало, и после косметического ремонта просторные помещения в квартирах, где ранее жили немецкие бюргеры, делились стенами на несколько комнат для передачи их переселенцам.

У нее так и не появился вкус к работе с документами в канцелярии строительной организации, и она ушла работать прорабом. Восстанавливала полностью разрушенное и сожженное здание вокзала, строила по проектам советских специалистов жилые дома и промышленные предприятия.

Так пролетело несколько лет, наполненных работой, гордостью за город, который возрождался из руин руками товарищей и ее собственными, пока, наконец, не

приехали муж с сыном. Василий Кондаков возглавил артель инвалидов, разместившуюся в старинном здании на берегу Анграпы у «Горбатого» моста, начав работу на «гвоздилке»¹. Раскатывая стальную проволоку, рубили ее по шаблону, заостряли один конец и на другом набивали шляпку. Так, вручную, приходилось делать необходимые для строительства гвозди, которые отправлялись партиями на многочисленные стройки города и области. Выполняли любую работу, если это было необходимо: выпускали тару, расчищали завалы, засыпали ходы, ведущие из здания к реке, чтобы вездесущие мальчишки не залезли туда и не попали в беду.

Победа досталась очень дорогой ценой, но люди, уставшие от войны, истосковались по мирной жизни и работали с исключительной энергией, стремясь обустроить этот далекий от родины город. Даже безногий бывший солдат, передвигаясь на небольшой деревянной тележке на подшипниках, активно помогал товарищам.

Семья воссоединилась, и, как подарок за длительную работу, Мария Николаевна получила квартиру в доме на улице Ленина, – правда, в квартире не было окон, и Василий Петрович, вооружившись инструментом, не без помощи своей жены, пробил в стенке окно, через которое можно было полюбоваться на город...

Шли годы, рождались дети – помощники в жизни и в быту.

Младшая дочь Лилия закончила школу в Черняховске и, срезавшись на вступительном экзамене в Ленинградский институт легкой промышленности, поступила в училище в Советске. А через год она стала студенткой индустриального отделения педагогического факультета. И последовало несколько лет учебы в областном центре. Здесь же нашла свою вторую половину: после второго курса вышла замуж за студента биологического факультета университета, началась семейная жизнь. Во время сдачи госэкзаменов ее положили в больницу. При помощи друзей она убежала из лечебного заведения и успешно сдала экзамен со своей учебной группой. Родила

Василий Кондаков с сыном Владимиром. 1953 год.

дочь Ольгу. Стала работать воспитателем в интернате в Знаменске – там жили родители мужа. А потом Лилия с семьей уехала в Черняховск, где находилась могила матери, скончавшейся в 1993 году, и где остался больной, совершенно одинокий отец, нуждавшийся во внимании, заботе и уходе. Она работала в средней школе №2, в которой успешно училась дочь. Муж служил в милиции, потом перешел в структуру органов юстиции, получил звание майора (позже возглавил бактериологическую лабораторию МЮ РФ). В 1999 году в семье родился сын Славик.

А время продолжало свой ход. Ольга закончила 9 классов в гимназии и пошла по стопам матери, поступила на филологическое отделение Черняховского педагогического колледжа. Учиться стала с такой же самоотдачей и целеустремленностью, принимала участие в общественной жизни колледжа. На втором курсе (в 2005 году) выступила с докладом на областной студенческой научной конференции, посвященной истории Инстербурга-Черняховска, была награждена грамотой. В начале третьего курса стала победительницей конкурса «Студент года». Во время учебы на пятом курсе в числе наиболее подготовленных студентов проходила стажировку в Дании...

Так укоренились на черняховской земле несколько поколений династии Кондаковых, которые не только отстояли свою Родину в годы войны, но и своим трудом возродили ее после развала СССР, работая на благо России – нашего общего дома.

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА

Осенью 1947 года в жизнь новых граждан старого города вошло то, чего они лишены были первые два послевоенных года: в Черняховске (недавнем Инстербурге) стали издаваться газеты. О том, чем живет город, писала газета «Коммунист», о делах в районе – «Сталинец».

Названия символичны для той поры в судьбе страны. Характерными были и подача событий, и их трактовка. Но эта тоталитарная предопределенность, исходящая от эпохи и обстоятельств, не могла «стереть», «нивеллировать» индивидуальности талантливых людей, сумевших и дар свой сохранить, и придать «лицу» газеты «необычное выражение».

С Черняховском связаны судьбы И. Кутузова и Н. Белана, В. Остена и М. Родионовой, В. Кузнецова и В. Данилова, Г. Маслова и М. Изруевой, А. Красностановой и В. Шамардина, М. Петренко и Д. Кирбаева, В. Мироновой и А. Гусейнова, А. Рушева и А. Лунина, а также немало числа других людей – профессиональных журналистов и внештатных корреспондентов, начинающих поэтов и сложившихся мастеров, – благодаря душевному вкладу которых газеты «жили» и были интересны читателям и, пусть не обладали «всемогуществом», давали веру в силу печатного слова, в возможность с его помощью восстановить в правах поправленную справедливость, скорректировать «кривизну», помехи в общественном строительстве. О некоторых из них мы имеем возможность сейчас рассказать.

РЕДАКТОР

Николай Александрович Белан. Конец 1940-х годов.

тогда «Коммунист». А всего проработал в печати более сорока лет.

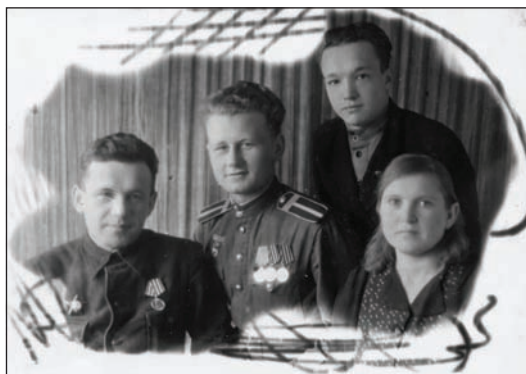
Вот она, первая запись в его трудовой: «1948.IX.2. Принят на работу в редакцию газеты “Сталинец”, орган Черняховского РК ВКП(б) Калининградской области, на должность литературного сотрудника. До поступления в редакцию находился в рядах Советской Армии». В тот же день был выдан ему серовато-охристый бланк, удостоверявший его отношение к профессии, которая стала делом жизни. А тяга к журналистике проявилась раньше: писал в школьную газету, потом редактировал её, позже, когда служил в армии, и в «Комсомольской правде» печатался...

Первая родина Николая Белана – село Вязовое Конопотского района Сумской области, где он родился 20 июля 1925 года в большой трудовой семье. Война началась – ещё в школе учился. В армию был призван в 1943-м. Воевал на 2-м Белорусском фронте рядовым. Первый раз ранило, когда доставлял пакет с донесением, но в госпиталь не лёг; в госпитальную палату попал уже после второго ранения. Получил боевые награды – орден Отечественной войны 1-й степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга»,

Едва ли не четверть века возглавлял Николай Александрович Белан Черняховскую районную газету, которая называлась

«За Победу над Германией». После войны служил в Черняховске. В январе 1948-го сюда по распределению приезжает выпускница Воронежского лесотехнического института Елизавета Козловская (тоже участница войны, тоже награждена орденом Отечественной войны, медалями). С ней он и познакомился, когда выписывал древесину для воинской части, а после демобилизации в том же году женился на ней, красивой девушке с характером. Устроился в газету, поступил в Ленинградский университет. Нужно было заниматься хозяйством, заботиться о маленьких детях – Ирме, Елене и Владимире (сын родился как раз тогда, когда Николай Александрович получил диплом об окончании университета) – и много работать. Материальное обеспечение в редакции было, мягко говоря, неважным, и корреспондент Белан ходил по колхозам пешком, потом ему выделили велосипед, затем мопед, а позже редакции дали списанную «Волгу». Елизавета Гавриловна вспоминает, что, несмотря на разного рода трудности, обстановка и в «Сталинец», и в «Коммунисте» была благоприятная, жили интересно.

«Простым» литсотрудником Белан работал недолго – уже в марте 1949-го он был назначен заведующим отделом сельского хозяйства редакции газеты «Сталинец», а в июле 1950-го – её ответственным секретарём. В 1955-м последовал перевод в редакцию «Коммуниста», в 1959-м – назначение на должность ответственного секретаря. В 1962-м, в связи с реорганизацией районов, переведён на работу в ре-

Н.А. Белан с друзьями и однополчанами. 1947 год.

дакцию газеты «Знамя труда» (Черняховский район перестал существовать как отдельная административно-территориальная единица, и газету «Коммунист» закрыли) заведующим отделом сельского хозяйства, через некоторое время назначен заместителем редактора. В апреле 1963 года он становится ответственным секретарём «Калининградской правды». Осенью 1964-го Калининградское книжное издательство выпускает его книгу о Черняховске. В марте 1965-го он возвращается в наш город уже в качестве редактора районной газеты «Коммунист», издание которой было возобновлено после ещё одной реорганизации.

Редактор Белан – явление, и явление уникальное. И не только потому, что возглавляемая им газета была прибыльной, в отличие от многих «районок» области. Нет, наверное, человека, который, будучи с ним знаком, не вспомнил бы о нём с благодарностью. Александр Рушев, теперь уже журналист с опытом и именем, писал, что Белан – его первый редактор – умел «потечески пестовать молодую журналистскую поросль», что «выходили из «белановского гнезда» люди, которые потом навсегда отдавали свое сердце «сладкой картоге» газетного дела». А сколько в его библиотеке книг с дарственными надписями от уже утвердившихся в своём деле авторов, благодарных за сотрудничество и поддержку! Маргарита Родионова, Вячеслав Кузнецов, Всеволод Остен и годы спустя поддерживали добрые с ним отношения, с теплотой вспоминая о поре совместной работы.

Н.А. Белан и Г.Н. Маслов в редакции. 1956 год.

День газеты «Коммунист» в городском парке. 9 сентября 1972 года.

У него был «целый штат» внештатных сотрудников. Али Гусейнов, Вячеслав Бобрик и многие другие внештатные корреспонденты разных лет говорят о его особом такте, уважении к человеку, простоте, доступности, сочетававшихся с требовательностью и строгой справедливостью. К нему можно было прийти в любое время, он умел сказать правду, не обижая, шутить – не уязвляя самолюбия. И в новогодних номерах помещались благодарственные письма с поздравлениями добровольным помощникам газеты, называлось имя каждого.

Он талантливый журналист, которому всегда было что сказать людям. И пусть редакторская работа забирала массу времени, на страницах газеты появлялись статьи и очерки, подписанные его именем или, чаще, псевдонимом «Н. Багров».

Литературная группа, созданная при редакции еще в конце 40-х, и выпуск «Литературной страницы», деятельность организованного при газете совета по патриотическому воспитанию молодёжи и подготовка к выходу рубрики «Патриот», заня-

тия в школе юнкоров, работа с письмами читателей и многое, многое другое держал он в поле своего внимания, не «отбраковывая» как «второстепенное» и «мало-значущее». Его хватало на всё. «Он был очень интересный человек, интеллигентный, ответственный, – говорила Е.Г. Козловская. – Глубокий природный ум помогал ему быстро схватывать суть, вникать в самые сложные вопросы. А по характеру он был добрый, отзывчивый и строгий. Очень любил своё дело, всегда был занят. Приходил усталый, ночью поднимался, работал. Любил один в нашей маленькой дачке статьи писать. Любил работать на земле. Последние годы сажал картошку каким-то квадратно-гнездовым способом... А грамот у него сколько, награды – орден Трудового Красного Знамени, медали, почётные знаки... Больше всего людей любил...»

В 1987 году Н.А. Белан оставил редакторский пост. В 1989-м он ушёл из жизни. Но «школа Белана» – явление актуальное, в ней есть чему учиться.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВСЕВОЛОДА ОСТЕНА

Всеволод Викторович Остен. Черняховск. 1950-е годы.

«... Теперь вперёд!

– За мной!

Выскакиваю на бруствер и по еле приметной тропке бегу к насыпи. Здесь ещё раз пересчитываю бойцов, убеждаюсь, что все налицо, и, стараясь перекричать грохот разрывов, снова команду:

– За мной!

Бегу, согнувшись в три погибели, так, что почти касаюсь подбородком собственных колен. Без единой передышки влетаю на пешеходную дорожку моста и теперь уже с остановками на двадцать – тридцать секунд перебегаю от колонны к колонне. У меня есть время оглянуться, и я вижу, что бойцы, точно копируя мои движения, цепочкой продвигаются вперёд...»

Так говорит и действует герой повести Всеволода Викторовича Остена «Без вести пропавший». И прошлое своё он видит «в режиме реального времени», как «живое настоящее». Оно и прожито, и живо. Как

и для автора, сумевшего рассказать о том, что никогда не должно быть забыто...

Всеволод Остен приехал в Калининградскую область в 1949 году. А родился он на другом краю большой страны, во Владивостоке, 23 октября 1921 года. Отец – рабочий-механик, потомок финнов, переселившихся в Уссурийский край в XIX веке; корни материнского рода – в Самарской губернии... В 1940 году Остен поступил в Московское военно-инженерное училище, а в первые дни Великой Отечественной войны, досрочно его окончив, ушел на фронт. Осенью 1941-го он раненым попал в окружение, потом воевал в партизанском отряде в Запорожской области. Весной 1942-го взят в плен, вывезен в Германию. Бежал, но был схвачен при переходе швейцарской границы, отправлен в тюрьму, затем в концентрационный лагерь Маутхаузен. Изнурительная работа в каменоломне, побои и издевательства надсмотрщиков, экзекуции... На обрывках бумажных мешков из-под цемента Остен пишет стихи. «Я не боюсь смерти, но я должен остаться в живых. Я должен рассказать людям о том, что творилось за стенами гитлеровских лагерей. После этого я умру спокойно...» – говорит один из героев его рассказа «Цена жизни». Это и о нем, об Остене, знавшем, что он должен рассказать... 5 мая 1945 года узников освободили американцы. После второй госпроверки, в декабре 1945-го, его восстановили в звании и направили в войска МВД СССР, на Дальний Восток. В 1949 году он уволился в запас и поехал в новую российскую область, где жили родственники жены...

Теперь, вслед за жестоким и скорбным опытом пребывания в лагере смерти, пришел опыт «отвержения», недоверия: дескать, был в плену – значит... На работу не брали. Несколько месяцев безуспешных поисков, отчаянное письмо в «высокие инстанции». Наконец, его направляют литсотрудником в газету одного из городов области. «Место под солнцем» найдено. Так в начале 1950 года появилось его имя на страницах Черняховской городской газеты

В редакции газеты «Коммунист». Начало 1950-х годов. Вс. Остен – в центре, А. Лунин – справа во 2-м ряду..

«Коммунист»: в сущности, она и была той первой газетой в Калининградской области, где начал печатать свои статьи, заметки, очерки, фельетоны журналист Всеволод Остен. Писал о разном – о бюрократии и бюрократах, о подвижничестве и подвижниках, о халатности и разгильдяях, о самоотдаче в труде и энтузиастах... Он отражал свое время, обладая своей позицией.

Вскоре он уже заведовал одним из отделов. Вошел Остен и в литературное объединение, созданное при газете годом ранее. 17 мая 1950 года в «Коммунисте» публикуется его стихотворение «Суворов», а 11 июня, в рубрике «Литературная страница», – новелла «Диспост».

Калининградский писатель Анатолий Алексеевич Лунин, в ту пору самый молодой литсотрудник «Коммуниста» (он закончил школу и готовился поступать на факультет журналистики), говорил, что Остен казался ему человеком намного старшим, «пожилым», хотя в действительности тому еще и тридцати не было: сказывалась разница не в возрасте, а в опыте жизни. Отношения между ними сложились

добрые: Остен наставлял, опекал начинающего коллегу, много ему помогал, читал и правил его стихи, показывал свои, – это была настоящая школа творческого общения.

Всеволод Викторович Остен провел в Черняховске несколько лет (в 1955 году он был направлен в Советск, в газету «Знамя коммунизма»). Сохранился тот дом на улице Черняховского, где он жил. Дом небольшой, в две квартиры. Его была на первом этаже, в квартире на втором обособилась семья Моревых, первых переселенцев. Лидия Николаевна Морева вспоминала: «Он был мягкий человек, всегда подельчивый, любил поговорить, побеседовать. Расспрашивал людей, интересовался – он же писатель». Улица Черняховского находится в пригороде, в поселке имени Кирова, который до сих пор в разговоре нередко называют по-старому – «Шприндт». Здесь, в Шприндте, многие знали друг друга, на работу – с работы вместе в автобусах ездили. Лидия Николаевна говорила, что если Остен начинал что-то рассказывать, то «весь автобус заводил», народ до упаду хохотал.

Время от времени Остен и потом в Черняховск приезжал. В марте 1969 года он поместил в «Коммунисте» свою статью «Нехоженными тропами» (отзыв о только вышедшем на экраны фильме Саввы Кулиша «Мертвый сезон») и юмористические рассказы «Сила любопытства» и «Лучший друг». Встречался писатель и с членами литературного объединения. Вячеслав Адамович Бобрик, в 60-х – 70-х годах активный участник объединения, рассказывал: «Где-то в конце 60-х позвонила из редакции “Коммуниста” ответственный секретарь Мария Игруева (она занималась организацией работы литературной группы при редакции) и сказала, что нужно обязательно быть на занятиях литгруппы, потому что придет Остен. Собрались несколько человек: я, Гречишников, Игруева, еще кто-то. Запомнилось, что Остен много критиковал стихи и мои, и Гречишникова. Я сначала обижался, потом подумал: “Что ж обижаться? Человек дело говорит. У него – другой уровень...”» Тогда за плечами Всеволода Остена – помимо горького военного, далеко не всегда безоблачного житейского, всегда беспокойного журналистского – был накоплен уже и другой опыт, литературный: в 1959 году в Калининградском издательстве вышла его книга стихов «Я хочу рассказать», в 1961 – сборник рассказов «Уцелевшие в аду». И были встречи с читателями, – одни радовали, а на иных звучали больно ранящие сомнениями в его верности солдатскому долгу вопросы с подтекстом: почему в плен попал да еще жив остался?..

О том времени, которое для его сердца не уходило в прошлое, он пишет повести и рассказы. А опубликовать их тогда, когда они появлялись – в 1960-1980-е, – было крайне сложно...

Те, кто был знаком с Остеном, говорили о такой стороне его характера, как умение открыто и прямо, быть может, даже резко высказывать свои суждения, когда дело касается принципиальных вещей: лукавство и «дипломатизм» были чужды человеку, побывавшему в «аду на земле» и знавшему цену жизни и смерти. Впрочем, «дыхание смерти» он ощутил не однажды и после войны: три инфаркта перенес.

Книга В.В. Остена «Встань над болью своей». Москва, «Советский писатель», 1995 год.

Четвертый случился 31 июля 1989 года, в Светлогорске, где только-только завершил работу над повестью «Прощай, Гаурид!», – и сердце на этот раз не выдержало...

А чуть позже, в том же в 1989-м, московское издательство «Советский писатель» выпустило книгу его повестей и рассказов «Встань над болью своей» – переиздание вышедшей в 1986-м и вызвавшей немалый резонанс, о чем писал Валентин Зорин: «На это издание откликнулись многие столичные писатели и критики: В. Кондратьев и А. Вознесенский, И. Золотусский и А. Латынина, В. Быков и В. Белов, Б. Окуджава, И. Дедков. И конечно – читатели, потрясенные зарядом боли, мужества и мудрой исповедальности, идущим со страниц произведений В. Остена». В 1990-м на страницах журнала «Знамя» его редактор, писатель Вячеслав Кондратьев, в своей рецензии отмечает: «Поражает полная откровенность писателя и искренность. От первого лица писать трудно, нет-нет да дашь себе слабину, обрисуешь себя чуть лучше, чем ты на самом деле. Повествование В. Остена свободно от этих недостатков. Автор не щадит себя и ни в чем не оправдывает... В. Остен помнит все досконально: и какие шил рукавицы, и какую еду удалось достать, и другие совсем вроде бы незначущие мелочи. Видимо, сам понимал, что если не расскажет об этом сам, то не расскажет никто».

Книга В.В. Остена «Встань над болью своей». Калининградское кн. изд-во, 1995 год.

Я бы сказала, что повести Остена – это своеобразный «репортаж из прошлого». Развернутый во времени «репортаж-драма», «репортаж-трагедия». У немалого числа писателей имелся в «творческом багаже» «репортерский», журналистский опыт. Остен, пожалуй, в большей степени, чем кто-либо иной, подходит к «строительству» литературного произведения как журналист: пусть прибегает он к вымыслу, пусть целый ряд образов – плод художественного обобщения, – он верен факту, «привязан» к факту действительности. И это не от боязни, не от неуверенности в творческих своих возможностях – это от стремления к документальности, к максимальной достоверности «свидетельств обвинения» человеконенавистничеству фашизма, который был побежден, но не умер. А чтобы монстр не обрел вновь силы и не «прельщал» – он должен быть изображен с максимальной убедительностью. Жанр

репортажа предполагает частые глагольные формы настоящего времени – тогда действие разворачивается как бы непосредственно перед глазами читателя, возникает эффект присутствия. Вот почему и Остен рассказывает о прошлом через «глагольно-настоящее», позволяя другому «присутствовать». Вот почему остеновское повествование «приковывает, заставляя испытать и пережить все, что досталось на долю автора» (В.Кондратьев).

В 1995-м Калининградское книжное издательство выпускает книгу под тем же названием – «Встань над болью своей», включив в нее еще и другие повести и рассказы. Такая книга есть у меня и дорога не только потому, что написана настоящим мастером и настоящим человеком, но и оттого, что стоит на ней автограф верной его спутницы – Зои Дмитриевны Остен; для нее он – всегда настоящее: настоящая любовь, настоящий герой, настоящий писатель...

«...О нем скажут мои мальчишки...» – говорила она 23 октября 2006 года в областной юношеской библиотеке, имея в виду Анатолия Лунина, Сэма Симкина, Вячеслава Карпенко, Вячеслава Голубева, Олега Глушкина, пришедших на вечер, посвященный 85-летию со дня рождения Всеволода Викторовича Остена. И они рассказывали мальчишкам 2000-х годов о поразительном жизнелюбии человека, ходившего годы бок о бок со смертью, многократно ее выдавшего, но не утратившего удивительной своей способности радоваться жизни и неистребимого чувства юмора... За несколько минут до начала встречи в зале звучали юные голоса, смех, звонки мобильных. И беззаботный шум сменился настоящим, истинным вниманием, когда открылись страницы жизни, страницы книг...

Жизнь – это прежде всего «здесь и сейчас». Но без памяти о прошлом она поверхностна, без работы на будущее – легковесна. Словом, не вполне «настоящая». И память о том прошлом, которое жило в настоящем Всеволода Остена, он сумел передать в разные пласты будущего, а значит, в настоящее нашего и – верю в это – других поколений.

«В КАЖДОЙ СТРОЧКЕ – ДУШИ МОЕЙ СВЕТ...»

Впервые имя Петра Макаровича Гречишникова появилось на страницах местных газет в середине 1950-х годов. И потом на протяжении четырех десятков лет публиковались в литературных рубриках его лирические стихотворения и поэмы, сатирические миниатюры и басни, стихи «для детворы» и статьи о поэзии и поэтах.

Он появился на свет 18 июня 1935 года в далеком старинном сибирском городе Омске, куда семьи его родителей (отцовская – со Смоленщины, материнская – с Черниговщины) перебрались еще в царские времена. В 1946 году Макар Пантелеевич и Анисия Никитична Гречишниковы вместе с детьми переехали в Кёнигсбергскую (Калининградскую) область и обосновались в Инстербурге-Черняховске. Поселились на улице Озерной, в доме №5, полуразрушенном, как и многие строения в округе. Крыши не было, стены уцелели до половины, поэтому жили в подвале. Верх достраивали сами. Здесь и провели Гречишниковы около двадцати лет, пока не перешли в другие жилища.

Семья была большая, многодетная: пять дочерей, пять сыновей. Жили бедно. Дети большую часть года ходили босиком, учебники и тетради в школу не в портфеле – под мышкой носили. Как умели, родителям помогали: в огороде работали, коров пасли...

Гречишниковы у дома на ул.Озерной. 1948(49) год.

Петр Макарович Гречишников. 1950-е годы.

В одном из стихотворений Петр назвал себя «самым неудачным среди детей». Однако Виктор Макарович Гречишников, младший брат, говорил: «Он был из нас самым красивым. И характер был у него особенный, отличался от всех нас. С книжками не расставался. Любил Блока, Маяковского. В свободное время или читал, или писал. Пел хорошо, голос был замечательный, но на сцене не выступал – пел в компании или просто для себя... Он был спокойный и в то же время обидчивый, ранимый. Любил правду...»

Петр учился в школе №4, был отличником. «Учеба ему легко давалась, – вспоминает Виктор Макарович. – Его сочинения учитель боялся проверять: однажды исправил ему что-то в сочинении – брат доказал, что был прав... Окончил 7 классов – бросил школу. Учителя приходили домой, уговаривали учиться дальше. Он пошел работать. Доучивался уже в вечерней школе, получил аттестат без “троек”. Поступил в Советское культпросветучилище, но не закончил.

безденежье... Работал долгое время на аэродроме электриком, потом в вагонном депо механиком...

Его часто приглашали выступать, он хорошо читал стихи, интересно рассказывал...

Был женат. Был у него сын – умер младенцем... Последние годы брат жил в старом доме один, болел...»

В трудном бытии Петра Гречишникова случались радости, сбывались и не сбывались надежды, поселялись печали. И все же главным содержанием его жизни – с самых отроческих лет – была поэзия. Ей был предан самоотверженно, ею не «увлекался» – дышал, жил, несмотря на то что обстоятельства, казалось бы, не способствовали ни учению, ни творчеству. Нет возможности обучаться в училище или вузе – учится сам, «самообразовывается», воспитывает себя как поэта, считая главными учителями мастеров-классиков. Далека его трудовая специальность от поэзии – он находит единомышленников в литературных группах при редакциях газет «Сталинец» и «Коммунист» и упорно работает над стихом, воспринимая критику как необходимый урок.

Петр Гречишников. Август 1951 года.

Петр Макарович Гречишников. Конец 1960-х годов.

В годы «поэтического бума» литературные вечера, встречи со «своими» поэтами и с поэтами из Калининграда, Москвы, Ленинграда, других городов страны проходят в заполненных до отказа залах, клубах, «красных уголках» предприятий. И едва ли не в каждом номере «Коммуниста» публикуются стихотворения и земляков, и гостей.

Гречишников много пишет. Не только стихи – о стихах. Это и заметки с литературного вечера в педучилище, и рецензия на новый сборник собрата по литгруппе, а потом ленинградца Вячеслава Кузнецова, и очерк, посвященный памяти погибшего друга – молодого талантливого поэта Виктора Данилова, и обзор поэтической редакционной почты...

Свою статью о начинающих авторах он назвал «Поэзия – дело серьезное». И в этом тоже – трепетность отношения к делу, без которого жизнь ему казалась бы скучной.

Ему не нравились стихи «претенциозные, убогие по содержанию», не нравились надуманность, искусственность, нарочитость.

Ему нравились стихи «о нашей, “земной” жизни». Но сама поэзия всегда мыслилась

им как великое таинство, волшебный мир, строящийся и живущий по каким-то особым законам. Природное чувство подсказало ему, что эти законы есть, и он стремился понять, как они действуют, а для того вчитывался в созданное великими и создавал свое. Эта внутренняя работа давала ему опыт и знания, и он ощущал, он видел, когда законы поэтической гармонии вдруг кем-то нарушались – от неискушенности ли, от недостатка ли данных, от «легковесного» ли, «неряшливого» обращения с поэтическим словом. Последнее претило ему в высшей степени: поэзия для него, от наивной младости до умудренной зрелости, оставалась ценностью святой и неоспоримой. Он был уверен: «Поэзия недостойна называться искусством, если она не обогащает читателя...»

Творчество Петра Гречишников привлекло внимание не только читателей-земляков. За поэму «Сын России» на областном конкурсе 1967 года ему была присуждена премия. В 1971 году на семинаре молодых поэтов и писателей, организованном обкомом комсомола и областной писательской организацией, ему было предложено выпустить в Калининградском издательстве книгу стихов для детей. И она вышла в свет в 1976-м (100-тысячным тиражом – а теперь редкость!) – тоненькая, но яркая, со светлыми, остроумными и очень добрыми стихами, в которых совместились и веселая, озорная игра, и далекая от примитива простота, и работающая мысль. И даже в названии – «Почему смеялись куры?» – обыгрывалось, «переиначивалось», «передумывалось» известное с малых лет. В 1980-м несколько стихотворений Гречишников было включено в сборник калининградских поэтов «Будь славен, хлебороба труд!». Он готовил к изданию новую книгу стихов «для детворы» – «Солнечные зайчики»... И тут что-то не заладилось. Так и не вышла она. Только в газете и печатался. А написано было много больше, чем напечатано. О военном детстве, полном недетских забот, о «солнечной, ясной улыбке» матери, об «отраде-реке» Анграпе, об улицах родного города, о летних туманах, морозных рассветах, «смеющемся» солнце, «снежно-

нежной» любви, людских именах, своей фамилии (он гордился большой семьей, посвятил стихи брату отца – Герою Советского Союза Петру Пантелеевичу Гречишникову, погибшему в 1942 году под Воронежем, где «в честь его воздвигнут монумент и именем его назвали школу»)... Лирическое, героическое, ироническое – все эти начала близки ему и нередко сочетаются в одном произведении.

Басня – жанр из любимейших. И если первые его басни – описывающие, обличающие, поясняющие, с «внятно прописанной» моралью – пространны, то «поздние» – острые, едкие – сверхкратки: 4-6 строчек – а в них «картинка»-ситуация со своей «блицдраматургией» и «вскрытым» смыслом. Мораль не «выписана», а словно «растворена» в подтексте. И жанр обозначен по-иному: «басенки», «микробасни». Из них и образовался целый цикл – «Перчиковые зерна»...

«Зерна», «зернышки» стихов Гречишников пока в «горсти»-книги не собраны. Может быть, ждуть своего часа?..

Ольга СИДОРЕНКО

НЕ ОЧЕРСТВЕЛА СЕРДЦЕМ И ДУШОЙ...

Клавдия Игнатьевна Андрияничева. Черняховский тубдиспансер. 1970-е годы.

В одном старом фильме режиссера Сергея Герасимова героиня восхищается французскими старушками, которых можно встретить в любом парижском кафе – мило беседующих за чашечкой кофе, чопорно разодетых, манерных, – они являются достопримечательностью города.

А я горжусь нашими стариками, которые, пройдя испытания, выпавшие на их долю: голодное детство, страшные годы войны, тяжелые послевоенные годы восстановления страны из руин, – все выдержали, вынесли и не озлобились, не очерствели сердцем и душой. Они, в отличие от французских или немецких стариков, не могут позволить себе на свою скромную пенсию сидеть в кафе, а тем более путешествовать по миру. Наши бабушки и дедушки, отдав все силы и здоровье труду в той, уже не существующей, стране, тихо сидят на скамеечке, ведут неспешные разговоры, делятся своими радостями и горестями – это, до боли знакомая, достопримечательность наших городов.

Есть такая скамеечка недалеко от моего дома на улице Элеваторной. И об одной милой пожилой женщине, которую я знаю с детства, а сейчас часто вижу среди других стариков на этой скамеечке, я хочу рассказать.

Зовут ее Клавдия Игнатьевна Андрияничева. В нашем городе она живет с 1948 года.

А до этого семья Степаненковых (девичья фамилия Клавдии Игнатьевны) проживала в селе Чернавы, что в Орловской области. Отец, Игнат Феофанович, работал бухгалтером в колхозе, а мама заведовала детским садом. В семье было шестеро детей. Клава родилась в 1928 году и была третьим ребенком. Закончила семь классов сельской школы (с перерывом «на войну»). Однажды – это было в 1947 году – отец пришел с работы и объявил домочадцам, что они все вместе отправляются на новое место жительства – в Восточную Пруссию. Собрались быстро, взяли с собой коровенку (это было необходимым условием переселения) и отправились в дорогу. Только старшая из дочерей осталась в родном доме, потому что к тому времени вышла замуж.

30 мая 1947 года семья Степаненковых прибыла в город Шталлупёнен (ныне Нестеров). Три дня отец со старшим сыном объезжали близлежащие хутора в поисках подходящего места, куда можно было перевезти семью. Нашли небольшой домик в поселке Гуделлен. Своими силами отремонтировали его, и вся семья начала обживать на новом месте. Работы было много: приехавшие годом раньше переселенцы организовали колхоз «Путь Ленина», вспахали и засеяли поля, – теперь надо было убирать урожай, разрабатывать новые земли.

В 1948 году Клавдия поступила в Гусевский сельскохозяйственный техникум, но учиться не пришлось: тяжело заболела туберкулезом мама и вскоре умерла. Надо было срочно искать работу.

Клавдия вместе со своими подругами приезжает в город Черняховск, устраивается работать санитаркой в инфекционную больницу на улице Театральной (позднее роддом, жилой дом сейчас). Комнату девчата втроем сняли на той же улице, у пожилой пары. В больнице, где работала Клавдия, была организована художественная самодеятельность, и веселые, заводные девчонки активно в ней участвовали: пели, плясали. На одном из выступлений

в городском Доме культуры на улице Тольятти (позже Дом культуры железнодорожников, ныне Детско-юношеский центр), Клавдию приметил молодой старшина медицинской службы Николай Александрович Андрияничев. Было это в 1950 году. К тому времени у Николая Александровича за плечами были годы войны: в 1943 году его, семнадцатилетнего мальчишку, уроженца Ульяновской области, призвали на фронт. Он был дважды ранен, дошел с боями до Восточной Пруссии.

Клавдия Игнатъевна с улыбкой вспоминает, как в загсе, после того как им вручили свидетельство о браке, они не могли найти, куда бы его положить: сумочки у нее не было. Николай Александрович заусетился, а потом торопливо сунул свидетельство куда-то за пазуху. Скромное «свадебное» платьице в горошек, что было на ней в тот день, Клавдия Игнатъевна бережно хранит до сих пор.

Муж служил в санчасти на улице Чайковского. Однажды начальник штаба подсказал, что есть свободная мансардная комнатка на этой же улице, в доме №6. Молодожены своими руками быстро отремонтировали комнату и поселились в ней (кстати, и сейчас там живут люди). В 1951 году родилась старшая дочь Люся. От войсковой части молодой семье выделили квартиру на улице Элеваторной.

В сентябре 1953 года Клавдия Игнатъевна поступила учиться на курсы медсестер, которые были организованы в здании школы №2 (ныне гимназия №2). Преподавателями были врачи из военного госпиталя. Клавдия Игнатъевна с гордостью показывает мне диплом с отличием, выдан-

ный ей 8 августа 1955 года. Ко времени окончания курсов она уже работала в туберкулезном диспансере (он тогда находился на улице Тухачевского). Возможно, на выбор места работы повлияла смерть матери. Позже она перешла работать в туберкулезный диспансер на улице Крупской (теперь там располагается станция скорой помощи) на должность сестры-лаборантки. Вспоминая те годы, Клавдия Игнатъевна с горечью рассказывает, как много было больных туберкулезом, как много умирало. Порой не хватало мест в палатах. Самых тяжелых, безнадежных больных размещали на верхних этажах (третьем и четвертом), чтобы изолировать от тех, кто еще покрепче. Люди умирали часто оттого, что просто не хватало лекарств. «Больше пяти инъекций на одного человека не назначали, а его бы еще полечить, поколоть», – вздыхает Клавдия Игнатъевна.

На этом опасном туберкулезном «фронте» Клавдия Игнатъевна трудилась 22 года (в системе горздраотдела). В 1977 году ее переводят в инфекционную больницу на ул. Тухачевского на должность медсестры, где она проработала до 3 сентября 1996 года.

Если подсчитать, то общий трудовой стаж Клавдии Игнатъевны составляет 49 лет! Она имеет звание «Ветеран труда». А ее фотография была помещена на городской Доске почета, которая в то время находилась в сквере на углу улиц Спортивной и Ленина. Вот такие у нас старики!

Клавдия Игнатъевна – богатая женщина: у нее трое детей, семеро внуков и пять правнуков! В 1956 году родилась вторая дочь, Галина, а в 1967 – сын Андрей. Всем своим детям супруги Андрияничевы дали образование. Старшая дочь, Людмила, выбрала профессию педагога, сейчас живет в Краснодарском крае, в городе Армавире. Средняя, Галина, пошла по стопам родителей: после окончания Калининградского медицинского училища она работает на станции скорой помощи в нашем городе. Сын Андрей стал военным, он окончил высшее военное авиационное училище в городе Даугавпилсе, в звании майора служит в поселке Нивенское.

В 2005 году ушел из жизни Николай Александрович, и эту милую женщину с удивительно добрыми глазами я стала видеть на скамеечке у дома чаще...

К.И. Андрияничева (слева) в Черняховской инфекционной больнице. 1980-е годы.

Алена ШАХОВА

ДОБРАЯ УЛЫБКА ДОБРЫМ ЛЮДЯМ

Зоя Андреевна Сташевская.

Трудно найти среди посетителей Черняховской библиотеки человека, который не знал бы Зою Андреевну Сташевскую, ведь она администратор, встречающий каждого входящего приветливой улыбкой. Сама она предпочитает скромно называть свою должность «дневной сторож» или «вахтер». Это человек с богатой биографией: она из тех, кто восстанавливал нашу область после войны, хотя сама себя считает ничем не примечательным человеком.

Она родилась в селе Протасово Моховского района Орловской области. Через полтора года началась Великая Отечественная война, по окончании которой, вместе с первыми переселенцами, Зоя приехала в Калининградскую область. Воспоминания об этих

эшелонах глубоко врезались в память шестилетней девочки: бесконечно долгая дорога, душная теплота товарных вагонов и – удивительный вид, открывшийся ее глазам. «В военные годы мы не читали сказок, не видели замков, а здесь любой дом, несмотря на разрушения, казался мне сказочным дворцом. Нас везли по городу, а я все думала: в каком же доме нас поселят? Каждый казался самым красивым, в каждом хотелось пожить». Тогда, в 1946 году, Зою с мамой и бабушкой поселили в Гусеве, носившем название Гумбиннен. Так началась ее жизнь в Калининградской области, где, помимо русской речи, еще то и дело слышалась немецкая (ведь до 1948 года рядом с переселенцами проживали и коренные немцы, да и коровы, с которыми работала мама Зои, большей частью были не русскими буренками, а из остатков немецких стад).

В 1947 году Зоя пошла в школу, о которой сохранила немало воспоминаний. С лукавой улыбкой она поведала, как к 1 сентября мама купила ей резиновые галоши. В те первые годы в области все подчинялось строгим законам экономии. «До школы мне надо было пройти метров пятьдесят, но, чтобы я не стерла галошки о бульжную мостовую, мама нашла для меня немецкие деревянные колодки подходящего размера. Выходя из дома, я их надевала, доходила до школы, снимала, прятала в куст сирени и шла на занятия уже в своих новых галошках. А мальчишки однажды подсмотрели, где я прячу колодки, и сожгли их, – вот за это мне и досталось от мамы...»

Через три года состоялся новый переезд – в поселок Лермонтово, в колхоз «Светлый путь». Школы в Лермонтове не было, но Зоя, подобно многим другим детям тех лет, которых не могли остановить никакие расстояния, каждый день бегала в Фурмановскую школу. Да и после занятий школьники никогда не сидели без дела –

они помогали колхозникам, а во время уборки зерна ходили по полям и собирали колоски, чтобы ни одно зернышко не пропало.

Школьные годы летели быстро, и в 1952 году, вместе с бабушкой, девочка переехала в Шприндт, а мама осталась в колхозе «Светлый путь». В 1955 году, после учебы в средней школе №5 г.Черняховска, Зоя поступила в техникум, который успешно закончила в 1959-м по специальности «зоотехник-пчеловод».

Студенческие годы были тяжелыми и голодными: на столе в комнате общежития обычно лежали буханка хлеба и пачка соли и стоял пятилитровый бидон кипятка – все это составляло завтрак, обед и ужин студентов. Но они каждый день ходили в кино, веселились и радовались жизни. «Все-таки лучше студенческих годов ничего на свете нет!..» – вздыхает Зоя Андреевна.

Ее первый рабочий день прошел в колхозе «Знамя Ильича». Больше всего девушка боялась быть ужаленной пчелой, но курировавший ее работу местный пчеловод сразу постарался пресечь все страхи: «Аккуратно с пчелами работай, ни одной не придави, ведь если придавишь, тогда-то они друг другу и передадут: “наших давят” – и набросятся. А так тебя ни одна пчела не тронет». Первый день прошел удачно, и с этого момента началась долгая дружба с пчелами. Первым постоянным местом работы стал колхоз «Светлый путь», а в 1961 году она приехала в Черняховск зоотехником по пчеловодству. Через год вышла замуж, а после года супружества родила дочь Наташу.

Пчелы до сих пор – нежная и трепетная любовь Зои Андреевны: «Можно лечь улья и целый день, не отходя, наблюдать за ними, как они неутомимо трудятся, летают туда-сюда. Вот если бы все люди так работали – не переставая и без усталости!..» И всех пчеловодов, с которыми сводила ее судьба, она вспоминает с теплотой в голосе, каждый из них, невероятно добрый человек, ждал ее приезда с радостью и с удовольствием помогал во всем, учил всему, что знал сам.

На работу никто никогда не опаздывал, несмотря на проблемы с транспортом, да и работали за «палочки» – трудодни. Оклад

Зои Андреевны в те годы составлял восемьдесят трудодней в месяц, и оплачивались они крупами и хлебом.

Работа зоотехника была связана с частыми поездками в Калининград на различные совещания. Город тогда сильно отличался от современного: когда ехала в трамвае по улице, порой еще изданий не было видно из-за обломков кирпича, возвышавшихся по обе стороны дороги. Но время и трудолюбивые люди сделали свое дело, придав Калининграду его нынешний облик.

В 1973 году Зоя Андреевна последовала за мужем, направленным на службу в Чехословакию. Там она провела три года, но отсутствие любимой работы опять привело ее на родину вместе с дочкой. Наташу в первый класс она определила в 7-ю школу, где снова встретила со своим прежним директором – Иосифом Францевичем Дудалевым. «Что, проказницу себе на замену привела?» – спросил тот, глядя на непоседливую девочку. И сейчас смотришь на Зою Андреевну – и нет-нет да и проглянет сквозь женственную степенность задорная школьница, читавшая романы под партой.

А вот в горисполкоме ее ждало известие, что ни одного свободного места зоотехника по пчеловодству нет. Тогда-то ей предложили сменить специализацию – стать инспектором по искусственному осеменению скота в Черняховском районе. Поначалу ужасу Зои Андреевны, сравнивавшей крошечную пчелку и громадного быка, не было предела, но ее отправили на курсы в Подольск со словами: «Было бы желание – и ты всему научишься!» Действительно, научилась и вскоре уже работала в Маевке на станции искусственного осеменения.

В 1977 году Зоя Андреевна ушла из сельского хозяйства на завод «Карат», где проработала табельщицей шесть месяцев, потом стала лаборанткой в котельной, работала в компрессорной. «Завод, ты в жизни мой поворот», – повторяет она. С «Карата» Зоя Андреевна ушла на пенсию, однако без дела сидеть не могла, поэтому устроилась в библиотеку гардеробщицей, а теперь работает здесь администратором – и дарит свою теплую улыбку каждому входящему.

В 2002 году ей присвоили звание ветерана труда; поначалу ей в этом довольно долго отказывали по причине того, что в 1952 году она была еще школьницей, однако участие в переписи населения принесло ей, наконец, заслуженное звание и значок ветерана. А еще совсем недавно Зоя Андреевна, никогда не состоявшая в партии (потому что скромно считала, что не сможет принести настоящей пользы),

все-таки собралась с духом и написала заявление с просьбой принять ее в «Единую Россию».

Сейчас Зоя Андреевна по-прежнему несет свою трудовую вахту на посту администратора, она в курсе всех событий, происходящих в библиотеке, и всегда направит рискующего заблудиться посетителя в нужный отдел на нужный этаж, послав ему вслед добрую улыбку.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ МИРА И ТРУДА

(Из материалов, собранных волонтерами Черняховского ГДК)

Свидетельства о жизни в первые послевоенные годы в поселках Черняховского района собирали члены волонтерского отряда городского Дома культуры вместе со своим руководителем – Викторией Вячеславовной Харитоновой. Здесь публикуются записанные ими воспоминания первых переселенцев, рассказавших о начале своих трудовых биографий на новой родине и о горестях и радостях того далекого времени.

Колхоз им. Сталина. Гнездо аистов на крыше скотного двора в пос. 2-й бригады. Июль 1949 года.

Мандрик Мария Павловна:

«Родилась в 1936 году. Приехала в поселок Тимофеевка Черняховского района из Брянской области в 1952 году. Переселенцев везли сюда в «телячьих» вагонах с «буржуйками» – в каждом вагоне по шесть семей.

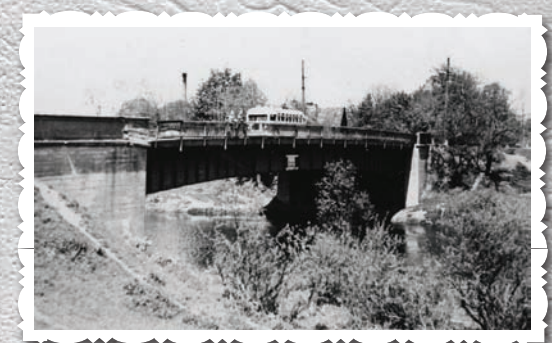
Мест для жилья не было – одни сады кругом, – поэтому жили в одном доме по несколько семей. В поселке было много военных. Строительство только начиналось. Чтобы купить хлеба, собирали щавель и продавали его на базаре в городе. Занимались погрузкой кирпича. Пасли оставшихся от немцев коров, которые почти все были больными. Имелись и лошади – на них разрешали пахать огороды. Приходилось работать и в городе. Все восстанавливали сами, не было даже света. Работали за трудовни, трудились даже дети – за зерно и свеклу. Так как была несовершеннолетней, работала телятницей. В 16 лет стала продавщицей – продавала капусту.

Здесь были и немцы, которых потом выселили. Дед работал кузнецом вместе с немцем. С немцами жили мирно, общались на русском языке, работали вместе. Когда их

Совхоз №7. Укладка картофеля в бурт.

выселяли, им разрешали взять 24 килограмма поклажи. Вся обстановка оставалась в домах.

В поселке не было роддома, имелся только медпункт. Роддом был в Маевке на горе. Позже начали строить дома и перестраивать старые, построили мельницу, стали обзаводиться хозяйством. Школа начальная (до 4-го класса) здесь располагалась в немецком доме. Мои дети учились в Озерске, получая из колхоза стипендию в 40 рублей.

25 лет работала завскладом. В 1994 году ушла на пенсию.

В 1996 году получила Почетную грамоту как ветеран восстановления Калининградской области и в связи с 50-летием ее образования».

Маслобойникова Мария Гавриловна:

«Приехала 25 января 1952 года в Тимофеевку из Брянской области. Сразу отправили на работу. Старики и дети тоже работали. Всего в доме жило 6 семей. Начинали все с нуля. Поселок строился на глазах. В 1954 году организовали ферму, пошла туда работать телятницей. Отработала почти 50 лет – ни льгот, ни благодарностей».

Носонова Мария Сергеевна:

«Родилась в 1918 году. Приехала в Калининградскую область 19 октября 1946 года из Орловской области и начала работать дояркой и одновременно телятницей. Это днем, а с девяти вечера шла “конношить”

(охранять конюшню). На руках у солдатской вдовы было трое детей.

Сначала жили в Гусеве, в бараке без окон и дверей. Из Гусева перенаправили в пос.Лесное. Здесь еще жили немцы. Они были простыми людьми, общались с нами дружелюбно. Сначала их не выселяли, они уезжали сами, насильно их выселили позже.

Так и жила потом в Лесном, которое было заселено сразу. Здесь был немецкий скотный двор, где я и работала. Фамилия председателя была Иванов. Дом нам достался плохой. Обживать стали постепенно: сначала была одна корова, которую привезли с собой, затем купили овцу. На троих детей за погибшего мужа получала 90 рублей. Не хватало хлеба. Когда приехали, дети были еще маленькими. Школы в поселке не было. Вообще построек было мало. На полях собирали кости убитых солдат и складывали в одно место. Поселок начал строиться где-то в 1950 году (колхоз имени Мичурина)».

Федысина Фёкла Ильинична:

«Войну пережила в Калужской области. Немцы, когда шли вглубь страны, ничего не трогали, шли назад – все рушили.

Приехала в пос.Ратное Озерского района (колхоз “Зорино”) в 1950 году. К поезду за переселенцами из хозяйств приезжали на машинах и развозили по своим колхозам.

Черняховский район. На сенокосе. 1950-е годы.

Перебирали картошку в подвалах. Работали за «палочки» (трудодни). В поселке была начальная школа с двумя учительницами. Магазин был за 3 километра. Приезжала передвижная лавка. Люди были дружными и веселыми, поддерживали друг друга, хотя тяжело было.

Всю жизнь работала в животноводстве».

Чернобыль Александра Александровна:

«В 16 лет приехала с матерью в Калининградскую область 19 октября 1946 года из Орловской области. Отец погиб. В семье было 5 детей. Приехали товарным поездом в Гусев. На месте выдали переселенческие билеты. Все, у кого была скотина, шли из Гусева пешком.

Пос.Лесное был наполовину разрушен: дома разбиты, без окон и дверей; поля изрыты. Закапывали окопы, присыпали погибших лошадей. Вместо денег за работу получали облигации. Умерших хоронили отдельно от немцев. Немцы уезжать не хотели, их выселяли насильно; помню, как одна женщина и ее дочка отказывались уезжать – их тащили силком, а они цеплялись за траву, за землю, рыдали.

Черняховский район. На грунтовой дороге. 1950-е годы.

В лесу был летний лагерь. Там отдыхали военные. Они курочили дома и везли все туда.

Во время уборочной за работу давали по килограмму хлеба и литру молока. С 1953 года работала дояркой».

Чечукова Вера Константиновна:

«Приехала в пос.Сиреневка из Белоруссии в 1947 году. В селе жили три немецкие семьи, люди были пожилые. Немцы пекли хлеб с опилками; переселенцы его есть боялись, опасались, что отравлен. Немцы не работали, а жили тем, что выращивали на огороде. Жили с ними мирно, пока их не отправили в Германию.

Дали квартиру, но жить было трудно. Много было снарядов – их увозили и взрывали. Выкапывали посуду на огородах, продавали ее. Нашли погреб с продуктами и водкой. Сажали очистки от картошки.

Совхоз №7. Молотьба на 2-м отделении (пос.Гноттау).

Прожили так меньше года. Работали, грузили лес на станции в Междуречье, делали колеса. Пололи свеклу (на человека по 50 соток) после работы.

С 1948 года стали жить в Тимофеевке. Заселились в клуб. Ничего не было, одна дорога. Прокладывали дороги, сажали саженцы, которые привозили в поселок. Если саженцы не посадишь – штраф.

Булка хлеба стоила 5 рублей. Зарабатывали трудодни. На руки не давали ничего, говорили, что все идет на облигацию. Обещаны были золотые горы, а ничего не получили. Все забиралось в виде налогов в район.

Председателя и счетовода выбрали из числа пожилых мужчин. Работали на энтузиазме. Пели песни, веселились. Колхоз поднялся – ездили в Москву бесплатно на выставку за успехи в соцсоревновании, получили в подарок часы».

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА

ЕГО СТИХИЯ – РАДИОЭФИР

Василий Васильевич Гнездилов.

– Когда можно к вам привести моих ребят? – спросила я у Василия Васильевича Гнездилова – руководителя радиокружка при Черняховском Детско-юношеском центре (тогда, в июне 2007 года, открылась его выставка в замке Инстербург).

– Да как соберетесь – так и приходите. Я на экспозиции с девяти утра и до вечера. И покажу, и расскажу, и на вопросы, какие будут, отвечу...

При городской библиотеке в это время работала лингвистическая площадка «Диалог юных». Юные вникали, помимо всего прочего, в историю края. В одно из наших «путешествий» по городу мы и пришли на выставку к Гнездилову.

Такого количества радиотехники времен Второй мировой никто из нас до сего дня не видел. И удивлялись мы беспредельно еще

и тому, что все эти экспонаты пребывали в совершенно исправном состоянии. Например, немецкий телеграфный аппарат, с помощью которого осуществлялась связь Ростов – Берлин, и сейчас, как оказалось, с успехом можно использовать. Самого шустренького из моих подопечных Василий Васильевич пригласил к устройству, и тот с редким усердием и сосредоточением демонстрировал жизнеспособность и надежные возможности средства связи вместе с мастером. А мастер о технике говорил как художник (так платоновские герои – тепло, заботливо, любовно – говорили о вещах и механизмах – детищах их собственных или других человеческих рук и умов). Рассказывал он и о своих старших наставниках, благодаря которым определил линию жизни, и о друзьях-сверстниках, с кем шел дорогами войны от начала ее и до конца, и о младших товарищах по любви к радиоделу, коих обучал, поколение за поколением, несколько десятков лет подряд. К слову сказать, дипломов, полученных им и его радиокружковцами в многочисленных соревнованиях, уже сотни три будет. (Стен на все в помещении не хватило, только часть на обозрение выставил.) И тут – почти вся земная география: вели переговоры и состязались с радиолюбителями самых разных городов и стран (70000 связей!). Москва, Ленинград, Нарва, Воронеж, Оренбург, Владивосток, Минск, Харьков, Белград, Прага... Германия, Венгрия, США, Колумбия, Аргентина... Диплом «Олимпиада-80», диплом в честь 90-летия маршала Жукова, диплом за победу в соревнованиях «Победа-60»... «В большие праздники, – говорит он, – эфир живет, бурлит, наполняется множеством голосов... Вы бы посмотрели, как этот мир благодарит участников войны, защитников Родины!..» Он и сам диплом учредил – имени Ивана Даниловича Черняховского – и наградил им, между прочим, за хорошую работу радиостанцию «Маяк».

В.В. Гнездилов и его воспитанники. 1980-е годы.

...Час пролетел. Но рассказать ли в час такую богатую жизнь? А я хочу знать больше, хочу расспросить по порядку. И иду со своими вопросами к богатому человеку в гости.

А он выстраиваемый мной «порядок» нарушает, когда вместо ответа на вопрос, где и когда родился, вдруг произносит:

– Две жены было у меня: первая – Бронислава Владимировна Гнездилова, вторая – машина... Нет теперь моей красавицы, моей Брониславы... Какая она была! Единственная во всем мире!..

Он показывает ее фотографии, говорит о ней с гордостью и нежностью. Человека уже нет – а любовь «не перестает», живет, питает сердце, перенесшее многое...

Василий Гнездилов родился 28 февраля 1920 года в селе Старая Криуша Петропавловского района Воронежской области в семье, богатой на детей (их было девятéro).

Ему минуло уже 16 лет, когда он впервые увидел пленочный аппарат: зашел в отделение связи с другом, отец которого работал на телеграфе, – и удивился. Отец друга познакомил с телеграфной азбукой.

А с 17 лет – фотографирует. Научил поп Василий, член партии большевиков с 1905

года. Первый свой фотоаппарат купил... без объектива – вместо него «дырочка была проткнута со спичечную головку».

Учиться пошел в Богучарский педагогический техникум, тоже в Воронежской области, на Дону. (Педтехникум потом в войну разбомбили, документы сгорели.) Окончил 1-й курс, а со 2-го, в 1939 году, – его призвали в армию, отправили в Новосибирск. Службу начал радистом. И даже не подозревал, как и другие его товарищи, что демобилизация отодвинется еще на несколько лет.

Когда началась война, в составе сформированных в Красноярске частей войск НКВД попал под Тулу, а после ее освобождения был направлен в тыл к немцам – через Каспийское море в Орджоникидзе (Владикавказ). Там построили доты, дзоты, защищали Военно-Грузинскую дорогу – артерию, по которой Америка снабжала Россию продовольствием. Держали связь Орджоникидзе – Москва. В разведку ходил с рацией на Казбек. (Много позже, после войны, встречался не раз с однополчанами на местах бывших боев и предложил на хуторе Прикубанский Краснодарского края организовать музей. Глава администрации –

Радиокружковцы 1970-х со своим наставником.

кстати, тоже радиолюбитель – это предложение поддержал, и музей был создан. По инициативе Гнездилова же был учрежден диплом – «Битва за Кавказ».) Дальше были Ростов, Украина, Минск... Так и дошел с 50-й армией, освобождавшей Белоруссию, до Белостока, после взятия которого поредевшие части отвели на переформирование в Лиду, где довелось потом праздновать Победу. К тому времени был старшим сержантом и начальником полевой радиостанции. (Офицером стал уже в мирное время. Сейчас – капитан запаса.)

После войны пришлось вести борьбу с «лесными братьями». В Белоруссии в схватке с бандой Коры, насчитывавшей семь сотен человек, он и его товарищи едва не погибли, если бы не «верная подруга» радиостанция. А затем его часть была направлена на восстановление Литвы.

В 1946 году демобилизовался. Там же, в Литве, оборудовал кинотеатры и радиоузлы, бесплатно устанавливал по деревням радиоточки. Там и женился на Брониславе – литовской красавице. 29 декабря 1946 года познакомился. 1 января 1947 года пригласил в кино. А 3 января пошли в соседнюю деревню в загс – расписываться. (Ему тогда

было 27 лет. Прожили вместе – 58...) Она была из очень бедной семьи, «бесприданница», но в работе упорная и большая умница. Выучил он свою ясноглазую на киномеханика.

Бандиты его персоной интересовались, но не тронули, хотя и предупреждали.

Был начальником Марцинканского отделения связи, заведовал радиоузлом областного значения. При радиоузле вел радиокружок – готовил себе кадры.

Из Литвы снова призвали в армию (в семье уже было две дочери). Так в 1952 году оказался в Черняховске, в 316-м батальоне связи особого назначения (на улице Чайковского).

Город в ту пору наполовину в руинах стоял. Где теперь магазин «Вестер» – стойки горелые, на месте «гестапо» – развалины в рост человека, там же хранили картошку. (Была еще, по его словам, в «гестапо» памятная доска: в одной из камер у фашистов Эрнст Тельман томился). На площади – женщина-регулировщица смотрела за порядком движения...

В 1954 году уволился из армии по сокращению. Пошел работать в гарнизонный Дом офицеров киномехаником.

Организовал там радиоузел, сделал проводку для трансляции, поставил микрофон на сцену. И видел выступления мастеров, ставших символами эпохи: Клавдии Шульженко, Лидии Руслановой, Павла Кадочникова, Владимира Коренева... Кого-то из них ему не только увидеть – запечатлеть удалось на фотоснимках.

Здесь, в Черняховске, родился сын. Здесь живет его внук Геннадий, который не был на войне, но «воюет» вместе со своими ребятами из клуба исторической реконструкции «Замок Инстербург» – «штурмует» рыцарские замки средневековья, а то и Инстербург 1945-го. Он гордится дедом и помогает ему по компьютерной части, в обустройстве выставок и при любой другой необходимости...

Гнездилов работал еще и в Южных электрических сетях (ЮЭС), а потом на заводе «Техмаш», откуда ушел на пенсию. Он ветеран войны, ветеран труда, ветеран восстановления Калининградской области. А еще Почетный радист СССР и бесменный руководитель радиокружка, созданного им при Доме пионеров (теперь Детско-юношеский центр) еще в 1957 году. О них, своих воспитанниках, об их успехах в эфире говорить готов без перерыва: о

Вере Можайской – победительнице Всесоюзных соревнований, получившей награду из рук самого Юрия Левитана (поступила в Куйбышевский институт космического электрооборудования), о Виталии Подковальникове – участнике состязаний международных (учился, а затем преподавал в радиотехническом институте в Ленинграде), о дочери своей, Юлии, которая в 1964-м, в большой Стране Советов, к его великой радости, заняла 2-е место, о Владимире Дубасове – в былые времена первом в городе лице, оставившем по себе добрую память, и о многих, многих других – Николае Стрюке, Викторе Птушкине, Геннадии Смирнове, Василии Мирошнике, Юрии Осипове, Любове Климовой, Вячеславе Кудашове... Кто-то стал радистом или радиоинженером, кто-то выбрал иную, не «техническую» стезю, кто-то вернулся после учебы в вузе в родной город, кто-то нашел себе труд и пристанище в других краях, – по-разному сложились судьбы его «ребят», однако ни один из них не считал время, проведенное в радиокружке, потраченным зря.

В эпоху Интернета популярность радиоспорта, казалось бы, упала. Однако Василий Гнездилов без эфира своего бытия не представляет, а на его позывной – U2FA – и сейчас есть кому откликнуться: не перевелись на земле романтики, живущие радостью слышать «музыку сфер».

Что же касается той самой выставки в замке Инстербург – первой (!) в его жизни персональной выставки, – то прошла она с завидным успехом: посетили ее гости нашего города и экскурсанты из 11 стран и 40 областей России, а информация о ней дошла и до Центрального музея Внутренних войск, и даже до Кремля. И накануне Нового года получил наш земляк, Почетный гражданин города Черняховска Василий Васильевич Гнездилов, за свои военные заслуги и активнейшую общественную деятельность, доставленный специально для него из Москвы ценный подарок – наручные часы в честь Победы над фашистской Германией с надписью: «От Президента России».

Часы от Президента России. 2007 год.

Галина КУЧИНА

ОДНА СУДЬБА

На окраине Черняховского района есть небольшой поселок – Гремячье. Трудно живется сейчас этому поселку, как и многим поселкам России.

Но не об этом речь. Здесь живут замечательные люди, каждый со своей неповторимой судьбой. Об одном таком человеке я и решила рассказать.

– А что мне о себе говорить? – отнекивалась поначалу Ефросинья Михайловна Шабан. – Жила, работала, как все.

Ее судьба, в которой как бы не было взлетов и падений, – казалось бы, неяркая, простая история, ничем не примечательная, похожая на тысячи других. Но это только на первый взгляд...

Россия – большая! И много в ней уголков, где живут и трудятся наши русские люди. В одном таком уголке, в деревне Дубняки Канинского района Псковской области, в начале марта 1922 года родилась девочка – назвали ее красивым русским именем Ефросинья.

Родители ее были небогатые, оба рядовые колхозники. Так Фрося Борисенкова и росла, зная цену куску хлеба, не боясь никакой работы. Деревня их была небольшая, всего дворов двадцать, и все знали ловкую девочку Фросю, и она знала всех. До школы она жила вольготно, просторно, бегала с мамой на работу, видела, как серпом жнут рожь, как отец косит траву, везде помогала, как умела. В 7 лет Фрося пошла в школу, в том же году у нее появился маленький братик Иван. Забот прибавилось. Мама работала, а Ванюшка был на руках у Фроси. Теперь она была за хозяйку дома. А позже, когда брат научился ходить, водила его за собой везде. Четыре года училась Фрося в Дубняковской школе, а в 5-й класс пошла в соседнюю деревню Корниловская, находившуюся через речку от Дубняков, но идти пешком до нее надо было 4 километра. И каждый день Фрося бегала в школу и обратно, торопилась домой: ее ждали маленький братик и разные

Фрося Борисенкова (справа) сразу после приезда в Гремячье. 1946 год.

домашние заботы и обязанности, летом она еще и огород помогала полоть.

Недолго проучилась Фрося – окончила всего 6 классов. Девочка она была статная, высокая и выглядела старше своих 13 лет. Пошла летом на работу в колхоз: сначала на прополку, потом на ток жать рожь – это уже Фрося умела... И осенью в школу уже не вернулась, так и осталась работать в колхозе. Выполняла любую работу, какую ей поручали. И в колхозе ее хвалили, и дома она была помощницей. В 17 лет ее назначили учетчицей. Фрося выросла, уже хотелось красивых нарядов, хотелось выглядеть получше, а в колхозе почти ничего не получали, хотя работали от темна до темна.

Однажды подружка позвала Фросю:

– Давай поедем в Великие Луки работать! Там деньги платят...

Великие Луки находились от их деревни в 20 километрах, там был кирпичный завод. И Фрося пошла туда работать. Девушек поселили в общежитии. Работа была

Ефросинья Михайловна Шабан (в центре) в колхозной конторе, где работала учетчицей.

очень тяжелой и непривычной. Они грузили сырой кирпич на коляски и возили в сушилку. Может, и прижилась бы там Фрося, но началась война. Великие Луки бомбили. Фрося с подружкой побежали домой. В деревне была паника. Уже дважды бомбили, были погибшие. Мужчины ушли на фронт. Фросю вызвали в контору и приказали эвакуировать скот. Коров было много, их пригнали из нескольких деревень. Собрали около двадцати девушек и молодых женщин, дали им лошадь, немного продуктов, и погнали они скот в сторону Москвы.

Время было тяжелое. Никто ничего не знал. Продолжались бомбежки. Шли слухи, что немцы уже подходят к Москве. Скот гнали днем и ночью. Останавливались на два-три часа – нужно было доить коров, – и для отдыха совсем не оставалось времени. На шестой день пути бомбежка была очень сильной, прямо над ними. Скот разбежался по лесу. Когда все утихло, девчата хотели собрать скот, но уже подъехали немцы на мотоциклах. Они ехали по большаку, и девчата разошлись по одной да по две и все вернулись домой. Три месяца жили в оккупации. Потом немцы отступили.

Подошли наши части, остановились в деревне Пески, неподалеку от Дубняков. Фросю с подругой взяли в воинскую часть. Они чистили и смазывали снаряды, укладывали их в ящики, а ночью грузили в вагоны. Потом штаб переехал в Великие Луки, и Фрося пошла работать на железную дорогу. Здесь проходил важный отрезок пути, и нужно было ремонтировать его и содержать в порядке. На этом участке проработала Фрося всю войну.

Было голодно. Не хватало продуктов, одежды. Везде очереди. Но весть о Победе встретили с большой радостью. Все надеялись на лучшую жизнь. Деревня Дубняки не очень пострадала, потому что была маленькой, а вот Корниловскую разорили очень сильно. Принялись все восстанавливать. В это время возвращались люди с фронта. Вернулась двоюродная сестра Фроси – Таня. Она была в Восточной Пруссии и рассказывала, что там много хлеба, можно поехать и привезти его. В один из дней собрались Фрося с Таней и поехали, хотя мама очень отговаривала их: ей было страшно.

Приехали девчата в Инстербург. Солдаты показали им дорогу в военный совхоз №137

(пос.Доваторовка). Здесь они получили работу (молотьба хлеба и сбор его в мешки). Однако вскоре их забрали в комендатуру, отобрали документы. Капитан Гридасов, комендант, сказал, что они должны немедленно уехать отсюда или остаться здесь на постоянную работу. Подумали девчата и остались. Квартиру на двоих им дали в Грос-Бершкаллене (ныне пос.Гремячье). Шел 1946-й год. Здесь еще жили немцы. Они на лошадях пахали поля, а Фрося была учетчицей. Она ходила и замеряла пахоту. В поселке была столовая. Готовили еду для всех работающих, и можно было пойти покушать без денег. Позже Фрося стала работать официанткой в столовой.

Работал здесь экспедитором Сергей Савельевич Шабан – он возил продукты в столовую. Тут он и приметил Фросю. Вскоре они поженились. Сергея назначили бригадиром полеводческой бригады. В 1947 году родился их первенец – Гриша. Рожала его Фрося в Черняховском роддоме.

В Калининградскую область уже можно было поехать только по вызову. Фрося сделала вызов маме и брату Ивану (отец к этому времени умер), и вскоре они приехали в поселок Гремячье. Сначала жили все вместе, потом брат женился и стал жить отдельно. В 1951 году родилась дочь Рая.

Дети учились в Гремяченской школе, затем в Высоковской. Потом Гриша окончил строительный техникум, а Рая – молочный.

Вся жизнь Фроси прошла в Гремячем. Были молоды, жизнь была веселой и счастливой. Собирались в клубе и наши, и немцы. Немцев выселили в 1947 году.

Работать Ефросинье Михайловне Шабан пришлось много. Работала она и телятницей, и птичницей, и мукомолом, и на уборке зерна – ни от какой работы не отказывалась.

Е.М. Шабан (2-я слева), Тамара Максимовна Черемисова (Ломакина) (2-я справа), Валентина Ивановна Кулеева (Лесовая) (в центре), фельдшер поселка (1-я справа), ?.

Совхоз был большой, красивый. Руководил им тогда очень хороший директор – А.Т. Ярыгин. Люди жили дружно, весело. Все вместе собирались, отмечали праздники.

В совхозе были птичник (разводили кур), крольчатник, свиноводник, телятник, коровник, овчарня и конюшня. Имелась разная техника. С полей убирали достаточно много зерна, работая в три смены. Собирались на субботники и воскресники. Пели, танцевали.

Теперь Ефросинья Михайловна на заслуженной пенсии, она старейшая жительница нашего поселка. Давно нет с ней ее мужа Сергея, матери, уже умер и брат. Ефросинья Михайловна живет с сыном и невесткой. Дети у нее – замечательные.

ВСПОМИНАЮТ СТАРОЖИЛЫ

(Из материалов, собранных юными краоведами школы №5 г. Черняховска, а также предоставленных жителями Черняховского района)

Юные краеведы средней школы №5 г. Черняховска, работой которых руководит Ольга Николаевна Кузнецова, по предложению заведующей библиотекой поселка имени Кирова (ранее Шприндт) Ольги Ивановны Пея записали воспоминания земляков-старожил. Собранные ими материалы представлены в виде монологов их собеседников либо небольших очерков. Отрадно, что юные следопыты обратились и к своим старшим родственникам, положив начало семейным хроникам, а к проекту подключились и взрослые, написавшие о своих близких и знакомых.

Клавдия Кузьминична Богданова.

Богданова Клавдия Кузьминична:

«Родилась 6 июня 1925 года в Псковской области, закончила школу. Жилось очень трудно.

В Черняховске оказалась случайно: приехала в 1947 году к родственникам, а потом решила остаться. Новое место жительства понравилось тем, что места тихие, много зелени, рядом река Инстроч, кругом молодые сады. После боев хорошо сохранились почти все постройки в районе Шприндта. Пешком бегали в город, до центра.

Разрушений в городе было очень много, страшно и зловеще выглядели высокие стены зданий, готовые в любой момент обрушиться. Тротуары все были завалены кирпичом и щебенкой.

Время было голодное, хлебом торговали на развес – резали и взвешивали по 2 килограмма. Так называемый рынок располагался в районе нынешней автостанции, где торговцы раскладывали нехитрый товар маленькими кучками.

Устроилась техничкой в школу, рядом с домом. В средней школе №5 проработала 60 лет: с 1947 года по 2007-й. Коллектив учителей и других школьных работников был очень дружный. Школа была прикреплена к поселку Междуречье, где нам приходилось, помимо основной работы, помогать сушить зерно, копать картошку, убирать сено. Трудно было неимоверно! Хорошо, что в школе была своя машина. Мы часто ездили в лес за грибами и ягодами. Рядом с нами работали и немцы по найму. Они так же, как и мы, разгребали завалы, сажали кусты и деревья.

Хорошо помню, какими были окрестности Шприндта. В районе маленькой школы по ул. Чернышевского был замечательный сад, красивая березовая аллея, росли реликтовые сосны и ели. Очень жаль, что мы не хранили эту красоту, безжалостно выпиливали деревья на дрова, уничтожили забор вокруг школы, зачем-то разобрали чудесную часовню на ул. Дзержинского. Не сохранили здание костела на ул. Горького. Сумели долгое время его поддерживать, потому что разместили в нем кинотеатр "Спутник".

По прошествии многих лет не могу сказать, что живу благоустроенно. Все мне досталось большим трудом. Была удостоена звания "Ветеран труда". В 1995 году получила медаль "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.", в 2007-м награждена медалями "60 лет

На подъезде к станции Черняховск. 1950-е годы.

Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.” и в честь 60-летия Калининградской области.

Мало времени прошло, с тех пор как я не работаю, и по дому с внуками не успеваю скучать».

Васенкова Любовь Фроловна:

«Родилась 17 января 1925 года в Рязанской области, где и жила до 1946 года. Семья была большая – двое родителей и пятеро детей. Во время войны жили в Рязанской области, в селе Шеммишево. Работала в лесу на заготовке леса, куда посылали от колхоза. Летом косили сено.

Приехали в Калининградскую область по переселению. Отец был начальником по расселению граждан, а мама – простая рабочая-крестьянка. Приехали в товарном вагоне, взяли с собой личные вещи и посуду (чугуны и топор) – больше нечего было везти.

Восточная Пруссия встретила хорошо. Нам дали ссуду – купили корову. Обрабатывали огород. Жить стало немного легче. Жили вместе с немцами. Затем их отправили в Германию. Поселились в доме, где

не было ни полов, ни дверей. Восстанавливали своими силами. В этой квартире проживаю до сих пор.

В 1954 году умер отец, следом умерла мама. Своих детей было двое и от родителей – трое сирот школьного возраста. Я, как самая старшая, взяла все на свои плечи. Было очень тяжело. Работал один муж, а я занималась детьми, хозяйством и огородом. Все были при мне. Затем пошли племянники, опять помогала, как могла».

*Материал подготовила дочь,
Татьяна Ивановна ПОПОНОВА.*

**Кичкирёвы Владимир Иванович
и Анна Андреевна**

Эта замечательная супружеская пара все силы, всю доброту сердец отдала своим детям, родному городу и предприятию, на котором протрудились в общей сложности 77 лет.

Анна Андреевна родилась в Гомельской области 25 декабря 1935 года. Вместе с семьей испытала страшные тяготы фашистской оккупации. Мать с детьми чудом выжили в лагере, куда враги согнали тысячи людей. Никогда не сотрет детская память

те страшные дни: колючая проволока в несколько рядов, злые овчарки и жестокий голод, а вся территория вокруг заминирована. От голода и болезней за ночь умирало 180-200 человек. И мама Анны похоронила двух своих маленьких детей, но это были ужасные похороны: могилки выкапывали руками и чем придется, чтобы похоронить малышей.

С началом наступления нашей армии фашисты стали спешно вывозить из лагеря обессиленных людей группами по 10 человек. Анне удалось вернуться домой. Однако родной дом сгорел, не осталось и соседей. Население многих деревень погибло от рук карателей. Женщин и мужчин сгоняли по отдельности в дома и с нескольких сторон здание поджигали. Жить на пепелищах было невозможно, и семья по вербовке переехала в Калининградскую область – в поселок Фрунзенское Правдинского района. Получили половину жилого дома, нашлась работа отцу и матери в колхозе.

Ул.Первомайская. 1950-е годы.

Ребятишки пошли в школу. Но детства ребята этой семьи не запомнили: страшно хотелось есть, пухли с голоду, болели лихорадкой, по два раза перекапывали картофельное поле, даже просили милостыню.

В 1954 году семья по семейным обстоятельствам переехала в Черняховск, жили в поселке Ботаническое, работали в колхозе.

Владимир Иванович Кичкирев (родился 15 сентября 1930 года) проходил срочную службу в рядах Советской Армии в Черняховске, где и остался, поскольку встретил свою будущую супругу Анну. Молодая семья заняла дом без крыши и потолка, начал строить новую жизнь. Все делали своими руками: отстраивали дом, разрабатывали участок земли, сажали сад. В этом доме родились и выросли трое детей Анны и Владимира. Владимир Иванович 44 года проработал в ДОКе станочником, а Анна Андреевна – 32 года здесь же отделочницей. Каждый из них имеет заслуженное звание «Ветеран труда», множество грамот и благодарностей за добросовестный труд. Жаль, что теперь Владимир Иванович болен, потерял зрение, находится несколько лет на инвалидности. Анна Андреевна продолжает трудиться по дому и на огороде. Ей нельзя останавливаться, многое хочется успеть: нужно мужу помочь, за детей порадоваться, внуков помянуть. Пусть в этой семье будет хорошо еще долгие годы.

Кучериносова Нина Андреевна:

«Родилась 9 мая 1940 года в г.Ржеве. В 1949 году семья переехала в Вильнюс, так как отец был военным. В 1958 году мы опять переежаем – на этот раз в Черняховск, поближе к родственникам.

Устроилась работать на железную дорогу в дом связи и начала учиться в Вильнюсском железнодорожном техникуме заочно. Проработала в одной организации 45 лет, справляясь со сложной техникой.

В выходные дни сотрудники постоянно выезжали на работу в колхоз на прополку, на уборку картофеля или свеклы. Часто помогали приводить в порядок тротуары и разбирать на стройке кирпичи. Помогали благоустроить и Калининград, куда нас возили целыми группами в свободное от

Спортивная площадка у ГК ВЛКСМ (пер.Советский). 1950 год.

смен время. Тогда мы были молодыми, нам казалось, что мы можем свернуть горы, работали с удовольствием и с песнями.

Выросли мои сыновья, подрастают внуки. Очень хочу, чтобы они были здоровы, умели ладить с людьми, чтобы продолжали благоустраивать город».

*Беседовала с бабушкой
Валерия КУЧЕРИНОСОВА,
ученица 5-го класса школы №5.*

Нагаева Людмила Константиновна:

«Родилась 25 июля 1941 года в Приморском крае, в г.Спаске-Дальнем. В Калининградскую область приехала вместе с родителями в 1949 году. Семья поселилась сначала на ул.Пушкина, а затем переехала в Шприндт. Пошла во 2-й класс средней школы №5, которую успешно и закончила.

Из своего детства хорошо помню огромные развалины, которые, казалось, были везде. Мне тогда думалось, что город весь разрушен и сделать ничего нельзя. Дома стояли без окон, тротуары были завалены кирпичом. В центр города надо было ходить пешком, а поэтому родители детей с собой не брали. Самым светлым в детстве была школа, где мы ухаживали за

цветниками, играли в мяч на площадке, устраивали праздники у пионерского костра. Учиться я очень старалась, потому что родителям было трудно растить нас. Все мои одноклассники ходили в школу в одежде не по росту, трудно было с обувью: мальчишки носили сапоги с отрезанными голенищами. Писали мы простыми ручками с перьями, носили чернильницы и очень любили читать.

Кроме учебы, у всех моих сверстников было много других обязанностей: прополка грядок, стирка белья, заготовка дров. Еще все старшеклассники ездили в село на уборку урожая или в лесничество на прополку лесных делянок. Вместе со взрослыми ребята косили траву, ворошили сено, носили воду из колодца.

После школы решила учиться на агронома, потом до пенсии 50 лет работала в теплицах. До сих пор люблю возиться с растениями, да сил уже мало. Очень хочу, чтобы молодое поколение жило счастливо, чтобы своим трудом украшало город, берегло его».

*Записала рассказ бабушки
Дарья КРОПОВИНА,
ученица 7-го класса школы №5.*

Поспелова Галина Александровна:

«Родилась в 1929 году, участница войны. Приехала в Зеленый Бор в 1962 году по объявлению. В поселке не было никаких предприятий. Большинство взрослого населения занималось сельским хозяйством: выращивали скот, разводили кур и гусей. Моя семья (как и многие другие семьи, переехавшие в поселок) жила в немецком доме. Эти дома были добротными, с печным отоплением. В каждом дворе – свой колодец. Рядом с домами – большие участки земли, ухоженные сады, пастбища. Словом, все было грамотно обустроено для ведения своего хозяйства.

Когда в поселке появилась воинская часть, я устроилась туда на работу. Мы занимались охраной объектов и реконструкцией.

Многие дома в поселке пустовали. Мало находилось желающих поселиться так далеко от города. Молодым нужна была работа, детям – школа. Вот и стали разбирать пустующие дома, а кирпич с разобранных зданий использовали для строительства. Так в 1973 году появился новый пятиэтажный дом для семей военнослужащих.

Военные не занимались благоустройством поселка, да оно и понятно, у них своя

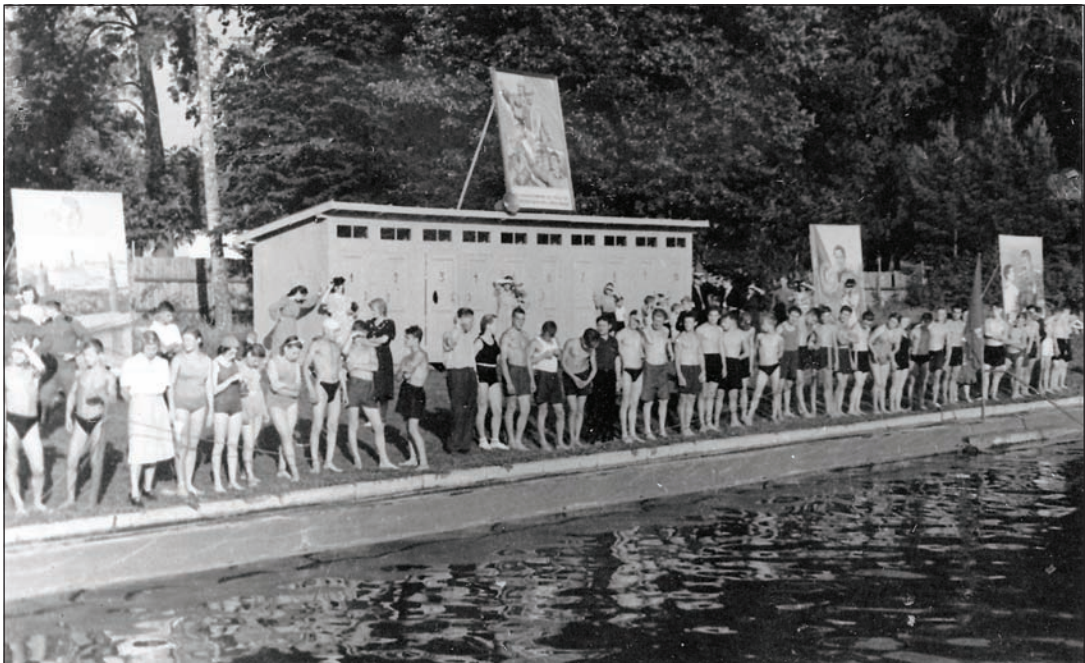
забота. Поселок жил своей жизнью. Селяне работали в колхозе, на лесозаготовках.

Постепенно в поселке оставалось все меньше жителей. От многих домов не осталось и следа, только кое-где фундаменты и груды мусора. Самое страшное – это то, что мы, живущие на этой земле, совсем не смогли оценить и сберечь то, что нам досталось. Хозяйство немцев, бывших жителей, в основном было хуторским. На хуторах вырастало и жило несколько поколений. Рядом с каждым хутором находилось свое семейное кладбище. Приезжающие в поселок вандалы вскрывали могилы в поисках ценностей, снимали и увозили на продажу гранитные надгробия. А на месте старых захоронений устраивали футбольные поля, строили дома.

Вся моя молодость прошла в поселке. Выросли и уехали в город дети. Сейчас они мне помогают, да и пенсия неплохая. Вот только до города далековато, не всегда можно добраться в больницу».

Соболева Валентина Игнатьевна:

«Мои родители приехали в поселок Зеленый Бор более 60 лет тому назад. До этого жили в поселке Каменское. Поселились в доме, где раньше была почта. До сих пор

Летний плавательный бассейн в г.Черняховске. Конец 1940-х – начало 1950-х годов.

Валентина Игнатьевна Соболева.

на чердаке мы находим обрывки немецких газет. Дом добротный, рядом большой сад и огород. Есть свой колодец. По рассказам мамы, поселок после войны еще не утратил своей былой красоты. Длинные улицы с сохранившимися названиями и одно- и двухэтажными домами еще не были разрушены. Много было зелени и цветов.

Несколько лет я училась в поселковой маленькой уютной школе. Помню, как мы с ребятами сажали деревья возле школы. Они и сейчас живы – это могучие ели, которые встречают каждого, кто приезжает в поселок.

Продолжила учебу в школе №5. Нередко, когда зимой не было автобуса, мы с ребятами добирались до школы на лыжах.

Жили – да и сейчас живем – трудно. Чтобы выжить, мы держали большое хозяйство. Отец занимался разведением пчел. Все члены нашей семьи, от мала до велика, много трудились в саду и на огороде. Жили тем, что выращивали сами.

После школы я работала в воинской части, а потом перешла на железную дорогу».

Сорокина Александра Ивановна:

«Родилась в 1936 году в г.Щацке Рязанской области. Переехала с семьей в Калининградскую область в 1947 году. Посе-

лились в подсобном хозяйстве, которое располагалось в 3 километрах от Шприндта. Ходила в среднюю школу №5.

В 1949 году семья переехала в поселок Маевка, где я закончила 7 классов. Нас окружали приехавшие из различных областей СССР люди, объединенные одними и теми же проблемами. Большинство семей переехало в новую область по переселению, так как в родных местах после войны царил жесточайшая разруха.

На новом месте мы имели нормальное жилье, крышу над головой, работы было много. Все переселенцы помогали друг другу и словом и делом. Так, в школе учебник был один на 2-3 учеников. Не хватало тетрадей, карандашей. Все ребята были одеты очень плохо. Теплые вещи перешивались из шинелей и взрослых пальто. Мальчишки носили сапоги с обрезанными голенищами. Но учились все с удовольствием, устраивали в школе веселые праздники и вечера.

После окончания Маевской школы я поступила в Калининградское медицинское училище. Здесь меня ждали материальные трудности: не было денег ни на еду, ни на одежду. Магазины были полупустыми, зато я научилась хорошо шить и красиво вязать. Всегда помогала сестренкам и подругам. После окончания училища вышла замуж, начала работать, продолжила учебу – поступила на химико-биологический факультет в университет.

Калининград предстал как город-развалина: кругом горы кирпичей, отсутствие тротуаров, кое-где уцелевшие здания. Люди селились в полуразрушенных домах, где сохранялось 2-3 квартиры. В городе было много военных и моряков. Все население дружно участвовало в субботниках по уборке тротуаров, расчистке завалов. Город преображался год от года.

Черняховск также выглядел большой развалиной. Запомнился вокзал, который строился, рынок и кинотеатр. Когда открыли первый новый кинотеатр «Ударник», мы постоянно бегали смотреть все фильмы. Улица Калинина представляла собой сплошное нагромождение кирпичей и щебня.

Супруги Роман Иванович и Ольга Ивановна Пей.

Прошли годы, города области возродились, поднялись из руин. Руками тысяч людей построены новые дома, заводы, дороги, мосты, школы. Я очень люблю свой город, считаю его своей родиной, хочу, чтобы он стал еще краше. Лелею мечту о том, что будут восстановлены старые замки Георгенбург и Инстербург, возродится стадион с бассейном, появятся новые парки. Молодым людям нашего города предстоит еще много сделать, ведь им здесь жить и растить новые поколения».

*Материал подготовила внучка,
Галина МЕЛЬНИК, ученица школы №5.*

Пей Ольга Ивановна:

«Я хочу рассказать о человеке, с которым счастливо прожила 46 лет, промелькнувших, как художественный фильм...

В молодой счастливой семье Бенедикта и Станиславы Тыхих, живших в Западной Украине, родился мальчик Роман. Но их семейное счастье длилось недолго: в 1939 году Гитлер начал войну. Молодожены были разлучены: Бенедикт уходит воевать, а Станиславу с маленьким сыном эвакуируют в Сибирь. В эшелон попадает бомба, и молодая мама погибает, а малютку определяют в детдом г.Уфа. Вскоре мальчика усыновляют новые родители – Иван Иванович Пей, мадьяр по национальности, и его жена Ефросинья Федоровна, настоящая казачка. Для Ромы начинается новая жизнь, поначалу кочевая, – по роду работы Ивана Ивановича семье приходилось переезжать с места на место: из Уфы – в Белореченск, потом в Омск, в другие города, в

1946 году – в Калининград, где Иван Иванович был назначен начальником нефтебазы. Мальчик к тому времени уже учится в школе. Семья была строгих правил, и Рома привык им подчиняться, при этом он рос веселым, озорным, общительным мальчишкой, у которого в каждом городе, где приходилось жить, было много друзей. Через некоторое время – новый переезд, уже в Черняховск, где семья остается на долгие годы. Иван Иванович руководит нефтебазой, Ефросинья Федоровна председательствует в Красном Кресте, а Роман продолжает учиться сначала в 3-й школе, потом в 1-й. Его учителем была Валентина Ивановна Данилова – много теплых слов он выскажет в адрес этой удивительной женщины, педагога от Бога.

После 7 классов он пошел в училище, окончил его в 1956 году на «отлично» и стал механизатором широкого профиля, потом, до службы в армии, работал на водоканале. И в армии его тянуло к машинам, он получил права водителя 1-го класса. Демобилизовавшись в 1960 году, устроился в лесхоз шофером и проработал там до 22 июня 2007 года – до самой своей кончины – на разных должностях: водителем грузовой машины, лесовоза, по окончании техникума – механиком, инженером-механиком. Все эти годы Роман Иванович Пей трудился добросовестно и общественной работой занимался, был депутатом городского Совета, удостоен знака «Отличный дружинник», медалей «За отвагу на пожаре», «Ветеран труда», «За доблестный труд» и других наград. Уйдя на заслуженный отдых, дома сидеть не хотел и работал в родном лесхозе сторожем. На рабочем месте и перестало биться его сердце...

Еще во время службы в армии познакомился он заочно с девушкой Олей с Волги, романтическая переписка с которой привела в загс. И едет он за невестой – то есть за мной – за 2000 километров, в Татарию. А расписывались мы в сельсовете, до которого шли в дождь 4 часа, и секретаря сначала на месте не оказалось, а когда возвратились домой, света не было – ураганом провода оборвало. Однако все эти мелкие невезения нашему счастью не помешали...

Лодочная станция в городском парке. Конец 1950-х – начало 1960-х годов.

Через Красный Крест Роману удалось разыскать своих родственников в Польше. Он ездил к ним в гости, они к нам приезжали, предлагали нам туда переехать. Но Роман Иванович Пея предпочел навсегда остаться на земле, которая его вырастила...»

Сенкевич Нелли Андреевна:

«В будущую Калининградскую область наша семья приехала в декабре 1945 года. Отчима, Цуранова Тимофея Федоровича, по приказу №430 направили сюда еще в мае 1945 года на восстановление железной дороги. Сначала он жил здесь один, работал поездным мастером, удалял неисправности, следил за всем составом. В декабре он приехал за нами. Ему могли дать вагон, а мама сказала, что вагон не нужен. С собой взяли постельное белье и одежду. Скот не брали – тут по полям бродили коровы недоенные...

В наш вагон в Каунасе столько морячков набилось, что ехали мы, как селетки в бочке. Я под сиденье забила – тем и спаслась.

Зимой 1945-1946 года почти не было снега. Снег был какой-то порхающий: до тронется до тротуара – и растает.

Жили на Железнодорожной улице, там, где домоуправление находится, – комнатка и кухня, все в одном месте.

На улицах была темнота, а в квартире у нас был свет. За водой ходили в другое крыло дома, в другой подъезд. А ресторан находился в пакгаузе, где железнодорожный магазин. Там буфет был, старик-грек играл на скрипке, его дочь – на гитаре.

Паровозное депо было огорожено колючей проволокой, была охрана, часовые: там военнопленные работали, детали вытачивали. В выходные приходили к ним родственники. Родственникам передавали детские колясочки – так сделаны, что загляденье!

Немцы жили кто в квартирах, кто в подвалах. Карточек не было у них, они продавали на рынке скарб: вещи, посуду – все, что было; ходили по помойкам. Дети ходили просили хлеба.

Помню такой случай: мальчик на улице так плакал – остановился в машине генерал и забрал его.

В 1948 собрали всех немцев и увезли.

В районе автостанции был рынок, где на прилавках продавали молоко, картошку солдатскими котелочками (весов не было).

Клавдия Шульженко со знаменитым платочком в руках.

Как-то заблудилась, когда ходила за молоком, – меня привели к милиционеру, я сказала: “Я знаю, где мой дом. Пойдемте, покажу”.

Там, где теперь памятник Черняховскому, были развалины, но рядом стояло здание магазина, где отоваривали карточки: на мясо – треска соленая (такая была вкусная!), из круп – одно пшено.

Маленький хлебный магазин был единственный, он обслуживал железную дорогу (ОРС), располагался у железнодорожного депо, в подвальчике. Хлеба полагалось нам одну буханку и кусочек на день. (Это уже в 1947 году, когда карточки отменили, наелись колбасы и хлеба досыта.)

Отчим привозил очень вкусный, с тмином хлеб из Литвы – там он был дешевле и без карточек, – и тогда мы им наедались.

На Ленина стояли сплошные коридоры поврежденных домов – крыш нет, окна выжженные. Гола через два начали рушиться, от дождя, ветра рассыпаться – танками их потом убрали.

Очень много было военных. Улицы Гагарина, Ленинградская – все ими были заселены.

В центре было безопасно, тихо. Милиция находилась там, где магазин “Бау-

центр”, около милиции радио висело – громкоговоритель.

Кинозал городской размещался в 6-й школе, наверху, в актовом зале. Первый фильм, который я посмотрела, – “Близнецы”. Вход был со стороны Железнодорожного переулка. Ходили взрослые и дети.

Когда открылся кинотеатр “Ударник”, мы приноровились на 10 часов ходить бесплатно – между взрослыми прятались, и никто не попадался.

В 1946 году 1-я школа была переполнена. А мне пора было учиться. Мама сказала: “Пусть дома посидит”. В 1947-м я сама определилась в 6-ю школу.

Подошла к школе.

– Чего тебе, девочка?

– Я учиться пришла.

– Что умеешь?

– Читать, писать.

Проверили – посадили во 2-й класс. Я вернулась домой – сказала:

– Я в школу пошла. Завтра тоже надо...

В школе уроков труда не было – вместо этого ходили убирать улицы, складывали вереницей кирпичи, потом за ними приезжали и забирали.

У школы №6 растут деревья – мы сажали.

Еще в парке убирались. Красивые цветы там были! Парк не был запущен, речушка была светленькая. Работала лодочная станция, катались на лодках по пруду (1 рубль час). Была танцплощадка, кинозал был – это сделали наши, – сцена была, скамейки (летний театр), проводились концерты, гуляния, патрули ходили.

В город приезжали артисты.

Я ходила на Шульженко. Как мне запомнились ее руки! До чего были красивые – она руками будто говорила. И такой душевный у нее голос!.. Я попала на 3-й ряд или 4-й, все хорошо было видно.

А на Русланову денег не дали, но я около Дома офицеров ее видела – она там прогуливалась, под красным кленом. Одета была во все пышное, красочное – красивая женщина...»

Записала

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА.

Максим ДМИТРИЕВ

«ЧЕРНЯХОВСК – НАША РОДИНА...»

Начал мой дедушка, Кузьма Маркелович Лактионов, войну семнадцатилетним юношей в 1942 году, попав на северный участок Карельского фронта после полугодового пребывания в учебке. «Молодых ребят, – рассказывал он, – у нас берегли, в самое пекло не бросали, давали “понюхать пороху”». Служил связистом, был участником многих военных операций, в том числе и Восточно-Прусской, и, хотя в штурме Инстербурга участия не принимал, в 1948 году демобилизовался из армии именно в Черняховске. Устроился шофером в совхоз №136 (теперь пос.Междуречье). Поселился в местечке, выдавшем картины Грос-Егерсдорфского сражения и носившем немецкое название Айхенштайн (позже его переименовали в Вороново), где и познакомился с моей бабушкой – тогда еще Богдановой Еленой Яковлевной.

Одиннадцатилетней девочкой она приехала в 1946 году из Великих Лук в Калининградскую область со своей семьей (четыре сестры и брат) по вербовке. Рассказывала потом нам бабушка весьма любопытную историю: поселились они в крохотном поселке Шатурай, до войны там была молочная ферма, оборудованная по последнему слову техники. «Мы даже и не думали, что в простом коровнике может быть столько всяких мудреных штук», – вспоминала она. Почему-то семьи, обосновавшиеся в том поселке, прожили в нем не более месяца и были расселены по другим местам, а немцы, тамошние жители, пропали неизвестно куда, сам поселок сровняли с землей, и никто о нем впоследствии не вспоминал.

Горька была память о голоде 1947-1948 годов, когда не стало одной из сестер. Тем не менее человеческий облик не теряли, жалели немцев, живших с ними бок о бок, и, хотя самим есть было нечего, подкармливали их, пухнувших от голода на своей родной земле.

Лактионовы.

С досадой вспоминала бабушка и об отношении к «трофейному» имуществу. «Когда немцев депортировали в 1947 году, мало кто знал об этом. Вечером спать ложились – немцы были, утром проснулись – их нет, только чайники еще теплые на их “голландках” стоят. Имущество их не берегли. Бывало, заберемся на чердак, подушки пуховые выпорем и с окна по ветру развеваем, а нет, чтобы сохранить для себя, для хозяйства. Сказывалась психология “временных” жителей. Да и злость осталась на них: как же, они наш город сожгли, а мы что, хуже?»

На совхозных работах были заняты все, от мала до велика. Работали за «палочки» – за трудовни. Позднее бабушка устроилась постовым-стрелочником на железную дорогу, где так и проработала 35 лет.

В 1957 году они с дедушкой переехали в Черняховск, в котором прожили до конца своих дней, отдав все свои силы для процветания Калининградской области.

Когда я спрашивал у своих стариков, не возникало ли у них желания вернуться обратно на Родину – дедушке в Оренбург, бабушке в Псковскую область, – те категорично отвечали: «Нет! Черняховск – наша Родина, мы тут выросли, работали, растили детей и внуков. Хоть и трудно было, но край этот стал для нас родным».

Уже давно попал под бульдозер поселок Вороново, от которого остались одни фундаменты, поросшие сорной травой, да ямы огромных немецких подвалов и одичавшие фруктовые сады, куда безбоязненно ходят кормиться яблоками дикие кабаны; недавно «заморожен» 19-й пост, в ста метрах от железнодорожного вокзала, где до 1990 года исправно несла службу полевая-стрелочница, вете-

ран труда Елена Яковлевна Лактионова; утратил свое значение гормолзавод, где до выхода на пенсию в 1988 году проработал 40 лет «крутивший баранку» ветеран труда Кузьма Маркелович Лактионов, – но их душу и многолетний труд, которые они вкладывали в становление и развитие области, нельзя выразить в денежных суммах и «палочках» в книге учета трудовой...

Раиса ЭЙЗЕНБЕЙС

ЖИВЕТ ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК...

Зоя Ивановна (Зегре Занятуллоевна) Зябирова.

Живет рядом человек – незаметный, скромный. И мы нередко не догадываемся, какая огромная внутренняя сила заложена в нем – сила добра, порядочности, мудрости.

Вот и я знаю такую женщину уже несколько лет, но о ее внутреннем потенциа-

ле узнала только из ее рассказа. Она именно рассказывала, а не сетовала, не сокрушалась, не преувеличивала трудности, и рассказывала просто, спокойно, а молодежь с интересом слушала.

Зовут ее Зоя Ивановна (Зегре Занятуллоевна) Зябирова, в девичестве Бакеева. В Черняховске ее многие знают, да и не только в Черняховске. А приехала она в Калининградскую область в числе первых переселенцев.

Родилась Зоя Бакеева в Ульяновской области, в большой многодетной семье. После войны матери трудно было поднимать шестерых детей в деревне без мужской поддержки. Они росли, а надежды на лучшее не было. Когда услышали о приглашении переехать в Калининградскую область на восстановительные работы, решили рискнуть. И вот, оставив родные места, в августе 1946 года отправились в далекий, трудный путь – туда, куда в те годы ехали переселенцы со всего Советского Союза. Взяв свой немудреный скарб, в битком набитых товарных вагонах ехали в неизвестность. Мать, конечно, переживала, а молодежь, как всегда, оптимистичная, не думала о трудностях, ехала с мечтой о лучшей жизни.

Молодая, здоровая, крепкая умом и сердцем Зоя тоже ехала к своим надеждам

на встречу с новыми людьми, к своему будущему, не зная, что останется здесь навсегда и всей душой прикипит к этим местам, которые станут ей родными.

Ехали около двух недель с такими же, как и она, мечтателями-попутчиками. С одним из них связала судьбу ее сестра.

Я помню эти вагоны, так как жила около железной дороги и всегда думала о том, куда едут эти люди, завидовала им, не подзревая о трудной их доле...

По мере продвижения по Калининградской железной дороге их расселяли, каждой семье отводилось свое место.

Семью Бакеевых определили в Нестеровский район, в колхоз «Авангард».

Поселили их – мать, двух дочерей и троих сыновей – на одном заброшенном хуторе, в маленьком полуразрушенном немецком доме. Благоустройством жилья занялись мать и младшие дети, а старшие вышли на работу.

Кем только не довелось ей потрудиться! Она бралась за любое дело. Добросовестная, не любила халтурить. Потому ее руки были всегда востребованы, на нее всегда можно было положиться.

Начала работать дояркой. И тут мало было умения доить – приходилось ухаживать за коровами, которые «понимали» только немецкий язык, других не слышали, – нужны были особое терпение, сноровка и ласка. Но девушка знала: если хочешь помочь семье выжить, надо многому учиться и много трудиться.

Она всегда была там, где труднее, – на трясуцей сенокосилке-грабарке с лопатой ровняла окопы, молотила, жала, скирдовала. Она взваливала на плечи мешки с зерном, во что трудно было поверить, глядя на эту хрупкую женщину. Той Зое было 19 лет, а этой – уже 80. Какой тернистый путь! Слушая ее рассказ, я невольно вспомнила Некрасова: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» И вот одна из таких – сидит передо мной.

Жизнь у многодетной семьи была не сахар: не так-то просто накормить столько ртов, ведь каждое зернышко, образно говоря, было на счету. Но она не роптала, а сама зачастую кормилась тем, что находила в поле и в лесу: ягоды, грибы.

Раис Зябиров с сыном Равилом.

Спасали сады. Но рядом было и страшное: неразорвавшиеся снаряды. На одном из таких подорвался ее брат...

Годы шли, дети определялись. Встретила и Зоя свою судьбу – это был молодой милиционер Раис Зябиров. Вышла замуж, переехала в Гусев. Появились один за другим сын и дочь. Время было опасное – переживала за мужа, за детей, которые могли остаться без отца. Жизнь – в постоянном страхе. Решили, что он поменяет работу. Раис устроился на рыболовецкое судно и проработал там 26 лет.

Переехав в Черняховск, семья Зябировых поселилась на улице Курчатова. Школа рядом, Зоя Ивановна отработала в ней техничкой без малого 20 лет. А когда дети подросли, перешла на железнодорожный вокзал, там трудилась 11 лет. Везде оставляла о себе только хорошее мнение. О ней не раз писали в газетах. Награждена медалями «Ветеран труда» и «За восстановление Калининградской области». Дети тоже стали достойными людьми. Сын, Равил Зябиров, много лет работает машинистом, имеет медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Дочь, Нурия Матвейчук, – работник торговли. Три внука и две внучки стремятся не отставать

На автобусной остановке (Раис Абдуллович Зябиров справа). 1950-е годы.

от родителей. И все это – результаты долгого, кропотливого труда маленькой женщины, сильной духом и умом, посеявшей и взрастившей добрые плоды.

Она и сейчас не может без работы. Как только приходит весна, она спешит на

огород, где у нее, кроме овощей, растут прекрасные цветы. И говорить не стоит о том, что ее руки добры и к земле, которая стала родиной детям и внукам.

Доброго ей здоровья, долгих лет жизни и счастья ее семье!

Наталья ЮРЬЕВА

СЕМЬЯ – РОВЕСНИЦА ОБЛАСТИ

*(По материалам из Музея имени И.Д. Черняховского
Детско-юношеского центра г. Черняховска)*

В нашем городе есть семья – ровесница области. Это супруги Иван Михайлович и Прасковья Антоновна Матва. И он, и она приехали в незнакомый город Инстербург летом 1945 года.

22-летний уроженец Алтая Иван Матва уволился тогда из действующей армии (с зимы 1944-го он воевал автоматчиком в 56-й дивизии в составе 3-го Белорусского фронта, которым командовал Иван Данилович Черняховский). Перед демобилиза-

цией изготовил собственными руками чемодан (много лет спустя он подарил его нашему музею) и направился в Инстербург, даже не подозревая, что там его ждет судьбоносная встреча с девушкой Пашей. Она же родилась в Белгородской области. Рано потеряв мать, жила с отцом и мачехой. Судьба продолжала испытывать девочку-подростка: гитлеровцы угнали ее вместе со сверстниками на рабские работы в Германию. Когда Красная Армия, добив

Иван Михайлович Матва. Январь 1943 года.

врага в его собственном логове, освободила угнанных в рабство советских граждан, перед Прасковьей не было выбора. Она тоже приехала в Инстербург, где устроилась работать на склад, а ее начальником был солдат-фронтовик Иван Матва.

Время было тяжелое, а наряды у молодоженов – самые скромные: подвенечное платье – из ситца, фата – из марли, туфли – парусиновые, а костюм жениха – солдатская форма. Да и загсов еще в тот период не было. Зато чувства были самые настоящие и крепкие. Время подтвердило их прочность.

Прасковья Антоновна и Иван Михайлович вырастили и воспитали сына Владимира и дочь Наталью, теперь на их примере воспитываются внуки и правнуки.

Война помешала Ивану Михайловичу доучиться в школе. Сразу после войны он закончил 10-й класс в вечерней школе №2. Устроившись на работу в бюро технической инвентаризации, он вел учет всехцелевших зданий, занимался их планировкой, чертежами подземного хозяйства, работал,

как и все, на расчистке завалов, активно строил завод «Техмаш». И не удивительно, что он поступил учиться в Рижский политехнический институт и стал архитектором.

В фонды нашего музея Иван Михайлович передал много фотоснимков, запечатлевших разрушенный войной город Инстербург.

Он проработал в системе горисполкома 40 лет. В его бытность главным архитектором на месте садовых участков в центре города была разбита лесопарковая зона – ныне парк имени 55-летия Великой Победы. А еще благодаря ему и Владимиру Петровичу Дубасову, председателю горисполкома, в нашем городе в 1977 году был открыт памятник И.Д.Черняховскому работы московских мастеров – скульптора Бориса Едунова и архитектора Михаила Насекина. Хотя по действовавшим тогда стандартам районному городу Черняховску полагалась скульптура не выше 1,8 метра, с помощью известного скульптора Н. Томского удалось добиться утверждения проекта, согласно которому общая высота монумента составила 10,2 метра.

Прасковья Антоновна Матва в фате, которую хранит со дня свадьбы.

Супруги Иван Михайлович и Прасковья Антоновна Матва с чемоданом-реликвией.

Иван Михайлович передал в наш музей акт о приемке памятника и посвященные ему стихи собственного сочинения.

А на дне уже упомянутого чемодана-реликвии оказалась газета «Правда» от 13 апреля 1961 года, в которой зафиксировано великое событие в истории

человечества – полет Юрия Алексеевича Гагарина в космос, наш прорыв во Вселенную. Вот такая удача всего лишь за один поход к нашим героям – Прасковье Антоновне и Ивану Михайловичу, давним и верным друзьям музея имени Ивана Даниловича Чернышевского.

ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Повесть, рассказы,
стихотворения,
лирические миниатюры

Александр ГАХОВ

ВИТИНГ

Повесть

ПРОЛОГ

В середине VIII века нашей эры берега Северного и Варяжского, ныне Балтийского, морей начали обживать люди, которых мир назовет викингами. Этими людьми в основном были светловолосые скандинавы, но были среди них и славяне, и датчане, и ирландцы. Слово «викинг» не является этническим термином и не говорит о национальной принадлежности людей. «Вик» означает «вертеть», «кинг» – «тот, кто держит весло». Возможно, поэтому людей, ведущих подобный образ жизни, в Северной Европе и назвали викингами. Сложно с определенной точностью назвать время и место возникновения общности викингов. По берегам Балтийского и Северного морей было немало мест, пригодных для поселений. В каждом из них был свой

собственный уклад. Люди, жившие в них, имели общие корни, но между ними были и различия. Это можно было заметить по языку, характеру построек и особенностям погребальных обрядов. Но всех этих людей объединяло море.

Арабских мореплавателей приводили в ужас привычки диких северян. «Это самые грязные из творений создателя. Они умываются и моют голову каждый день. Что может быть более отвратительным?» – так в лучших исламских традициях писал арабский путешественник Ибн Фадлан в 922 году. «Они ежедневно расчесывают волосы и красят глаза. И это их не портит. Напротив, от этого женщины и мужчины становятся красивей», – отмечал он.

Сами викинги говорили о себе так: «Мир принадлежит тому, кто храбрее и сильнее. Бедный идет в море за добычей, богатый – за славой и властью. Мы не ворует, а отнимаем, и это – благородное дело для мужчины. Мы не спрашиваем ни о чем, когда берем чью-то жизнь или имущество. Мы не верим ни во что, кроме силы нашего оружия и нашей храбрости. Мы всегда довольны нашей верой, и нам не на что жаловаться».

Корабли викингов, подобно летучим драконам, мчали по океанам. Сея ужас сво-

ими набегами, вероломные и безжалостные викинги держали в постоянном страхе народы, населявшие Европу и Северную Африку. Осаде и разорению подвергались не только прибрежные поселения, но и большие процветающие города, такие как Линдисфарн, Париж, Лиссабон, Севилья, Дублин. Викинги неоднократно вторгались в пределы Брутении (древнее название земли пруссов), внося свой вклад в ее историю, которая всегда будет помнить людей, сумевших стать владыками морских просторов.

Глава 1

После удачного набега на остров саксов близ устья реки Темзы разбойничья флотилия союза свободных ярлов, возглавляемая Счастливым Феликсом, сыном Гунара, достигнув проливов Варяжского моря, разделилась. Большая часть драккаров, нагруженных богатой добычей и пленниками, которые позднее станут рабами-тралсами, подгоняемая теплым течением и попутными ветрами, устремилась к стране фьордов, где их уже заждались оставленные на хозяйство жены и дети.

Уменьшив парусность, на восток, к далеким варяжским берегам, пошли три драккара свободного ярла Эстольда, сына Грольфа, по прозвищу Большой Топор. Вначале было решено зайти в поселение Хедебю – оплот викингов на севере Германии.

От проливов до Хедебю с попутным ветром было дней шесть пути, со встречным – все десять. Первые два дня драккары шли против ветра. Викинги, сидя по четверо на руме, по два на весло, гребли и гребли. Дружина Эстольда поредела в схватках, гребли без смены, которая осталась выкупом за богатую добычу. Но не было для викинга высшей чести, как прикоснуться к веслу драккара. Если случай, необходимость или воля ярла сажали за рум даже клейменого тралса, тот, взявшись за весло, делался свободным человеком навсегда. Скальды воспевали героев, которые могли грести от восхода и до восхода солнца. О некоторых гребцах сложены длинные

саги. Не день и не ночь устанавливали на драккарах внутренний распорядок, а ветер и очередь на веслах.

За одним из румов головного драккара сидел молодой викинг. Он был таким же, как и все остальные викинги, сидевшие на веслах: светлая курчавая борода, загорелое, обветренное лицо с выделявшимися на нем голубыми глазами и руки, привыкшие к тяжелой работе гребца. Разошедшиеся отвороты кожаного кафтана обнажали мускулистую грудь. Этим викингом был принятый в дружину ярла несколько лет назад варяг родом из Брутении – Туск, сын Элмса. Взгляд варяга с холодным безразличием иногда скользил по сгибавшимся и разгибавшимся спинам пятидесяти шести гребцов на четырнадцати румах драккара. Туск так же хорошо знал каждую спину, как и лица. Несмотря на привычку, его увлекло единство движений и безупречный ритм. Он незаметно сливался с ним до мига сползания в зыбкий, не сулящий отдыха полусон, когда сам толком не ведаешь, спишь или живешь. Очнувшись, варяг видел все те же спины, те же движения и не знал, сколько мгновений был в этом забытии. И тогда его взгляд отыскивал среди пленников застывшую маску бледного лица молодой монахини и теплел, задерживаясь на нем, словно пытаясь что-то сказать.

Было в этой девушке, похожей на другую, далекую, как казалось, навсегда забытую, что-то трогательное, что вызывало

в нем давнюю боль, живущую в глубине сердца. Сейчас варяг благодарил всех известных ему богов за то, что она осталась живой. Туск глядел на нее, и мелькала шальная мысль: «Ведь бывало же так, что пленный враг делался другом и кончалось тем, что роднились?»

Варяг хорошо помнил, как девушка стала пленницей. Невдалеке от берега Темзы викинги взяли штурмом большой женский монастырь. Многие монахини, зная, что норманны будут действовать по одним и тем же правилам – мужчин убьют, а женщин изнасилуют, – обезобразили себе лица, отрезав нижнюю губу. Но это не спасло служительниц живого Бога: многих из них тут же, под монастырскими сводами, убили разъяренные викинги. И только несколько монахинь – то ли испугавшись физической боли, то ли не успев нанести себе увечье, – став пленницами, остались живы. Сейчас они, надежно связанные и прикрученные к общему канату, стали живыми бусинами рабского ожерелья.

Холейг по происхождению, ярл Эстольд никогда не забывал, что торговля порой бывает более выгодной, чем война. Торговля похожа на войну, неоднократно убеждался он, у них одна общая цель – выгода, и только выгода. Ярл Большой Топор знал, где и какие находятся земли, где и какие товары можно приобрести или продать с выгодой для себя, где стоило воевать, а где торговать. Но самое лучшее, по его мнению, было вызнать землю торговли, а потом взять ее силой.

Эстольд несколько зим подряд провел в Хедебю. В своем фьорде зимой ни на суше, ни на море делать было нечего. Море было бурным, а дни короткими. Можно, конечно, сидеть дома и под песню выюг пить мед и пиво да придумывать забавы. Можно ходить на охоту – поднимать медведя или устраивать облаву на волков и упражняться во владении оружием. Все это хорошо, но не для Эстольда. В Хедебю, являвшемся торговым перекрестком, где встречались разные культуры и религии, собиралось много ярлов. Здесь обменивали товары из далекой Азии на товары с Крайнего

Севера. В Хедебю можно было легко продать и купить любой товар, увидеть любую вещь и услышать обо всем, что происходило на свете. Но купцы из Хедебю торговали не только пушниной, янтарем и точильным камнем. Повышенным спросом пользовался у арабских торговцев живой товар. Тут был такой рынок рабов, как нигде в мире, поэтому в Хедебю викинги хотели обменять своих пленников на серебро и золото, тонкие ткани с золотой и серебряной ниткой или на дорогостоящие бусы из цветного стекла.

Крепчающий ветер катил крутую короткую волну и, срывая гребни, белил море. Чтобы уменьшить качку, кормчие меняли темп гребли. Быть кормчим – высокое искусство. Пока был виден берег, выдерживать курс было несложно. Но в открытом море царили другие законы. Кормчий познавал море, как мужчина женщину. Он должен был знать все ветры и уметь предсказать перемену погоды. Глядя на воду, даже у чужих берегов, он распознавал глубины и по птицам безошибочно догадывался о близости суши. Недаром кормчий имел право на три доли в добыче, даже если он не сходил на берег и не принимал участия в бою. В море его власть была равна власти ярла.

Сейчас кормчие драккаров, помогая гребцам и подбадривая их, монотонно били в бронзовые диски. Иногда кто-то из гребцов начинал примешивать к глубокому звучанию металла хриплые ноты своего голоса. К одинокому голосу постепенно присоединялись голоса других гребцов. Отдельные ритмичные ноты сливались в победную песню. Кормчие, доверяясь добровольным помощникам, позволяли себе отдохнуть. А песня звучала и крепла, весла вздымались выше и ударяли сильнее, и драккары ускоряли ход. Когда весла уходили в воду, гребцы, чувствуя сопротивление, вкладывали еще больше сил. Если песня обрывалась, раздавались требовательные хриплые голоса: «Еще, еще!» Бородатые кормчие, улыбаясь, начинали замедлять ритм диском, чтобы умерить порыв викингов.

На четвертый день драккары свободно ярла Эстольда догнала буря, посланная вдогонку викингам длиннополыми колдунами, бредущими темя и читающими свои заклинания, написанные римскими буквами на тонком пергаменте. Волны захлестывали перегруженные суда. Туск, как и все викинги, не выпускал рукояти весла. Буря гнала драккары к предательскому мелководью Варяжского моря. Изменчивая крутая волна заставляла кормчих постоянно менять направление, чтобы не подставить волнам борт. Натянутой струной над головами гребцов, останавливая время, повисали не желавшие рушиться зеленые валы. Драккары карабкались по водяным стенам, с вершины которых на миг открывалась безбрежная даль бушующего моря. Буря не утихала. Нужно было принести жертву Одину – богу мудрости, войны и силы, научившему людей высекать на камнях руны и слагать саги. Среди пленников были мужчины-ремесленники и женщины, но женщины, даже самые молодые и красивые, ценились на рынке вдвое дешевле мужчин.

Сердце молодого варяга заняло в предчувствии непоправимого, когда он увидел, как один из телохранителей ярла, рыжий берсерк Лехван, приглядывавший за пленниками, поднимая в ухмылке косматую бороду, вынул нож. За убийство соплеменника Лехван был объявлен народным собранием – тингом – вне закона, и его мог повесить любой ярл. Но Эстольд, считая, что лишний меч помехой в походе не будет, приютил с десятков подобных изгнанников.

Подойдя к пленникам, Лехван нагнулся над одной из своих жертв. Он разрезал ремень, и нож легко вошел в ооченевшее тело пленницы. Дикий, опьяненный взор убийцы встретился со взором очередной жертвы. Через мгновенье тела жертв упали за борт в водоворот под весла. Когда очередь дошла до молодой монахини, рядом с Лехваном оказался Туск.

– Не тронь ее! – задержал он руку звероподобного убийцы. – Она является половиной моей доли.

– Сначала хорошенько обсохни, – мелко взглянув на варяга, который был мок-

рым от ударившей через борт волны, прычал Лехван, – а потом бери свою долю. Лучше иди к веслу и не мешай мне выполнять приказ ярла.

Внешний вид Лехвана внушал ужас. Все его лицо, включая лоб и щеки, словно у дикого зверя, было покрыто щетиной. К берсерку викинги относились со смешанным чувством боязливой почтительности и презрения. Он был подлинным псом войны. Ярл использовал в своих целях Лехвана, подобного прирученному зверю. Его необузданный нрав сами викинги терпели лишь потому, что он обладал удивительной способностью проводить ладью там, где никто ее не ждал, и проникать в самую глубину вражеской территории, используя даже небольшие реки. Еще он умел давать советы, где располагать крепости и укрепления. Иногда викинги метали друг другу и более язвительные речи, но сейчас Туск не захотел отделяться шуткой, сохраняя гневную силу для более достойного дела, хотя и ведал, что впереди не один сегодняшней день.

– Если ты не уберешься, – холодная улыбка скользнула по его лицу, – то я тебе самому устройю скорую встречу с Одним.

Лехван ответил коротким и жестоким ударом, который сбил варяга с ног. Он умел драться, но через мгновенье, стреноженный подсечкой Туска, грохнулся на мокрую палубу, крепко приложившись затылком. Свободные от весел викинги немедленно разлучили задир. Рыжебородый Лехван рвался из рук и рычал, словно пес на цепи, захлебываясь болью и неотомщенной обидой. Варяг лишь смотрел на соперника потемневшими шальными глазами и улыбался, пропуская мимо ушей увещательные слова державших его викингов.

Стычка влекла за собой риск наказания смертью. И пусть между викингами не было ни братства, ни товарищества, а лишь боевое содружество, в котором каждый стоял за себя, а за других – лишь по деловой необходимости, свободный ярл не допускал убийств между своими.

– Привяжите его к веслу на время, пока не одумается, – узнав причину драки,

гневно бросил подошедший Эстольд. – Нашел время думать о пленниках! Тут самим бы уцелеть...

Больше суток на драккарах никто не спал. Все, не исключая ярла, по очереди садились на рум и гребли в полную силу. Ничего не ели, кроме случайного куска вяленого мяса: было не до еды. Борясь с морем за свою жизнь, жажду утоляли, лоя пересохшими ртами водяные струи, льющисся с разверзшегося неба. Однако никто не выказывал нетерпения, каждый прославлял себя хриплым голосом, насильно выталкиваемым из пересохшей глотки. В этом не было никакой рисовки. Викинги умели переносить и не такие лишения.

И хотя руки Туска, умело прихваченные к веслу тонким кожаным ремешком, выполняли ту же работу, что и руки других викингов, в его душе поселилась нечаянная радость. Бросая взгляд на спасенную девушку, он иногда ловил ее робкий взгляд и подобие улыбки, предназначенной ему. И все же день выдался для него тяжелым. Опустив голову, молодой варяг погрузился в размышления.

Любимый мотив возник в воспоминаниях. Тот мотив, который помогал твердо стоять на ногах, каким бы трудным испытаниям ни подвергала его жизнь. Мысль побежала назад уже по известному пути, где он, грозный викинг, становился мальчиком одного из племен пруссов...

Глава 2

Туск сидел на гнедом жеребце, нетерпеливо танцующем под ним, судорожно вцепившись ручонками в косматую гриву. Нетерпение лошади передавалось телу противной мелкой дрожью, которую не могли унять даже слова отца, грозящего отдать его, если только он свалится с лошади, на выучку к жрецу-тулисону – облысевшему, сгорбившемуся от времени, неприятному старикашке, ведавшему в их селении похоронными обрядами.

По обычаю предков, мальчиков в их селении учили держаться на лошади с раннего возраста. Правило тех далеких времен гласило: «Если ты не научил сына ребенком ездить верхом, ты уже никогда не сможешь этого сделать». По выражению лица Элмса мальчик понимал, что отец не шутит. Верховая езда требовала не только сноровки, уверенности в себе и умения чувствовать лошадь, но и смелости. Малейшая оплошность могла привести к падению. Закружившись, земля ударит и, схватив, уже не выпустит бесчувственное тело из своих объятий. Впервые усевшись на лошадь, Туск не ощущал себя героем, но этот эпизод запомнил и вспоминал только по одной причине: в тот день к нему пришло чувство бесстрашия и осталось с ним навсегда. Многие годы спустя он

воспринимал преодоление страха как важнейшую жизненную победу.

Маленькому Туску приходилось много работать по хозяйству, но он не жаловался. Примером в тяжелой работе для него являлся отец, у которого много сил отбирал уход за скотом. Туск наблюдал, как тот, несмотря на смертельную усталость, находил в себе силы подняться ночью и два-три раза обойти с факелом загон для скота, для того чтобы послушать, все ли там спокойно. Набег кровожадной волчьей стаи из лесной глубины мог поставить семью на грань разорения. Туск с малых лет чувствовал страх отца перед этой злой силой.

Уже в то время мальчик понимал, что, оставшись в родительском доме, он будет обречен на роль работника при старшем брате. Тяжелые стороны жизни сглаживала своим присутствием мать Туска, еще не старая красивая женщина, происходившая из мазурского селения, доставшаяся Элмсу в одной междоусобице с полянами. Будучи способным ребенком, Туск с легкостью перенимал и запоминал все, чему она его учила и о чем говорила. Он единственный в семье свободно говорил на ее родном языке и знал наперечет все травы и способы лечения, ею применявшиеся.

Яня – так звали мать Туска – с тревогой наблюдала за своим любимцем, понимая, что судьба готовит ему незавидную долю, но выхода из создавшегося положения не видела. Со стороны казалось, что семья живет в достатке, однако бедность с каждым годом ощущалась все сильнее. Впереди маячили нищета и беспросветный тяжелый труд. Единственной радостью для Туска была охота, но и она не могла восполнить многомесячное однообразие существования.

Осень выдалась дремучей, слякотной и кромешной. Туску нравился заунывный осенний дождь; нравилось сидеть у ласкового очага, слушая шуршание и шепоток ветра в соломе на крыше. Глядя в огонь, он задумывался, и казалось, что это собрались к теплу крохотные лесные человечки – Барздуки, которым люди оставляют краюшки хлеба у родника, на скрещении троп, у края болота. Невольно виделись озябшие загадочные существа, жмущиеся напоследок к теплу. Страшно ведь засыпать на целую зиму. Лесная сила крепче людей помнила времена холодного солнца, когда год за годом не приходила весна. Славно было возвращаться домой на исходе хмурого дня, чавкая промокшими прохорями, неся тяжелый плетеный кузов с добычей. Приятно было ощущать медленно крепнущий запах натопленного жилья. Проскрипит сорванным голосом знакомая береза, тяжело качнувшись под ветром, дунувшим с моря... Мать вскочит, заохает, порываясь снять с него неподъемный кузов, выговаривая на ходу: «Дитяtko неразумное, надорвешься ведь когда-нибудь. Род тебя сохрани!» А он молча спустит ношу на пол и не подаст вида, что тяжело, хотя у самого с прошлого раза на плечах не прошли синяки. Повесит над лавкой лук с тулой, а под лавку спрячет неразлучный топорик, отожмет одежку, натянет сухую рубашку да вязаные копытца и усмехнется, глядя, как хозяйничают в кузове младшие сестры.

В тот морозный день Туску надобно было оберегать скотину. Пока отец выгонял животных из хлева, Туск метнулся в жи-

лице и из него возник чудищем: в шубе мехом наружу и с лицом, намазанным сажей. Он тихо и осторожно пошел по кругу, обходя сгрудившихся животных, пряча за спиной верный топорик. Туск был волком, напрягшимся перед прыжком, как на охоте, и не сводил глаз с туманного пара, медленно поднимавшегося вверх. Ничто не ускользало от его взгляда. Он отчетливо видел гибкие серые тени, тщетно пытавшиеся ускользнуть. Это хвори и немощи, словно мухи, метались в испуге над животными, которых выгнали на ядерный свежий воздух. Мудрые прашуры знали: нет спасения нечисти от топора. Туск трижды обошел двор. Струйки пара густели, завиваясь колечками. А он ждал наития, которое должны были послать его руки в свои. Топорик вылетел из руки и понесся, подобно молнии Перкунса, сквозь самую гущу теней. Отчаянный крик, неслышный обычному уху, перепугал сонных Барздуков в ближнем лесу, навеяв страшные сны. Просвистев над спинами животных, топор оставил в облаке пара рваный след и врубился в стену хлева.

Пар все так же вился над скотиной, но теперь он был светел и чист и легко поднимался в морозную синь. Ни одна хвороба больше не пряталась в нем и не грозила кормильцам. А если и захворает какая, то прибудной болезнью, да и та не скоро пристанет. Бог Звайгстикс немигающим глазом смотрел со своей высоты, подсвечивая синеву выпавшего снега, а в душе Туска играла задорная, праздничная сила, которая прибывает после завершения трудов.

Ему было так хорошо, что он не удивился, когда во двор вошел короткобородый незнакомец. Был он высок, худощав, мохлат. Чувствовалась в нем сила, а меч, висевший у правого бедра, выдавал бывшего воина, как таких здесь называли, – витинга. Остановившись, незнакомец окинул взглядом картину обряда.

– Хороший у тебя парень, старина Элмс, – дрогнуло в улыбке суровое лицо витинга, – и сила в нем есть, и ходит мягко, да и

глазомер отличный, – стал он пояснять положение дел. – Дети селян, перенося много тяжестей и становясь сильными и выносливыми, постепенно теряют такое ценное свойство, как ловкость. В жизни это создает серьезные затруднения. Твоему парню, – поинтересовался он, – зим шестнадцать?

– Исполнилось четырнадцать, – отец Туска с легким замешательством вглядывался в незваного гостя.

– Обычно я не ошибаюсь. Но тогда твой парень особенно хорош.

– Да чем же он хорош? – поинтересовалась подошедшая к мужчинам мать Туска.

– Для витинга он хорош, – взглянул на нее пришедший, – я в свое время их немало обучил.

– Да найдет меня ярость Перкунса, если ты не рикис Хаук! – наконец узнал Элмс пришедшего,

– Берегись Перкунса, Элмс! Я уже с весны не рикис, – натянуто усмехнулся гость, – не пришлось ко двору новому зупану охраны верховного жреца, – пояснил он, от-

вечая на немой вопрос Элмса, – пришлось оставить службу. Вот неприкаянным и живу, скитаясь, как какой-нибудь латрон. Лето проработал в селении, – день перехода отсюда, у вайделота Свира. Надо сказать, жрец Звайгстикса – изрядный негодяй, пришлось расстаться. Иду в Трусо, думаю найти там работу. К тому же возраст обязывает подумать о старости... Давно ли мы с нашей сотней, Элмс, ходили с мечами и копьями в гости к мазурам? А с той поры уже более двадцати лет прошло! Я по дороге узнал, что ты в этом селении живешь, – дай, думаю, зайду. Когда еще увидимся?

– Оставайся у нас переночевать, – взглянув на мужа, предложила Няня, – работы идут к концу, мужчины скоро сядут за стол, вот и ты ко времени. А завтра боги тебе помогут.

– За приглашение спасибо, но тогда я приму участие в работе. Где мне положить вещи и оружие?

Втроем они быстро управились по хозяйству и по окончании всех дел сели за

стол. Хаук, сидевший рядом с Туском, ел и пил с удовольствием, держался как свой человек. Яня следила за беседой Хаука с сыном. Вел ее Хаук умно и доброжелательно. По тону разговора Яня уловила их взаимную симпатию.

Думая о судьбе сына, она долго не могла заснуть в ту ночь. Пойти в витинги в те времена считалось не таким уж плохим решением. «Конечно, труд тяжелый, – думала она, – но боги защитят моего мальчика. Глядишь, станет рикисом, да и воинская добыча будет перепадать. Разве ведут мои мужчины настоящую жизнь? Чем она отличается от жизни раба? Надо утром посоветоваться с мужем и предложить гостю работу по хозяйству с условием, что он подготовит мальчика».

За завтраком Элмс предложил Хауку остаться работать у них и сделать из Туска настоящего витинга. Сердце мальчика радостно забилося. Кто в его годы не мечтал стать витингом? У многих молодых пруссов рассказы о витингах, переплетенные былью и небылью, порождали мечты о такой жизни. Хаук согласился. Условия для него предлагались очень неплохие, да и люди пришились ему по душе.

Со следующего дня для Туска началась новая жизнь. Ему повезло, учитель знал свое дело и был человеком азартным. По утрам и вечерам, в перелеске, рядом с жилищем, шли упражнения в воинском искусстве. Туск с нетерпением ждал каждого нового занятия. Осваивались владение оружием и приемы единоборства, верховая езда и плавание. Но Туск не мог взять в толк, для чего Хаук заставляет его долго стоять, сжимая бедрами большой валун, с вытянутыми вперед руками, держащими дубины. От непривычного упражнения ныли ноги и руки. Когда он посетовал на это Хауку, тот, усмехнувшись, пояснил, что руки в бою должны держать оружие, а ноги уметь передать лошади любой приказ наездника.

Шло время... Хаук обрел душевную опору, отдаваясь своему возрождению в Туске. День за днем он ковал из юноши витинга, развивал видение скрытых замыслов боя, умение понять свою роль в

нем. Во время становления Туск почувствовал, что в нем зреет сложное чувство признательности своему учителю. Позднее, оставаясь живым после тяжелых сражений, он понимал, что только выучка Хаука спасала ему жизнь.

Память Туска скользнула в ту незабываемую весну... Хребет коренной зимы был давно переломлен. Победитель, бог Звайгстикс, взбегал в небо по-юношески. Уже не раз расправлял могучие крылья вороной жеребец Перкунса. Так грохотало, что все живое пряталось. А заканчивалось радугой в счастливом, зареванном небе, где светил спасенный Звайгстикс.

До Туска донеслась весть, что в Трусо один из норманнских ярлов набирает добровольцев в свою дружину. Этот слух привел в движение молодежь ближайших окрестностей. Но не только это заставило юного варяга задуматься об уходе из родительского дома. Пожалуй, большей причиной уйти из селения была его любовь к дочери местного вайделота Зики, жреца бога Звайгстикса. Зная об отношениях Туска и дочери Светаны, жрец, пригласив его к себе, заявил, чтобы Туск не строил планы насчет женитьбы, пояснив, что Светана готовится стать скулдой липовой рощи – жрицей, посвященной Потримпсу – богу цветения, весны и молодости. Позднее Туск узнал от Светаны, что Зика искал ей более выгодный союз в среде приближенных к верховному жрецу – Криве-Кривайтису.

– Не любит она меня, – как-то в короткий миг откровения признался Туск Хауку. – Любила бы – ушла бы со мной куда глаза глядят.

– Не суди ее, – помолчав, взглянул на него наставник, – никто не знает заранее, какую ношу поднимет...

Как ни мудры были слова старого воина, сердечная боль не проходила, и Туск, посоветовавшись с родителями и заручившись поддержкой Хаука, взявшегося сопровождать его до Трусо, решил попытаться счастья.

В Трусо они довольно быстро нашли двор, где остановились норманны. В глубине двора их встретил один из воинов,

выглядевший усталым и невыспавшимся. Это был викинг, в обязанности которого входила встреча новобранцев. Сам немалого роста, силы и выносливости, он с удовлетворением оценил внешний вид Туска, но, хорошо зная своего ярла, которому не нужны были слабые и трусливые, для порядка спросил, приходилось ли юноше держать в руках оружие. Получив утвердительный ответ, викинг решил размяться и предложил Туску попробовать свои силы.

Уверенный в своем мастерстве, викинг первым нанес удар, ожидая, что меч юного прусса отлетит в сторону. Но уже в следующее мгновение меч варяга оказался около рогатого шлема викинга, и только быстрая реакция норманна, подставившего щит, отразила удар по голове. С этой минуты викинг забыл, что перед ним новичок, и бой развернулся в полную силу.

Несколько викингов во главе с ярлом, привлеченные шумом, вывалились из жилища. Они какое-то время наблюдали за любопытной картиной, потом ярл, улыбнувшись, крикнул, чтобы бойцы остановились. Тяжело дыша, бойцы опустили мечи. Викинг, приветствуя ярла, доложил, что испытывает новичка.

– Вижу и благодарю, Хаген, – внимательно разглядывая Туска, произнес ярл и, обернувшись к сопровождающим его воинам, как бы вовлекая их в происходящее, произнес, указывая на юношу: – Хорош новичок, ничего не скажешь! Ну, как вы думаете, от троих побежит?

– Уж больно молод! Побежит, побежит! – загорланили викинги. – Трое наших – мертвое дело! Новичок он и есть новичок, в рубке не был, растеряется.

Ярл улыбнулся:

– Что, ребята, если попробовать?

Как он и ожидал, сразу нашлись трое пожелавших позабавиться. Хаген, первым решивший испытать Туска и считавший себя причастным к судьбе юноши, подошел к нему и стал объяснять обстановку:

– Ярл решил устроить тебе пробу, это у нас в обычае. Не ударься только в бега. Постучи немного мечом – и порядок, – го-

ворил викинг небрежным тоном, но тревога просачивалась, как вода, сквозь его фразы. Он снял с головы свой рогатый шлем и передал Туску. Тот увидел внутри искусно сработанное из кожаных полосок приспособление для смягчения удара.

– Возьми мой щит, он полегче. Вот тебе копьё, и прихвати свою метательную дубинку. А теперь иди.

Туск повернулся и увидел перед собой трех здоровенных викингов в полном боевом снаряжении. Сердце его дрогнуло, но, почувствовав взгляд стоявшего в стороне Хаука, он успокоился.

«Бежать?! Да никогда!» – и от этой мысли к Туску пришла та уверенность юности, которая всегда связана с удачей. Манера юноши держать копьё под локтем создавала впечатление, что тот не умеет им пользоваться, и ввела нападавших в заблуждение. Викинг, находившийся от Туска в тридцати локтях слева, метнул свое копьё, но испытываемый резко ушел в сторону. Все ждали, что он начнет заводить для броска руку с копьём, но произошло совершенно неожиданное: его копьё, пущенное из-под локтя, со страшной силой пробив щит, бросило викинга, что был в центре, на землю, и в то же мгновение метательная дубинка Туска, выхваченная из-за плеча и, казалось, брошенная без всякого размаха, попала в шлем викинга, нападавшего справа. Тот, потеряв сознание и рухнув на колени, стал заваливаться набок. В следующий миг новичок с необычной для зрителей стремительностью преодолел расстояние до викинга слева и всей тяжестью тела опрокинул его на землю. В воздухе блеснул меч.

– Стой! – раздалось сразу несколько голосов.

Туск выпрямился. Два викинга пытались подняться с земли, к ним бежали товарищи. Ярл, направившийся к нему, еще издали возбужденно закричал:

– Ты что, с ума сошел?! Ты что, не понял? Это же испытательный бой!

– Почему же? Понял, – тяжело дыша, ответил Туск, – иначе они уже лежали бы мертвыми.

Глава 3

Еще на подходе к Хедебю Туск пересказывал с ярлом о дальнейшей судьбе молодой монахини. Эстольд внимательно выслушал варяга о части его доли в добыче, поглядел в сторону пленников и, ослабившись, махнул рукой: мол, поступай как знаешь.

Длинная и широкая пристань Хедебю, набранная из неоскуренных стволов, опиралась на целый лес свай из лиственницы, которая долго могла находиться в воде, не подвергаясь гниению. Для большей устойчивости пристани и защиты в случае нападения на помосте были навалены кучи камней и возведены стены из бревен, могущие стать узлами сопротивления. Когда драккары свободного ярла встали на якорь, у пристани уже чуть покачивалось с дюжину других драккаров и купеческих фелюг. Причалные канаты были прикреплены к огромным кольцам, прикованным к столбам, а борта заботливо оттягивались якорями, чтобы корабли не помяло о пристань.

Самое дорогое для ярла – его драккары. Умело направленные кормчими, драккары Эстольда плавно и точно пристали, развернувшись, правым бортом. К пришвартованвшимся судам собралось десятка четыре викингов с соседних судов. Одни из них – в броне с набедренниками и поножами, другие – в кольчугах с железными юбками, надетыми на кафтаны, которые были сшиты из бычьей шкуры, в простых или рогатых шлемах. Эта благородная тяжесть не утомляла викингов. Несколько рабов поймали брошенные с кораблей канаты и осторожно подтягивали драккары.

Не дожидаясь, Эстольд прыгнул на пристань. Между бортом драккара и пристанью было шагов семь, и он, коснувшись крайнего бревна и балансируя над водой, на миг задержался. Казалось, что ярл вот-вот сорвется, но он шагнул вперед. Это была своеобразная шутка в духе викингов, шутка вождя, утверждающего свое превосходство. Никто из викингов, встречавших драккары, даже не шелохнулся. Протянуть руку

сыну Вотана, если он не попросил об этом, – значит усомниться в нем, нанести оскорбление. Приветствуя братьев одной крови, Эстольд высоко поднял правую руку. Словно ожидая этого, вслед за ярлом прыгнуло с добрый десяток викингов, но на обширной пристани не сделалось тесно даже тогда, когда к ним присоединились и другие пришедшие с моря. Каждый из викингов, не слушая других и стараясь перекричать соседа, рассказывал о своих подвигах. Никто не противоречил бахвальству: проявление силы и ловкости было возможно, проявление сомнений грозило кровавой ссорой.

Наговорившись, шумная толпа, оставив стражу, направилась по дороге в Хедебю. Перед викингами открывались месяцы беззаботной, бездумной жизни, полной развлечений. Они спускали в кутежах, распутстве и чудовищном обжорстве всю свою добычу.

Еще на пристани к Эстольду подошел свободный ярл Грольф. Эстольд знал его как бесстрашного и умелого воина. Подобно ему, Грольф начал плавать на драккарах маленьким мальчиком. Сейчас его обветренное лицо с шишковатым носом и длинной бородой выражало радость.

– Как ты плавал? – спросил он Эстольда, радуясь встрече.

– Как всегда, хорошо!

Грольфу не были нужны рассказы Эстольда – все интересное он услышит от других. Свободный ярл хотел говорить сам. Остаток лета Грольф с дружиной решил провести в набегах на побережье франков и Воланда.

– После смерти короля Карла Великого, – зычным голосом рассказывал Грольф, – государство франков совсем развалилось. Пока его сыновья и внуки дерутся между собой за наследство, эти места для нас будут легкой добычей. Да и вообще, – усмехался он, – на всех морских берегах дальше датского можно делать все, что угодно. Можно заходить в любую реку, брать добычу и живой товар. Ты для меня

будешь желанным товарищем, если в этот поход мы пойдем вместе. Добычи для всех хватит, в этом нет никакого сомнения.

– В другой раз, старина Грольф, – поволчы осклабился Эстольд, – надо передохнуть. А ты давно пришел в Хедебю с берегов фьордов? – взглянув на приятеля, поинтересовался он. – Что нового на родине?

– Ты говоришь, как бонд, – усмехнулся Грольф, – для которого кусок фьорда и его ремесло – родина. Для свободного ярла, – нравоучительно заметил он, – родина там, где хорошо.

– Ты прав, старина, – соглашаясь, кивнул Эстольд, – но и в фьордах нам тоже живет неплохо. Так о чем галдят там наши черные вороны? – пошутил он.

– Перед самым отплытием это было, – прикинул в уме Грольф, – с месяц назад. Пришла весть, что Гунар Черный серьезно заболел. Поговаривают, что его сын Олаф будет королем. Но какое нам дело? – захохотал он. – Если бы такое ярмо навалили на тебя или на меня, стоило бы думать, что с ним делать. Лично я не знаю, что делал бы, если бы тинг избрал меня королем. Но я думаю, этого никогда не случится. Волей Одина мы – свободные ярлы, и нет ничего лучшего!

Весть о болезни старого короля была для Эстольда неожиданной. Чутье подсказывало ему, что в стране фьордов назревают большие события, а потому необходимо «держать нос по ветру». Отдыхать в Хедебю не придется, решил он.

* * *

На следующий день, когда викинги стали сводить пленников с корабля, чтобы продать их на невольничьем рынке, Туск подошел к монахине, лежавшей на палубе среди таких же обездоленных и потерявших свободу. Сжавшись и обхватив колени, она находилась в состоянии полусна, и, когда Туск наклонился к ней, чтобы освободить, девушка съезжилась еще сильнее. Он развязал кожаные ремни, стягивавшие ее руки и ноги, и она попыталась от него отползти. Но ползти было некуда,

палуба драккара была тесной, и Туск поднял ее. Худенькая и гибкая, словно котенок, кусаясь и царапаясь, она начала вырываться.

– Тихо, глупая, – проворчал Туск, – не обижу!

Но девушка словно не слышала его.

– Тихо! – прикрикнул он тогда, поймал ее за локти и хорошенько встряхнул.

Тут она словно очнулась, огляделась вокруг, тонко вскрикнула и прижалась к нему. Она чувствовала в нем защитника, свою последнюю надежду в этом чуждом и страшном для нее мире. Его появление ослабляло постоянный страх, придавало ее положению какую-то определенность.

Когда девушка выплакалась, Туск рассмотрел ее и покачал головой: на ней была одна рубаха, да и та вся оборванная. Он увидел синяки на голых ногах и след пятерни, запекшийся на плече. Была она гораздо младше его, не более шестнадцати зим.

«Невестилась, поди, – подумал он. – Хотя вряд ли. Старые викинги говорили, что в таких монастырях монахини – те же жрицы: посвящают свои жизни богам».

– Стой здесь! – приказал он ей, подведя к трюмному лазу на корме, а сам метнулся к месту, где хранились его пожитки. Вернувшись, подал ей свой шерстяной плащ, кусок вяленого мяса и корчагу с водой, накрытую овсяной лепешкой. Подняв тяжелую крышку лаза за бронзовое кольцо, с одной стороны которого зеленый налет был истерт жесткими руками викингов, показал вниз: – Спускайся, там тебе будет спокойней.

К исходу дня Туск знал, что монахиню зовут Эн и что ей действительно исполнилось шестнадцать зим...

Продав арабским купцам большую часть пленников, драккары Эстольда вышли в море. Перед выходом Эстольд держал совет с кормчими, на котором было решено следовать вдоль варяжского берега до Брутении, и там, недалеко от устья реки Прегоры, в большом прусском селеении Трусо, завершить обмен оставшейся добычи.

К тому же у ярла была еще одна веская причина посетить Трусю.

Эстольд давно присматривался к этому селению, слава о богатствах которого разносилась далеко по округе. Свободный ярл знал, что Брутения всегда была мирной страной, где не войны, а священнослужители являлись самыми высокопоставленными особами.

«Одному такой кусок не проглотить, – холодно размышлял он, – но в союзе с двумя-тремя ярлами, такими, как он, можно творить великие дела, о которых будут рассказывать саги и через многие годы».

... На рассвете, когда девушка осторожно подняла крышку лаза и высунула голову, то увидела лишь море и раздутый ветром парус, который, выпячиваясь брюхом, скрывал резное чудовище носа. Тюки и ящики, загромаждавшие дно драккара, были уложены плотно и правильно, не нарушая равновесия корабля. Все было влажно от брызг ночного дождя, и повсюду спали викинги в штанах из козьего или овечьего меха и в таких же кафтанах. Попутный ветер – отдых. Эн покосилась на двух бородатых викингов у правила руля, которые не обратили на нее никакого внимания, – кормчие позволяют себе отдохнуть и довериться помощникам, когда драккар идет на веслах. В час, когда дует ветер, кормчий не должен спать, иначе он упустит превращение союзника во врага.

Варяг, спасший ей жизнь, был где-то там, среди скрюченных или вытянутых тел, в такой же одежде и так же остро пахнущий потом и мокрой козьей шерстью. Она не могла найти Туска глазами и с осторожностью кошки выскользнула из трюма. Эн спустилась вниз. Здесь, за высокими бортами, ветер не чувствовался. От густого запаха драккара, смолы, сала, нечистот и старой крови, забившей поры черного, блестящего, словно натертого черным воском, дерева, у нее чуть кружилась голова. Поднимая плащ, чтобы не задеть спящих, Эн прыгала с рума на рум. Ловкая, она сумела не поскользнуться на скамьях, отполированных гребцами до блеска. Парус преграждал путь, и под ним ей

пришлось пролезать. Найдя варяга, девушка присела рядом. Она смотрела на знакомое бородатое лицо: во сне оно было немножко смешным. Эн вгляделась в раскрытую ладонь варяга – громадную, бурю от смолы и застаревшей грязи, с жесткими валами поперечных мозолей от вращения веслом. Она прикоснулась к ладони и пощекотала мозоли. Тщетно – он не чувствовал. Девушка рассматривала спокойное лицо варяга, и что-то мешало ей разбудить его. Наконец она решилась, наклонилась и тихо произнесла:

– Туск!

Этого было достаточно. Мужчина открыл глаза, словно и не спал. Взглянув на Эн, он быстро поднялся на ноги. Снизу девушка увидела, что он смотрит не на нее, а на море, которое здесь было похоже на застывший металл, привозимый с островов, названных латинянами Касситеридами.

– Куда мы плывем? – поинтересовалась она.

– На мою родину, – не глядя на нее, грустно улыбнулся Туск.

– Там верят в Иисуса? – немного помолчав, напряженным голосом спросила она.

– Нет, – покачал он головой, – мы в Брутении верим в своих богов, живущих в дубовых рощах, реках, камнях и ручьях, – и, взглянув на Эн, миролюбиво заметил: – Каждому народу сопутствуют те боги, которые ему нужны. Говорят, ваш Бог некогда ходил по земле, – присаживаясь рядом с девушкой и взяв ее руку в свою, как бы успокаивая, продолжил варяг, – его звали Христос, что значит «вождь», и он умер за своих людей, как подобает вождю. Рассказывали, что у него была неплохая дружина, но дело не обошлось без предательства.

Эн кивнула:

– Не обошлось... Но у нас многие верят, что вождь возвратится и будет судить.

– Знатное будет зрелище, – мечтательно усмехнулся Туск, – хотел бы я на это посмотреть... Христиане не терпят около себя верующих в других богов. Я не знаю, что им скажет вождь, когда возвратится, но сегодня с ними не уживешься.

– Почему? – с изумлением спросила Эн. – Христос правду чтит.

Туск пожал плечами и, помолчав, продолжил:

– Если хорош предводитель, совсем не обязательно, что хороши и все его люди, – задумчивость мелькнула в его глазах. – Плохо, что Христос погиб совсем молодым. Целомудрие достойно мужчины, но всегда скверно, когда прекращается род и не найти достойных наследников.

– Туск, ты ведь не норманн. Какого ты племени? – немного робея, спросила Эн: а ну как обидится варяг? Ведь не все прожитое радуется и не все разворошенное чужим любопытством хочется вспоминать.

Но Туск вздохнул, улыбнулся, провел рукой по бороде.

– Старики рассказывали, что в Готланде, – начал он, – есть остров Кимбрия, на котором когда-то жило гордое племя скандиан, ходившее с Аттилой на Рим.

Эн хотела что-то сказать, но, взглянув на Туска, промолчала: не каждый день ее уха касались такие вот баснословные, чужедальные имена.

– Я слышал, – продолжал варяг, – что скандиане от века то с готами враждовали, то жили спокойно и не бранили детей, вздумавших породниться. Так велось, пока готы не взяли себе нового Бога. Готы подняли на скандиан великую рать, а союзник скандиан – король всех данов Теудот – предал их, уступив остров одному из готских князей. Была битва. Многие непокорившиеся скандиане были убиты, но двум братьям, Брутену и Видевуту, с несколькими сторонниками удалось бежать на большом плоту. Три дня их но-

сило море, а на четвертый день бог моря Тримпс, сжалившись, вынес плот к берегам неведомой земли. Их принял народ, который имел самых быстрых лошадей. Эти люди пили кобылье молоко, их хоронили вместе с лошадьми. Это был народ пруссов. Мой пращур из скандиан, – вздохнул Туск, – но я больше прусс.

На восходе стали румяниться небеса. Эн прислонилась к борту, жадно вбирая прохладный, сырой ветер. Девушка пила и смаковала его, как родниковую воду, и могла бы находиться в таком состоянии до бесконечности, но Туск, легонько взяв ее за плечо, улыбнулся и кивнул головой в сторону кормы:

– Иди, скоро все встанут.

Проводив взглядом девушку, варяг задумался. В последнее время его все чаще навещала мысль, вызывающая желание оставить дружину викингов. С каждым новым походом эта мысль крепла. Глядя на тех, у кого викинги отбирали последнее, а иногда и жизнь, Туск думал, что у этих людей была своя правда. Правда, непоколебимо вросшая корнями в их землю, очаг и ремесло. Ни зависть, ни любопытство не могли выдернуть эти корни, разве только беда. А беда и дерево заставит согнуться. Он искал свою правду, свои корни, которые, пронизав его жизнь, как землю, не дали бы ей осыпаться и превратиться в обрывистые овраги. Туск думал о людях, о жизни и огорчался слабости своих корней. Ударит волна – и опрокинет его, как дерево, в быструю речку, которая вынесет незнамо куда.

После разговора с Эн решение об уходе из дружины окончательно окрепло.

Глава 4

Когда кончались запасы питьевой воды, драккары подходили к берегу, на котором порой поднимался сигнальный дым. Это береговые посты предупреждали население побережья о появлении опасности и незваных гостей. Сигналы тревоги встречали и провожали драккары свободного ярла до самой Брутении. Тревога бы-

ла уместной: недоверчивость и хитрость являлись свойствами, необходимыми для существования. В этих водах никогда не было мира. В любой час сильный мог взять у слабого, а сильнейший – отобрать у сильного. Здесь Эстольд знал берега не хуже кормчих, которые провели драккары к устью Прегоры, вдававшейся в

залив острым углом. Реки никогда не впадают в моря по прямой линии. Их устья закрывают набросанные волнами песчаные барьеры. Искусно лавируя, драккары начали медленно втягиваться в протоку, продвигаясь выше по течению, где русло реки раздваивалось, огибая большой остров, откуда рукой было подать до Трусо. Люди, заметившие драккары свободного ярла, гонимые любопытством, без всякой опаски спешили к берегу, чтобы лучше рассмотреть черные незнакомые суда, скользящие по воде словно ужи.

«Однако беспечно живут, – думал Эстольд, наблюдая за приближающимся островом. – Хорошо, что не приучены к страху, к тому, чтобы по первому крику подхватывать пожитки и убегать. Это в будущем будет на руку. Народ достоин участи рабов, если он добровольно подставляет шею для ярма».

Драккары, сбросившие паруса с красовавшимся на них черным вороном, подошли к острову неторопливо, словно не желая пугать людей, ткнулись в берег и встали рядом с лодками пруссов, обсыхавшими днищем вверх. Викинги медленно перелезали через борта. Некоторые, ступив на землю, сладостно потягиваясь, с любопытством оглядывались вокруг, другие, соскучившись по земле, лениво растягивались на траве.

Невдалеке от берега расположилось селение, обнесенное сработанным из могучих крепких стволов добротным тыном, от ворот его уже валила толпа, которую возглавлял высокий мужчина, по видимости разменявший шестой десяток зим, с хитроватым прищуром внимательных глаз, с длинными прядями светлых волос, ниспадавшими на просторное одеяние, многократно перепоясанное белой лентой. Он опирался на двурогий посох. На его запястье болтался браслет из отшлифованных кусочков янтаря. Раздвинув воинов, сопровождавших его, он, подойдя к викингам, вскинул руки с посохом и заговорил громко и медленно:

– Дети богов Потримпса и Перкунса приветствуют пришельцев на священной

земле Брутении, которую когда-то, с помощью бессмертных богов, основали великие Брутен и Видевут. Это говорю вам я, Зика Эвард-Криве, помощник верховного жреца.

Речь жреца переводил один из сопровождавших воинов.

– Верховный жрец, – продолжил Зика, – хотел бы знать, с какими намерениями к нам приплыли гости.

Свободный ярл Эстольд вышел вперед, – вожди и ярлы всегда шли первыми, если было неизвестно, чего ожидать. Ярл встал так, чтобы его хорошо было видно, растегнул пояс и положил его на землю вместе с длинным мечом. Была на нем красно-бурая льняная рубаха и штаны из тонко выделанной кожи. При всякой погоде в такой одежде удобно телу. Подняв руку в знак приветствия, ярл кивнул в сторону викингов:

– Воины зовут меня Эстольдом, а иногда еще ярлом Большой Топор. Хотим мы, добрые люди, выспаться у очага да торг с вами повести.

Ярл говорил по-брутенски понятно и без запинки, но почти в каждом слове, как седина в черной лисе, проскальзывало чужое.

– Да будет мир, – внимательно выслушав его, поклонился жрец. – Торгуйте, да только не гневите наших богов.

Вскоре после этого, прямо на берегу, разгорелся торг. Викинги несли кто стеклянный кубок, кто храмовую утварь, кто кусок полотна или металлическое зеркало, а иногда доспехи или оружие. Последнее, впрочем, не пользовалось спросом. Брутения была мирной страной. Глаз викингов радовал блеск меха здешних лесных зверей, куски янтаря. Особенно ценились куски, где внутри можно было увидеть муху, бабочку, а то и застывшую ящерицу. Янтарь пруссы никогда особенно не ценили: после штормов на берегу его было сколько угодно.

Туск спустил с драккара Эн и в два приема перенес свои вещи и оружие в Трусо, на постоянный двор Хаука, с его помощью купленный бывшим рикисом три зимы назад.

Годы заметно поработали над старым рикисом. Хаук стал суше, поседел, на лице появились глубокие морщины, но он еще был крепок и подвижен. Вера его в Туска была велика. Сейчас он – владелец постоянного двора, но сколько денег и душевных сил вложил Туск в осуществление его замысла. Поэтому Хаук решил, что со временем оставит двор во владение Туску. Он был чрезвычайно рад появлению своего воспитанника. Хаук провел Туска с девушкой в харчевню, примыкавшую к жилым комнатам. Очаг харчевни был сложен из огромных камней, рядом с которым находился вкопанный в землю котел, куда вместе с мясом бросали раскаленные камни. Вода бурлила, и запахи сытости вместе с едким дымом наполняли просторное, но низкое помещение с длинными столами и такими же длинными лавками. Усадив Туска и Эн за один из столов, Хаук распорядился насчет еды. Сейчас в харчевне было пусто, и они, пока готовилась еда, в тишине смотрели друг на друга.

– А теперь рассказывай не торопясь, – сказал Хаук, – я буду тебя слушать...

Когда они вышли из харчевни, вечерело, но солнце, склонившееся к закату, обещая перемену погоды, стало красным. Погода здесь менялась часто. Если утром было ясно и тихо, то к вечеру могла начаться настоящая буря.

– Много неожиданностей для меня, – думая о чем-то своем, сказал старый рикис, – завтра будем решать. А сейчас идите отдыхайте, голова идет кругом, – улыбнулся он.

Засыпая, Туск еще долго слышал тихое шарканье ног Хаука в соседнем помещении. О чем-то думал старый рикис, что-то высчитывал.

К вечеру, когда викинги, опьяненные успешной торговлей и перебродившим медовым напитком, захотев женской ласки, начали приставать к брутенкам, вспыхнула ссора. Рыжебородый Лехван, больше всех желавший удовлетворения вспыхнувшей страсти, своим безобразным видом испугал местных жительниц, которым чрезвычайно не понравились рога буйвола, приделанные к его шлему. Прусссы и сами не отличались опрятным внешним ви-

дом, но подвыпивший викинг был поистине безобразен. Когда до Лехвана дошло, что над ним смеются, он выхватил меч и устроил кровавую потасовку, убив нескольких пруссов, вставших у него на пути. После этого Лехван стал на глазах у всех замерять глубину ран, по-варварски всовывая пальцы в свежую рану. К восторгу его пьяных соплеменников, рука уходила в разруб практически на одну и ту же глубину.

Свободный ярл, остановивший бойню, разрешил родственникам убитых забрать трупы, пообещав наказать виновника и уплатить выкуп за убитых.

Ночь обещала быть теплой, и часть викингов, выставив караульного, расположилась на берегу. Под утро на спящих викингов напало несколько десятков пруссов – родственников убитых Лехваном. Часть викингов, ночевавших на берегу, была перебита, части удалось отойти под защиту кораблей, а несколько человек, среди которых находился и рыжебородый Лехван, были пленены. Нападающие попытались поджечь драккары. Кормчие Эстольтда под шелест зажигательных стрел отвели корабли от берега и спустились к устью, где встали на якорь.

Эстольтд был взбешен, и, хотя смерть соратников всегда означала увеличение доли добычи, ярла разозлила дерзость пруссов.

Непохмелившиеся и злые викинги предлагали немедленно осадить Трусо и отомстить за убитых товарищей. Но ярл остудил наиболее горячих, пояснив, что сейчас они, предприняв штурм, потеряют зря не только время, но и головы.

– Мы еще вернемся сюда, – заверил ярл викингов, – и проучим дерзких пруссов, размазав их, как едкую мазь.

* * *

Утром старый рикис разбудил Туска неожиданной вестью о происшедшем на берегу. Сообщение Хаука заставило молодого варяга быстро одеться. Эн пошла вместе с ними.

Начало дня было туманным. Где-то запоздало горланил петух и лаяли собаки. Селение уже не спало, люди в одиночку и группами шли к центру, где располагалось

святилище. Чтобы добраться до центра, им пришлось миновать несколько кругов улиц. Стены святилища были сложены из дубов в знак напоминания о священной роще Ромове. Стволы деревьев плотно примыкали друг к другу. Строение было покрыто просмоленным гонтом шириной в две ладони. С необрубленных ветвей свисали ленты с изображением богов. Выглядело все это внушительно.

Пробившись сквозь толпу, Туск сразу увидел трех плененных, крепко связанных викингов, среди которых он узнал рыжебородого Лехвана.

«Если на них кровь невинно убитых, – подумал Туск, – то сейчас над ними кружат гневные души. Души мертвых плохо видят живое, но безошибочно чувствуют замаранных кровью убийц».

Плененные викинги были отданы на суд жрецам. Несколько вайделотов у большого дуба, росшего неподалеку от святилища, копошились в узкой глубокой яме, раскладывая дрова и солому и готовя жертвенный костер. Туск протиснулся ближе к викингам и услышал, как один из них, окликнув приятеля, усмехнулся:

– Эй, Айсгер! Видишь, какой нам костер готовят?

– Да, – оскалился тот, – наскочем мы сегодня на лошадях.

Викинги подняли смех, как если бы речь шла не о казни, а о веселой пирушке.

Туск знал, что, по обычаю пруссов, пленных сжигают живьем, привязав к лошади.

«Вот бы знать, что в действительности у них на душе, – подумал он и поймал себя на мысли: – А так ли я держался бы в плену сам?»

Рыжебородый Лехван, заметив его в толпе, ухмыльнулся и неожиданно громко напомнил: «Так и уйду, Туск, с тобой не поквитавшись!»

В это время, опираясь на посох с изображением двух скачущих лошадей и тремя изогнутыми концами и сопровождаемый свитой вайделотов, из строения медленно и торжественно появился верховный жрец. Его одежда, богато украшенная янтарем, была многократно обернута поясом по талии. Через правое плечо шла золототканая перевязь, на которой был изображен Перкунс с пучком молний в руке. На голове Криве-Кривайтиса была

шапка из короткошерстного оленьего меха. Ее длинный конец сгибался подобием гребня, и надо лбом свисал янтарный шар. Лицо окаймляла широкая седая борода, скрывавшая болезненную бледность. Он медленно уселся в кресло, вынесенное сопровождающими его вайделотами. Все знали – кресло было привезено Видевутом с острова Кимбрия.

Среди свиты верховного жреца Туск заметил несколько жриц-вайделоток. В молодой красивой женщине, жрице бога весны и молодости Потримпса, в венке из веток боярышника, с черно-желтой змеей, обвивавшей высокую стройную шею, варяг узнал Светану. На мгновенье в памяти всплыло полузабытое состояние, когда его сердце брала оторопь и оно, ухая и замирая, обрывалось и куда-то улетало. Он отметил расцветшую красоту вайделотки и подивился змее, которая подняла треугольную головку над покатым плечом молодой женщины. Их взгляды встретились, и брови жрицы приподнялись, выказывая удивление. Улыбка скользнула по ее лицу и замерла. Повернувшись к Эн, стоявшей сбоку, Туск заметил, как она с чисто женским любопытством разглядывала Светану.

Один из жрецов вышел вперед с большой глиняной посудинной, в которой находился мелко раскрошенный янтарь. Пятясь, он высыпал содержимое перед креслом так, что образовалась ровная полоса, словно ограждавшая властителя Брутении от кого-то или чего-то. Верховный жрец медленно обвел взглядом людское скопище, кивнул и легко стукнул концом посоха. Его помощник Зика, стоявший чуть позади Криве-Кривайтиса, стукнул своим двухконечным посохом дважды и громко, протяжно провозгласил:

– Святая тень могучего Перкунса и всех богов, охраняющих народ Брутении, носящая бессмертное имя бога Окопирмса – отца всех живущих, верховный жрец решил сам провести справедливый суд над чужестранцами. Викинги, вина которых будет доказана, будут немедленно принесены в жертву великим богам.

В душе Туска боролись два чувства: неприязнь к Лехвану и человеческая жалость к двум другим. Решение обратиться к верховному жрецу созрело мгновенно, и он, выйдя из толпы, подошел к янтарной полосе и преклонил колени.

– Великий, к тебе обращаюсь я, Туск, сын Элмса, – начал он свою речь, – свидетельствующий, что эти викинги, кроме рыжебородого, не могут быть обвинены в убийстве. Я плавал с ними не один год и знаю, что говорю. Этого рыжебородого зовут Лехван. Он обладает удивительной способностью, – попробовал Туск заинтересовать Криве-Кривайтиса, – у него бывают божественные откровения, в каком месте располагать крепости и укрепления.

Толпа, загудев, заволновалась и раздвинулась. Вперед вышел коренастый, густо поседевший мужчина с перевязью конгоса-тысячника, в боевом нагруднике из бычьей кожи.

– Ты хочешь найти снисхождение для подлого убийцы, Туск, сын Элмса? – бросив гневный взгляд в сторону варяга, произнес конгос. – Великий! – обратился он к верховному жрецу. – От руки этого рыжебородого пал мой сын, – указал военачальник рукой в сторону Лехвана, – я прошу для него смерти!

– Великий! – стоя на коленях, произнес Туск. – Можно ли узнать: сын этого конгоса был повержен в спину?

Верховный жрец вопросительно взглянул на тысячника.

– Он был повержен в грудь, – помолчав, угрюмо отозвался тот.

– Значит, обе стороны сражались честно?! – то ли спрашивая, то ли утверждая, громко произнес варяг.

– Ты прав, Туск, сын Элмса, – прервал спор верховный жрец и, стукнув посохом, жестко улыбнулся, словно судорога свела его губы. – Но справедливый закон Брутении гласит, что виновный в такой смерти должен быть лишен руки.

Верховный жрец на мгновенье задумался.

– Конгос Элор, – окликнул он отца убийцы, – ты не хочешь проверить необычное умение виновника смерти твоего сына?

– С удовольствием, Великий! – улыбувшись, поклонился конгос. – Благодарю за оказанную мне честь.

Вскоре витинги конгоса сделали небольшую площадку из вязкой глины, расположив ее по частям света с востока на запад. Кончиком стрелы конгос прочертил точную схему течения Прегоры, обозначив в середине остров с Трусо. Лехвана, освобожденного от веревок, подвели к площадке, где он должен был указать место, по его мнению лучшее для постройки укрепления, чтобы защититься от набегов врага.

Растирая затекшие от веревок руки, викинг внимательно рассмотрел схему, обратив пристальное внимание на гору Твангсте, и сказал, что укрепления на ее вершине позволят держать под постоянным надзором не только огромное пространство, но и контролировать переправу через реку, то есть движение торговцев и купеческих обозов.

– Показывай, – недобро усмехнулся конгос, стоявший с обнаженным мечом рядом с Лехваном, – как это будет выглядеть.

Большой палец викинг поставил на том месте, где была начерчена западная часть острова. Затем, сжав все пальцы, глубоко вдавил кулак там, где потом возникнет прусское селение Твангсте, а еще позднее – замок Трех Королей. Когда кисть викинга вошла достаточно глубоко, Элор взмахнул мечом, оставив навсегда ее в глине.

– Это тебе за сына, – жестко произнес конгос, взглянув на побелевшего от боли Лехвана, и приказал сопровождавшим его воинам: – Привяжите его к бревну и отправьте туда, откуда пришел.

* * *

К вечеру решено было выбирать якоря. Находясь рядом с кормчим, Эстольд в последний раз взглянул на неприветливый берег и указал против ветра, пузырящего поднятый парус:

– Чайки кружатся, – глянем, что там такое?

Кормчий брезгливо поморщился, роняя:

– Что там может быть, кромедохлой рыбины? – но все же посмотрел в сторону, указанную ярлом.

В стороне, где река встречалась с морем, на воде качался обрубок бревна, который мог бы удерживать на плаву человека. Кормчий разглядел и человека, и веревку, привязывавшую его к бревну. Время от времени руки человека напрягались и на поверхности показывалась его голова, а чайки бросались к ней с криками, пытаясь клевать. Привязанный хватал ртом воздух пополам с водой, и голова снова скрывалась под водой. Он не замечал ни галдевших птиц, ни драккаров.

– Верно, кто-то решил подарить его морскому хозяину, – заметил кормчий.

Видимо, о морском хозяине подумал и ярл, ибо хмуρο промолвил:

– Здешним богам мы уже принесли достойные жертвы, хуже будет, если они подумают, что мы трусили.

Драккар ярла прошел мимо бревна, и два викинга, быстро скинув одежду, с ножами в зубах прыгнули в воду. Один стал резать путы, а другой обхватил человека поперек живота. У того был привязан к ногам большой камень. Этот камень едва не утащил за собой обоих. Когда спали веревки, драккар описал круг и осторожно подошел на веслах. На палубу втащили всех троих. Спасенный лежал на гладких досках, мучительно выгнувшись, раскинув окостенелые ноги. Беспомощное нагое тело казалось мертвенно-серым, как скудная земля недалекого берега.

– Это же вроде Лехван, – нагнувшись над ним, произнес один из спасителей, красный от холодной воды и сильного ветра. – Можно было бы и не вытягивать, – злясь, заключил он, – сколько из-за его дури полегло викингов!

– Одину виднее, – заметил подошедший ярл, – кому быть в Валгалле, а кому сидеть на руме.

Не открывая глаз, Лехван запрокидывал голову, ударяясь о палубу затылком, и с лютым хрипом скалил большие зубы.

– Будет жить или нет, – согласился викинг, – Одину виднее. Но то, что свое отгреб, – это точно, – осклабил он и поднял правую руку лежащего, на которой была отрублена кисть.

Глава 5

Все реже выдавались ослепительные золотые рассветы, все чаще они были туманными. Лето уходило. Листва и трава оставались еще зелеными, но в воздухе чувствовалось приближение осени.

Узкий, со скалистыми берегами фьорд Скирингсалль, куда пришли драккары ярла Эстольда, вдавался глубоко в сушу извилистыми заливами, напоминавшими щупальца чудовищного кальмара-кракена, о встречах с которым повествуют саги.

Залив был глубок и закрыт от волнений моря. Здесь природа постаралась подготовить надежное пристанище для драккаров викингов, ладей и фелюг иноземных купцов.

В это туманное утро королевский драккар Черного Гунара в целях безопасности был поставлен отдельно от остальных кораблей, и королевская челядь начала подготовку корабля к его последнему земному пристанищу...

Гунар Черный, король фьордов, усадьба которого была расположена среди земель свободных землепашцев – бондов, пользовался их поддержкой и слыл добрым соседом.

Бонды нуждались в короле, понимающем их желания. Если для обогащения ярлам и их викингам нужна была война, то бонды не занимались набегами. Они сами обрабатывали землю, и купленные рабы-тралсы трудились наравне с хозяевами. Занятые землей летом, бонды, владея многими ремеслами, не сидели без дела зимой. Они добывали железные руды, ткали, выделывали меха и кожи, занимались кузнечным и гончарным производством. Среди бондов, живших по берегам, было немало отличных судостроителей, принимавших заказы на драккары и лады. Бонды были такими же детьми Вотана, как и ярлы. Они носили оружие и умели им пользоваться не хуже викингов. Свободные ярлы, чьи фьорды были вкраплены в районы, заселенные бондами, остерегались обидеть ремесленника, землепашца или рыболова. Были случаи, когда ярлов и даже коро-

лей, донимавших народ насилем и распутством, на тингах, где старейшины бондов говорили в полный голос, избирали для принесения искупительной кровавой жертвы. Эти суровые приговоры тингов незамедлительно приводились в исполнение в священной роще перед храмом отца Вотана.

На полях Гунара Черного и в его мастерских работали отпущенники и вольные рабочие. Большую часть своих владений Гунар сдавал бондам в вечную, от отца к сыну, аренду, за которую те платили скромную дань.

С незапамятных времен законы фьордов обязывали свободных землепашцев бесплатно снабжать продовольствием викингов, собравшихся в поход. Тот, кто оставался дома, должен был кормить того, кто воевал за морем. По возвращении викинги делились частью своей добычи. Но со временем участие бондов в дележе викинги старались исключить. Закон изживал себя, но свободные ярлы никогда не забывали пользоваться выгодным правом страндхуга.

Ни один ярл не осмеливался взять страндхуг вблизи владений короля. Гунар Черный поклялся преследовать каждого из воспользовавшихся несправедливым законом до края моря. Свободные ярлы знали способность Гунара сдерживать клятву и остерегались его задевать.

После смерти люди уходили к своим богам, а воинов, сложивших свою голову в бою, валькирии уносили во владения Одина. У викингов не было священства, поэтому ритуальную похоронную церемонию Гунара Черного возглавлял старейшина Скирингсалля.

Громадные толпы людей сгрудились на узкой береговой полосе. С драккара свободный ярл Эстольд, успевший приплыть к похоронам из своего фьорда, наблюдал, как люди короля положили его собранное в последний путь тело в шатер, поставленный на драккаре. Чтобы покойный ни в чем не нуждался в пути до царства

Одина, туда же принесли пьянящие напитки, плоды и ароматные травы. Затем в драккар свели пса, двух коней, петуха и курицу, принесли его оружие и положили рядом с хозяином. Одна из рабынь должна была последовать за королем. Сначала красивую девушку напоили дурманящим напитком, и костлявая старуха, «ангел смерти», возвела ее на драккар. И когда по знаку старухи мужчины начали затягивать веревку на ее шею, остальные участники ритуала стали колотить мечами в щиты, чтобы не было слышно ее криков. После этого драккар, нагруженный сухими дровами, обильно полили жиром и подожгли.

Поднялся ветер, огромный костер разгорался все сильнее. За канат пылающий драккар вывели в открытое море...

Провожая задумчивым взглядом медленно удаляющийся погребальный корабль, Эстольд поймал себя на мысли, что за это утро второй раз почувствовал смутную тревогу. Неприятное ощущение возникало каждый раз после того, как он спрашивал себя: «Кого же изберет королем племя фьордов?»

* * *

Прошли осень и половина зимы. Мысли жителей озер, долин и морских берегов были заняты все тем же вопросом. Об этом говорили, встречаясь на дорогах, навещая соседей, на рынках и общинных тингах. Короли морей – свободные ярлы, думая о набегах, смотрели в другие земли, им не было дела до короля и земли, видевшей их рождение. Сидя в своих фьордах, они с любопытством посторонних наблюдателей следили за происходящим. Во фьордах не было ни войны, ни мира, все зависело от трезвого делового расчета ярлов, стремившихся к своей выгоде. Здесь каждый был за себя.

... Дрова в очаге пылали жарким огнем. Глядя в пламя, Эстольд молча слушал своего управляющего, старого однорукого Эрика, быстро и точно излагавшего собранные новости. Невзирая на возраст, управляющий обладал немалой зоркостью и склонностью к наблюдению за людьми.

Ухмыляясь в слезавшуюся мочалку борды, он сообщил ярлу, что обладатель большого родимого пятна на щеке, конюх гот Атли, в свободное время отправляется в овчарню, откуда, выгнав козла, занимается похотью с козами.

– На телок не покушался? – усмехнувшись, поинтересовался ярл.

– Не замеча-а-л, – словно пытаюсь вспомнить, протянул Эрик и снисходительно добавил: – Похоже, быка боится.

Эстольд, слушая управляющего, изредка поглядывал на жену, светловолосую Ингрид, которая вместе с другими женщинами разбирала привезенные накануне мажордомом тюки с нарядами и украшениями. Жизнь в глуши фьорда обрекала на одичание и скуку, и ярл подумал, что его супруга – обыкновенная женщина со всеми присущими ей страстями и желаниями. Возможно, он уделяет ей недостаточно внимания, – размышлял Эстольд, вспомнив, как в один из своих визитов на женскую половину усадьбы застал жену на ложе с молодой рабыней, ласкающей ее. От кого-то из старых викингов ярл слышал, что на острове Лесбос, в далеком теплом море, жены мореплавателей, оставаясь одни, занимались подобной любовью. Хохотнув, он хлопнул рабыню по упругому заду. Выпроваживая ее, красивую, юную, похожую на олененка, ярл ухмыльнулся: «Надо будет подумать, как лучше использовать тебя в хозяйстве».

В то же мгновение, закусив до крови нижнюю губу, Ингрид рванулась мимо, толкнув его так, что он едва не упал. Схватив обезумевшую жену, он прижал ее к себе и почувствовал соленость ее крови на своих губах. Все его существо вдруг потрясло ни с чем не сравнимое желание. В его объятиях билась совсем другая женщина. Бормоча что-то невнятное, он повалил супругу на ложе, одновременно раздирая ее одежды, стараясь скорее коснуться обнаженного тела. Ингрид замерла в неподвижности, то ли потеряв сознание, то ли растерявшись...

Отгнав от себя приятные воспоминания, Эстольд вернулся в реальность.

Мажордом, почувствовав перемену в его настроении, взглянул на жену ярла и тихо сказал:

– Араб Ибн Федлух привез очень красивых женщин, с очень нежной кожей, а волосы... ах-ах!

Ярл презрительно дернул плечом, сейчас он думал не о женщинах.

– Как хочешь, как хочешь... – засуетился Эрик и перескочил к другим новостям. – Бонды требуют отмены страндхуга. Они уже сговорились между собой, выступая против тех, кто дает убежище изгнанным тингам, – мажордом понизил голос, – среди других они называют тебя.

Эстольд не шевельнулся.

– Правда и то, – продолжил старый викинг, – что сын Черного Гунара, Олаф, на их стороне, а с ним еще с десятков ярлов, – он перечислил всех, чьи фьорды были окружены землями бондов. – И слушай еще, – с тревогой в голосе продолжил он, – на тинге Олаф, сын Гунара, будет избран королем.

Эстольду стало душно, и он, встав, распахнул дверь и остановился на верхней площадке лестницы. Зимний день догорал. В воздухе держался легкий приятный мороз. Низкое небо, казалось, цепляло вершины сосен, припорошенных снегом.

«Олаф – друг бондов? – недоуменно думал Эстольд. – Вранье! – ярл не мог поверить этому. – Сын Черного Гунара хитер, – размышлял он, – а бонды легковверны, хотя и упорны. Олаф льстит им, чтобы подняться на их плечах, сын идет по стопам отца».

Отец Эстольда, Грольф, в свое время мечтал о прочном союзе свободных ярлов и передал сыну врожденное презрение к бондам. По словам отца, бонды, трудящиеся подобно тралсам, сами избрали свою долю. Кто мешает им избрать судьбу викингов? Разве мало их родилось под крышами бондов?

«Это верно, – думал Эстольд, – но мечты отца о союзе свободных ярлов – чепуха. Для деятельности и прочности такого союза необходима власть одного, – размышлял он, – на что ни один из ярлов добровольно не согласится».

В зимней тишине своего фьорда ярлу мыслилось иное. Он хотел перетянуть к себе побольше викингов от других ярлов, тем самым ослабить их и перебить по одному. Из прошлого он знал много примеров для подражания. Когда у него будет достаточно сил, он станет королем викингов. Эстольд видел многочисленные драккары, послушные его воле, викингов, берущих города и покоряющих чужие страны. Он видел весь мир у своих ног. Ярл позволил себе помечтать... Имея практичный ум, он знал силу бондов и то, что Олаф, сын Гунара, будет королем, который передушит свободных ярлов. Но при этом Эстольд был убежден, что останется самим собой и сумеет сохранить свободу так, как понимал ее сам.

* * *

Всенародные тинги обычно назначались зимой. Зима, сковывая реки, озера и болотные топи, открывала все дороги. На тинг собрались в местечко Сигтуну, расположенное в глубине земли фьордов на берегу большого озера Меларен. Люди шли туда пешком, толкая перед собой санки с поклажей, ехали на собачьих упряжках, на оленях и на резвых, не знающих устали низкорослых косматых лошадаках, запряженных в низкие сани. Эстольд оставил Ингрид в Скирингсалле и отправился на тинг в сопровождении нескольких спутников. Ярл мог явиться на тинг в окружении великолепной свиты – но к чему? Для него, как и для многих ярлов, тинг был чуждым делом. Ему не нужны были урезающие его вольность законы, устанавливаемые тингом.

«Викинг рожден на море, – думал Эстольд, – живет на море и умрет под его вечную сагу... Для него закон – ярл».

В небольшой свите Эстольд нуждался для приличия. Сейчас он не чувствовал себя ни посланцем, ни наблюдателем. Ехал из-за любопытства, в целях подтверждения своих выводов. Был он одет в высокую меховую шапку и широкий меховой плащ, стягиваемый тяжелыми серебряными застежками. Под плащом был зеленый

суконный кафтан с золотыми нагрудными и нарукавными украшениями. На его поясе болтался кривой арабский нож – игрушка в сильных руках ярла. На тинг запрещалось являться вооруженным. На шее Эстольда висела толстая золотая цепь, надетая им с одобрения жены. В санях вместе с ним находился старый Эрик. Мажордом мог принести в Сигтуне пользу в сборе новостей.

Эстольд и другие приехавшие на тинг ярлы собрались в стороне от большой тесной толпы. Сюда до них долетали отдельные слова старейшин: «Олаф», «страндхуг», «интересы народа», «грабеж», «повиновение закону», «Олаф», и снова «Олаф»...

Эстольд незаметно отделился от толпы и прошел в священную рощу, где находился храм отца Вотана. Снег под вековыми дубами был вытоптан. Всюду виднелись следы ночевок. В ожидании тинга люди иногда проводили в священной роще несколько ночей на снегу, закутавшись в звериные шкуры. На ветвях дубов висели жертвы великим богам – не только жи-

вотные, но и люди. Боги принимали всех, в ком текла теплая алая кровь. Эстольд вышел на опушку священной рощи в ту минуту, когда в стороне тинга раздались первые торжествующие звуки: «Олаф! Олаф!» Вначале звуки были нестройными, как первый гром, но затем сделались ритмичными, сливаясь в мощный, дружный выкрик: «О-лаф!», от которого, казалось, треснет лед озера Меларен.

Поднятая криком, в воздух взлетела стая черных, как уголь воронов. Вытянувшись в пасмурном небе, она черной лентой пронеслась над рощей и тингом, в круговом движении смыкая живой браслет Вотана...

Король был избран. Коронация не интересовала Эстольда. Он знал все заранее: Олаф поклянется отменить страндхуг, бороться со своевољством свободных ярлов, пресечь укрывательство преступников и сделать многое другое.

На краю священной рощи Эстольда остановил свободный ярл Оттор, владелец соседнего фьорда. Обняв Эстольда, он шепнул ему на ухо: «Я должен переговорить с тобой».

– Говори здесь, улыбнулся Эстольд, – любое дело, достойное викинга, можно изложить в двух словах.

– Да, – кивнув, согласился Оттор, – мое дело достойно викинга, но оно требует долгой беседы и полной тайны под торжественной клятвой.

Эстольд невольно вздрогнул, глядя Оттору прямо в глаза, и тихо спросил:

– Олаф?

На живом и хитром лице Оттора промелькнуло удивление.

– Не знаю, – пытаюсь выглядеть искренним, произнес он, – меня попросили переговорить с тобой. Ярл Альрик приглашает тебя на обратном пути заехать к нему в усадьбу. Там и будет разговор о настоящем деле.

Сани Эстольда кагились легко. К усадьбе ярла Альрика вела хорошо наезженная дорога. В стороны отходили тропы и стежки к селениям и усадьбам бондов. Часто дорога выходила к побережью. Виднелись оставленные на зиму рыбацьи шалаши, шесты для развешивания сетей и припорошенные снегом черные днища перевернутых лодок.

В усадьбе ярла Альрика Эстольд нашел большое общество. Энергичному хозяину удалось собрать свет князей фьордов. Короли открытых морей блистали роскошью костюмов и украшений, награбленных в странах, куда сумели добраться викинги на своих драккарах. Двое суток ярл Альрик развлекал своих гостей обильным пиром. Викинги поглощали все, что без всякого порядка несла перепуганная прислуга. Крики людей, умевших перекричать шум моря, были нестерпимы для постороннего уха. Два дня царило бешеное веселье. Среди огней очагов плясали молодые рабыни, к которым тянулись мужские руки с желанием то ли обнять, то ли изувечить.

На третий день пир стал затихать. Пока ярлы пировали, погода успела измениться. Небо прояснилось, мороз усилился. Когда гости пришли в себя, хозяин собрал их в большой зале. Присутствовало семнадцать ярлов со своими кормчими и телохранителями. Входы охранялись. Альрик

попросил ярлов поклясться, сказав, что священные слова не свяжут ярлов ничем, кроме молчания. После клятвы Альрик начал с подсчета боевой силы собравшихся ярлов. По выражению викингов, он мог «сложить лен с тралсом». Ярл красноречиво прославлял силу, способную совершить все.

– Если мы будем действовать вместе, мы сможем заставить короля Олафа слушать нас, а не старшин бондов, – закончил он свою речь.

– А что нам до короля? – раздалось сразу несколько недоуменных голосов. – Как было, так и будет! Давайте лучше говорить о настоящем деле. Датский ярл Альмар зовет всех на юг Воланда.

– Ярлы, ваша храбрость не знает границ, но нельзя все время думать о набегах, – попытался вразумить гостей хозяин. – Вы правы, так было и так продолжается до настоящего дня. Но что будет завтра? Пусть каждый из ярлов выскажет свое мнение.

Немного пошумев, ярлы начали высказываться. Было много ловких и пышных речей, взаимных интриг. Эстольд слушал собравшихся и все больше склонялся к выводу, что свое дело надо делать молча. Его не оставляли мысли о тинге, решившем судьбу свободных ярлов, о выбранном короле бондов Олафе и о тупости ярлов, сохраняющих уверенность в неизменности окружающего мира.

– Что скажет сообществу ярл Эстольд? – поинтересовался хозяин. – Идти ли с датским ярлом на юг Воланда или наводить порядок в собственном доме?

– Я думаю об этом... – произнес Эстольд, медленно обводя взглядом собравшихся, и мысленно усмехнулся: «Что могут выдумать, кроме похода, многие из этих ярлов? Они начнут соображать лишь тогда, когда под их ногами запыхают фьорды. Они не понимают и не поймут, что этот тинг для них был последней битвой – Рагнаради».

Наступившее молчание нарушил быкоподобный ярл Ролло по кличке Змеиный Язык.

– Он ду-у-мает! – передразнил Эстольда Ролло из своего угла. – А я думаю, что он не ярл, а дерьмо.

– Я недавно – ты давно, – оставаясь спокойным, вернул обидчику Эстольд.

– Ты, верно, хочешь, чтобы я с тобой позабавился в простом бою?! – гневно стукнул ногой Ролло.

Из-за физической силы этого ярла находилось мало желающих сойтись с ним в холмганге – простом бою, который был общественным делом.

– Я уже внес свой залог, – спокойно заметил Эстольд, – он будет твой, но для этого меня сначала надо убить.

– Об этот столб, – входя в образовавшийся круг и указывая на один из столбов, подпирающих потолок, прорычал Ролло.

К удовольствию присутствующих, противники выжидали. Ролло сейчас не мог правильно оценить Эстольда. Этот ярл уступал ему в росте, но он не обратил внимания на торс противника, словно выточен-

ный из камня. Эстольд, для которого схватка была навязанной необходимостью, хотел раздражить сильно перепившего Ролло, тем самым лишив самообладания. Избрав на лице испуг, он ловко ускользнул от опасных рук шагнувшего к нему викинга и пустился бежать по кругу. Ролло бросился следом. Он уже, казалось, достал своими клешнями Эстольда, как тот, подобно лошади, неожиданно лягнул ногой великана в пах. Правила простого боя разрешали все. Богатырь опустился на колени, а рука ярла, натренированная оружием и тяжелым веслом, с разворота, словно медвежья лапа, ударила побежденного в висок. Ролло мягко завалился набок и раскинул руки. Схватка длилась несколько мгновений. Раздались возгласы восхищения. Больше никто не бросил вызов Эстольду, и он покинул усадьбу ярла Альрика.

Глава 6

У себя дома старый Хаук не переставал восхищаться Туском. В нем просыпалось что-то мальчишеское, когда он брал в руки шлем и тяжелый меч своего питомца.

– Как ты напоминаешь мне мои молодые годы! – радовался бывший рикис.

Туску были приятны эти восторги, и все же где-то в глубине души жила грусть.

– Расскажи, как там за морем? – просил Хаук, откладывая оружие и подпирая голову рукой.

Туску было о чем рассказать своему наставнику, и он рассказывал о северных и южных странах, рассказывал о коварном море, об отменных мореходах, умевших с ним сладить, о племенах, живших там, о творящихся необычных делах, которые и не вдруг объяснишь. Призрачной пеленой перед задумчивым взором старого рикиса проплывали видения, а может, Туску так казалось. Верно, жизнь давно не баловала Хаука подобными рассказами.

– Сколь же дивный мир устроили боги, – вздыхал он, – сколь много в мире занятно. Мне уж не увидеть и половины, а жалко... Ты доконаешь меня такими рассказами, мой мальчик, старое сердце не вы-

держит. Но что касается остального, – хитро улыбался старый витинг, – то я еще не полный дурак. У тебя недостаточно денег, чтобы, ни о чем не думая, осесть здесь. Да и откуда они у тебя могут быть? Где ты воевал? В нищей Германии, в обобранных викингами Фракии и Галлии? В этих странах нельзя рассчитывать на воинскую добычу, – если она и была, то твоя доля в ней незначительна. Я не знаю, что принес тебе поход на остров саксов, – внимательно взглянул он на Туска и, переведя взгляд на молчаливо сидящую Эн, рассудительно добавил, – но, мне кажется, в этот раз удача улыбнулась тебе... Поэтому мне не терпится показать тебе твои будущие владения.

– Я еще не думал об этом, – проследив за взглядом Хаука, заметил Туск, – да и, по правде, меня мало интересует хозяйство.

– Чем же ты намереваешься заняться? – вкрадчиво спросил Хаук.

– Я хочу передать молодым пруссам то, чему научился на чужбине за десять зим, – убежденно сказал Туск, – мне кажется, что это будет нужно завтрашней Брутении, а я могу многому научить молодых.

– И даже вере в чужих богов? – невесело усмехнулся Хаук. – Ты не забывай, что вайделоты свысока смотрят на витингов и не доверяют тем, кто побывал за морем.

– Я могу принести в жертву богу Звайгстиксу черного козла, – повел плечом молодой варяг, – боги благосклонны к тому, кто делает это.

– Надо подумать, – помолчав, произнес старый рикис. – А пока можешь осмотреться, да и родных навестить не помешает.

...Дома Туск застал большие перемены. Зимой на охоте отец попал под удар клыков вепря. После его смерти хозяином стал старший брат. Еще при жизни отца Туск вкладывал часть своей воинской добычи в хозяйство, и сейчас оно имело крепкую основу. Вышли замуж сестры, и у них уже росли дети. Мать радовалась за своих детей и, несмотря на преждевременную смерть мужа, была благодарна богам, которые были благосклонны к ее детям. Не представляя условий жизни и повседневных тягот витинга, она была уверена, что ее любимцу повезло в жизни. Не омрачало ее мыслей и то, что восемь юношей из десяти, ушедших в тот год, что и Туск, с викингами, погибли в сражениях или умерли от болезней. Она считала, что с ее сыном ничего произойти не может. Такое понимание жизни придавало ей душевное спокойствие. Она просто ждала его возвращения, ждала долго, и вот день настал. Навстречу ей шел молодой, могучий витинг. Был он одет в нездешнего покроя штаны тонкой кожи и рубаху под цвет суконной накидки, сдвинутой на одно плечо. Лицо витинга было сурово, тяготы жизни наложили на него свой отпечаток. Она узнавала его и одновременно поражалась происшедшим изменениям.

Семья встретила Туска с уважением и радостью, как встречают богатых родственников. И не столько в надежде что-нибудь получить от него, сколько в уверенности, что он сам ничего не попросит. Его приезде радовались, им гордились и восхищались. С затаенным удивлением разглядывали пригожую и молоденькую девушку, которую он привез с собой.

* * *

Сколько минуло времени с тех пор, как он попытался заснуть, Туск сообразить не мог. Давно сгустилась темнота, и небеса остыли, потеряв закатный румянец. Ночь открыла на небе множество глаз, которые будут мерцать до рассвета.

В жилище было душно, а в голову лезли всякие мысли. Одевшись, витинг тихо вышел во двор. Прислушиваясь к ночной тишине, он попытался понять возникшее в нем чувство легкой тревоги, проявившейся невнятным зовом. Этот зов разбудил в нем дремавшую память, и он неторопливо зашагал к залитой лунным светом темной роще. Войдя под ее сень, Туск остановился, вспоминая, в какой стороне находилась небольшая поляна, где он когда-то встречался со Светаной. Определившись, он пошел уверенней и, действительно, вскоре вышел к ней. Оставаясь в тени деревьев, витинг задумался... Память перенесла его в то время, о котором он старался забыть. И не потому, что боль разрыва и утраты, наплывая, тревожила его душу, а потому, что то первое и незабываемое чувство невозможно было вернуть...

Из отрешенного состояния его вывел раздавшийся позади треск сухой ветки. Рука Туска машинально легла на рукоять меча, и он оглянулся. В нескольких шагах от него стояла Светана.

– Мне не давала спать луна, – произнесла она с легкой иронией, подходя к нему.

– Ты звала меня? – спросил Туск, немного растерявшись от внезапного появления девушки.

– Я знала, что ты придешь сюда, – спокойно ответила вайделотка.

Они какое-то время молчали, глядя друг на друга при свете луны.

– Плохо, что ты тогда уплыл, не попрощавшись, – отвернувшись, задумчиво произнесла она.

– Что бы это изменило? – в голосе Туска прозвучал упрек.

– Многое... – вздохнула она и взглянула витингу в лицо, пытаясь найти отклик.

Туск чувствовал, что Светана ждет от него чего-то, но продолжал молча стоять,

напряженно улыбаясь. Внезапно, как и появилась, она одним прыжком оказалась на середине поляны, залитой лунным серебром. Трижды хлопнув в ладоши, Светлана запела гимн богу Потримпсу с подчеркнутым ритмом, как поют жрицы священной липовой рощи на вечерней заре в день летнего солнцестояния: «Не сходит улыбка с милого лица его, и прелестен у бога цветок», – в мерном движении танца она опять приблизилась к Туску.

«Песню, Потримпс, прими и зажги Светану страстью горячей», – вдруг, вспомнив слова, подхватил витинг и, смеясь, схватил ее. Молодая жрица не отстранилась, а, обвив руками его шею, крепко прижалась к нему.

Плащ упал наземь, и сквозь тонкое полотно рубашки горячее, крепкое тело Светаны стало совсем близким.

– Ты, витинг, помнишь Потримпсовы гимны? Но не нужно просить бога об огне, чтобы самому не сгореть в нем, – шепнула девушка.

Туск нашел губы Светаны, и оба замерли. Неожиданно молодая жрица изо всех сил уперлась в широкую грудь витинга и вырвалась.

– Пойдем дальше, – задыхаясь, сказала она, – я долго ждала этой ночи!

Светана, поднявшись на цыпочки, приникла к его уху.

– Мне, вайделотке бога Потримпса, дозволено только раз познать мужчину. Я хочу быть твоей, по древнему обычаю прусских земледельцев, на только что вспаханном поле.

– На поле... Почему? – удивление мелькнуло в голосе Туска.

– Чтобы принять в себя плодоносящую силу земли и пробудить ее.

Туск сжал плечо Светаны, безмолвно соглашаясь, и они устремились по едва заметной в лунном свете тропинке. Лежала глубокая тьма. Луна скрылась за верхушками деревьев, звезды блестели все ярче.

– Мы идем на поле общины. Там в ночь полнолуния справляется женщинами праздник отца всего живого – бога Окопирмса.

– Разве вайделоткам бога Потримпса разрешено участвовать в нем?

– Нет, – произнесла она, – я участвовала в празднике, еще не будучи жрицей, и запомнила на всю жизнь то состояние души, когда стоишь под высокой, яркой лунной в молчании ночи, рядом с молодыми, красивыми подругами, и все тело, как струна, ждет прикосновения бога.

Светана умолкла.

– Говори дальше. Мне нравится слушать тебя, – взволнованно сказал Туск.

– Приходит чувство освобождения от всего: раскинешь руки, вздохнешь глубоко и, кажется, еще миг – и сольешься со звездным небом, с запахом травы, леса, моря. Исчезнешь в лунном свете, как соль, брошенная в воду, как дым очага в небе. Нет ничего между тобой и матерью Землей! Ты и она – едины!

Светана ускорила шаг, повернула направо. Впереди зачернела полоса деревьев. Все кругом молчало... Только чуть шелестел ветер, разносивший запах трав. Туск ясно различал Светану, но ничего не видел в отдалении. Они постояли, прислушиваясь к ночи, накрывшей их своим покрывалом. Потом сошли с тропинки в поле. Вспаханная земля была пушистой, и ноги погружались в нее. Наконец Светана остановилась, вздохнула и сбросила плащ. Неуловимым движением она распустила волосы и приблизилась к Туску. Он обнял ее. От влажной, теплой земли шел сильный, свежий запах. Казалось, сама Земля, вечно юная, полная плодоносных соков, раскинулась в могучей истоме. Туск ощутил в себе неборимую силу, каждый мускул его тела приобрел твердость железа. Взяв девушку на руки, он поднял ее к высоким звездам, бросая ее красотой вызов самой вечности...

Прошло немало времени, прежде чем они вернулись в окружающий мир. Склоняясь над лицом Светаны, витинг видел ее ресницы, пряди волос на лбу и темные круги вокруг глаз. Он оглянулся вокруг. Края поля, которое во тьме казалось необъятным, стали совсем близко. Ночь кончилась... Светана приподнялась и посмотрела на

алую полоску зари, показавшуюся над рощей. Она выпрямилась навстречу первым лучам солнца. Руки поднялись к волосам извечным жестом женщины – хранительницы красоты, возрождающей ее вновь и вновь, пока существует род человеческий...

Потянуло утренней свежестью, и Туск набросил на плечи Светаны плащ. Он ощущал легкость во всем теле. Вместе с ночью навсегда ушло неудовлетворенное желание обладать этой женщиной. Ушла горечь от долгой разлуки, и это понимание принесло ощущение радости и свободы.

Она шла рядом с витингом задумчивая, со склоненной головой. Выйдя к роще, они остановились.

– Я уйду к своему богу, – с затаенной грустью спокойно произнесла Светана, – и хочу, чтобы ты был счастлив.

* * *

Находясь в семье, Туск, после многих лет отсутствия в родных краях, почувствовал, как это важно – иметь то, что у него есть.

В один из дней он вместе с Эн сходил на могилу к отцу. Кладбище было устроено поодаль от жилья, в таком месте, чтобы вела тропка и к ним, и к соседям, и к иной дальней родне. Туск помнил: отец рассказывал, что, когда пришли сюда жить, сговорились, где будет первая почитаемая могила. Сам пращур назначил сынам, где ставить погребальный костер, где сыпать курган. Пока нет могилы, не знают люди земли и земля не знает людей.

Они с Эн долго просидели под рябиной. Вокруг звенела веселая жизнь, и ему думалось, что мертвые чутко дремлют в земле и сквозь дрему улыбаются отзвуку праздника.

– Что ты там шептала? – спросил Туск у Эн, когда они возвращались с кладбища.

– Я молилась за душу твоего отца, – спокойно взглянула на него девушка, – живые без мертвых одиноки, а мертвым без живых пусто и холодно в небесном краю. Этим заветом мир держится, – сорвав природный цветок, продолжила она, – им он крепок, вечен и свят. Памятью он будет

стоять, пока дети не разучатся поступать, как поступали отцы – по-божески.

Туск с удивлением посмотрел на Эн. Он открывал в этой девушке все больше нового и необычного для себя. В молчаливой и загадочной чужестранке была какая-то притягательная сила, заставлявшая его все чаще и чаще задумываться...

На следующее утро, выйдя из жилища на крыльцо, Туск заметил направляющуюся по тропинке к ним большую группу поселян, возглавляемую старейшиной и жрецом бога Звайгстикса. Сев на крыльцо, он подождал, пока они подойдут. Дойдя до ворот, поселяне остановились. Вперед вышел старейшина и поклонился.

– С чем пожаловал, старейшина? – спросил Туск спокойно.

Тот помялся с ноги на ногу, видимо боясь витинга и чувствуя себя неудобно, но пятился было некуда: род смотрел ему в спину.

– Справедливого суда хотим, – кашлянул он в седую бороду, – девка твоя – ведьмалюма, коров нам испортила. Отдал бы ее нам, пока весь скот не передох.

Родичи позади него закивали головами и зашумели сначала тихо, потом громче, поддерживая старейшину. Они указали на появившуюся в дверях Эн пальцами, и Туск видел: эти пальцы готовы были сомкнуться на шее девушки безжалостными клещами.

– Кто видел, как она наводила порчу? – спросил он, взглянув на побледневшую Эн.

Толпа зашевелилась и вытолкнула вперед светловолосую девушку, в которой Туск узнал младшую дочь старейшины. Встречая ее в селении, витинг проходил мимо, словно не замечая ее уловок привлечь к себе внимание. Девичьей надежды не разглядел бы только слепой. Сейчас она, потупившись, стояла перед ним в растерянности, не зная, куда деть руки.

– Ты подтверждаешь все, что здесь говорил старейшина? – не сводя с нее пронизывающего взгляда, спросил Туск.

Девушка молча кивнула головой.

– Вот видишь, сын Элмса, – загнула толпа, – она подтверждает.

– Это еще ни о чем не говорит, – поднял Туск руку и продолжил в напряженной

тишине: – Чтобы не было оговора, перед лицом Потримпса и Перкунса их обеих надо испытать водой.

– Я знаю, ты ни в чем не виновата, – шепнул Туск Эн, шагая рядом с девушкой, сопровождаемой гудящей толпой, – ты только выдержи.

Горячий шепот варяга придал Эн силы, и она с благодарностью взглянула на Туска: слишком долго ее мучили сомнения, которые она доверяла только Богу. Эн молила его о спасения из плена, и он услышал ее потому, что она соблюдала его заповеди.

«Но ведь Иисус называл себя Сыном Человеческим, – Эн показалось, что вкрадчивая мысль пришла сама по себе. – Так может, – подумала она, – не будет большим грехом, если я приму Потримпса и Перкунса? Ведь они – боги такие же, как ассирийская Иштар или греческие Зевс и Гера. А еще, – вспомнила она, – существует вера в богов Добра и Зла, которые, говорят, неотделимы друг от друга».

В низине за скотным двором из земной глубины на поверхность пробивалось несколько родников. В свое время отец Туска объединил их, выкопав большую яму. Получилось небольшое светлое озерцо, из которого брали воду для хозяйственных нужд. Даже в самый жаркий день вода в нем была студенной.

Озерная вода доходила девушкам до шеи. Какое-то время они стояли молча, только Эн, подняв голову к небу, чуть шевелила губами. Первой не выдержала дочь старейшины. На негнущихся ногах, сведенных судорогой, она добрела до берега и, уткнувшись лицом в траву, зарыдала: «Простите, люди добрые, оговорила!»

Туск помог выбраться Эн, которую на берегу стала колотить крупная дрожь.

– Прости нас, сын Элмса, – подошел к витингу, растиравшему девушку, старейшина, – за оговор я дочку накажу.

– Молись, старик, богу Звайгстиксу, – незло погрозил Туск и кивнул на Эн, – если она заболит, я вашу скотину лично прикончу. И знай, злой дух Курке чаще находится там, где грязно. Пусть дочка за скотиной лучше убирает, а не мается вымыслами.

Эти слова варяга вернули Эн в реальность, вызвали чувство радости и свободы.

...Эн создала свой особый мир, в котором она жила последнее время. В нем она не воспринимала событий, происходивших за пределами ее интересов.

«Я люблю Туска, – подумала она, незаметно взглянув на варяга, – и буду с ним до тех пор, пока его душа будет откликаться на мой зов. Я буду почитать его богов, а его радости и печали станут моими».

Между тем день стоял безоблачный и безветренный. Бог Звайгстикс пристально глядел на землю, и от нагретых стволов волнами исходил смоляной жар. Туск решил показать Эн ягодные места. Они шли верхним бором, устланным сухим белым мхом. Горячий воздух, не достигая груди, жег горло. Выйдя на поляну, усеянную яркими цветами, они остановились. Было необычно тихо.

– Идет гроза, – поглядел на Эн Туск и указал на цветы, – видишь, нет ни бабочек, ни диких пчел.

Действительно, где-то недалеко небесным путем катила тяжелая колесница Перкунса.

– Уж если попрятались пчелы – значит, мимо не пронесет, – озабоченно продолжил он, – пойдем быстрее.

Когда они торопливо спускались вниз к болотистым кочкам, в густой синеве появилось белоснежное облако. Солнце

заливало его нестерпимыми потоками света, но его отблеск был морозный. Открывая заросшие склоны, перед ними расступились последние сосны. Дальше, как копыта, стояли угрюмые ели с подступавшими к ним моховыми болотами. Солнце спряталось и роняло косые лучи на темные крылья туч. Сверху вниз ударила рогатая молния, и почти сразу торжествующе загрохотал гром. Они опрометью кинулись вниз. Туск выискал сухое местечко под елью, отвовавшей у мхов немного крепкой земли. Дерево раскинуло над ними шатер из лап, непроницаемых для дождя. Туск с Эн заползли под них, словно в пещеру, и сели возле ствола.

– Грозу толкуют по-разному, – чтобы не молчать, произнес Туск, – одни говорят, что Перкунс ратится против бога подземного царства Патолса, принявшего свое змеиное обличье. Молния – блеск золотой секиры, разящей без промаха, гром – эхо ударов. Другим кажется, что это свадьба неба с землей, вечно вглядывающихся друг в друга.

Близкий разряд грома заставил Эн вздрогнуть. Он обнял ее, и она доверчиво потянулась к нему. Туск заглянул ей в глаза, и ему на мгновение показалось, что он тонет...

Где-то рядом быстрые молнии пронзали большое тело земли, порождая ликующую жизнь, и стонал, гремел смятый воздух от сладостной муки любви...

Глава 7

В начале осени Туск и Эн вернулись в Трусо. Дни стояли погожие, но по утрам над водами Прегоры вырастали легкие пряди тумана и тянулись в посвежевшем воздухе к прибрежным кустам.

Старый рикис, с нетерпением ожидавший возвращения молодых, в первый же день не удержался от разговора об их дальнейшей судьбе. Оказалось, что в отсутствие молодого витинга Хаук встретился с конгосом Элором и переговорил с ним о Туске.

Много лет назад конгос Элор начал свою службу в сотне Хаука и сейчас являлся

большим человеком в окружении верховного жреца. Для встречи с конгосом Туск с Хауком решили выехать в Ромове. День был серым. Казалось цепляя верхушки деревьев, плыли тяжелые тучи, из которых временами моросил мелкий, надоедливый дождь. Ворона, сидевшая на низкой ветке, косила сине-желтым глазом на двух всадников, неторопливо пробирававшихся через редколесье. По травяному ковру копыта лошадей ступали мягко и почти неслышно. Чуть впереди на спокойном пегом мерине ехал Хаук. Из-под куколя накладки, наброшенной на плечи, выглядывало

морщинистое, обросшее седыми волосами, суровое лицо. Чуть позади старого рикса, на серой кобыле, озабоченный своими мыслями, восседал Туск. Неожиданно он поднял голову и стал принюхиваться, словно зверь, почувствовавший неведомый запах.

– От полуночи двигаются люди и лошади, – сделал знак Хауку остановиться, сказал он, – они от нас примерно на расстоянии полета стрелы.

– У тебя волчье чутье, Туск, – усмехнулся Хаук, и лицо его помолодело, – здесь поблизости проходит дорога на Ромове. В святилище священной рощи сейчас находится верховный жрец. Видимо, это люди из его окружения, давай поспешим.

Лошади сразу взяли бодрую рысь и пошли хорошим ходом, лавируя между деревьев. Им потребовалось немного времени, чтобы выбраться на дорогу, по которой двигалась крытая повозка в сопровождении четырех всадников. Неторопливо они приблизились к повозке. Воины сопровождения наклонили короткие копыя, не

подпуская наездников к себе. В повозку были запряжены два гнедых жеребца, которые, почувствовав кобылу Туска, начали храпеть и ронять пену. Из-под плетеного ивового верха повозки появился конгос Элор.

– Что происходит?! – неприязненно глянул он на людей, посмеших остановить повозку, но, узнав Хаука, улыбнулся и неторопливо слез на землю. Спешились и верховые. Приглядевшись к Туску, конгос узнал в нем защитника плененных викингов и с недоумением взглянул на Хаука.

– Не знал я, что ты за этого латрона просишь, – с неприязненной сухостью обронил Элор, взглянув на Туска.

– А я не латрон, – с бесстрашной ухмылкой вступил в разговор Туск.

Видимо, конгос что-то почувствовал в его словах и, задержав свой взгляд на молодом варяге, с невозмутимостью добавил:

– Для меня все латроны, кому дома не сидится.

– Я тебя первым не лаял, и ты меня не бесчести, – показал Туск зубы.

– Хорошо сказано, – вполголоса похвалил Хаук: громко при Элоре хвалить не посмел.

Конгос как-то устало посмотрел на него, затем на Туска и словно приговорил, обернувшись к одному из сопровождавших витингов:

– Беда, коли язык проворнее ума.

– Конгоса лаешь, болячка тебе! – выступая вперед, недобро сужая глаза, проворчал охранник, перед которым, видимо, трепетали молодые воины.

Но тут коса нашла на камень. Туск скрестил руки на груди и усмехнулся:

– Ты меня не учи, я тебя под стрелами не видел.

Бесстрашия, наглости и насмешки в нем сейчас бы хватило на десятерых. Охранник потемнел и, косолапо шагнув навстречу, с легкостью развернул в воздухе копьё.

– Сейчас увидишь, – ярься, прошипел он и сделал резкий выпад, целясь тупым концом копья витингу под ребра. Избегая копейного выпада, Туск высоко подпрыгнул и ударом ноги сломал древко копья. Не дав охраннику опомниться и выхватить меч, Туск скрутил его.

– Молись Перкунсу, что я не волкоголовый берсерк и умею сдерживать себя. Иначе твоя душа уже давно бы стучала в ворота подземного царства Патолса!.. Поедем отсюда, Хаук, – отпуская посрамленного охранника, глухо произнес Туск, – здесь правды не сыскать.

Но конгос, восхищенный увиденным, неожиданно для всех его удержал.

Умные люди не бывают гневливыми и скорыми на расправу, ибо гнев превращается в черные тучи, разящие невидимым громом. Конгос Элор продолжал по-прежнему ровно:

– Так какую правду ты хотел найти у меня?

Туск ответил немедля:

– Ту, за которую и жизнь отдать не жалко. И не велика твоя правда, если ты мне в моей откажешь.

Слова Туска прозвучали, как заклинание. Витинги, сопровождавшие конгоса, одобрительно зашумели, и Элор вроде бы

заколебался. Не мог же он, в самом деле, ни с кем не считаться.

– Будешь рикисом морского дозора в самландском Каупе, – бросил конгос, далее не раздумывая.

* * *

По возвращении в Тусо Туска ожидало радостное известие. Лицо Эн, встретившей мужчин у ворот, было необычным. Ее улыбка была наполнена какой-то тайной гордостью. Туск, не слезая с лошади, наклонившись, обнял ее и, с легкостью подняв, усадил перед собой. Всадники въехали во двор.

– Что случилось? – посмотрел он в счастливые глаза молодой женщины.

– Ничего, – улыбнувшись, прижалась она к нему, – просто соскучилась.

– А серьезно? – не сдавался витинг. – Я ведь чувствую: что-то не так. Признавайся! – Туск прижал Эн к себе чуть крепче.

– Медведь, не раздави нас! – делая выражение лица строгим, загадочно шепнула Эн, пытливо взглянув на него. – Я теперь не одна...

Туск на мгновение замер, а потом, схватив Эн на руки, спрыгнул с лошади и закружился с ней, дурашливо горланя на всю округу.

– Как обстоят твои дела? – поинтересовалась Эн, после того как Туск осторожно поставил ее на землю.

– Все складывается очень хорошо, – улыбнулся витинг.

– Тогда обещай мне, – взглянув на него, попросила Эн, – что когда-нибудь мы сходим к старой Ведуне.

– А ты откуда знаешь эту ляому, живущую у начала Змеиной тропы? – теребя поводья своего мерина, вопросительно взглянул на нее не понявший причину веселья Хаук.

– Это кто такая? – настораживаясь, спросил Туск, переводя взгляд с Хаука на Эн.

– Да есть тут одна старуха, – невразумительно пояснил старый рикис, – уже никто не помнит, когда и откуда она пришла в Тусо, но молва о ней ходит всякая.

– Про меня тоже в селении Туска пустили молву, – напомнила Эн и задумчиво

спросила: – Почему так устроен мир: если боги одному дают чуть больше счастья, сразу возникает людская зависть?

– А про Курке забыла? – насупился Хаук. – Он ведь, вражина, не дремлет... – Хаук придержал своего мерина. – А с чего это вы так веселились? – перевел он взгляд на Туска и, узнав в чем дело, по-юношески соскочил с лошади. Смешно пританцовывая и виляя тощим задом, он прошелся вокруг молодых и, остановившись, по-хозяйски заметил:

– Будет все как у людей. Жреца Звайгстикса беру на себя, а черный козел давно дожидается твоего ножа, Туск, – и, обняв молодых, растроганно заключил: – Так и должно быть, ведь никого нет более удобного богам, чем женщина, несущая в себе новую жизнь...

Последующие дни прошли одним счастливым мгновением воздаяния хвалы богам за милость. На обряд сошлись в харчевне. Былолюдно. Туск и не подозревал, что у Хаука столько знакомых. Седовласый жрец пел моления и кропил стены водой. Взявшись за крутые рога, мужчины притащили упирающегося черного козла и, подняв его на руки, обнесли вдоль окропленных стен. На приготовленном жертвенном камне виновник торжества, Туск, заколол козла.

– Этот козел покрывал всех моих коз, – как полагалось, с намеком для жениха, под веселый смех гостей, радостно сообщил Хаук, – и давал крепкое потомство, какого не бывало от других.

Считалось, что козлиная кровь способна спасти от самых страшных бед. Ее слили в жертвенный сосуд, и жрец наделил каплями благодати каждого из собравшихся. Пока на открытом огне жарилось козлинное мясо, женщины приготовили праздничный пирог. Пили густое хмельное пиво и хвалили хозяев.

Тихий осенний вечер подходил к концу. Счастливые Туск и Эн, держась за руки, глядели на гостей и улыбались. В их душах поселилась та гармоничная умиротворенность, которая была свойственна целостности мира...

В один из дней Эн напомнила Туску о его обещании навестить вместе с ней старую Ведуну. Хотя молодой варяг не помнил, чтобы что-то обещал, любопытство взяло верх. Вечером они направились на окраину Трусо, где в лачуге у начала Змеиной тропы проживала старая Ведуна. Старуха весьма почтительно поклонилась молодым и старательно смахнула пыль с предназначенной для них лавки. На ее дряблой шее было ожерелье из желудей и красных ягод рябины. Лицо старой женщины и притягивало, и внушало ужас. Лачуга была тускло освещена красноватым пламенем очага. Присев напротив молодых, она забормотала что-то под нос с видом крайней сосредоточенности. То ли от усталости, то ли от угара, исходившего от очага, на Туска вдруг навалилась истома, и в его сознании возникли и забродили видения. Он увидел массу людей, собравшихся ночью к подножью холмов, первый луч солнца, прорвавшийся в лощину, который осветил жриц в белых длинных одеждах и с такими же длинными косами. Они, поблизости от него, золотыми ритуальными ножами, похожими на серпы, вскрывали груди мужчин, чтобы вырвать живые сердца...

Туск потряс головой и усилием воли отогнал от себя видения.

– Опасность тебе, витинг, грозит и на воде, и на земле, – донесся до Туска тихий голос старухи.

– Ведуна, предскажи ему судьбу, – переводя взгляд с Туска на старуху, боязливо попросила Эн.

– Судьба не погода, чтобы ее предсказывать, – сварливо откликнулась старуха, – да и, как ее ни прозревай, она не всегда следует прозрению.

– Ты, главное, правду говори, – сказал Туск.

Старая Ведуна буднично, словно горшок с овсяной похлебкой, поставила на стол янтарный шар в позеленевшей медной подставке, опиравшейся на драконьи лапы, в глубине его покоилось мохнатое невиданное существо, похожее на большого паука.

– Во имя четырех мудрецов земли и трех духов моря... – чуть ли не вода по

шару носом, начала старуха и неожиданно взглянула на Эн. – Отыскала же ты витинга, светлая голова! Удивительная у него способность ввязываться во все подряд, – сообщила она Эн так, будто Туска здесь вообще не было. – Если что написано ему на роду, так это череда поступков, которые могут называть приключениями лишь юные несмышлениши. Легче сразу под стрелу его подвести, чем ты будешь всю жизнь за него переживать.

– Добрая ты, бабушка, – сказал Туск, – я это сразу понял.

Ведуна так цыкнула на него, что он прикусил язык.

– Все его победы в неотступном сопровождении утрат, ибо так исстари повелось и останется навечно. Жизнь его будет нелегка, ибо он попытается изменить жизнь других, а судьба станет то и дело вести его по следу исчезнувшего...

Эн старалась не пропустить ни одного слова старухи. Обеспокоенность судьбой любимого человека жила в каждом уголке ее души.

Изобразив подобие улыбки, Ведуна уставилась на Туска слабо светившимися глазами:

– Бойся сильных, притворившихся слабыми, бойся коварных, прикинувшихся дураками. А пуще всего бойся тех, кто не предался всецело добру либо злу. И держись подальше от морских ладей, ибо зло, которое придет с ними, может лишить тебя будущего... – она помолчала некоторое время и продолжила: – Однажды ты приобретешь часть того, что, некогда имея, потерял.

Закончила Ведуна весьма прозаично:

– Если мне, мертвому обломку прошлого, позволено будет подвести черту, то я скажу: в чем-то необычная судьба, в чем-то невероятно простая. Таков уж наш мир.

– Что-то очень уж туманно, – усмехнулся витинг.

– Так оно всегда и бывает, любезный мой, – проворчала старуха, – мудрость туманна...

Большой кот, потягиваясь, вышел из угла. Ведуна выпрямилась на своей лавке, и Туск понял, что гадание окончено.

Глава 8

Вернувшись с тинга в Скирингсаль, ярл Эстольд, не теряя времени, вместе со своими кормчими занялся важной работой. Эстольд чувствовал, что после избрания королем Олафа потребуются драккары, способные ходить по новым морям и неизвестным рекам. «Чтобы победить Олафа и бондов, – думал ярл, – нужно огромное богатство, а рабы-тралсы, создававшие основную часть его состояния, не смогут покрыть и третьей части будущих расходов. К тому же надо содержать викингов и на что-то строить драккары, – шел он в своих мыслях дальше, – одних набегов будет недостаточно. Нужны богатые населенные земли, – крепко в сознании ярла, – которые можно обложить данью, а еще лучше – владеть ими».

От островов Эстии до земель Самбии и Помезании, расположенных в Брутении, Эстольд решил основать гнездо короля викингов.

«На этих землях, – думал он, – возникнет могучее, огромное королевство, которое изменит судьбу народов, населяющих их». Ярлу была смешна власть жрецов Брутении, державших свой народ в страхе перед многочисленными богами. Не имевший реальной воинской силы, эту власть Эстольд считал кровью мифического дракона, омывшись которой, он, как нибелунг Зигфрид, использует для своей непобедимости. Его викинги, уничтожив несогласных и сопротивлявшихся, сольются в монолит через местных женщин и совместные походы к полуденным странам. «Ведь своих воинов, – размышлял ярл, – пруссы называют витингами, а вождей дружин – конгосами. Разве их летающие ляомы не родня нашим валькириям? А песчаный и неплодородный, насквозь продуваемый ветрами полуостров Хель – чем не родной Хальм?» Народ пруссов, не знающий грамоты, живущий охотой, рыбной

ловлей и меновой торговлей, в его мыслях становился некой безликой толпой, теснящейся возле языческих святилищ.

От мыслей, что дикость пространства ожидает своего завоевателя, ярл холодно улыбался, а точнее, чуть шевелил краем рта. К началу сезона мореплавания им было решено построить два новых драккара, на четырнадцать румов каждый. Задуманные драккары должны были иметь хорошие боевые качества как в море, так и на мелких реках. Обычно, заказывая мастерам драккары, ярлы указывали только количество румов и украшение носа. Поэтому все плавали на похожих драккарах. Новые драккары Эстольда обещали быть особенными, поэтому он и его кормчие решили продумать все сами. Иногда приходил старый Эрик и нашептывал ярлу последние новости о торговых и прочих вещах. У мажордома были помощники, которые, как и он сам, бродили у пристаней и причалов, присаживались за столы в веселых домах, где завязывали знакомства. Старый викинг твердил, что Олаф, сын Черного Гунара, и его друзья скупают оружие.

«После первых драккаров стоит заказать еще два, – слушая старика, думал Эстольд, – золота хватит». Ярл усмехался, вспоминая историю македонского царя Персея, дальнего потомка Александра Великого, поскупившегося на приобретение кораблей и наем воинов. «Римляне победили этого выродка и взяли его золото. Скряги копят деньги, – подводил он итог, – для своих врагов».

...Шел третий месяц зимы, дни увеличивались. Остовы новых драккаров уже были видны. Эстольд и его помощники неусыпно следили за работой. Стремясь к сохранению тайны, ярл приказал никого из посторонних к верфям не подпускать. Он не хотел иметь подражателей. Все чаще и чаще в усадьбе Эстольда появлялись викинги, желавшие влиться в дружину ярла. Каждого встречало продуманное широкое гостеприимство. Викинги клялись у священного очага великими богами, вручая свои мечи и жизни ярлу. Новые корабли Эстольда получали гребцов-воинов. В один

из дней навестил Эстольда и свободный ярл Оттор, отказавшийся от предложенного традиционного гостеприимства.

– Эта зима длится бесконечно, – вяло заметил он, вертя на пальце золотое кольцо с адамантом, – я хочу беседы, она интересней вина и женщин.

Он был зим на семь моложе Эстольда. Светлая короткая борода сливалась с подстриженными мягкими усами, вьющиеся локоны удлиняли лицо, потерявшее за зиму морской загар.

«Он похож на изображение Бога, которому молятся длиннополые жрецы саксов и франков», – усмехнувшись, подумал Эстольд, которого Оттор располагал к себе своей восторженностью и сходством мыслей.

– Как хочешь, ярл, – согласился Эстольд, – но мы молоды, и веселье лучше, чем сидение на румах. Мой мажордом по случаю купил у арабского купца двух молоденьких рабынь, наученных поразительным образом. Даже я не знал, что любовь можно сделать такой неожиданной и вкусной. Ты, ярл, еще успеешь летом повертеть веслом.

– Меня уже тошнит от женских тел, – возразил Оттор, – уже хочется заняться настоящим делом.

– Да, – кивнув, согласился Эстольд, настойчивость которого была лишь обязательной вежливостью хозяина.

– Почему, ярл, ты не хочешь вместе с нами идти в поход? – прямо спросил Оттор.

«Чтобы знать, не следует задавать вопросов», – усмехнулся про себя Эстольд и взглянул на Оттора.

– Никто не слышал слов моего отказа, я сказал, что буду думать. Время для обдумывания еще есть.

– Будь я таким же богатым, как ты, – вкрадчиво заметил Оттор, – я бы тоже имел время размышлять. Датчанин Альмар зовет всех на юг Воланда, – продолжил он, – пусть меня возьмет злой дух Локи, если после этого похода я не куплю три новых драккара!

– Ты говоришь, как викинг, – улыбнувшись, согласился Эстольд.

– Так иди с нами, ярл, – хлопнул по плечу Эстольда Оттор, – клянусь валькириями,

ты в этом походе будешь нашим конунгом. Я – за тебя, и мой друг Ингольф – тоже. Остальных мы уговорим!

«Молодость, молодость... – усмехнувшись про себя, подумал Эстольд. – Яйца думают убедить кичливых и опытных петухов, членов союза ярлов, в мою пользу».

В этот момент дверь общей залы распахнулась, и на пороге появился мажордом, он вел за собой коренастого викинга, по изможденному лицу и одежде которого можно было смело утверждать, что в последнее время этот человек перенес большие испытания. У правого уха викинга блестела серебряная крестовина меча, а в глазах стыло отчаяние человека, не привыкшего ничем дорожить.

«Такому – что свой живот, что чужой, – отметил Эстольд, – не промедлит и не усомнится, если пошлют со смертью».

Ярл вопросительно взглянул на своего управляющего, который явно был возбужден. Эрик оказался дурным вестником.

– Ты помнишь ярла Альрика, к которому заезжал после тинга? – озабоченно спросил он.

– Да, – кивнул Эстольд, – я не решил сразу принять его предложение.

– Ты поступил мудро, как всегда, – выдавил улыбку старый викинг. – Слушай, с ним и еще тремя ярлами случилась беда. Это Эймонд, – кивнул он головой в сторону пришедшего с ним викинга, – один из трех телохранителей Альрика. Он знает подробности происшедшего.

– Выкладывай, что там стряслось у твоего ярла и его приятелей? – внимательно взглянув на пришедшего викинга, разрешил ярл.

Эймонд, выдержав взгляд ярла, чуть помолчав, простуженным голосом начал рассказ.

– Ярл Альрик, которому я служил более десяти зим верой и правдой, как-то намекнул мне, что хорошо было бы негласно убрать короля Олафа, который, по его сведениям, готовится к большой охоте. Три ярла, с которыми Альрик заключил тайный союз, для этого дела выделили по три берсерка. Это были лучшие викинги, с которыми мне когда-либо приходилось

иметь дело. Через своих людей мы узнали, где и когда король собирается проводить охоту. Для уточнения мест ночевки, переодевшись торговыми людьми, несколько викингов скрытно последовали впереди участников охоты. По их сведениям я определил очередное место ночевки и место, где будет разбит королевский шатер. После этого нам не составило труда согнуть дерево, к вершине которого был привязан канат, замаскированный свисающими ветвями. Действительно, королевская свита установила шатер неподалеку. Я проник в лагерь короля, переодевшись бродячим попрошайкой. Меня бы и мой ярл не признал, – невесело усмехнулся Эймонд, – и подал бы милостыню, если бы, опираясь на посох, к нему подковылял одноглазый горбун. В лагере мне подали много милостыни, но самое главное – мне удалось рассмотреть, с какой стороны шатра была поставлена королевская ложа. Ночью мы расположились поблизости. Один из моих викингов набросил заранее приготовленную веревочную петлю на украшенное навершие королевского шатра, а другой конец веревки мы протянули к согнутому дереву. Заняв позиции для нападения, мы подали сигнал. Викинги, стоявшие у дерева, перерубили канат, и распрямившееся дерево сорвало полотнище шатра, открыв доступ к лежавшим в нем людям. Мы бросились вперед, к тому месту, где было установлено королевское ложе. Чтобы не ошибиться, мы рубили всех, кто лежал вокруг этого места. В нас вселилось безумие берсерков. Но король оказался хитрее – шатер стал ловушкой! В соседних шатрах расположилась засада. Люди короля гнали нас, как зверей. Из загона я ушел один. Но берсерк Торн не сумел умереть – будь он проклят! Попавшись в руки людям короля, он выдал под пыткой всех заговорщиков.

Не упуская ни одной подробности, викинг повествовал о дальнейших злоключениях.

– Тинг объявил вне закона ярлов и их викингов. Сын Черного Гунара выбрал удачный час для уничтожения всех свободных ярлов, – вздохнул рассказчик, –

и перебил ярлов-заговорщиков одного за другим.

Эстольд хорошо понимал причину гнева короля и бондов и невнимательно слушал повествование викинга. Но подробности расправы с ярлом Альриком привлекли его внимание.

– Король со своими людьми, – продолжал рассказывать Эймонд, – взяв усадьбу ярла, приказал вынести из общей залы дома кресло ярла и скамьи викингов. Кресло втащили на вершину погребального холма предков Альрика. Скамьи расставили по склону так, что образовалась лестница. Альрику пришлось упасть с кресла, скатиться по скамьям к ногам короля и выразить покорность ему и тингу. Прodelывая это, Альрик разбился в кровь... Какой позор! – голос рассказчика на мгновение прервался. – Я не стал дожидаться конца и решил пробираться сюда. Ваш фьорд самый дальний. Король, поддержанный тингом, осмелел и хочет повести борьбу с теми ярлами, кто принимал изгнанников. А кто из ярлов не делал этого? – смело взглянул он на Эстольда. – Если раньше тинг удовлетворялся клятвами по обряду, то теперь они хотят смерти.

– Позаботься о нем, Эрик, – выслушав викинга, произнес ярл, – пусть ни в чем не нуждается.

«Итак, – сопровождая взглядом выходящих викингов, подумал Эстольд, – судьба была на стороне Олафа. Рагнаради свободных ярлов началась».

Ярл улыбнулся, мысленно гордясь своим умением предвидеть будущее. Он один из всех ярлов не ошибся и понял приближение новых времен и не дал себя застигнуть врасплох. Что жаловаться на судьбу и богов? Он верил не в них, а в себя. Все его стремления и намерения были правильными и своевременными. Вот награда, которую никому не отнять!

– Что же теперь делать? – взволнованно спросил ярла Оттор, пригвожденный услышанным к своей скамье.

С помощью Эстольда он хотел придать собственным мыслям некую завершенность.

Подобно королю, Эстольд с большой охотой истребил бы всех остальных ярлов, но, отвечая Оттору, он не стал играть словами.

– Слушай, викинг, я скажу тебе то, что не сказал бы никому. Знай, что с вами будет, – понизил он голос, – тинг объявит вас вне закона, и, даже если союз ярлов совершит задуманный набег, вам некуда будет возвращаться.

Оттор хотел что-то возразить, но улыбкой и жестом Эстольд остановил его.

– Подожди! Я ведь не сомневаюсь, заметь, что вы победите и завладеете богатствами. Да, населенные земли дают золото и серебро. Но это богатство имеет свойство быстро заканчиваться. Сами же земли не монеты и кубки, их не положишь в мешок. У меня есть другой план, – ярл хищно сощурил глаза. – Для того чтобы земли давали постоянную прибыль, их мало обложить данью. Ими нужно владеть! Нужна сила, способная властвовать над этими землями. В этом наша судьба, – с пафосом продолжил он, умолчав, что, по его твердому убеждению, завоеватель должен быть один. – У меня есть на примете такая земля, – помолчав, испытующе взглянул ярл на Оттора, – со своим приятелем вы можете оказать услугу в исполнении первой части моего плана.

Эстольду не была свойственна привязанность, и, не видя в молодых ярлах, Отторе и Ингольфе, опасных соперников, он не хотел начинать свое правление с понуждений.

– Это, клянусь Одним, – пообещал ярл, – будет стоить больше, чем вся ваша добыча на юге.

«Не сказать ли, – подумал Эстольд, – что именно теперь, когда король Олаф почувствовал свою силу, викингам необходимо торопиться?.. Нет, ни к чему», – и он закончил:

– У нас будет тринадцать драккаров и более тысячи викингов. Один викинг стоит пяти воинов любого племени. Это уже сила. Думай, ярл!

– Благодарю тебя, – загораясь идеей Эстольда, сказал Оттор, – видимо, ты прав! Я и Ингольф идем с тобой!

Глава 9

Перед походом свободный ярл Эстольд, собрав викингов в общей зале усадьбы, вступил в общение с Вотаном. Достав из холщового мешочка священные руниры, представляющие собой деревянные палочки с нанесенными на них руническими знаками, ярл бросил их на крышку небольшого столика, инкрустированного янтарем. Бегло взглянув, облегченно вздохнул: руниры легли удачно. Викинги задвигались и окружили столик. Для тех, кто не мог подойти ближе или не понимал знаков, Эстольд громко возглашал руну за руной: «Вода, близость, вход, пламя, несомненный успех ждет смелого!...»

Ярл верил в гадание, но еще больше верил в свою волю и разум. Он напомнил викингам о годах, проведенных вместе, когда ни один день не был прожит без пользы для них, об удачных походах, об увеличении богатства каждого. Не открывая своих мыслей о неизбежности победы короля Олафа над свободными ярлами, Эстольд расплывчато говорил об опасности для свободы викингов со стороны бондов и о том, что пришла пора воронам фьордов распушить крылья и захватить богатую Брутению, покарвав непокорных пруссов.

...Через три дня попутный ветер понес драккары на юго-восток, и фьорды остались по левую руку. Вместе с весенним теплом для воронов, любимцев отца племени фьордов Вотана, наступили дни радости: кончалось долгое ожидание веселых летних пиршеств. В море вышли драккары викингов, щедро уступающих им лучшую часть добычи – человеческие трупы. Иногда вороны сбивались в стаи и кружились над драккарами, с которых их громкими криками приветствовали викинги.

Впереди флотилии Эстольда спешили новые драккары с мордами страшных зверей на приподнятых носсах. Ярл шел на одном из этих кораблей. Низкий, узкий драккар мог, не утомляя гребцов, вырвавшись вперед, обойти корабли, замкнуть

круг и вновь опередить самый быстрходный из старых драккаров. Несмотря на попутный ветер, они шли на веслах, прямым парусом было не так легко управлять. Осторожный ярл не хотел доверяться ветру на такой зыбкой дороге. Драккары были верным оружием лишь на веслах. Кормчие держали не руль драккаров, а жизнь викингов.

Эстольд любил сидеть на носу своего детища. Он подолгу глядел на воду, и мысли его менялись подобно воде под веслами драккара.

«Женщины в ожидании детей склонны к чрезмерному преувеличению своего значения в важном деле продления рода», – глядя на кружащихся черных птиц, думал ярл об оставленной в фьорде жене, при расставании с которой он был чрезвычайно нежен. Ингрид, словно озаренная внутренним светом, ждала ребенка, который должен быть, как грезилось ярлу, обязательно мальчиком... Холодно усмехнувшись, Эстольд подумал о сопротивлении, которое могут оказать пруссы. Вряд ли оно окажется жесточеннее, чем на Западе, где после поражения наступал упадок. Разбитые в сражениях племена обычно обвиняли и проклинали вождей, разделялись, мечтали о переговорах с победителями и, наконец, любой ценой старались спасти свое существование. Им было безразлично, кому платить дань.

Словно уловив человеческий замысел, вороны грозowymi тучами понесли в юго-восточный угол Варяжского моря и потухшими головнями упали в молодую зелень лесов по берегам и островам в устьях рек Прегоры и Хрона. Небывалый прилет птиц был замечен не только жителями Самбии и Труссо, но и в глубине Брутении – в землях Надровии, Вармии и Натангии люди смотрели на воронов с нехорошим предчувствием: никогда не прилетало их столько много... «Злой дух Курке подает дурное знамение», – говорили меж собой пруссы, наблюдая за полетом птиц.

* * *

Приближались длинные дни лета, когда на Варяжском море и в Тусо почти не бывало темных ночей. Это время было и всегда будет удобным для войны и набега, для быстрых сражений, решающих судьбу похода одним или несколькими быстрыми ударами.

С вечера над морем бушевала гроза, гремел сильный гром, но сейчас волны, усмиренные богом Тримпсом, с легким шорохом едва накатывались на отмель. Дозорный, сидевший на прибрежном валу, потянувшись и зевнув, собрался уже было уходить, когда на глаза ему попало несколько черных точек, мелькавших далеко в море. Нехорошее предчувствие кольнуло дозорного. Корабли! Не успели точки стать драккарами, а дозорный уже видел, как они входят в протоку, крадись меж островов. На мгновенье он утешился мыслью, что беда не случится, ведь корабли могут плыть и с простой торговлей. Но, зная о повадках викингов — легко менять

торговлю на грабеж, — он встряхнулся и, увязая в песке, волоча копье и край овчинной накидки, заторопился по прибрежному откосу к соснам. Там, среди камней, малолетний помощник поддерживал небольшой костерок. Вскоре вспыхнула охпка сушняка, на которую дозорный бросил несколько свежесрубленных веток. В небо стал подниматься столб тревожного дыма.

Гонец, посланный зупаном Мстивым, застал Туска на выходе из жилища. Здесь берег морского залива полого изгибался, становясь острием усыпанного валунами полуострова, прозванного людьми, приплывающими с Заката, Самландией. Дальше начиналось нагромождение песочных дюн, покрытых сосновым лесом, причесанным морскими ветрами. Военное укрепление пруссов находилось там, где берег сливался с пространством полуострова. Круглый, невысокий вал с вкопанными в него по всей окружности толстыми заостренными бревнами, был укреплен громадными валунами. Внутри находился еще один вал с несколькими

проходами между бревен, а уже в середине располагались жилые и хозяйственные постройки, крытые гонтом – толстой сосновой дранкой, не боящейся гнилых осенних дождей.

«Хорошо, что Эн уехала к матери», – выслушав тревожную весть, подумал Туск. У жены приближались сроки родов, и Туск три дня назад в сопровождении двух витингов отправил ее к старой Яне: мать от случая к случаю передавала ему весточки с пожеланиями принять Эн у себя.

– Там тебе первые дни будет лучше, – утешал молодую женщину Туск, – а я, как освобожусь, сразу приеду.

Теперь нехорошие предчувствия одолевали его, закрывая ближайшее будущее полнейшей неопределенности. А когда на вызов зупана он пришел к дубу, земля под которым была загрязнена пометом ночевавшей на дереве стаи зловещих воронов, его тревога от этой худой приметы только усилилась.

Сбор рикисов дозорной дружины проходил в просторной полуземлянке, освещенной светом зажженных факелов. Зупан Мстивый был невысок, кряжист и малоразговорчив. Заняв свое место под головой клыкастого вепря, убитого несколько месяцев назад и мастерски выделанного старыми знатоками приготовления чучел, зупан оглядел собравшихся. Мстивый отличался чутьем в распознавании человеческой природы и понимал, на что сгодится каждый из собравшихся. И это определило его выбор. Найдя взглядом Туска, он кивнул тому:

– Возьмешь трех витингов из своего отряда. Разузнай, что к чему.

Пруссы всегда отличались доверчивостью, но Туск прошел школу викингов в чужих землях и знал неизмеримо больше других – нигде не бывавших.

После ночной грозы море щедро набросало на берег всякого придонного богатства. Сейчас среди этого остро пахнущего плавника хозяйничали чайки. А море, которому надоело показывать свою силу, терлось котенком у округлых прибрежных камней.

Драккары словно ждали появления пруссов. С запада потянул ветерок. Море

дышало и гнало в устье приливный вал. С ним приближались драккары.

Время шло... Туск различал, как петляли два передних драккара. «Оттуда, – прикинул витинг, – Кауп еще не виден». Ждать было тяжело. То над одним, то над другим вспыхивал пучок лучей. Это бог Звайгстикс, разглядывая корабли, отскакивал лучами от железа, предупреждая: «Идут с худом». Драккары плыли верно. Их кормчие нащупали стрежень большого протока, где можно идти, не боясь мелководья. Тревожно толкнуло сердце. Туск узнавал знакомые обводья кораблей. Ему даже показалось, что на переднем он видит фигуру ярла Эстольда. Вскоре черные корабли встали на такое место, откуда был виден Кауп. С низкого переднего драккара подали знаки руками. На других повторили те же знаки. Викинги переговаривались и сговаривались. Чтобы понять, Туску не нужно было лететь чайкой или ползти змеей и подслушивать переговоры викингов. Они подойдут к берегу и ударят по Каупу, чтобы навязать свою волю и взять первую дань.

Вскоре Туск стоял перед Мстивым.

– Викингов слишком много, и мне думается, они пойдут в глубь Брутении, – взволнованно сказал Туск.

– Не будет им от нас ни дани, ни покорности, – глухо обронил зупан и взглянул на него. – Раз ты понимаешь всю серьезность положения, тебе и мчаться в Трусо. Все, что видел, перескажешь конгосу или верховному жрецу, а на словах... – Мстивый чуть помедлил, – передашь: насколько можно, Кауп станет щитом для Трусо.

В прибрежных водах кормчие осторожно вели флотилию ярла Эстольда. Далекие, слабоволнистые низменности, окрашенные густой зеленью лесов, напоминали викингам доступные земли готов, франков, саксов. И тогда им казалось, что они видят хорошо знакомые места. Начавшийся день позволял не спешить. К полудню показались островерхие крыши Каупа. Ярл знал, что в этом селении пруссов имелся небольшой отряд береговой стражи. Можно было дожидаться ночи и незаметно войти в устье Прегоры, но, поразмыслив, ярл послал лодки. Две группы викингов охватили

селение, и, когда дымовые сигналы сообщили о начале штурма, Эстольд сам вышел на берег. По его мнению, следовало дать решительный урок и избавить новых подданных от ненужной борьбы и лишних страданий.

Защитники селения молча глядели через частокол на направляющегося к ним ярла.

– Останови-ка его, – облизнув пересохшие губы, сказал Мстивый одному из воинов, стоявших наготове с луком.

Лук заскрипел, дрожая от натуги. Лучник, прикинув расстояние и ветер, выпустил стрелу, которая через мгновение ударила в землю возле ног ярла. Тот, поняв предупреждение, остановился, глянул на стену, затем на торчавшее древко. В этойой близи стрела могла ударить крепче гвоздя под молотком, но ярл страха не показал.

– Кто тут у вас старший? – наконец не очень громко, но так, чтобы слышали за тыном, спросил он.

– Мои люди зовут меня Мстивым, покаываясь над остриями частокола, ответил зупан.

– Хорошее имя для воина, – взглянув на того, улыбнулся ярл. – А я – Эстольд Большой Топор, есть другие титулы – не тусклее. Но все они – преждевременная лесть. Там мои викинги, – кивнув в сторону берега, продолжил он, – но я не желаю вашей смерти. Я, господин и повелитель, навеки остаюсь здесь и хочу, чтобы вы открыли ворота и принесли мне клятву покорности и верности. В противном случае, если не убоитесь рати и викинги возьмут селение, просить больше не буду.

Тревожная тишина повисла над селением, и солнечный день словно померк, омраченный этой тишиной.

– Каков будет твой ответ, Мстивый? – немного выждав, спросил ярл.

– У нас, Большой Топор, ответ один, – недобро ухмыльнулся со стены зупан, – если!..

Выслушав, ярл повернулся и неторопливо зашагал прочь.

Первыми на штурм ворот пошла группа «неуязвимых», состоявшая из двадцати берсерков, которых от всякого оружия берегла своеобразная мудрость безумия. Поддержанные пращниками и лучниками, забросив щиты за спины, викинги, уворачиваясь от летящих в них стрел и камней, на бегу метали в ворота боевые топоры, которые, засев в толстых плахах, образовывали подобие уступов. Взлетая по ним с проворством кошек, берсерки исчезали за частоколом, где уже началась кровавая резня. Вскоре ворота распахнулись, и большая группа викингов, ожидавшая этого момента, вбежала в них. У второго пояса стен «неуязвимые» были задержаны отчаянно бившимися пруссами во главе со своим зупаном, и ярлу пришлось на помощь своему передовому отряду прислать подкрепление.

...Вскоре все было кончено. Викинги вытащили к ярлу, стоявшему в центре селения рядом со столбами, олицетворявшими образы Видевута и Брутена, живых и тех раненых, которые могли ходить. Всего набралось сто двадцать мужчин, женщин и детей. Чтобы внушить новым подданным благодетельный страх, из пленников был отобран каждый десятый. Вскоре головы отобранных были насажены на колья забора. Отныне Кауп будет указывать пруссам на необходимость послушания ярлу и служить примером для всех.

По приказу ярла два викинга подошли к священным столбам и, налегая на них, принялись раскачивать. Когда один из столбов вывернулся из земли, по толпе пронесся стон.

– Наши боги сильнее ваших! – наступив на поверженный камень ногой, торжествующе произнес ярл, – но я, повелитель всех пруссов, разрешаю вам молиться вашим богам, и об этом должна узнать вся Брутения!

Глава 10

В покинутых пруссами жилищах Каупа нашлись янтарь, пушнина, кожа, рыба и другие ценности. Невдалеке от леса викинги заметили пасущееся стадо, и не-

сколько человек отправилось за свежим мясом. Считая, что время работает на него, ярл Эстольд объявил трехдневный отдых. Во время скоротечного боя ярл потерял

тридцать викингов, и это повергло его в размышления. Сейчас он предпочел бы попытку пруссов к общему сопротивлению. Тогда одним ударом он сможет закрепить за собой новые владения.

– Не продлить ли отдых до пяти дней? – думал ярл. – Пусть пруссы соберутся с силами.

...В Трусо Туска не сразу пропустили к конгосу. У Элора находился посланец одного из племен Жемайтии. Коротать время ему пришлось в помещении прислуги. Два воина, игравших в кости, не обратили на него никакого внимания, и он присел на свободную лавку. Но ввалившийся в помещение третий воин удивленно уставился на Туска.

– Ты откуда такой взмыленный? – усмехнулся он.

– Из Каупа, от зупана Мстивого, – не желая вступать в разговор, коротко обронил Туск.

– И что нового в Каупе? – не отставал вошедший.

– Викинги! – зло глянул на него Туск.

Игравшие воины забыли о костях и подсаели поближе. Поговорить им не дал сам конгос.

Появившись в дверном проеме, Элор молча кивнул Туску, приглашая следовать за собой.

– Добрые ли твои вести, рикис? – спросил он, когда они уединились, и, усмехнувшись, заметил: – Хотя если ждать только добрых вестей, то недобрые застанут врасплох.

Выслушав сообщение Туска, конгос задумался. Хорошо зная Мстивого, Элор понимал, что зупан по пустыкам тревожить не станет и кого попало не пришлет. По всему выходило: Брутения стоит на пороге опасности. Наконец, прогнав с лица тень раздумий, он взглянул на Туска и коротко бросил:

– Пойдем!

Был тихий вечер. Небо было чистым. Последними лучами бог Звайгстикс благословлял вечернюю землю. Следуя за конгосом, Туск понял, что они идут в святилище, где, возможно, Элор добьется

встречи с верховным жрецом. Сколько их было после великого Брутена? – попытался вспомнить Туск, поднимаясь по лестнице. – Телеве, Марка, Ляволис, – подвел он итог, – все они ушли, а Брутения осталась... Стоящие по обеим сторонам лестницы стражники зажигали факелы, принося лучины от горевшего в стороне костра. На второй половине лестницы стояли жрецы, одетые в длиннополые одежды, перепоясанные белыми поясами с бронзовыми бляшками. К святилищу поднимались с соблюдением всех предписанных правил: не спеша, не толкаясь, уступая дорогу старшим. Минувя очистительный огонь и каменные изваяния богов, они вошли в святилище. Первым, кого они встретили, был Зика Эвард-Криве. Помощник верховного жреца держался величественно. Опираясь на двурогий посох, он зорко посматривал вокруг.

– Я прошу разговора с Великим! – подойдя к нему, склонил голову Элор.

– Тень всесильного Перкунса смертельно болен, – почтительно стукнул тупым концом посоха жрец, – и не сможет принять тебя.

Жрецы не очень-то чттили воинов, и на Туска Зика даже не взглянул. Но это не задело витинга, ибо кому в Брутении не было известно, что не воины оберегают Брутению, а могущественные боги. Если моления сопроводить богатыми жертвами, то грозный Перкунс обрушит свои молнии на врагов, а подземный бог Патолс разверзнет под их ногами землю.

– О чем ты хотел поведать Великому? – помолчав, снизошел до конгоса Эвард-Криве.

– Брутению ждут великие потрясения, Зика Эвард-Криве, – взглянув в глаза жрецу, произнес Элор, – она на пороге опасности.

– Кто тебя так напугал? – усмехнулся вайделот. – Или нашим великим богам перестали приносить жертвы?

– Нет, богам воздается должное, – смиренно ответил конгос.

– Тогда о чем тебе беспокоиться? – нахмурился жрец. – Разве есть что-то выше воли богов?

«Так и вершится измена», – недобро подумал Туск, остановив руку, машинально потянувшуюся к перевязи, вспомнив, что меч отобрали при входе на священное пространство. Заметив движение витинга, конгос, зло усмехнувшись, взглянул на жреца.

– Для меня есть, – твердо сказал он, – это родина, где родились и жили мои предки.

В следующий момент конгос выложил все, что узнал от Туска, с такой уверенностью, словно сам великий Окопирмс вложил эти сведения ему в уста.

– Но ведь на целостность наших земель никто никогда не покушался, – растерянно произнес Зика, заставивший себя выслушать Элора.

Долгое время проживший в окружении верховного жреца, он поневоле был заражен главной, неназванной верой всех окружающих – верой во власть. Власть, ставшая превыше всего, даже превыше веры в богов, имевшая в его сознании конкретную форму, в одно мгновение стала зыбкой.

– Ступай и делай то, что должен делать! – только и смог выдать он. – Я буду молить богов.

...На следующий день пришли дурные вести о падении Каупа, и Трусо всколыхнулось. С тревожной вестью поскакали верховые гонцы в одиннадцать земель Брутении.

– Я должен знать каждый шаг врага, – вызвав к себе Туска, сказал конгос. – Ты знаешь вражеские повадки, посему тебе и быть глазами и ушами Брутении. Возьми десять человек и выезжай немедленно.

Хаук, узнав, что Туск выезжает в сторону Каупа, молча запряг своего мерина.

– Моя рука еще способна держать оружие, – ответил он на недоуменный взгляд своего воспитанника, – я не хочу ссылаться на возраст, когда существует опасность для отчей земли...

На пятый день после хорошего отдыха викинги Эстолда покинули опустевшее селение. Два больших отряда викингов пошли вдоль берегов Прегоры пешком. Остальные на драккарах вошли в реку и двинулись к Трусо.

Туск с десятком верховых воинов скрытно наблюдал за их перемещением. Направив одного воина с донесением к конгосу, Туск с остальными вошел в Кауп. Сюда на поживу уже слеталось воронье. Птицы вились низко, опускались и без страха садились рядом с конниками Туска.

Везде были видны следы борьбы, начинавшие вздуваться трупы защитников.

Глядя на все это, Туск думал: «На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу. Народ, забывший о своем прошлом, превратится в толпу, желающую только набить брюхо и выпить пива».

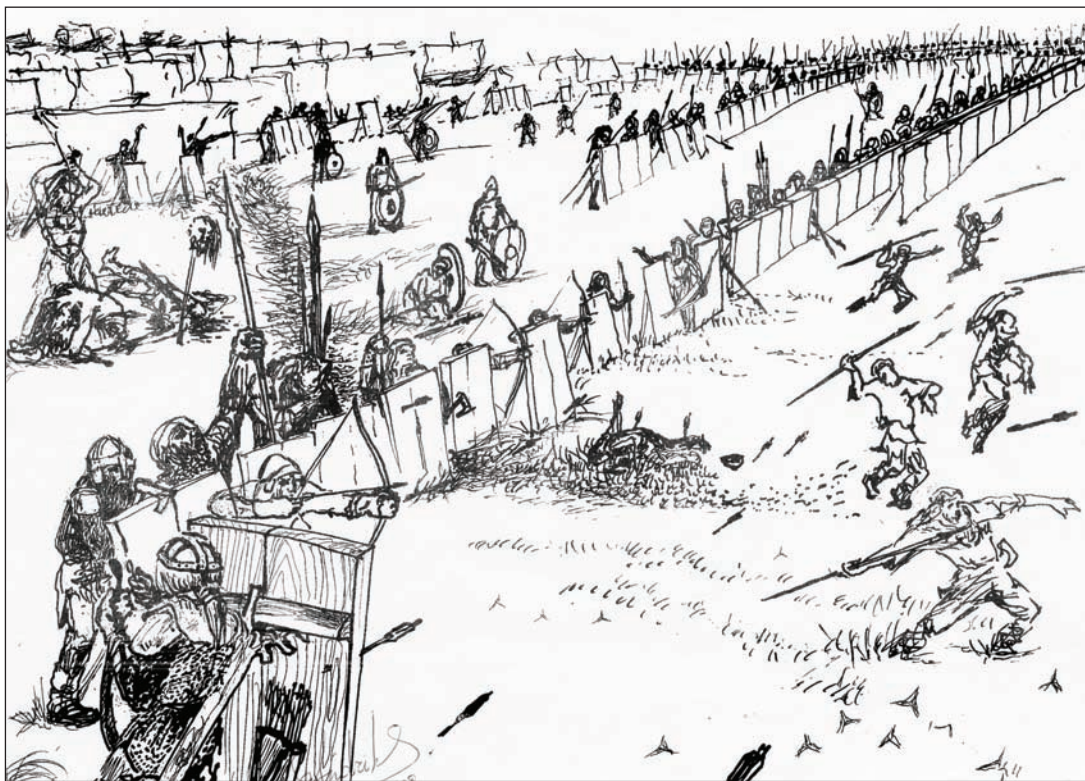
За мыслями он не заметил, как к нему подъехал Хаук.

– Мне кажется, любому жителю Брутении, глядя на это, захочется гнать и убивать ненавистного врага и сделать свою землю еще краше, – взглянув на Туска, с трудом выдавил из себя Хаук.

– Ты прав, – согласился Туск, – это произойдет в том случае, если народ поймет, чего он лишается.

...От начала острова до Трусо было тысячи полторы шагов – на три полных полета стрелы. Четыре десятка лучников, выделенных конгосом для засады, Туск расположил у самой воды. Они должны были выждать, пока драккары подставят борта, и бить викингов вблизи.

Ждать всегда нелегко... Медленно течет река, унося тревожные мысли к неспешно приближающимся драккарам. Туск удобнее устроил колчан со стрелами – тут было из чего выбирать. Пятачки стрел, уложенные в колчан перьями вверх, различались окраской. Черные были с широкими наконечниками, жадно пьющими кровь; красные, с граненым жалом, умели раздвинуть звенья кольчуги. Были еще подобные маленьким долотцам, способные раскалывать щиты, и подобные полумесяцам – резать снасти и ронять парус на вражеские головы. Поглядев на стрелы, Туск вынул три граненых и одну положил на тетиву. Он уже различал головы гребцов в рогатых и простых гладких шлемах. «Хорошо одеты викинги, не сразу стрела достанет до мяса», – с тоской подумал варяг, вспомнив, что у него не наберется

и десятка воинов, прикрытых кольчугой. Остальные в кожаных рубахах и таких же нагрудниках – почитай те же голые перед чужими стрелами.

От этих тяжелых мыслей в его сердце словно вонзилась горячая игла.

«Как легкомысленно, неразумно мы живем, – подумал он, – в большом мире все меняется, а наш народ живет вчерашним днем».

Когда драккары поравнялись с засадой, Туск подал знак. Первые стрелы ушли одним роем. Потом лучники стреляли, как кто успевал. Викинги не ответили, закрылись щитами и вспенили воду веслами. Мига не прошло, как они ушли, поднявшись выше засадных воинов. Туск, видя, что драккары собираются пристать к берегу, чтобы взять засаду в клещи, подал команду к отходу. Прорвавшиеся драккары спустили лодки со сплошным рядом щитов, с торчавшими над ними воинскими шлемами. Отходить пришлось под метким обстрелом викингов. Долгим показался Туску обратный путь. Теряли и теряли

своих, пока не вырвались из-под стрел и пращных ядер. Из засадных вышло двадцать три человека. Поредевший отряд Туск повел к селению по дороге, которая шла через заросший кустами поруб с пнями и отдельными соснами, с проторенными людьми и скотом тропинками. За порубом через небольшой овражек на берег Прегоры выступал лес, который было несподручно брать из-за кручи. Двадцать человек засели в кустах над оврагом, а трех Туск отправил следить за движущимися по их следу викингами.

– Как заметите викингов, бегите назад и предупреждайте криком, – напутствуя воинов, сказал он.

Вскоре засадные услышали крики своих товарищей: «Идут, идут!» Сразу за бегущими к засаде пруссами появились викинги. Каждый нес полные доспехи – латы или кольчугу, поножи, поручни, шлем и щит. На перевязях висели топоры, мечи и дубины с шипастыми железными головами. В руках были тяжелые копья, за спинами луки и колчаны. Викинги тащили

на себе большую, но привычную тяжесть и бежали легко.

На открытом месте несколько викингов взялось за луки. Услышав шмелиное жужжание первых стрел, преследуемые пруссы стали бежать, прыгая из стороны в сторону. И все же одного ужалила стрела, и он, охромев, побежал медленнее. Викинги перестали стрелять, и за раненым пустился один из их бойцов. Огромный, в черных доспехах, с медвежьими ухватками викинг бежал так быстро, словно на нем была надета одна рубаха. Пропустив раненого, Туск встал на тропу. Слышалось, как в тяжелом беге звякали доспехи викинга, который, словно собака, гнал по горячему следу.

Увидев перед собой Туска, он остановился. Туск узнал в нем Лехвана.

– Это к удаче, – приглядевшись к варягу, ухмыльнулся верзила, качнув шишковатой дубиной, притороченной широкими ремнями к руке без кисти.

– Две с одной не дерутся, – опуская было топор, осклабился Туск, – слава не та!

– Хватит одной, чтоб тебя размазать! – делая замах дубиной, пообещал Лехван. – У своих богов спросишь, где славы искать.

Высекая искры о железные шишаки дубины, топор Туска, отклонив удар, врезался не в шлем, куда метил варяг, а вошел между двумя желтыми, как песок, глазами Лехвана, просек заросшее щетиной лицо берсерка и остановился, увязнув в высокой латной груди. Вмиг обмякшее железное тело стало заваливаться назад. Не дожидаясь, пока однорукий викинг упадет, Туск выдернул топор.

Глава 11

Пристань Трусо была длинная и широкая. С тесаного бревенчатого настила на дорогу к селению вел помост, по которому съезжали телеги и сносили груз. Выставленные здесь конгосом защитники должны были ввязаться и втянуть викингов в бой, после чего Элор ударил бы из Трусо в полную силу.

Боясь сесть на мель, драккары двигались медленно. Нос и корма у них были забраны черными щитами, в щели которых викинги разглядывали селение, пристань и ее защитников. Летний день долог. Время в ожидании, казалось, остановилось. Напротив пристани драккары встали на якорь, и ветерок стал сносить к берегу их тяжелый запах. Было понятно: на драккарах поджидают своих, идущих по суше. Из Трусо пришло с десятков вайделотов, которые, встав на самый край пристани, выставили свои посохи в сторону драккаров и призвали заклятьем великих богов на помощь в борьбе с морским злом.

Но викинги не испугались заклятья и остались на том же месте.

С берегов раздалась звуки рогов подошедших по суше викингов. Видимо, на драккарах ждали этого сигнала, – упали щиты, и на пристань полетели стрелы и

камни. Первыми под удар попали вайделоты, которым не помогли ни заклятья, ни боги. Пронзенные стрелами, они попадали в воду. Через некоторое время и половины защитников пристани не осталось в живых: кто сразу уснул мертвым сном, кто еще корчился с головой, разбитой пращным камнем, или скреб землю со стрелой, торчащей из спины. Все живое попряталось и теперь глядело, как тесным строем и беглым шагом шли к пристани вдоль берега викинги.

В это время конгос вывел из Трусо основные силы. Завидев, что навстречу им движется войско, викинги опешили и попятнулись. Пруссам показалось, что викингов совсем мало, но викинги начали строиться: впереди поставили двух, затем четверых, за ними шестерых, а дальше – то ли восемь, то ли девять воинов. Их строй расширялся. Выходя из селения и одним своим видом пугая врагов, пруссы разворачивались длинным и свободным строем, чтобы не мешать друг другу размахиваться. Перед тем как начать бой, они закричали, завизжали разными голосами и наперегонки ударили в плотный строй викингов. Но под этим грозным валом викинги даже не дрогнули. Последнее, что

увидели передовые нападавших пруссов, был стремительный размах вражеского железа. Порыв защитников своей земли разбился пеной. Конгос видел, как развернулся, охватывая пруссов, строй викингов. Они надвинулись, и под их ударами пруссы стали таять. Видя быструю гибель своих воинов, конгос ужаснулся и понял: не выстоять! Народ гибнет напрасно... Его душу захлестнули боль за Брутению, жалость за ее народ и ненависть к врагам. Остатки своего войска Элор, весь израненный, сумел отвести в Трусю.

...Мысли Зики Эварда-Криве были безутешны. Получив удручающие донесения о разгроме прусского воинства, он впал в отрешенное состояние.

– Эвард-Криве, – отвлек его от тягостных мыслей вкрадчивый голос одного из жрецов, охраняющих вход в святилище, – на встрече с вами настаивает жрица Липовой рощи.

– Пропустите, – сумрачно взглянул на жреца Зика, – я готов принять ее.

Дочь редко баловала его своими посещениями, и сейчас ее приход был, как никогда, кстати.

«Своевольная, вся в мать», – подумал Зика, вставая навстречу входящей в святилище дочери. Пытаясь обнять дочь, он протянул руки, но тут же их отдернул. Над покатым плечом девушки, шипя, поднялась треугольная головка змеи.

– Ты хотя бы сегодня эту гадину не брала с собой, – Зика зло покосился на змею, – то и гляди ужалит.

– Эма умная, – обронила вайделотка, – без моего разрешения она никого не ужалит, а напугать может.

Легким движением руки Светана успокоила змею.

– Отец, – обратилась она к Зике, – ты должен умиловить великих богов, чтобы они помогли Брутении в ее трудный час. Завоеватели пришли на прусскую землю, но есть и те, которые хотят ее защитить. Только ты, отец, можешь заронить в них мужество!

Зика, заложив руки за спину, взглянул на дочь и тихо произнес:

– Древняя мудрость гласит: «Если ты не можешь победить врага – его надо обнять».

Старый жрец прислушался – сюда не долетало ни звука, и он, облегченно вздохнув, продолжил:

– Победит тот, кто, договорившись с викингами, сможет обуздать сопротивляющихся. Звание Эварда-Криве поможет мне договориться с ярлами. Мне хотелось, – Зика задержал на дочери свой взгляд, – чтобы ты проникла в лагерь викингов и, встретившись с их ярлами, от моего имени сказала, что если будут сохранены все наши святилища, то они сопротивления в дальнейшем не встретят.

– Отец, нас назовут предателями, – дочь отчужденно посмотрела на помощника верховного жреца.

– Кто? – засмеялся он.

– Мне не нравятся твои слова. Одумайся, отец! – срывающимся голосом произнесла молодая жрица, и вновь, почувствовав возбужденное состояние хозяйки, над ее плечом мелькнула змеиная голова.

– Я – отец! – Зика внимательно посмотрел на молодую жрицу. – Мне положено жалеть и любить своего ребенка и думать о его будущем.

– Ты однажды уже позаботился обо мне, – в голосе молодой женщины мелькнула укоризна, и она отстраненно взглянула на старого жреца. – Мне не нужно будущего, основанного на предательстве, – Светана подняла руку. – Видят великие боги: все, кто так думает, рано или поздно уйдут в царство Патолса.

– Лживое пророчество! – выкрикнул в лицо дочери помощник верховного жреца, утративший понимание времени и места, непростительное для его должности. – Запомни! – угрожающе звенел его голос. – Я позволил себе унизиться перед тобой!

* * *

У конгоса Элора не осталось в живых и трехсот воинов. Выставив дозоры под тень короткой ночи, защитники поселения забылись тревожным сном, скошенные небывалым утомлением не тела, а души.

Утром викинги попробовали одним махом взять Трусю на слом – не взяли.

От стрел и камней защитников и в рукопашной схватке за внешнюю стену ограждения погибло до двухсот викингов молодых ярлов Оттора и Ингольфа. Эти обстоятельства заставили ярла Эстольда по-иному подойти к взятию непокорного селения. Две метательные машины, сгруженные викингами с драккаров, были установлены в непосредственной близости от селения. Машины стали методично забрасывать Трусо глиняными шарами – фалариками, снаряженными греческим огнем. Вместе с обстрелом ярл начал приступ. Защитники селения ничего не смогли противопоставить подобной тактике. Вместо того чтобы встречать лезущих через валы викингов стрелами, а затем топорами и дубинами, пруссы бросились тушить возникающие то тут, то там пожары, спасая из огня детей и женщин. А викинги уже врывались в проломы, лезли через частокол. Началась резня.

В нескольких местах селения вспыхнули жаркие схватки.

В святилище, куда ярл Эстольд проврался в сопровождении десятка викингов, его встретили помощник верховного жреца и несколько сопровождавших его вайделотов.

– Да будет благословен твой приход, Бич богов, которым я служу, – поклонился Зика Эстольду.

– Ты еще жив, старик? – удивившись, взглянул на него ярл. – Я вспомнил тебя, ты тогда выглядел более высокомерно.

– У богов всему свое время, – смиренно заметил Зика.

– Мне кажется, старик, что ты хотел сказать не это.

– Ты прав, ярл, – согласился помощник верховного жреца. – Я хотел сказать, – долгим взглядом посмотрел он на Эстольда, – что, если будут сохранены все наши святилища и нам будет дозволено служить нашим богам, в дальнейшем вы сопротивления не встретите. Не мне останавливать тебя.

– Твои слова меня радуют, старик, – улыбнулся Эстольд, – но одновременно огорчает то, что не все их могут услышать.

Пойдем, – пригласил ярл, – я хочу увидеть силу твоих слов.

Подведя помощника верховного жреца к месту, где небольшой отряд пруссов отчаянно сопротивлялся викингам, ярл подал знак остановиться своим воинам и отойти.

Он пропустил Зику вперед.

– Иди, старик, поговори со своими соплеменниками и убеди меня, чтоб я мог доверять твоим словам.

Подойдя к прусским воинам, жрец вскинул лицо к небу, словно просил там помощи, и заговорил громко и медленно.

– Люди! Дети богов Потримпса и Перкунса, светлоликой Брутении, которую когда-то основали великие Брутен и Видевут! Обращаюсь к вам я – Зика Эвард-Криве! Вы должны смириться и принять волю великих богов!

Речь Зики была прервана страстными выкриками. Жрец спокойно, словно это его не касалось, переждав шум и крики гнева и возмущения, продолжил свою речь:

– Горделивые безумцы, призывающие вас к сопротивлению, вызывают гнев богов! Боги повелевают отдаться под владычество могучих пришельцев. Станем покорными, нас всех помилуют и позволят молиться нашим богам. Разве вам не хочется жить?! – возвысил он голос.

От этих слов по толпе пруссов пронесся гневный ропот, и толпа, зашевелившись, угрожающе надвинулась на жреца.

Жрец отступил на шаг, потом еще на шаг. Лицо его стало белым. Он выставил вперед двурогий посох, словно тот мог защитить его. Оглянувшись, он беспомощно посмотрел на Эстольда. Ярл сделал очеркивающий жест. Коротко проревел рог, и тут же зашелестели стрелы. Толпа превратилась в груды окровавленных тел. Викинги добивали мечами и топорами тех, кто еще стонал.

Вскоре отчаянное сопротивление защитников было подавлено.

Викингам достались обильные припасы в погребках и клетях Трусо. Они пользовались всем этим с особым удовольствием, находя прелесть новизны и утверждение превосходства победителей.

...В лесной бездорожной глуши, в часе ходьбы от Трусо, куда Туск сумел вывести от бессмысленного избиения до тридцати воинов, которые вынесли израненного конгоса Элора, царило уныние и смятение. Воины никого не осуждали и никого не винили за то, что, желая себя оборонить и защитить свою землю, не смогли этого сделать по неумению биться.

Лес жил своей жизнью. В кронах деревьев гулял ветер, подавали голоса птицы, на теплый запах людей слетались комары.

«Викинги, хвалившиеся через отпущенных из Каупа, что пришли сюда властвовать, действительно могут укрепиться в устье Прегоры, – размышлял о сложившемся положении Туск, – они умеют, найдя легкую добычу, выдавливать из нее все раз за разом».

Наконец он оторвал взгляд от своих сапог, забрызганных чужой и своей кровью, понимая, что сейчас все смотрят на него. Нельзя было сидеть вот так, молча, – он стал негласным вождем, и ему следовало заботиться о боевом духе своего немногочисленного воинства.

– Ничего! – сказал он, радостно отметив, что его голос звучит не столь уж беспомощно. – Главное, мы живы и готовы сражаться! Враг должен забыть о покое, теперь мы будем постоянно напоминать о себе, нанося ему смертельные удары, – и, отгоняя от себя тяжелые мысли, твердо заключил: – А пока нам надо расположиться на отдых.

Вскоре застучали топоры и потянуло дымком.

– Пойду пройдуся, – застегивая на груди перевязь так, чтобы ножны меча оказались за спиной, а рукоять торчала над плечом и можно было нанести удар без всякого замаха, сказал Туск, подойдя к Хауку, находившемуся около раненого конгоса Элора, – хочу узнать, что замышляют в Трусо. Ты, старина, пригляди здесь.

– Зря не рискуй, – не открывая глаз, – тяжело вздохнул слышавший его слова раненый конгос, – таких, как ты, у нас немного...

К ночи дали затянуло тяжелой синевой. Оттуда, из непроглядных свинцовых глу-

бин, доносились глухие раскаты грома. Запоздало вняв молитвам своих детей, старый Перкунс спешил запрячь свою колесницу. После нависшей давящей тишины над селением разразилась гроза. Блеск молний, раскатисто ревущий гром и придвинувшийся стеной ливень заставили в страхе забиться в щели и спрятаться все живое. В мутных даях едва проглядывались два рукава Прегоры, в которую потоки воды спешили смыть кровь и вынести из селения всю грязь, состоявшую из песка, золы и пепла.

Темнота и шум ливня помогли Туску беспрепятственно подобраться к святилищу, где, по его предположениям, разместились ярлы с ближайшими помощниками. Пробираясь через хлев и намечая пути отхода, он попарно связал хвосты коровам. В случае погони преследователи, по его мнению, должны будут кинуться по наиболее удобному пути и не сумеют избежать этих препятствий.

У самой стены святилища Туск заметил бредущего в его сторону часового. Последнее, что увидел задумавшийся часовой, был стальной блеск молнии. Цепляясь за ветви стволов, на которые жрецы вешали ленты с изображением богов, витинг добрался до крыши и, осторожно сдвинув несколько деревянных пластин гонта, залез в образовавшуюся дыру. Забравшись внутрь, он огляделся. Поняв, что находится над одним из внутренних помещений, Туск, сливаясь с бревном толстой поперечной балки, незлышно заскользил змеей к центральному помещению, откуда доносились голоса и слабо лился свет. Помещение освещали два светильника.

Достигнув своей цели, витинг увидел ярла Эстольда, сидевшего в окружении викингов на священном кресле Видевута. Ярл три раза размеренно хлопнул в ладоши, и витингу показалось, что он проваливается в какой-то неизъяснимый кошмар, выход из которого – только смерть. В помещение ввели молодую женщину в разорванной одежде, со спутанными волосами, падавшими на лицо, со струйками крови, сочившейся из прокушенной

губы. Движения женщины были сильны и пружинисты, и викингам с трудом удалось оторвать ее от дверного косяка и швырнуть к ногам ярла.

– Потримпс, Патолс, Перкунс! – прокричала она, привстав на руках. – Боги пруссов! Обратите вашу мощь на погибель врагов ваших и спасение почитающих вас!

От ее голоса Туск вздрогнул: это была Светана!

– Прусская ляома, – холодно усмехнулся ярл, – говорят, ты хотела убить одного из моих воинов... Посмотри! – ярл указал на стоящего рядом с ним Зику, как бы показывая этим всю обреченность ее положения.

В глазах Светаны было страдание.

«Как она оказалась здесь и что ей пришлось перенести?» – подумал Туск, и у него возникло желание начать немедленно действовать.

– Ты его знаешь? – тем временем продолжал ярл, кивнув головой в сторону старого жреца.

– Да, – с горечью и болью вырвалось у Светаны, – он мой отец и враг пруссов. Но знаю, что его время кончилось!

Осторожно продвигаясь по балке, Туск вскоре оказался над викингам. Достав заранее приготовленные жгуты, свернутые из стеблей тростника, он сделал попытку погасить светильники. Первый бросок жгута был удачным, и один из светильников, словно под порывом ветра, погас. Второй брошенный жгут, лишь тревожно качнув пламя, попал в руку еще стоявшей на коленях жрицы. Никто ничего не понял, и лишь Светана, взглянув вверх, заметила Туска.

– О боги! Вы услышали меня и отомстите за всех, кто пал! – прокричала жрица.

В этом крике молодой женщины было столько страдания и боли, что Туск последним жгутом, даже не целясь, погасил светильник. Скользнув с балки вниз, он еще успел подумать, что своим криком Светана спасла ему жизнь. Витинг не знал, что те, кто мучил ее и глумился над ней, даже не догадывались о ядовитой змее, обвивавшей шею женщины и умевшей, когда было необходимо, становиться поч-

ти невидимой. И в то мгновение, когда погас последний светильник и тьма окутала помещение, Светана схватила змею, находившуюся под ее лохмотьями, и кинула ее в сторону кресла.

– Дайте огня! – услышал Туск рядом с собой повелительный голос ярла Эстольда и, не раздумывая, рванул из-за спины меч. Ослепительный блеск молнии, сопровождаемый ударом грома, потряс святилище, заглушив два крика – торжествующий и жалостно-испуганный...

Когда викинги высекли огонь, раздули трут и зажгли от него сухие лучины, то увидели, что жрица исчезла, а ярл Эстольд лежал в луже собственной крови. В этот момент никто не обратил внимания на старого жреца, застывшего в неестественной позе рядом с ярлом. Руки и лицо Зики Эварда-Криве быстро наливались синевой, что говорило об отравлении.

Выскользнув из святилища, Туск со Светаной растворились в темноте. На окраине селения они почувствовали за собой погоню. Туск, схватив Светану за руку, побежал быстрее.

– Не беги по прямой! – крикнул он вайделотке, пропуская ее вперед, когда отставшие викинги пустили в ход луки. Спасительная темная стена леса была рядом, и в первый момент Туску показалось, что Светана просто споткнулась. Но, когда он подбежал и склонился над ней, увидел торчащее из спины оперенье стрелы. Не раздумывая, он поднял ее и понес на руках. В лесу женщина на короткое время пришла в сознание. Взглянув на Туска, она страдальчески улыбнулась и жестом попросила наклониться.

– Возьми моего ребенка у старой Ведуны... – тихо, с трудом произнесла она.

Светана закашлялась, на губах появилась кровь, и взгляд ее застыл...

Туска охватила усталость. В голове внезапно всплыли пророческие слова старой Ведуны: «Однажды ты приобретешь часть того, что, некогда имея, потерял».

Холодные звезды безучастно смотрели на него сквозь плывущие рваные облака. Он до рассвета просидел около Светаны...

* * *

По неясным для пруссов причинам на шестой день викинги, разграбив и запалив Трусю, ушли из Брутении.

Из лесов на пепелища с опаской потянулись оставшиеся в живых пруссы. Некоторые вели за собой коров и лошадей. Оглядевшись, они брались за привычные для них дела: застучали топоры, потянуло живым дымком костров, перемешанным с запахом пищи. Жизнь постепенно возвращалась в свое русло.

...В один из дней конца лета в селение, где жила мать Туска, въехало два всад-

ника. Одним из всадников был сам витинг, другим – старый Хаук, осторожно державший на руках завернутого в холстину ребенка.

Они подъехали к дому и остановились. На ржанье лошадей из дома вышли две женщины. Молодая женщина держала на руках ребенка. От неожиданности она тихо вскрикнула и застыла на месте. По ее щекам покатились слезы, из груди вырвался долгий вздох облегчения, а губы прошептали: «Жив, жив...»

3 октября 2005 – 22 января 2006

Виктор БОРОДА

ЖАБА

Рассказ

Витька проснулся необычно поздно. Отец в командировке, дисциплину никто требовать не будет. На улице солнце, теплынь. Значит, можно опять набрать сухих дров для костра. Вчера классный костер был, картошки печеной наелись, сколько хотели. Иван Захарович про войну интересно рассказывал. Оказывается, его два раза сбили – один раз на истребителе, а второй раз на «Дугласе». Из истребителя он спрыгнул с парашютом, а горящий «Дуглас» сумел посадить на поле. За это Захаровичу орден Красной Звезды вручили. Но летать больше не разрешили – по состоянию здоровья.

Вдруг через открытое окно послышался визг девченок. Витька насторожился: просто так визжать они не будут. Визжали в развалке на той стороне улицы. Может, чужие пацаны пришли? Девоч надо спастись, пока игрушки не отобрали. Позавчера с сыном Захаровича еле отбили – хорошо, рогатки при себе были. Трех прогнали: бежали – только пятки сверкали. Неужели снова они?

Он метнулся в открытое окно. Перебегая дорогу, подобрал в каждую руку по камню – на случай, если придется отбиваться, – молча проскользнул в наполовину разрушенный дом. Девчонки уже не визжали, две Витькиных сестры и соседка Людка осторожно двигались вдоль стены к выходу. Увидев Витьку, девчонки замахали руками, показывая знаками не двигаться и не шуметь. Выскочив из развалки, наперебой загалдели:

– Не ходи туда: там большая жаба, вся в бородавках, – если прыгнет на тебя, тоже в бородавках будешь.

– Нашли, чем испугать! – гордо заявил Витька. – Да я этих жаб совсем не боюсь, ловлю, как хочу, даже голыми руками. Вчера надул шесть штук.

– Как это – надул? – удивилась Людка.

– Очень просто: вставил соломинку в одно место – и надул.

– Дурак ты! – сморщилась сестра Татьяна. – Расскажу отцу – опять ремнем получишь.

– Отец в войну лягушек ел, он мне рассказывал, поэтому лупить не будет.

– Ел потому, что еда не всегда была. А надувать зачем? – не переставала удивляться Людка.

Она старше на год, ходила в четвертый класс и нравилась ему.

– Затем, что надутая жаба не сможет нырнуть в пруд и сожрать маленьких рыбок, – с важным видом объяснил он Людке. – Показывай, где эта уродина, я сейчас разберусь с ней.

– Не пойду туда, боюсь! – замахала руками Людка.

– Кто смелый, кто покажет?

Витька посмотрел на своих сестер.

– Хватит корчить из себя героя, – обиделась старшая из сестер, Татьяна. – Лучше

В одном из черняховских дворишков.
Начало 1950-х годов.

принеси наши игрушки, а жабу сам ищи, она под кирпичи заползла.

Посмотрев с усмешкой на девчонок, он вошел в развалку. В комнате, из которой сбежали девчонки, возле небольшой кучи кирпичей валялись куклы и тряпки. Жабы не было. Подал Татьяне в оконный проем игрушки, Витька взялся за кирпичи, отодвинув два, невольно отпрянул: таких больших видеть не приходилось. Жаба не шевелилась, бугристая серая кожа вызывала неприятное чувство в горле. С трудом проглотив загустевшую слюну, подхватив двумя руками жабу под передние лапы, Витька с победным криком выбежал из развалки. Девчонки отбежали на безопасное расстояние и притихли. Опасаясь девчачьего крика, который мог привлечь внимание матери, пообещал, что бросаться жабой не будет.

Оказавшись под ярким летним солнцем, жаба закрыла глаза, перестала дергать лапами, только ярко-желтое, с темными пятнами брюхо иногда вздрагивало. В горле у Витьки опять стало нехорошо. Надувать жабу совсем не хотелось. Поглядывая поочередно на жабу и на девчонок, он мучительно думал: «Зачем я соврал, что надувал жаб? Надували позавчера лягушек – они намного меньше и не такие противные». Очень хотелось выкрутиться из дурацкой ситуации.

В соседнем доме хлопнула дверь, на крыльце появился Ленька Корягин, гроза мальчишек всех окрестных улиц. Он старше Витьки на десять лет. Пережил войну, ранен осколком гранаты в руку, чем очень гордился.

Увидев друга и покровителя и надеясь, что тот поможет, Витька радостно закричал:

– Леня, смотри, кого я поймал! – и помахал зажатой в руках жабой.

Дружили они давно. Наверное, потому, что Ленькиных ровесников в послевоенное время было очень мало. Он всюду водил Витьку за собой, учил делать рогатки, луки, стрелы, лазить по чужим садам, надувать лягушек.

Важно глянув на малышню, Ленька не торопясь перешел улицу, посмотрел на жа-

бу и хитро ухмыльнулся. Подобрал клочок сена, вытянул из сена самую толстую соломину, перекусил на две части, выбрал ту, которая продувается, дунул Витьке в лицо и ехидно спросил:

– Ну что – надуть слабо?

Витька с ужасом и обидой смотрел на Ленькины приготовления, понимая, что ему не отвертеться. Услышав вопрос, отвернулся, пряча выступившие в глазах слезы, зло пробормотал:

– Надую, но соломину вставляй сам.

– Это я моментом сделаю. Ты подними красавицу повыше, – сказал, хихикая, Ленька.

Подняв жабу на уровень своего лица, Витька с отвращением смотрел, как Ленька, приподняв одной рукой брюхо жабы вверх, другой рукой вкручивает соломину между лап. Жаба задергалась в Витькиных руках, поджала лапы к брюху, напряглась – и брызнула из-под соломины вонючей, мощной струей. От неожиданности Витька вскрикнул, дышать стало трудно, но самое страшное – глаза: они горели жгучим огнем и ничего не видели. Он бросил жабу, прижал руки к глазам и начал растирать. Боль стала нестерпимой. Витька упал на траву, катался и кричал:

– Больно глазам! Ничего не вижу!

Увидев мученье брата, завопили сестры.

– Прекратите! – закричал Ленька. – Зовите скорее мать.

Сообразив, что случилась беда, он подхватил орущего Витьку на руки и понес домой. На пороге столкнулся с тетей Лидой, Витькиной мамой, – девчонки успели ей все рассказать.

– Клади на кушетку и держи ему руки! – скомандовала она. Схватив со стола кружку, зачерпнула из ведра воды и стала лить воду в Витькины глаза, приговаривая: – Потерпи, не крути головой, промою – и все пройдет.

– Чаем помой, лучше будет, – проворчала вошедшая в комнату бабушка.

Мать подхватила поданный заварной чайник, тонкая струя теплой чайной заварки пробежала по глазам. Боль постепенно стихла, в глазах появился свет – сначала бурый, потом мутно-желтый, – стало видно

очертания матери, склонившейся над Витькой. Прекратив стонать, он прошептал:

– Мама, я вижу...

Мать сразу обмякла, присела на кушетку и заплакала. Ленька, отпустив Витькины руки, попятился к выходу. Сознавая вину, выскользнул из квартиры, размышляя на

бегу, где отсидеться, пока все уладится. Витькины сестры, всхлипывая, прижались к матери, успокоить ее, но чувство вины перед ней и предстоящего наказания заставляло лежать, ожидая сочувствия и прощения...

ДОГОНЯЛКИ

Рассказ

Забавный случай пришлось мне наблюдать на зимней охоте по зайцу.

Накануне выходного дня подморозило, выпал снег. Отличная пороша – мечта любого охотника-зайчатника. Ранним субботним утром командой в составе семи заядлых охотников и двух гончих псов мы выехали за город к месту охоты.

Еще не совсем рассвело, когда мы начали прочесывать колхозные поля. Снегу выпало немного, поэтому ходить было легко. Следов зайца великое множество, разобраться в них было трудно не только охотникам. Собаки метались молча по полю без каких-либо результатов. Охотники вглядывались в следы, пытались вычислить направление к лежкам. Прошли пашню, пастбище, решили выйти на озимые. Для этого надо было обойти низинное болото, заросшее ивняком и камышом. Собаки обходить не стали, а с лаем скрылись в кустах. Мы поняли: зайцы устроились на дневку в болоте – они точно просчитали, что тонкий лед их выдержит, а человеку не пройти. Решили сосредоточиться вокруг болота в надежде, что собаки выдавят зайцев под наши выстрелы.

Лай не утихал, собаки гоняли внутри болота, но из кустов никто не выскакивал. Я один из всех охотников был на лыжах. Стоявший впереди меня Николай подошел ко мне и предложил попробовать зайти в болото на лыжах. Он хорошо знал эти места, так как раньше жил неподалеку. Он сказал мне: «Там, в середине болота, есть небольшое озеро. Встань на краю озера, собаки на тебя выгонят – стреляй. Зайцы видят нас в чистом поле, поэтому с болота и не выходят».

Я осторожно ступил лыжами на лед. Он затрещал, но не проломился. Потихоньку продвигаясь меж кустов, метров через двадцать я увидел в просвете круглое блюдце небольшого озера. Подобравшись к его краю, выбрал позицию с хорошим обзором и замер. Приближались собаки. Они промчались с лаем по свежему следу, пересекавшему озеро. Заяц, наверное, пробежал немного раньше моего прихода. Вслушиваясь в удаляющийся лай собак, я внимательно разглядывал окрестности озера.

Вдруг на противоположной стороне появился заяц. Он не спешил, прыгал точно по собачьему следу. Выскочив на край озера, встал столбиком – осмотрелся, повертев головой, успокоился. Секунду как бы подумав, поднял передние лапки и стал ими мыть свою мордочку.

Я был настолько ошарашен его смелостью и наглостью, что перестал дышать. Он довольно долго намывал себя. Потом насторожился, собачий лай снова стал приближаться. Я вскинул ружье – от резкого движения лед треснул. Заяц молнией метнулся обратно в кусты. Я попробовал сменить позицию – лед вновь затрещал и провалился. Глубина, к счастью, оказалась небольшая – чуть выше колена. Проламывая прикладом ружья лед, стал выбираться на берег. Пострелять в тот день так и не пришлось. Зайцы упорно не хотели выходить из болота.

Моему рассказу про зайца-следопыта друзья-охотники не очень поверили. А я в очередной раз убедился, что заяц – очень умный зверек и бегаёт за собаками не хуже, чем они за зайцем.

Анна БУБЕНКОВА**ГРУСТЬ**

Я не люблю – но я живая.
 Меня не любят – ну и пусть.
 Я каждый день преодолеваю
 Свою бессмысленную грусть.

Она мне как сестра родная,
 Ее я знаю наизусть.
 И ненавижу – но ласкаю,
 Не прогоняю: будет пусть.

Могла бы не грустить? Не знаю.
 Уйдет она – а что потом?
 Сейчас об этом я мечтаю,
 Ну а в душе и в горле ком.

Что если вдруг меня оставит
 И буду я совсем одна?
 Пусть остается, дальше травит –
 Я выпью всю ее до дна.

ЛЮБОВНИКАМ

Скрывать мгновенья,
 Ловить украдкой
 Лишь взгляда тени
 И помнить сладко
 Прикосновенья.

Но глаз не спрячешь –
 В них свет и пламя.
 Еще заплачешь
 От стен с ушами –
 Никак иначе.

Про вас узнают,
 Пока же можно
 Ходить по краю.
 Пока сталь в ножнах –
 Вы близко к раю.

НОВОСИБИРСК

Прощай, прощай мой город пыльный.
 Не обещаю, что вернусь
 К тебе опять, на белых крыльях,
 Сюда, где холод, боль и грусть.

Ты мой родной, ты мой любимый,
 Но ведь так надо, уж прости.
 Уехать мне необходимо –
 Должна я духом подрасти.

Прощай, скучать не будешь, знаю, –
 А я ужасно, с, est la vie.
 Тебя я вижу, засыпая,
 Ведь пыль твоя – в моей крови.

Галина ВАТКЕЕВА

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Ах, как тянет летом в ту деревню!
Там вдоль речки домики стоят –
С баней, самоваром, с русской печкой.
И кругом родня – накормят, приютят...

В двух шагах река несет лениво воды,
Мост канатный над водой провис.
Правый берег – луговой, пологий,
Левый, горный кряж безлюдный, –
каменист.

Жизнь течет размеренно и просто,
Громко в избах ходики стучат.
На Пахома сеют, а в Петровки косят –
Заведен порядок много лет назад.

В огороде пряно пахнет зелень,
Воздух – как настоящий бальзам.
Тишина разлита по деревне,
Только петухи горланят по дворам.

К вечеру желанная прохлада
Молодежь за речку позовет,
Улицей пастух прогонит стадо...
Отдыхают люди от дневных
забот.

Звездный полог ночью распахнется.
По реке луна дорожку серебрит,
Где-то вдалеке слышна гармошка...
Вся деревня безмятежно спит.

Но сейчас все там уж по-иному:
Город до деревни дотянуться смог.
Рядом пролегла железная дорога –
Схоронила насыпь райский уголок.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Сорвался нехотя кленовый лист,
И было медленным его паденье –
То зависал, то поднимался ввысь, –
Лист проживал последние мгновенья.

Кружась, упал к моим ногам.
Он был еще живой –
Прожилки зелени на желтом фоне –
И тихо-тихо трепетал, приятно
холодя ладони.

Его с горчинкой терпкий аромат
Еще хранил былую свежесть,
И ранней осени приход в душе
Рождал и сожаление, и нежность.

Александр ГАХОВ

Из цикла «БУДУ СЛУШАТЬ МОРЕ ДО РАССВЕТА...»

* * *

В вечности мрамора –
 времени амфора
 с терпким вином густым.
 Для исцеления,
 с морем в сравнении,
 жизнь – только лёгкий дым.

Море не синее –
 море зеленое,
 словно твои глаза.
 Море не горькое –
 море соленое,
 как на щеке слеза.

С легкой беспечностью
 кружат над вечностью
 чайки, касаясь волн.
 И в одиночестве
 станет пророчеством:
 мир лишь с тобою полн!

* * *

Ранним утром на песчаном пляже
 У волны фиалковый излом.
 Море, подбежав, щенком приляжет
 И лизнет холодным языком.

Расцветают гиацинты пены
 Около задумчивых камней,
 И не хочет сердце перемены
 В суете легко бегущих дней.

Теплый запах от янтарных сосен...
 Хорошо так не было давно!
 Небо с морем – дымчатая проседь –
 Вдалеке сливаются в одно.

* * *

Ночь темна... Ни огонька, ни блеска
 От звезды в бездонной вышине,
 Но летит раскатисто и веско
 Песня моря вечная ко мне.

Грусть её задумчивостью ляжет,
 Тенью просветленья на лице
 И о сокровенном мне расскажет,
 Словно человек вздохнув в конце.

Буду слушать море до рассвета
 (Наважденье – хрупкое стекло)
 И благодарить звучанье это,
 Чувствуя душой его тепло.

* * *

Чайка море раскачала
 И, смеясь, о том кричала,
 С высоты махая нам крылом.
 Облака, нежней вуали,
 К горизонту уплывали,
 Словно наши мысли о былом.

И катился дальше вечер,
 Солнце нам ласкало плечи,
 Отражаясь бликами в воде.
 От судьбы мне, как награда, –
 То, что ты со мною рядом,
 Вместе мы и в счастье, и в беде.

Петр ГРЕЧИШНИКОВ**ЛИРИКА**

От берегов родных вдали
 Издревле ночью поздней
 В родную гавань корабли
 Искали путь по звездам.

Застраховать и нас нельзя
 От бурь, сшибающих порою.
 ...Хотел бы я, чтоб жизнь моя
 Была б хоть крохотной звездой.

УТРО

Уже туман поднялся над затонами.
 Исчезла та ночная тишина,
 В которой пахнет яблоком-антоновкой
 Над сонным садом желтая луна.

И говорят, украсив всю долину,
 О дне погожем в ранние часы
 Корзиночки узорной паутины
 В бубенчиках серебряной росы.

Из цикла «ПЕРЧИКОВЫЕ ЗЕРНА»*Микробасни***К читателю**

Над микробаснями не смейся,
 Прочтешь и скажешь в свой черед:
 Невелико зерно у перца,
 Но вкус всей пище придает.

Упрямый хозяин

В тени чинары
 встал, как вкопанный,
 Осел.
 И думать стал:
 «Упрямцы же бывают!
 Возьмем, хозяин мой...
 Уж третий час пошел,
 Как бьет меня,
 а все не уступает».

Претензия

Сорняк, что выростал
 Среди пшеницы,
 Вдруг сделал вывод:
 – Ты вредна, сестрица!
 – А почему?
 – Мешаешь мне плодиться!

Волк и Заяц

Волк
 Заяц
 С потрохами съел,
 Чтоб на начальство
 Косо не смотрел.

Из книги для детей «ПОЧЕМУ СМЕЯЛИСЬ КУРЫ?»**Почему смеялись куры?**

Слава –
 Маленький чудака –
 Не научится никак
 Кашу есть,
 Как люди, ложкой.
 Подражает нашей кошке:
 Кашу
 С теплым молоком

Ест без ложки –
 Языком.
 Нос измажет весь
 О блюдец...
 А на утренней заре
 Не от этого ль
 Смеются
 Наши куры во дворе?!

Угадай

Что за зверь
Бредет под елкой?
Не портной,
А весь в иголках.

Ростом мал,
Но ни лисицы
И ни волка
Не боится.

У телевизора

Возле телевизора
Ротик
Кот облизывает:
Про мышонка в терему
Сказка нравится ему.

Николай ДОЛБУНОВ

* * *

Собака лает даже на идущего мимо прохожего.
Ее цепь слишком коротка, и она знает об этом.
Прохожий это понимает тоже,
но ощущал бы себя безопасней, если б шел с пистолетом.
Внушить чувство страха тому, кто свободней, –
задача осознающих рабство свое.
Создание иллюзии власти. А при хорошей погоде
и полной луне – бессилия вой.

* * *

Я вижу фигуры: их очертанья... движенья... позы
в чистом небе, маленькой луже, в пожирающем огне и смоге.
Я слышу голоса, чистые, яркие, впивающиеся в душу, как занозы.
В них истина и ложь, живое и мертвое, люди и боги.
Я чувствую Вселенную в осколках разбитой бутылки
и мелочность звездного неба.
Боль в празднике, смерть в жизни, грязь, где нет ни соринки,
голод в стране, в которой с избытком хватает хлеба.
Я чувствую запах рабства там, где каждый считает себя свободным,
забывая, что эту свободу им дало государство –
механизм управления стадом. Ложь, которую мы называем законом,
уничтожила святейшее природное братство.
Я ощущаю кожей густой воздух города,
сотканный из звуков, цветов, запахов и форм, –
пестрейшая лоскутная душа. Чаша времени расколота.
Хлынул поток и затопил всё. Шторм...

Игорь ЕРОФЕЕВ

* * *

Когда ты один,
и ветер – ненастье,
и сон – наказание,
и дождик – несчастье,
и сутки разобраны на минуты,
и зубья у вилки не так загнуты,
и соседи напротив вразнос шумливы,
и картошка «не лезет» без подливки,
и шатается кресло, ободранное котом,
и всё откладывается на потом...

Ты снова один –
и звонок что сирена,
и мыло не мылит,
и холод – измена,
и все в телевизоре только про это,
и в зале обои постылого цвета,
и лампа такая, что лучше без света,
и лжива центральная эта газета,
и копится мусор на кухне в пакете,
и лишь за себя ты сегодня в ответе...

Неделю один,
а мне кажется – годы,
и нет у природы хорошей погоды,
и где-то моя затерялась дорога,
прошу избавленья у должного Бога –
и все раздражает, когда он не слышит,
и кто-то мне в спину унылую дышит,
и выпить фактически не с кем на пару,
и дни выходные подобны кошмару...

Когда я один –
и слова-то похожи,
и эти я раньше использовал тоже...
Один и умру –
дело личное все же, –
Бог тоже один,
но вечен, похоже...

* * *

Город твердокаменный
с колеей окраинной,
с кленов каравеллами,
с полосами белыми,

с обликом обветренным,
кое-где с симметрией,
вроде одомашненный,
с трепетными башнями,

войнами подкошенный,
с площадью поношенной,
на глазах стареющий,
крышами болеющий,
с парками увядшими,
с реками уставшими,
кажущийся маленьким,
с замковой завалинкой,
под людей подлаженный,
улицы не глажены,
котлованов кратеры,
труб иллюминаторы,
кирха – Бога пленница,

старых стен поленица...
Есть и мне пристанище
в каменном стаканище,
в улицу вколоченном,
с кирпичом просроченным:
в тесноте мансардовой
жизнью жил надсадливой,
с городом похожею,
как в домах прихожие...
Рядом и положат –
кто-то вспомнит, может...
Что бы ты ни значил –
город не заплачет...

Петр ЖУКОВ

АРОМАТ ПОЭЗИИ

Вопрос задают постоянно:
– Ты как сочиняешь стихи?..
Стихи возникают спонтанно,
Лишь мысли свои напряги.

За строчками новые строчки
Долбят неприступный «редут»,
И буквы, сливаясь в цепочки,
Стихами еще не цветут.

В бутонах словесная завязь –
Для юношей наших и дев,
На радость или же на зависть...
А хочется видеть шедевр!

Такой, чтоб душа замирала
При чтении ваших стихов.
Но мало. Обидно, как мало
В стихах бриллиантовых слов.

Наступит в поэзии лето –
Есть дело у вас до всего.
Лови аромат «первоцвета» –
И ты не забудешь его.

Не раз замечали поэты:
Строфу приласкаешь едва –
И в ней переходят в букеты
Поэзии вашей слова.

Поспешностей вам не прощаю,
Спешите вы зря напролом,
Ведь я аромат ощущаю
Не носом, а чисто умом.

Когда-то всё выстрадал новью
Под ливнями, градом и в зной...
Поэзия пахнет Любовью,
Душевностью, вечной Весной!

МИР СТИХОВ

Без грехов или с грехами,
В снах или же наяву
Мною создан мир стихами –
Мир, в котором я живу.

Но вот как мне жить и сколько –
Утверждать я не берусь...
В трудный час – поплачу горько,
В час веселья – рассмеюсь.

Но, как страж своих окраин,
Я от вас не жду подмог.
Здесь я сам себе хозяин,
Сам и царь себе, и бог!

Мой финал предельно ясен, –
Мысли вторят сердцу в такт, –
Мир поэзии прекрасен!..
И да будет вечно так!

Любовь МАЗАЛОВА

С ТОБОЮ ПОРОДНИЛАСЬ

Ты искренен со мной,
 родным тебя по праву
 Считаю, город мой,
 и немцы, и свои,
 И всем ты вдоволь дал
 и нежности, и славы,
 И материнской ласки,
 и преданной любви.
 Я волею судьбы
 с тобою породнилась,
 Ты был чужим вначале –
 теперь роднее нет,
 Уютный и простой, –
 мне даже как-то снилось,
 Что я уже жила здесь
 когда-то много лет.

Стучу я каблучками
 по каменной брусчатке,
 И эхом отдается
 пульс времени в висках, –
 Встают передо мною
 в восторженной сетчатке
 События истории,
 ожившие в веках.
 Лишь звон колоколов
 на землю возвращает,
 Пред Божьею иконою
 молюсь я об одном –
 Пусть календарь история
 чуть медленней листает
 И трепетно заботится
 о городе родном.

ПОЛУСТАНОК ДЕТСТВА МОЕГО

Эссе

Я тосковать не перестану
 По детства милой стороне,
 И тот далекий полустанок –
 Он до сих пор живет во мне.

И тополей, что в небо рвутся,
 И песен вербы у пруда,
 И маленьких оконце блюда
 Я не забуду никогда.

Я запах хлеба не забуду,
 Что бабка милая пекла,
 И сад огромный помнить буду,
 Куда мечта меня вела.

Под кроной сердце замирало,
 Был полон таинства мой сад, –
 Но вдруг исчез, его не стало,
 И нет теперь пути назад.

Лишь синевой светило небо,
 Лягушки квакали в пруду...
 Хочу горяченького хлеба
 И грушу спелую в саду.

Хочу сплести венок духмяный,
 Завидный самый на селе,
 И знать хочу, что ждет румяный
 Кусочек хлеба на столе...

Дорога в детство затерялась –
 Ее искала тщетно я, –
 И лишь в душе моей осталась
 Деревня милая моя...

Я сидела у окна в своей городской квартире и какое-то время, размышляя о жизни, наблюдала за тем, как туда-сюда снуют машины, оставляя за собой удушливый шлейф газов. Потянуло на природу, к землятушке. Вспомнились детство, деревня – место, где мы с сестрой проводили летние

каникулы. Деревушка, к несчастью, попала в разряд «неперспективных». И какой умник такое придумал?..

Селян убеждали в том, что им гораздо лучше будет жить в городе, в квартирах с удобствами. Деревенские жители, с их особенной психологией, привязанностью

к земле, скотине, без чего не обходится ни одно крепкое хозяйство, срослись со своими деревнями и хатками, пускай бедными и несовременными, но такими родными, и совсем не хотели никаких перемен. Развернувшаяся в 60-х годах кампания по ликвидации неперспективных деревень не входила в планы селян, но разве их мнение спрашивали? А сколько труда вложено в землю, сколько сил и терпения надо, чтобы обзавестись хозяйством, вырастить сад – не одно дерево, которое, согласно философским рассуждениям, должен каждый посадить в своей жизни, построить дом, вырастить ребенка. Если отталкиваться от этого рассуждения, селяне и за себя, и «за того парня», который и придумал снести с лица земли всю эту красоту одним махом, «задание» выполнили.

Выжили селян из деревень. Никому не было дела до того, что отрывались люди от родных сердцу насиженных мест со слезами и страшной тоской, со страхом перед неизвестностью. Как прижились в незнакомом месте, как сложилась их жизнь в непривычной среде, никто не знает.

...Какую невыразимую тоску испытала я, побывав в тех дорогих сердцу местах, будучи уже взрослой! Ни бабушкиной хаты, утопающей в кустах сирени, ни огромной летней печки посреди двора, ни сада. Одно сплошное перепаханное поле и высокое небо над ним – только оно одно осталось прежним, таким же бездонно-голубым, как в моем детстве. Никогда раньше я не чувствовала такой пронзительной боли в сердце, невыразимой муки в душе. Кажется, сжались мои виски, не хватает дыхания, а глаза отказываются верить увиденному. Как будто ничего никогда здесь не было! Но я же помню – было!

Здесь прошло мое, в буквальном смысле, босоногое детство, здесь я чувствовала удивительную гармонию от единения с природой. Тут все дышало благодатью и покоем. Не забыть тихих звездных вечеров, хат со светлячками-окнами, темного зеркала пруда. Я помню запах полыни, чабреца и мяты, до сих пор слышу песню: «Ой, Романе, Рома-нечку...» Милая моему серд-

цу деревня с дорогами и близкими мне людьми безвозвратно ушла в небытие. И от этой невозвратимой потери слезы хлынули из глаз, сердце готово было разорваться.

...Осталось нетронутым только деревенское кладбище, где похоронены дед и бабушка и куда можно прийти поклониться их праху с благодарностью за труд, за то, что они были в моей жизни – добрейшие, любящие, мудрые и неутомимые.

А машины сновали за окном, в пелене слез превращаясь в грязно-серую цепочку. И вдруг навалилась усталость, веки закрылись. Я очутилась там, куда всю жизнь тщетно пыталась вернуться. Вот же она, бабушкина хата под соломенной крышей! Сердце наполнилось радостью и счастьем: наконец-то я нашла ее! Во дворе дымится большая печь-мазанка, раскрасневшаяся бабушка колдует возле нее, готовя вкусный-превкусный борщ в огромном казане, чтобы хватило на всю ораву детей и внуков. Дед, бормоча что-то себе под нос, подвязывает виноград в огороженном месте. Виноградник – его гордость, дед всегда закрывает калитку, но иногда водит нас, детей, туда и с нескрываемой радостью показывает плоды своих усилий, разные сорта винограда, которые заботливо растит. Ряды виноградных лоз всегда подвязаны и ухожены. После своего рассказа о сортах винограда дедушка срезал нам по грозди, и мы, счастливые и восхищенные собственным дедом, убежали. Нас еще долго преследовал тонкий аромат виноградного изобилия. Мой дедушка Игнат, участник Великой Отечественной войны, – инвалид. Как он только ухитрялся на костылях справляться с такой работой – растить виноградник?

...Неужели это не сон? Я вижу бабушку и деда живыми-здоровыми, за своими привычными делами. Почему же я так долго не могла их найти? Я вижу перед собой мою неутомимую бабушку Алену, она держит в руках большую алюминиевую кружку с молоком и подает мне ломоть свежеиспеченного душистого хлеба. В порыве нахлынувших чувств целую бабушку, залпом выпиваю молоко. Значит, не сон и

ничего не исчезнет? Я дома, дома! Бегу в сад, я должна убедиться, что он на месте – каждое дерево, каждый кустик. С замиранием вхожу под тенистые кроны старых деревьев, и мое сердечко начинает учащенно стучать. Это самый чудесный сад на свете, потому что нигде больше я не ела таких сладких и огромных яблок с красными боками и медовых груш, которые падали от тяжести в траву. Пчелы, знатоки своего дела, приникают к плодам и жадно пьют сладкий нектар. А рядом с садом – бахча, выгодное расположение ее столько раз выручало нас в детстве, чтобы спрятать следы нашего пиршества – арбузные корки в высокой траве сада. Но бабушка удивительным образом находила их, и нам конечно же влетало – нет, не за то, что съели арбуз, а за то, что вытоптали арбузные стебли.

Кажется, меня зовут обедать. Нет ничего вкуснее украинского борща с курицей и внушительных размеров галушкой, которая варится в том же борще, а потом режется на кусочки, перемешивается с ломтиками курицы и заправляется куриным бульоном с чесноком. И ко всему этому подается запашистый борщ с густой сметаной. Такой борщ варила только она, бабушка Алена, – знатный борщ, отменная еда! Мастерница была бабуля в этом деле. Да и не только в кулинарии славилась умением.

Восьмерых детей нарожала, в такое трудное время вырастить сумела, умудрялась всех накормить, хоть и приходилось порой есть лебеду, картошку гнилую да отруби. А все же подняла всех на ноги. И внуками Бог не обидел, у каждого из ее детей по двое – по трое своих деток. Семейка, как говорится, что у того Омелька. Неутомимая моя бабуля, честь и хвала и ей, и деду моему!..

После вкусного обеда бегу в балку – так называли у нас влажную ложбину. Приветствую вербы, что служили нам качелями. Мирно и успокаивающе квакают лягушки. А какая сочная, зеленая трава, и цветы – ну просто вытканый ковер! Здесь течет родниковая вода, чистая как слеза. Я пью из ручья, умываюсь и чувствую, как мое тело наполняется необыкновенной силой

и энергией, как оно обновляется и преображается, и я уже не маленькая девочка, а лесная фея. Руки сами начинают плести венки из клевера, его запах я помню всю жизнь. В венке вечером иду встречать нашу корову-комилицу. Буренка, наевшись досьята травы, приближается с таким призывным мычанием, как будто умоляет как можно быстрее подоить ее и освободить от молока, распирающего вымя. Бабушка бежит с ведром и полотенцем, тщательно моет вымя и, угостив хлебной корочкой Буренушку, начинает дойку. Дзинь, дзинь – бьет струя о дно ведра, и на поверхности появляется легкая пенка. Мы, по привычке, с кружками уже тут как тут. Бабуля по очереди цедит нам молоко прямо в кружки: дзинь, дзинь. Пьем парное молоко, напитанное солнечными лучами, душистыми луговыми травами и родниковой водой.

Вечер веет прохладой, и теплое молоко согревает, кажется, не только тело, но и душу. Стрекотание кузнечиков – удивительная симфония уходящего дня на закате лета. И вдруг раздается музыка – громкая, внезапная! Она врывается в тихий вечер, заглушая скрипки кузнечиков, пугая хоровод мотыльков у бабушкиной печки: «Мальчишки, мальчишки, пускай пролетают года...» – доносится из репродуктора. А это значит, в деревню привезли кинофильм. Для деревенских жителей – праздник. Мы срочно драим свои грязные пятки, умываем чумазые мордахи, надеваем ситцевые платья и бежим в центр деревни. Темень хоть глаз выколи, ни одного фонаря, лишь луна да множество звезд над головой. Мы почти на ощупь находим мостик через ручей – где-то здесь он должен начинаться. Господи, хоть бы не свалиться в объятия дядьки-водяного! Поговаривают, видели его на днях на замшелом камне недалеко от берега. Справа начинается соседский сад, он кажется нам страшным, – главное, проскочить мимо него, и мы – в полной безопасности. Летим, как мотыльки, туда, на свет, что освещает бывшую конюшню. Это, собственно и есть культурный деревенский центр, где демонстрируют кинофильмы. Люди степенно уселись

на деревянные лавки и, лузгая семечки, погрузи-лись в непривычный и загадочный мир из другой, неведомой им жизни.

Отстрекотал кинопроектор. Нам предстоит обратный путь мимо жуткого сада, через ручей. Но новые впечатления придают храбрости, да и очень хочется на теплую лежанку, к деду под бочок, послушать сказку... Скрипнула дверь, вот мы и дома. Проголодавшись, отламываем по большой краюхе хлеба и смачно уплетаем его с молоком и медом. Как тепло и уютно в хате! Тускло светит керосиновая лампа, плывет терпкий запах травы, которой бабушка устилает мазанный глиной пол – доливку. В углу икона, обрамленная вышитым рушником. Смотрит лик Господа мудрым и добрым взглядом, благословляя на сон грядущий. Я засыпаю под дедушкину сказку...

И вдруг – пронзительный сигнал. Звук совсем не вписывается в тихую, разме-

ренную картину деревенской жизни. Так хочется спать, но настойчивый звук назойлив, как осенняя муха... Я открываю глаза и вижу перед собой все то же окно, за которым снуют машины. Невыразимая грусть охватывает меня: значит, все это – сон?... Невысказанная тоска сжимает сердце, его всегда будут терзать воспоминания о том близком и таком далеком мире, где я была беспечна, молода и счастлива. Благодарю Господа за то, что наделил нас мыслями и памятью, способными преодолевать время и расстояние, возвращаться в прошлое, оно будет манить снова и снова, потому что это – часть нашей жизни, начало пути. Безоблачное, чистое детство – наши корни, родные истоки, откуда мы родом. К ним всегда будет тянуться наша душа за глотком свежего воздуха, каплей любви, чтобы черпать из далекого далека живительную силу веры и надежды...

Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА

КРЫЛЕЧКО

В моем старом дворе, где жили когда-то я, мои сестры, родители, бабушка и дедушка, было крылечко – деревянное и уютное. Оно было пристроено к соседнему подъезду, крышей служил балкон второго этажа, и в дождь на нем почти не мочило. Здесь стояла некрашенная и очень гладкая деревянная скамейка, на которой, освободившись на время от бытовой суеты, сидели наши мамы и бабушки и говорили про наши, то есть «детские», болезни и средства их лечения, про лучшие способы замачивания белья и отстирывания пятен, про кино, которое идет в «Ударнике», «Салюте» или ДКЖ, про садово-огородные старания. Папы и дедушки обсуждали, первым делом, политику и футбол, потом рыбалку, кино и слесарно-технические до-

машние работы. Впрочем, мы мало прислушивались к их беседам. Во-первых, помнили наказ родителей: «Во взрослые разговоры не вступай!» К тому же, если что и было нам в тех разговорах интересно – так это про кино, особенно про «дети до шестнадцати»... Чаше вечерами, «по темноте», уже убежавшись в «выбивалах», «салках», «казаках-разбойниках», «прятках» и иных забавах, на крылечке сидели мы – восемь девчонок и один паренек, Вовка, четырьмя годами старше нас, наш «вожак», капитан нашей дворовой футбольно-хоккейной (в зависимости от времени года) «сборной», а также «рыцарь-предводитель», «Спартак», «Д'Артаньян», «Робинзон», и прочая, и прочая (в зависимости от просмотренного всей гурьбой

Во дворе дома №35 на ул. Садовой (позже Тольятти, 8). 1958 год.

фильма или прочитанной в очередь книги)... Нередко нашу «дамскую» среду «разбавлял» друг Вовки – Толька, он же второй «предводитель», когда наше дворовое сообщество делилось на две «команды», два «отряда», на «красных» и «белых», на «наших» и «фашистов»... И после «походов» и «сражений» сидели мы на теплых, гладких досках крыльца, рассказывали «анекдотики», «секретики», «страшные истории», книги и фильмы про шпионов, рыцарей, индейцев, пока

из окон не раздавались голоса родных, зовущие домой...

Мало что осталось от крылечка, несколько лет назад схоронили Вовку, давным-давно далеко-далеко уехал Толька, да и девчоночья наша команда рассеялась по свету кто куда. Только почему-то чаще и отчетливее видится это крылечко – столбы с большими железными крюками для бельевых веревок, на которых можно было покачаться, некрашенные обтопанные ступени, гладкие, теплые доски скамьи...

Михаил БОЧКАРЕВ**СЕРАФИМЫЧ***Рассказ***ПРОЛОГ**

Уф-ф-ф... Глубокий вдох. Смесь кислорода и спертого воздуха обожгла легкие. Сердце, очнувшись, затрепыхалось в груди неистово, оповещая своего хозяина о том, что еще один нелегкий день начался. Сквозь слипшиеся веки Серафимыч пытался разглядеть обстановку комнаты, но это оказалось ему не по силам. Трясущейся рукой он протер глазницы, окинул мутным взглядом окружающие предметы, потолок, забитое еще прошлой зимой пленкой окно и немного успокоился – он дома. Не любил он просыпаться в чужих стенах, хотя чужие стены мало чем отличались от его собственных.

Э-э-эх... Выдох. Попытка подняться со старого, местами протертого до пружин дивана не принесла успеха. Сердце заколотилось еще сильнее. Пот выступил на исковерканном морщинами лбу. Лихорадочно шаря рукой по полу, нащупал трехлитровую банку с мутной водой. Невольно усилием поднес ее ко рту и, обливаясь, стал вливать жидкость в горящую синим пламенем утробу. Полегчало. Он понимал, что ненадолго, но этого времени должно было хватить для того, чтобы доплестись до Савельевны и «поправить здоровье». Не любил он ходить к Савельевне, хотя, после того как слегла его теща, такой «гарный» самогон варила только она.

Свесив ноги с дивана, заваленного всяким тряпьем, которое от времени, да и от «чистоты», приобрело ровный, девственно черный цвет, отыскал галоши. Одна покоилась у задней спинки дивана, другая в аккурат плавала в ведре с нечистотами, которые дополняли «тонкий» букет ароматов, исходящих от обитателя этого замкнутого пространства, именуемого жильем. Не любил он этот дом, построенный наскоро, по-русски, – финский, щитовой, на говенном фундаменте, который, когда

появилась возможность, так же, «на ура», обложили плиткой, предназначенной для пола на скотниках. Время не пощадило этот дом, сляпанный абы как, – впрочем, как и страну, в которой он произрастал.

Поежившись, натянул бушлат. Шарить в карманах было бесполезно: пенсия, полученная в прошлый раз, как обычно, была роздана за долги. Крохи, что от нее остались, были славно просажены в компании таких же бодрых старичков, как и он сам. Их морды он по трезвости просто терпеть не мог, но обстоятельства в этой жизни переменчивы, как балтийская погода, и вчерашний недруг становится лучшим другом... за стаканчиком доброй мурцовки.

...Промозглый осенний ветер дул с «правого борта» Серафимыча. Ему приходилось наклоняться вправо, дабы очередной порыв ветра не свалил его на землю. Его «штормило». Порой какой-то механизм, расположенный внутри него, подбрасывал вверх, нарушая и без того хлипкое равновесие, и он валился на обочину. Вставал, не издавая ни одного возгласа, и вновь продолжал движение. Он ненавидел эту дорогу от своего порога до точки «С» длиной в три тысячи уже стариковских шагов.

Вот показались огоньки первых домов поселка. До точки «С» оставалась примерно тысяча шагов. Серафимыч жадно глотал холодный ноябрьский воздух. Он даже сумел перебороть механические толчки внутри себя, но эта борьба внезапно превратилась в неслыханной силы удары колокола. Боль становилась невыносимой. Сто шагов... Скрип калитки. Старый барбос забрехал незло, но успокоился, завидя знакомого гостя. Набравшись смелости, Серафимыч постучал. Открыли почти сразу. Невестка Савельевны по прозвищу «Кап-кап», заспанная дородная молодуха, хмуро оглядев гостя и ни о чем не

спрашивая его, скрылась в сенцах. Спустя некоторое время, появилась с поллитровкой в руках и замусоленной тетрадь. Передав Серафимычу емкость, вписала карандашом сумму. Чуть помедлив, приписала еще три рубля и скрылась за дверь. Просить в долг для него было каторгой, но он и с этой проблемой справился.

Руки ходили ходуном. Пробка из газеты была в секунды извлечена беззубым ртом из бутылки. Горлышко неистово постукивало о единственный уцелевший нижний зуб, а холодная влага, обжигая и без того воспаленное нутро, устремилась в трущобы отравленного алкоголем организма. После нескольких глотков пробила слеза.

Наконец-то он вздохнул с облегчением, но какое-то предчувствие говорило, что первое впечатление обманчиво. Произошло то, что и должно было произойти. Рвотный позыв – и добрых полстакана барбосу под хвост. Присел на корточках. Привалившись на плетень, смахнул выступившие слезы замусоленным рукавом, высморкался. Эта, до боли знакомая, процедура не приносила ему удовольствия. Следующие полстакана дали «положительный» эффект. Дрожь в конечностях как-то незаметно стала проходить. Еще два глотка через силу – и можно уже было «резвым» взглядом окинуть окружающий мир. День окончательно вступил в свои права.

Глава 1

ДВЕ МАРИИ

Хмурое осеннее утро. Тишину, и без того нарушаемую сильным порывистым ветром, который вдобавок на все лады завывал в проводах, разрезал пронзительный паровозный гудок. Слева, совсем рядом, прогремел состав. Сквозь этот грохот доносился ничем не заглушаемый отборный мат обходчиков. Они постукивали молотками по колесам вагонов, и этот стук раздавался все ближе и ближе. Разговаривали двое. Лиц их не было видно, но по голосам можно было догадаться, что один был явно моложе своего товарища. Они остановились напротив двери и изо всех сил начали тарабанить. Вагон ожил. Поликарпыч – так звали безрукого старика – сполз с нижнего яруса на спех сколоченных нар, нащупал задвижку и уцелевшей рукой потянул тяжеленную дверь. Дверь подалась, и в вагон вместе с порывом ветра ворвался узкий пучок света. Гришка, щурясь, приподнял голову и стал вслушиваться в разговор двух незнакомцев и старика. Сбоку во сне завозилась сестренка. Мать, подоткнув старую шинель ей под бок, повязала платок и стала потихоньку собирать нехитрые пожитки. Так начинался новый день на новой земле – чужой, вражеской, но вместе с тем загадочной, о которой так много говорили в их

прежней, сожженной деревне мать и дядя Николай.

К вечеру всех вновь прибывших расквартировали. Женщины – две Марии, старшая и младшая, две родные сестры, – остались на этой земле вдовами. Вместе покидали родные места, а сейчас вместе хлопотали и обустроивали доставшееся им трофейное жилье. Гришка, взяв за руку младшую сестренку Валюшку, бродил с ней по многочисленным пустым комнатам еще не заселенных квартир, находя то здесь, то там разные брошенные второпях вещи прежних жильцов. Он почти не помнил их родной дом в Жуковке, про который много рассказывала мать. Отчетливо вырисовывалось лишь лицо Глашки – веселой, задорной девицы, которая приходила убирать дом, готовить и присматривать за ним с Валюшкой, когда родители уходили на работу. Отца видели редко. Он был в постоянных разъездах, и лишь частые паровозные гудки, доносившиеся с узловой, напоминали о его существовании. Мать уходила рано, а приходила поздно. От нее всегда неприятно пахло. Этот запах Гришка навсегда вписал в свою память, как индикатор, относительно которого измерялось плохое и хорошее, независимо от того, были ли это запахи, ощущения или

поступки. Мать работала на скипидарном заводе, неплохо зарабатывала, и у нее-то уж точно этот запах не вызывал Гришкиных ассоциаций.

Редкими днями удавалось собраться всей семьей вместе. Отец после обеда брал их с сестрой на руки и качал, что-то мурлыча себе под нос, до тех пор, пока кто-нибудь из них не засыпал. Так было и в тот день, когда отец вернулся из очередного рейса.

Война началась летом, теплым июньским утром. Это потом Гришка понял, что отца он видел в тот день последний раз в жизни. Нет, погиб он не сразу. Были еще долгие два года тяжелых боев – два года лишений и невзгод – да несколько «треугольников» с фронтовыми новостями. Была Сталинградская битва, и был вражеский авианалет, уничтоживший железнодорожный состав, головным паровозом которого управлял Гришкин отец. Была еще спешная эвакуация, и каждый стук вагонных колес уносил Гришку все дальше и навсегда из родного, только одному ему ведомого мира.

Эшелон с эвакуированными быстро уходил на юг. Сутки спустя – новый, неведомый мир, но все те же вагоны, паровозы,

люди, снующие с поклажей, крики, слезы и жара. Гришка не помнил, как они очутились на конной подводе с такими же мальцами, как и он; правда, мать неотступно была рядом с ним и Валохой. Сколько ехали, он не помнил. Не запоминались также бесконечные остановки, во время которых лошадей то распрягали, то вновь запрягали. Запомнился лишь Поликарпыч – неведомо откуда взявшийся сухонький старичок, который незлобно ругался по поводу и без повода и все приговаривал: «Не бойсь, Манька, прорвемся!» – то ли просто так, то ли обращаясь к матери.

К вечеру очередного дня кое-как добрались до отдаленного села, все дома которого были пусты и заселялись по мере прибытия беженцев. Они разместились в большом просторном доме с теткой Марией и ее детьми. К ним же подселили и деда Поликарпыча, на которого лег весь груз мужских забот. Гришка крутился юлой подле него, однорукого, и был достойной заменой потерянной в Гражданской войне руке. Только спустя некоторое время Гришка, подслушав за ужином разговор старших, узнал, что место, где они расположились, было ранее принадлежавшим волжским немцам зажиточным селом с непонятным названием Кальп. А их, немцев, с началом войны вывезли от греха подальше куда-то на юг, в Среднюю Азию.

Наверное, так бы и остались навсегда здесь жить две сестры – две Марии, пережившие в продуваемых ветром волжских степях тяжелейшие четыре года русской истории, унесшие миллионы жизней и оставшиеся невырванным стоном скорби и печали во многих поколениях русских людей. Но судьба распорядилась по-своему. Она звала к родным местам, брошенным не по своей воле. Волей и силой русского духа вырванная в нелегкой схватке с противником в самой жестокой из всех предшествовавших войн Победа дала эту возможность. Пусть не осталось в живых мужей, близких, друзей, но жива была надежда, и она толкала женщин в обратный путь. Но, для того чтобы испытать чувство разочарования, нужно окунуться в тот

мир, в котором рушатся чаяния и надежды. А может, для этого достаточно вернуться туда, где было пусть и не легко, но внутренне комфортно, туда, где силы придают земля, небо, дерево, выросшее на твоих глазах, – одним словом, в свой мир? Вот за этими ощущениями с надеждой и верой отправились две молодые женщины, так и не нашедшие своего счастья хотя и в России, но все-таки в чужой стороне.

Утих стук вагонных колес. Вот и родная земля – долгожданная, близкая. Та, которая в воспоминаниях не давала уснуть после тяжелого трудового дня, та, что в детях напоминала о коротких годах бабьего счастья. Воздух был наполнен весенним теплом, солнце заставляло щуриться, птичий щебет дополнял весеннюю идиллию, но то, что открылось глазам, заставило невольно опуститься на выпавшие из рук чемоданы. Не было не только родного дома – не было целой улицы. Кое-где еще виднелись останки русских печей, надгробиями возвышавшиеся над человеческим жильем, но от дома Марии, старшей из сестер, не осталось камня на камне. В сорок втором дом сгорел вместе с соседним домом, в котором партизаны заживо сожгли полиция. Остальные дома пострадали от пожара, вспыхнувшего после бомбежки в том же сорок втором.

Шел сорок пятый год. Май. Победа. Страна шумно праздновала. Первое время не замечая тех трудностей, которые нужно было преодолеть, восстанавливала разрушенное народное хозяйство. Следом потянулись длинные послевоенные дни, сменявшиеся теплыми, но короткими ночами. Незаметно подкралась осень. Оставаться на зимовку в наспех вырытой землянке с малыми детьми одной, без всякой надежды на будущее, было бессмысленно. В аккурат в первых числах октября народ начал судачить о заселении оккупированных земель где-то там, в Восточной Пруссии, отвоеванной в ходе Великой Отечественной войны. Стали собирать списки желающих – и старшая Мария, не задумываясь, в числе первых стала готовиться к отъезду. Спустя некоторое время к ней присоединилась и Мария-младшая с четырьмя детьми. Вот так они и оказались хмурым ноябрьским вечером в жарко натопленной квартире на окраине старого прусского городка с непонятным названием Тильзит, за тысячу с лишним километров от родных мест. Тогда они еще не знали, что им уже никогда не суждено вернуться на родную Брянщину, где прошли их детство, юность и – как знать? – может, и самые лучшие годы жизни. А Гришкина жизнь только начиналась...

Глава 2

ГРИШКА

Утром мать, вместе со вновь прибывшими женщинами, ушла устраиваться на работу. Гришка натянул на ноги сапоги, которые были не на один размер больше нужного, и, нахлобучив на голову шапку, отправился на улицу изучать окрестности. Моросил мелкий дождь. Завидев ватагу сверстников, двинулся к ним. Пацаны, заметив незнакомца, стали испуганно поглядывать по сторонам. Гришка поздоровался. Каково было его удивление, когда мальчишки, закричав что-то не по-русски, бросились врассыпную. Это были такие же дети войны, как и он сам, но только побежденных родителей. В свои десять лет

Гришка уже четко представлял себе, пусть и не воочию, каковы немцы-враги. И он также знал, что они сделали с его отцом и его народом, и потому ненависть к ним у него вспыхивала частенько. Первое знакомство с местными пацанами сорвалось. Но в дальнейшем, с завидным постоянством, он с чувством давал волю своим кулакам, разбивая в кровь носы своим немецким сверстникам.

Мать рано уходила на работу – на подсобное хозяйство в воинскую часть, расквартированную здесь же, на окраине города. Гришка с сестрой большее время дня были предоставлены сами себе.

Школа особо не влекла юнца знаниями, в то время как улица и руины вызывали огромный интерес, сопряженный с поисками и находками. Старые вещи, найденные под обломками домов, гильзы от снарядов, да и просто неиспользованные патроны – все тащилось в дом и составляло основное богатство пацана, как и любого мальчишки того периода истории.

Огромное количество трофейного скота – коровы, лошади, которые перешли в руки победителей, – требовало большого количества рабочих рук. А их как раз и не хватало. И спустя некоторое время руководство воинской части принимает решение о перемещении более чем половины трофейного поголовья в юго-восточную часть области, ныне носящей название Калининградской.

Программа укрупнения хозяйств на территории вновь образованной области делала управление ими более простым, но для этого пришлось сломать всю систему землепользования, которая исторически сложилась при старых хозяевах, а самое главное – при старом строе, враждебном капиталистическом. И это развязывало руки и давало возможность принимать самые безумные и заведомо вредные решения, приведшие в дальнейшем к возможности уничтожения всего сельского хозяйства региона. Но это все еще впереди. В то время приказы партии, какими бы они качествами ни обладали, не обсуждались. И грянуло переселение скота и людей на новое, говоря языком военных, «место дислокации».

Двигались несколько дней и ночей десятки людей и тысячи голов скота по пересеченной местности, в непогоду, на новые зимние квартиры. Основное стадо остановилось на хуторе близ большого села где-то под Инстербургом, а часть была отправлена во вновь образованный двадцать первый совхоз, расположенный юго-западнее Инстербурга на территории поселений Амвальде, Миликапурин, Калишки, Виттгирен и Миттенау. Это сейчас названия вышеперечисленных поселений не говорят многим ровным счетом ничего, а тогда они

были на слуху, как все существующие ныне географические названия области.

Вместе со взрослыми этот путь преодолели и дети переселенцев, обретая новые впечатления, познавая нелегкий труд и участь жизни не по написанному, где истина отстоит от жизни намного дальше, чем того многим бы хотелось. И наш герой не был исключением. Находясь в среде людей, прошедших всю войну и вынесших на своих плечах то, что порой не поддается осмыслению, познавших ненависть и боль, потери и лишения, воспринимал происходящее как естество, вполне допустимое. Пьющие мужчины, курящие женщины, свобода, пусть и завуалированная, нравов – синдром длительной войны, во время которой люди научились жить только сегодняшним днем и лишь немногие находили в себе силы противостоять этому. Вдуматься только, какое количество неполных семей было в тот период! Безотцовщина. Понятия «мачеха» и «отчим» перестали носить нарицательный характер, стали нормой. Если спроецировать те события на наше теперешнее время, то синдром тот приобрел характер генного кода. Он передается из поколения в поколение, лишая нас в будущем полноценной здоровой семьи с традиционным русским укладом и определенным количеством детей от одних родителей, достаточным для того, чтобы русская нация не угасла в последующие века.

Гришка в свои десять лет повидал многое. Видел мать расхристанной на сеновале с дядей Колей, и не только с ним. Видел пьяного отчима, лапающего своими огромными ручищами доярок на ферме и их несопротивление ему. Видел пьяные драки между конюхами из-за пустяка после очередного распития. А как пили! «Сто грамм» перед боем на протяжении нескольких трудных фронтовых лет сделались для многих нормой, особенно на селе, где тяжелый надрывный физический труд требовал, как на фронте, быстрого снятия стресса. Сейчас говорят, что деревня спилась за последние пятнадцать лет, – черта с два! Это было заложено еще

в те далекие, суровые сороковые годы. И теперешний питейный разгул – это следствие той безудержной алкогольной вакханалии военных и послевоенных лет...

Как-то летом Гришка подрабатывал подпаском в совхозе – помогал пасти телят на дальнем четвертом отделении в Виттигиррене. В пастухах ходили недавно демобилизовавшиеся из армии двое военнослужащих – Бойдунов Ванька и его подельник Мишка Слезкин. Слезкин был еще ничего: к Гришке относился по-отечески. Видно, не все человеческое растерял на войне мужик. Бойдунов же, напротив, гонял Гришку и костерил на чем свет стоит, бывало, и кнутом замахивался. Жалели Гришку по-матерински только немки-доярки, которые помогали доить совхозных (!) коров. Но если выпадало пасти скот одному Бойдунову, то удержу не было никому. Больше всех доставалось Марте. «Ком цу мир, Марта!» – кричал Бойдунов, и Марта покорно шла за насильником. То ли потому, что она благоволила Гришке, то ли своей красотой раззадоривала Бойдунова больше других, но насильничал он ее на глазах Гришки и двух других женщин – Митты и Эльзы, безропотно наблюдавших за происходящим и не знавших, чья будет следующая очередь, – с особой изощренностью. Так продолжалось до тех пор, пока всех немцев не вывезли в двадцать четыре часа с территории вновь образованной Калининградской области. Что творилось в голове у Гришки после увиденного, известно только Богу, хотя внешне он рос нормальным, трудолюбивым пацаном, не испорченным табаком и алкоголем, однако пробовать тайком от родителей с соседскими пацанами портвейн №36 ему уже доводилось.

Годы летели. У матери появился новый ухажер. Ершистый по своему характеру,

Гришка никак не мог найти общий язык с отчимом. Доставалось ему и от матери, почему-то всегда принимавшей сторону неродного отца. Через год родился братан, которого почему-то назвали в честь отчима, которой, на взгляд Гришки, у того никогда и не было, чести-то. Дождавшись конца лета, Гришка, к тому времени окрепший и повзрослевший, решает покинуть материнский дом и, поступив в Рагненинское ФЗО, остается там постигать, наряду с учебной, азы самостоятельной жизни. Природная смекалка позволила Гришке овладеть специальностью электрика, коей он очень гордился и которая помогла ему устроиться на работу в одном из стройуправлений Калининграда, а это для деревенского паренька было очень даже похвально.

Наступил 1955 год. По Гришке явно плакала Советская Армия вместе со всем ее офицерским составом, и, уволившись с работы, Гришка напоследок отправился навестить своих родных в деревню. Танцы в клубе, встреча с Шурой – старой знакомой, ставшей вдруг из замухрышки черноокой красавицей, первое любовное увлечение. Для нее – первое большое чувство, для него – первая победа перед большими военными действиями, протяженностью в три с половиной года. И он уехал, напрочь вычеркнув ее из своей памяти. Может быть, вспомнил, как поступал с женщинами Бойдунов – легко и бездумно, а может, действительно она для него ничего не значила. Он не ответил на ее письмо, в котором она написала, что ждет ребенка. Не ответил на второе, в котором она уведомила, что сделает аборт, если он не ответит...

А годы летели быстрее ветра, и как знать, что ждало бы на родине Григория, ответь он хоть на одно письмо.

Глава 3

ШУРА

Тишину морозного утреннего воздуха разрезал звук падающей сосны. На солнце заискрились миллионы снежных крупинок, осыпавшихся с уже мертвого расте-

ния. Григорий деловито расчищал снег ногами у следующего ствола, по ходу вырубая мелкую поросль. Он уже год топтался по лесам Ухтинского района Коми АССР,

с тех пор как завербовался на лесоповал после армии, соблазнившись большими заработками. Леспромхоз исправно платил крупные суммы, тратить которые особо было негде, и Григорий, накопив приличное количество средств, уже подумывал об отпуске, который он собирался провести в родных местах.

Перед отъездом на родину приедлся в местном сельпо. Приехал в деревню гоголем. Гулял, не жалея кровно заработанных денег, как полагается, на широкую ногу. Враз нашлись прежние знакомые, с которыми и до отъезда-то большой дружбы не водил, но которые всегда были готовы помочь «другу» потратить его сбережения. И – понеслось-поехало...

Как-то в одночасье в клубе повстречался он с Шурой. Кровь заиграла у подвыпившего парня, и он вновь потянулся к ней. Как ни странно, Шура не отодвинула его от себя, не припомнила убиенного с его молчаливого согласия ребенка и как-то покорно поддалась нахрапистым ухаживаниям бывшего возлюбленного. Через две недели состоялась свадьба. Гуляли запойно всем селом неделю. После так же быстро собрались и уехали в Коми на заработки. Два года вкалывали, как проклятые. Молодость не знает усталости. Григорий трелевал лес, Шура работала в бригаде сучкорубом. Но тоска по родным местам взяла верх, да, в общем-то, и не женский это труд – валить лес с мужиками. Это понял и Григорий.

Вернулись они в село, когда уборочная страда была закончена. Год выдался за-

сушливым, неурожайным. Несмотря на неудобства, связанные с переездом, как-то сразу втянулись в работу. К зиме совхоз выделил жилплощадь. Григорий не боялся работы, и свиноферма, на которую он был определен бригадиром, казалась для него курортом после лесоповала. Шура вернулась к привычному для нее труду доярки.

Зима в этот год началась рано, выдалась снежной и морозной. Не все хорошо складывалось в местном свиноводческом хозяйстве. То ли кормовая база оказалась слабо подготовленной, то ли свинарники не были приспособлены для содержания свиней, а может, и нерадивость самого Григория, так и не сумевшего до конца проникнуться любовью к сельскому труду, привела к внезапному падежу свиноматок с только что народившимися поросятами. Вдобавок на смену старому руководству прислали из района нового руководителя из числа ярых партийцев, и тот, долго не разбираясь, завел на Григория уголовное дело, обвинив его во вредительстве. И рубить бы Григорию снова вековые сосны и пихты где-нибудь под Ухтой, да вступились за него старшие товарищи, сумевшие в нем увидеть больше положительных, нежели присущих «врагу народа» качеств. Уголовное дело было закрыто. Но смириться с позором, пусть и незаслуженным, Григорий не захотел – не позволило самолюбие. Эх, где было это самолюбие, которое не появилось действительно в нужный момент?! Его отсутствие на определенном этапе круто изменит всю оставшуюся жизнь Гришки, сделав ее пустой и бессмысленной.

Глава 4

ДИМА

Крик чаек уже так не раздражал слух. Григорий практически не замечал птиц, снующих над палубой стоявшего в доке на профилактическом ремонте судна. После той истории со свиньями прошло почти два года, как Григорий перебрался в Светлый. Ему нравилось здесь, да и работа судовым электриком не докучала так, как тот, целый божий день не прекращавшийся, поросья-

чий визг. Та история до сих пор не давала ему покоя – видно, какая-то вина Григория в том происшествии все-таки была. Но воспоминания о прошлом сглаживались присутствием в Гришкиной жизни Шуры – единственного человека, который не напоминал ему о плохом и к которому он со временем проникся настоящей, искренней любовью.

Шли годы. За хороший труд Григорию и Александре выделили большую просторную квартиру – с расчетом на будущее потомство. Но именно невозможность иметь совместных детей, как выяснилось позже, стала в дальнейшем причиной частых ссор между супругами. Григорий срывался и все чаще стал появляться на пороге квартиры в «подвешенном» от алкоголя состоянии. И невдомек ему было, что ответ он на письмо пятнадцать лет назад девчонке той, которой тогда была его Шура, все могло быть иначе. И наполнялись бы стены этой одинокой квартиры в старом немецком доме детским криком, вселявшим уверенность в том, что будет потом, благодаря уже внукам, спокойная, тихая старость. Не было бы бессмысленных упреков, безудержных пьянок и неразберихи в супружеских отношениях, сравнимой разве что с переменчивым балтийским ветром.

Но судьба благосклонно отнеслась к их браку, над которым нависла угроза распада. Как-то раз летом Григорий, взяв отгулы на работе, отправился к матери в деревню. В разгар сенокосной страды каждые руки на счету, да и пьется на свежем воздухе, наполненном запахом свежего сена, от которого свербит в носу, как-то особенно легко. Эти предчувствия добавляли к настроению Григория радостных и игривых оттенков. В добром настроении он и укатил на рейсовом автобусе к родным. События по приезду развивались не то чтобы стремительно, но все же динамично. И уже через пару дней, не испив даже самогона местного производства, он укатил обратно в Светлый.

Шура, не ждавшая мужа так быстро, на выходные затеяла стирку. Григорий застал ее за работой, среди гор приготовленного к стирке белья, раскрасневшейся, в наскоро подпоясанном халатике. Шура присела, недоуменно поглядывая на мужа. А он, не раздеваясь, начал сбивчивый рассказ, события которого стали причиной его спешного возвращения.

Еще до отъезда Гришки на учебу в ФЗО появился в совхозе невесть откуда взяв-

шийся парняга. Работал с лендой, бегал с фермы на ферму, а то и в пастухи летом подвизывался – все искал, где полегче. Как-то свел он темной ночью лихим людям совхозную телку, да про то прознали в деревне. И отправился он в места отдаленные – кажется, туда, поближе к Воркуте, и не на один год – добывать уголь или еще какие полезные ископаемые, которыми богат русский север. Повстречал его Гришка снова по приезду в деревню не так давно – может, пару лет назад, а может, чуть больше. Отсидел. Форменный бичуган – весь в наколках, ходячая картинная галерея. Народ сторонился его: не то чтобы сильно побаивались, нет, но водить дружбы с ним никто не хотел. Посетовал председатель совхоза по поводу его возвращения, но определил скотником на третье отделение, что было в Калишках: руки в сельском хозяйстве лишними не бывают. Недолго он там прослужил при навозных вилах, глянулась ему как-то дочка местного конюха Петра, девка бесшабашная, вертихвостка. Глазки строила всем мужикам, невзирая на возраст. Достроилась. Взял ее как-то наш герой – звали его вроде бы Павлом – нахрапом, силою в погожий денек прямо на ферме. Малолетней девка была, и пошел наш горемыка за содеянное на еще больший срок. С тех пор его в этих краях больше никто не видел. А девка та, спустя определенное одним Богом время, родила здорового розовощекого мальчика. Но все бы ничего, если б не водились в ее голове жирные-прежирные тараканы. Не прошло и года, как она, связавшись с каким-то городским прохвостом, оставила на руках у спившегося к тому времени окончательно отца своего малолетнего сына и исчезла в неизвестном направлении. Соседские бабы причитали, но никто не осмелился приютить сироту под своим кровом. Как раз в это время и появился в селе Григорий. Далекий от местных сплетен и новостей, он живо интересовался происходящим в родных краях. Последнюю новость Григорий узнал от сестры Валентины, которая забегала к матери со своей подругой Капитолиной, работавшей в местном сельпо продавщицей. Это

она, Валентина, внушила Григорию мысль о возможности усыновления брошенного на произвол судьбы ребенка. Он и слышать об этом не хотел. Отмахнулся от такого предложения, как от комаров, стаи которых несметными полчищами носились в вечернем воздухе. Но, проворочавшись всю ночь и так и не уснув, Григорий утром же укатил обратно в Светлый.

Шура выслушала рассказ мужа, не проронив ни единого слова. Она такую мысль даже близко не подпускала к своему истосковавшемуся по заботе о ребенке сердцу. Гришкины слова звучали как удары колокола, пробуждая дремавшее в этой женщине чувство материнства. Сама не соznавая того, она роняла слезы на свои раскрасневшиеся от холодной воды руки.

В понедельник, первым рейсовым автобусом, они отправились в деревню, туда, где их ждала встреча с утерянным ими по глупости чудом.

Не встретив сопротивления спившегося деда мальчика, они в скором времени уладили дела с усыновлением. И вот они, радостные и счастливые, уже втроем вернулись в Светлый, где их ждали приятные хлопоты, вселявшие веру в будущее. Дима – так звали мальчика – был на удивление здоровым и спокойным малышом. Григорий не отходил от него ни на шаг. После работы стремглав несясь домой, где его ждали счастливые жена и сын. Григорий бросил пить, стороной обходил дружков-собутельников, которые втихую посмеивались над новоявленным отцом. Шура не могла нарадоваться на Гришку, которого любовь к маленькому существу так преобразила. Только глаза самой Шуры стали все чаще подергиваться пеленой грусти и печали, происхождение которых знали только сама Шура и ее лечащий врач.

Через полгода Шуры не стало.

Глава 5

КАПИТОЛИНА

Солнце по-весеннему пригревало. Несмотря на то что по утрам еще были заморозки, чувствовалось, что весна вот-вот вступит в свои права. К полудню сквер оглашался птичьим щебетом, легкий ветерок гнал по небу незадачливые облака, обнажая всю синь мартовского неба и каменные скамьи, умудрившись прогреться в лучах солнца, приглашали на них присесть. Наблюдательный завсегда гай городского сквера наверняка бы обратил внимание на постоянно появляющуюся в выходные дни фигуру молодого мужчины, прогуливающегося с ребенком. Иногда походка мужчины была несколько неуверенной, что говорило о его легком подпитии. Мужчина присаживался на скамью, доставал нехитрую закуску, рядом с которой появлялась бутылка дешевого портвейна. Ребенку доставалась какая-нибудь снедь, и он щебетал от радости, кружа вокруг отца и подражая голосам птиц. И никогда эту чету не сопровождали женщины.

Это были Григорий и Дима. Григорий любил сына, но потеря жены и друга пробудила в нем прежнее пристрастие к алкоголю. Эта страсть будет самой прочной из всех последующих в жизни Григория, несмотря на то что он еще не раз ощутит уверенность в завтрашнем дне и попытается предотвратить падение в пропасть, отделяющую полноценную человеческую жизнь от прозябания...

...Красные транспаранты, разноцветные шары и флаги, грохот оркестровой меди – все возбуждало ребенка, восседавшего, как на троне, на плечах отца. Он искренне радовался происходящему, но первомайская демонстрация подходила к концу. Друзья приглашали Григория продолжить начатое празднование Дня солидарности всех трудящихся в ближайшей пивной, он же, сославшись на неотложные дела, направился домой. Хорошее настроение ему придавало не только выпитое в кругу друзей вино, но и намечавшийся на сегодня

приезд гостей. И он, крепко сжав ноги малыша, стал пробираться сквозь толпу, направляясь к дому.

Капитолина уже второй раз приезжала в гости к Григорию. Первый раз она приезжала месяц назад с сестрой Григория, Валентиной. Знал он ее давно, но близко, как сейчас, судьба их не сводила, да и жили они настолько далеко друг от друга, что линии их просто не должны были пересечься. Однако судьбе было угодно, чтобы Григорий то, что искал, нашел именно в родных местах, которые как магнитом притягивали в свое лоно и его, и сына, и будущую спутницу жизни. Тогда его не интересовали ни причина развода Капы с мужем, после которого у нее на руках остались две дочери, ни то обстоятельство, по которому вдруг эта красивая черноглазая женщина привязалась к нему, в общем-то, не красавцу, хотя ходили слухи, что от кавалеров у нее отбоя не было и главной причиной развода с мужем была ее повышенная любвеобильность. Но об этом Григорий в тот момент не задумывался, поддавшись влечению скорее плоти, нежели разума.

Майские праздники пролетели быстро. Григорий и Капитолина расставались с на-

деждой встретиться вновь. И вот, накануне Троицы, Григорий и Дима уже тряслись в новеньком «пазике» по дороге в родную деревню. Встреча, традиционное праздничное застолье, вино вскружили голову Григорию, и он сделал Капитолине предложение, на которое она с легкостью согласилась. Через месяц расписались в сельсовете, и Григорий, уволившись с судоремонтного завода, уехал обратно в деревню уже навсегда.

Деревушка, в которой обосновались молодые, жила, как и положено всем сельским населенным пунктам, своими повседневными заботами: с авралами в посевную и уборочную страду, короткими передышками зимой, когда казалось, что жизнь в деревне замирает и она теплится лишь в нитях дыма, исчезающих где-то далеко в лиловом сумеречном небе.

Тяги особой к сельскому хозяйству Григорий не испытывал, по специальности работать тоже не пошел. Капитолина со своим практическим умом надоумила его сестра за трактор, усматривая в этом выгоду для своего подворья. Так и стали жить. Обзавелись скотом, птицей, пара кабанчиков всегда весело похрюкивала в сарае. Капитолина пристроилась бригадиром на ферме, что позволяло ей потихоньку приворачивать корма для содержания уже немало к тому времени хозяйства. Григорий тоже не отставал. Где дровишек привезет, где пару-тройку мешочков зерна в посевную пашня недосчитается, а насчет калыма – так народ косяками круглый год почитай ходил. А техника в руках селянина – это всегда достаток в доме, тем более что горючка всегда холявой была. Все складывалось ладно, и дети между собой быстро притерлись. Капины девочки радовались новой игрушке в лице Димы и нянчились с ним, как с родным. Но вот только с их матерью происходило что-то неладное. Говорят, что чужая душа – потемки, а душа Капитолины была, по всей видимости, еще и за семью замками, и к тому же светлыми тонами явно не отличалась. И что случилось, то случилось. Через год или около того Капитолина как-то за ужином, sprыснув его водочкой, как на духу

выложила Григорию свое видение количественного состава их семьи. Григорий надеялся услышать из уст жены желание укрепить их союз рождением совместного ребенка, но жестоко ошибся. Капитолина предложила избавиться от Димы, сдав его в детдом. Аргументы, которые она при этом приводила, Григорий уже не слышал. Он готов был разорвать ее на куски за то, что она посмела лишить его последней нити, связывающей с прошлым, с его Шурой, любовь к которой он хранил в глубине своей души под ворохом всего наносного

хлама, появившегося в нем после встречи с Капитолиной.

Диму забрал к себе бывший сослуживец Григория по судоремонтному заводу. Видно, Богу было угодно, чтобы ребенок стал надеждой и опорой в жизни другому человеку, нежели Григорию. Какие веские доводы нашла Капитолина, чтобы убедить мужа избавиться от ненавистного ей ребенка, наверное, так и останется тайной. Но они осмысленно сделали этот шаг, который, как клин старый трухлявый пень, со временем разорвет их отношения.

Глава 6

ПАДЕНИЕ

Наступили светлые перестроечные годы. Страна пыталась начать писать свою историю с чистого листа. Но чистый лист оказался для страны старой измятой газетой, в которую не так давно заворачивали селедку. Следы от нее жирными пятнами с неприятным запахом расплзались все быстрее и становились все отчетливей, определяя истинные размеры того несчастья, которое обрушилось на страну. То, что казалось незыблемым и что нуждалось лишь в легком санаторно-курортном лечении, вдруг попало на операционный стол, над которым склонился с огромным ветеринарным скальпелем учащийся интернатуры, решивший полученные в морге знания опробовать на живом организме. Операция началась шумно и без анестезии. Но оперировавший не замечал ни крови, ни отсеченных без надобности органов, и он все резал, резал и резал, лишь изредка прибегая к помощи зажима или тампона – в морге они были ни к чему...

...В доме уже давно проснулись. Капитолина гремела на улице подойником, процеживая молоко; Григорий, которого пробирала мелкая дрожь, в резиновых сапогах на босу ногу, в портках и без рубахи выпроваживал коров на пастбище, думая лишь о том, где найти похмелиться.

Годы летели быстрее ветра. Воспоминания проносились в голове Григория еще быстрее, особенно после очередного воз-

лияния. Фрагменты жизни мелькали фотографиями, а отдельные эпизоды – кинолентами без какой либо хронологии, хаотично; иные появлялись особенно часто, вызывая угрызения совести. За долгую жизнь он научился отгонять их прочь, но, невзирая на все его усилия, они тревожили вновь и вновь. Так было и сейчас. Он стоял в оцепенении, тупо уставившись в одну точку, и не слышал, как его на все лады материла Капа. Он просматривал свой замороженный сериал: видел Бойдунова, мелькавшего голым задом в высокой траве, когда тот справлял свою животную нужду с немкой Мартой, видел себя на лесоповале вместе с Шурой, молодым и счастливым. Видел сына Митюшку, отчетливо слышал его залиvistый смех и никак не мог понять, как этой стервозной бабе удалось уговорить его отказаться от пусть неродного, но его собственного сына. Волна ненависти снова подкатила к горлу. Он ненавидел эту разжиревшую бабу, ненавидел себя за то, что смалодушничал и пошел у нее на поводу в тот миг, когда можно было просто забрать пацана и уйти. Баб на этом свете хоть пруд пруди. И что его заклинило на этой кобре, дочери которой его теперь воспринимали как мебель, и то которой место в хлеву?

Заработав с горем пополам на старости лет себе малоуважительное отчество Серафимыч, которое при обращении к нему юнцам позволяло тыкать, Григорий приобрел

стойкую привычку отмахиваться от проблем, как от назойливых июльских слепней. Многие насущные и не очень проблемы, беспокоиться о которых раньше не было особой нужды, начали вырастать как грибы после дождя, и с завидным постоянством. Касалось ли это обработки огорода, заготовки дров, сена для скота – на все была отговорка под стать той, что не царское это дело, прикажу, дескать, стрельцам – выполнят. Хотя и трактор еще стоял под забором, правда, уже в полуразобранном состоянии, – делать его не было ни малейшего желания. И так одна проблема накладывалась на другую, и каждый новый год только ухудшал отношения состарившихся рядом друг с другом людей. Постепенно с подворья исчезли гуси и овцы, затем перестали повизгивать кабанчики в сарае, подошла очередь и деревенской кормилицы – коровы. В очередной раз повздорив с пьяным мужем, уже к тому времени серьезно больная женщина с подорванной психикой, Капитолина отбыла на неопределенный срок на жительство к брату в райцентр. Это еще больше раззадорило Григория. Оставшись без средств к существованию, не заработав к тому времени пенсии, но имея большой аппетит по части потребления «огненной воды», он стал мало-помалу избавляться от нажитого совместным трудом со своей «коброй» имущества движимого и недвижимого. Вслед за коровой, сведенной в соседнее село, под разбор пошел сеновал с сараем. Уходил и мелкий скарб, как-то: ведра, алюминиевая посуда и прочее, что хоть немного пользовалось спросом у окружающих.

Прознав от сердобольной соседки о бесчинствах суженого, Капитолина возвращается в село после предварительной «зачистки», которую «блестяще» провел один из зятьев, повыбивав любимому тестю лишние, на его взгляд, зубы. Но спеси Серафимычу это не убавило. То ли самогон стали бодяжить бессовестно, то ли с питейным стажем потребность в горячем с каждым днем возрастала, но пить Серафимыч стал уже не пол-литрами, а полторашками, в простонародье именуемыми «гусями».

Шло время. Перестройка прогрессировала, со временем превратившись в дикий, неподвластный никаким законам капитализм. Параллельно ей прогрессировало алкогольное пристрастие Серафимыча, тоже неподвластное никаким объяснениям и унесшее к тому времени многих сподвижников этого стойкого увлечения из числа друзей. Периодические наезды зятьев продолжались. Но даже выбив у Серафимыча почти все зубы, они ничего вразумительного не внесли в отношения стариков. Очередные отъезды-приезды Капитолины продолжались до тех пор, пока в очередной приезд после ссоры не вспыхнул пожар, унесший единственное, кроме дома, жилое сооружение усадьбы – навес над подвалом, после чего она, собрав пожитки, навсегда удалась из родного дома, добавив дискомфорта в молодые семьи своих дочерей и оставив дом на растерзание вандала, которого мужем назвать язык ее не поворачивался.

Бог им судья, но – как знать? – может, не поступи Капитолина так с чужим ребенком, отношения с мужем сложились бы совершенно иначе, судьба была бы к ней более благосклонна и ей не пришлось бы мыкаться по чужим углам на исходе жизни.

А Григорий продолжал пить уже не на зло Капитолине, а по банальной причине, которая давно превратилась в неизлечимую болезнь.

А ведь все могло закончиться совсем по-другому. Смог же он проявить себя на восстановлении разрушенного войной хозяйства и даже был в списках тех, кто принимал участие в возрождении края. Создав семью и не падая в грязь лицом от повседневных пьянок, мог бы сохранить твердость духа в самом себе и привить детям любовь и уважение к труду, к ближним своим, заронив тем самым доброе зерно в благодатную почву своих потомков и их последующих дел, встретить достойно старость, с гордостью подняв для всеобщего обозрения, как стяг, все свои прожитые годы, вместившие в себя лишения военных лет, да и почитай всю многотрудную его, селянина, жизнь. Чтобы умирая, как говорил Павка Корчагин, не было стыдно

за бесцельно прожитые годы. Да и в последний путь отправиться из своей хаты как положено, в чистой, по христианским обычаям, одежде. Эх, кабы так!

Мы редко в молодости задумываемся о последствиях, которые кроются в наших ошибках и которые через толщу времени вдруг накрывают нас взявшимися ниоткуда проблемами. То, что в молодости кажется

нам легким, пусть и порочным, увлечением, с возрастом приобретает характер болезни. То, что в молодости в нас кажется ничем неприметным изъяном, в зрелом возрасте оборачивается пороком. Упаси нас, Господи, совершать деяния опрометчивые, за которые в старости придется платить двойную цену, лишив себя добровольно покоя и разума.

ЭПИЛОГ

Короткий ноябрьский день был на исходе. Вслед за мелким дождем, который на земле образовывал ледяную корку, ложился густой, пушистый снег. Было что-то трагическое в его монотонном кружении, изредка прерываемом сильными порывами ветра, который вносил сумбур в величественные действия природы. Сумерки сгущались; смешавшись воедино со снегом, они становились сплошным темно-серым месивом. А снег все ложился и ложился плотным слоем на ветви деревьев, сбросивших опостылевшую за лето листву, на провода, что распростерли свои нити над жнивьем, ложился бархатной скатертью от пункта «С» до одинокого бро-

шенного дома, расстояние между которыми равнялось примерно трем тысячам стариковских шагов. Снег замедлил падение, и тучи, враз оказавшиеся не у дел, попрятались. К утру сильно подморозило. Еще ночное небо заигрывало с молодым, только что народившимся месяцем, когда завывала где-то вдалеке деревенская собака истошно и протяжно.

Серафимыча нашли утром на обочине дороги замерзшим всего в сотне шагов от дома и в сотнях тысяч шагов от потерянного им, по его недоумию, счастья.

*4 марта – 10 мая 2005
Отрадное*

Любовь МОСКУН

ОТКУДА ВКУС ПОЛЫНИ?..

Откуда вкус полыни на губах?
Его осенним ветром нанесло.
Бессмысленно летать в своих мечтах,
Пора бы становиться на крыло.

Откуда вкус полыни на губах?
Его оставил чей-то поцелуй.
О скалы разбивает птицу страх,
Но ты над бренным телом не горюй.

Откуда вкус полыни на губах?
Быть может, это горечь от измен?
Ах, сколько уж голов коснулось плах,
Пытаясь оправдать греховный плен.

Откуда вкус полыни на губах?
Я смыть его хочу живой водой
И, словно птица в белых облаках,
парить свободно над своей судьбой.

* * *

Как листья осени минувшей,
Мои надежды обманувшей,
Слетают дни с календаря.
Любви истории печальной
Конец я знала изначально,
Я понимала, что все зря.

И разговоры, и свиданья,
Души нелепые терзанья,
Когда на сердце пустота,
Лишь приближали расставанье.
К чему теперь твоё признание?
Я все равно уже не та.

Ты не суди – судим не будешь,
Меня ты скоро позабудешь,
Как многих позабыл других.
Я не хочу такую долю, –
Как птица, я стремлюсь на волю, –
Я не люблю ролей вторых.

Под звук Эола арфы нежный
Я скину белые одежды
И снова небо обрету.
И с дружной журавлиной стаей
В края другие улетаю,
С тобой прощусь я на лету.

ПОДАРИ МНЕ ЭТОТ МИР

Подари мне этот мир, подари.
Ночи лета до зари – подари.
Ты туманом околдуи тишину
И люби меня одну, лишь одну.

Подари мне все цветы, подари.
Разожги огонь любви – пусть горит.
И пока свеча стоит на окне,
Будешь ты принадлежать только мне.

А когда прогнутся травы от рос
И растает тьма от утренних звезд,
Разойдемся мы с тобой по домам,
Тайну ночи поделив пополам.

Надежда ТОПТЫГИНА**СЛАДКАЯ ЯГОДКА**

Не горной, не грусти, не печалься –
 Бабье лето лугами идет!
 Может быть, запоздалое счастье
 По дороге в твой дом завернет.

Распахнет голубую калитку –
 И к тебе! – чтоб вдвоем вечерять;
 Не скрывайся под панцирь улиткой –
 Торопись сладкой ягодкой стать.

Запоздалой любви хризантемы
 Принимай из восторженных рук.
 Разрешатся любые проблемы,
 Если рядом надежный твой друг.

Бабье лето вторгается в осень
 Красотою погожего дня:
 Паутинки тончайшая проседь
 Серпантинном свисает до пня.

И хоть в поле желтеет солома –
 Все равно на душе благодать.
 Сбрось усталую сонную дрему –
 Сладкой ягодкой стань ты опять.

И запомни, моя дорогая:
 Время наше не движется вспять,
 Бабье лето проходит, играя, –
 Торопись сладкой ягодкой стать!

Алевтина УМАНСКАЯ**ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ**

По каменистому, замшелому мосту
 Идут устало Мастер с Маргаритой –
 В страданиях обрели свою мечту,
 Дорога в мир иной для них открыта.

Всегда вдвоем, как в жизни, налегке,
 Его талант – с ее любовью рядом.
 Их вечный дом уже невдалеке
 Виднеется, увитый виноградом.

На черепичной крыше первый луч
 С восходом солнца весело играет.
 Под ней венецианское окно,
 Блеснув, осколки неба отражает.

Там ждет их мир ушедшей старины:
 По нотам Шуберта аккорды клавесина,
 При свете звезд беззвучье тишины,
 Негромкая беседа у камина.

В вечерний час, когда начнет темнеть,
 Седой слуга уж свечи зажигает.
 Придут друзья, играть будут и петь –
 И прошлое бесследно отступает.

Весенним днем под вишнями гулять
 Они пойдут – за прежнее награда.
 И только ей дано оберегать
 Его покой – им большего не надо.

Леонид ШАХОВ

* * *

Ты стояла в реке,
 Вода обнимала колени,
 Течением плавным
 Плескала о берег песчаный.
 На лица ложились
 Усталые летние тени.
 Время застыло,
 Оттерив нам точку начала.

А я пел свои песни,
 Растворяясь в гармонии звука.
 Голос странно ломался,
 И он не дотягивал ноты.
 В моих песнях сквозила
 Такая нелепая мука,
 Что я сам забывал,
 А быть может, пугал аккорды.

В голове все кружилось,
 Кровь моя бродила, как пиво.
 Чтобы в воду не пасть,
 Я сидел и держался за струны.
 Ты стояла в реке,
 В твоём образе столько милого было.
 Мою грудь обжигали
 Мерцанием пламени руны.

А потом нам с тобою
 На море безумно хотелось
 Укатить автострадой
 И на день позабыть все на свете,
 С восхищеньем смотреть
 На вечнозеленые сосны,
 Распустить длинные волосы с плеч
 И с восторгом подставить под ветер.

* * *

Мы лежали в траве,
 Наши мысли безмолвно сплетались,
 Мы забыли про маму, зачеты,
 друзей и работу,
 Кроме звездного неба,
 Нам с тобой ничего не досталось –
 Мы с тобой
 не живем по расчету!
 Вспоминали тот вечер,
 Когда мы смотрелись из дома,
 Одинокий костер,
 И желанье сидеть до рассвета,
 И о том, что мы якобы
 Вечность с тобою знакомы
 И так любим вкушать
 Впечатленья
 прошедшего лета...

И я снова был пьян –
 Ты же знаешь, не от вина,
 Не от жалящей водки, –
 А усталая ночь
 В теплых водах реки искупалась,
 И в душе зазвенела струна:
 На ней поменяли обмотку.
 Бесновалась она
 И знакомой весной чертыхалась,
 Но мы знали с тобой,
 Что прекрасное длится недолго, –
 Мы вернулись с небес,
 Словно гости, сбежав с карнавала.
 И растягивалось время –
 Оно добрело до порога,
 И безумно короткой
 Казалась дорога домой...

Алена ШАХОВА

* * *

Ну и что, что сегодня лето?
 Мы поднимемся на чердак,
 На полу расстелем газеты,
 Уберем извечный бардак,

Занавесим узкие окна –
 Пускай в полдень обрушится тьма...
 Загораются свечи и сонно
 Наполняет чердак тишина.

На двоих – одно старое кресло,
 На столе – ежевика и торт.
 Ну и кто нас осудит, если
 Мы отпразднуем Новый год?

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНС В ПОЛУМГЛЕ

Погашена последняя свеча,
Вино допито, вдребезги бокалы.
Мы расстаемся молча, не спеша,
Касаясь губ, уже чужих, устало.

Еще с утра все письма мы сожгли,
Что никогда друг другу не писали.
Уже с утра ни слова о любви –
Мы оба свои ставки проиграли.

Уходишь в ночь. На сердце тишина.
Ни вздоха, ни улыбки. Равнодушно
За мной следит зеленая луна,
И в комнате от роз прощальных душно.

Настало время распахнуть окно
И снять оковы вечности и боли.
Вдвоем нам стало скучно и темно –
Пора вкусить солено-горькой воли.

Погашена последняя свеча,
Но одиночество опять случайным гостем
Дотронулось до смуглого плеча
И жизнь мою разыгрывает в кости.

* * *

Ну вот и выпал первый белый снег,
У нас почти Москва теперь, мой милый, –
Пусть нет Кремля, неспешен жизни бег,
Но в белом всё: машины, крыши, ивы.

Такой же хруст под черным каблуком,
Такой же вкус и запах снегопада.
Снег пахнет волшебством и молоком,
Ложится на ладони и ограды,

Целует нежно в губы, не спеша,
Смакуя каждый миг, от ласки тая, –
И замираешь молча, не дыша,
Продлить холодный поцелуй мечтая.

Закрой глаза, забудь, что ты в Москве,
Сверни, затем иди по переулку.
Есть только снег, мы двое в ноябре.
Дай руку – приглашаю на прогулку...

Раиса ЭЙЗЕНБЕЙС

ЛЕСНОЙ «ПОЖАР»

Полыхал в лесу «пожар».
Ветер всю листву собрал,
В ком тугой ее скрутил,
Снова по лесу пустил.

А листва «огнем горит»,
От «огня» в глазах рябит
Рыжих, красных, всех мастей
Полных осени страстей.

Я беру в охапку осень,
На опушку выношу.
Приглашаю всех вас в гости,
Осень проводить прошу!

Как мало в жизни я успела,
А осень долго не ждала.
Я и понять-то не сумела –
В свои хоромы привела,

В свои одежды обрядила,
Упрятав мягкие цвета,
И все желанья подновила
Совсем другая красота.

А листва осени – наряды,
Цвет неба – седина волос.
Выводит жизнь свои рулады,
Как соловей среди берез.

В лесу увидела калину –
Скромна, красива, как всегда,
Цветной платок на ветви кинут, –
Она была немолода.

А рядом дуб, старик столетний,
Принарядился точно франт,
Как «паренек» сорокалетний, –
Весь в желтом и зеленый бант.

Пылают заревом пожара
Рябины кисти на юру.
Взгляни на небо – там Стожары
Расскажут, кто живет в бору.

Но как мудра, красива осень,
У клена лучше ты спроси.
Тебя прошу я очень, просинь:
Огонь листвы не погаси.

ГОЛУБЫЕ СНЫ

В предрассветной дымке голубело лето,
Над рекой клубился голубой туман.
Голубые тени не спешили к свету,
Чтобы превратиться в голубой обман.

Голубые блики горы подсинили,
Даль заголубела, сказкою маня.
Голубые нити над рекой поплыли,
И шептали что-то тихо тополя.

Голубую дымку солнце растопило,
Обагрились небо, рощи и леса.
Голубые нити речка поглотила,
Серебром сверкала ранняя роса...

Кружится размеренно шарик голубой.
Вспыхнули под солнцем травы бирюзой.
Желтый шарик катится, жизнь земле даря.
Жаром полыхает алая заря.

В голубой кровати слышится сопенье,
Снятся моей внучке голубые сны.
 Попрошу у Бога я за все прощенья:
 Дети в нашей жизни – ангелы весны.

ПРИМЕЧАНИЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ

В настоящем издании публикуются работы авторов, живущих (или живших ранее) в Черняховском районе, в том числе членов творческих объединений (историко-краеведческое общество «Седьмая земля», литературное объединение «Рассвет», молодежная журналистская студия «ФиЛир»), нашедших приют под кровом Черняховской центральной библиотеки (муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система»). Некоторые статьи, очерки, литературные произведения уже печатались в районных и региональных изданиях, большая же их часть увидит свет впервые.

К ряду материалов прилагаются списки использованной литературы, ссылки на источники, сноски, составленные авторами, а также пояснения редакторов.

ВЕРСТЫ ВРЕМЕНИ

Ерофеев И.В. Хроника первых послевоенных лет. Инстербург-Черняховск: 1945 – 1950. – Публикуется впервые. В работе использованы документы, хранящиеся в архивном отделе администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район», материалы газет «Коммунист», «Сталинец», «Полос», «Полос+ТВ» (Черняховск), «Калининградская правда», а также издания:

Берега Анграпы: Худож.-публицист. альманах. – Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. – 2006. Вып.2: Дело Геннадия Разумного: спецвыпуск / ред.-сост. И.В.Ерофеев, Г.В.Каштанова-Ерофеева; авт. вст. ст. А.О.Виноградов. – 2006.

В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В.Н. Маслов; ред. кол.: Ю.В. Костяшов [и др.]; адм. Калинингр. обл. ком. по делам арх. [и др.]. – Калининград: Изд. ИП Мишуткина И.В., 2004.

Всемирный биографический энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин [и др.] – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Воробьев В. Товарищи с Западного фронта. – М.: Воениздат, 1964.

История края (1945-1950): учебное пособие для студентов-историков Калининградского государственного университета / В.Г. Бирковский [и др.] – Калининград, 1984.

Калининградская милиция: очерки, воспоминания, документы. 1946-2001 гг. / авт.-сост. В.А. Чепрасов; Под. ред. С.Г. Кушнерова, В.Б. Лихущина. – Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2001.

Калининградская область. История. Экономика. Культура. Природа. – Калининград, 1978.

Калининградские архивы: материалы и исследования. Вып. 2. – Калининград, 2000.

Лес, годы и люди: (док., крат. ист. справки, воспоминания ветеранов): 50 лет Калинингр. упр. лесами / ред.-сост. Г.Н. Завадис. – Калининград, 1997.

Летопись Калининградской области / С.П. Гальцова [и др.]; Ком. по делам арх. администрации Калинингр. обл. [и др.]. – Калининград, 2005. – Кн.1.

Самая западная: сб. документов и материалов о становлении и развитии Калининградской

области. В 4-х вып. / Архив. отдел Калининградского облисполкома; сост. В.М. Арнаутевич [и др.]; редкол.: ...В.С. Исупов (гл.ред.). – Калининград: Кн. изд-во, 1980. – [Вып.] 1. – 1946–1952 гг. – 1980.

Становление и развитие Калининградской области: межвузовский сборник. – Калининград, 1978.

URL: <http://www.yantene.ru>

Они возрождали край. Страницы Именной книги организаторов становления и развития Калининградской области. – Материал подготовлен на основе издания:

Именная книга организаторов становления и развития Калининградской области: историко-документальный очерк. – Калининград: ГП «КГТ», 2002.

Ерофеев И.В. Сельское хозяйство Черняховского района. 1945–1970. – Вариант статьи, в котором охватывается период с 1946 года по 2005, опубликован в издании:

История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов; М-во сел.хоз-ва и рыболовства Калинингр. обл., Рос. гос. ун-т им. И. Канта, Гос. арх. Калинингр. обл. [и др.]. – Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006.

В данном выпуске альманаха печатается материал, частично переработанный и сокращенный.

¹ Сталинец. 1951. №42. 7 апреля.

² Сталинец. 1950. №41. 4 апреля.

³ Сталинец. 1950. №110. 12 сентября.

⁴ Сталинец. 1950. №123. 12 октября.

⁵ Сталинец. 1951. №40. 3 апреля.

⁶ Сталинец. 1951. №30. 10 марта.

⁷ Сталинец. 1951. №15. 3 февраля.

⁸ Сталинец. 1955. № 5. 11 января.

Ерофеев И.В., Каштанова-Ерофеева Г.В. Иван Миронов: вехи жизни. – Очерк публикуется впервые.

Ерофеев И.В., Каштанова-Ерофеева Г.В. «Труд мне всегда был в радость...» – Очерк впервые опубликован под заголовком «Когда труд – в радость» в сборнике «История сельского хозяйства Калининградской области» (Калининград, 2006). В настоящем издании печатается с частичными изменениями.

¹ Долгополов Николай Васильевич – см. материал «Они возрождали край».

² Коновалов Николай Семенович – второй, затем первый секретарь обкома КПСС; избирался

депутатом Верховного Совета СССР, областного Совета.

Кленовый А.В., Гулиева Ю.Е. «История совхоза “Калининградский”». (По материалам из архива музея Привольненской школы). – Публикуется впервые.

¹ Ныне Балтийская коса.

² Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Крейтин [и др.]. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. С.443.

³ Центральный архив Министерства обороны РФ. Оп.5926. Д.26. Л.79.

⁴ Знаменск, Гвардейск, Черняховск, Низовье, Калининград соответственно.

⁵ Очерки истории Восточной Пруссии. С.449.

⁶ Государственный архив Калининградской области. [ГАКО]. Ф.332. Оп.1. Д.1. Л.18.

⁷ Сборник документов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – 1975. Т.1. – М., 1975.

⁸ ГАКО. Ф.183. Оп.5. Д.1. Л.9-12.

⁹ Костяшов Ю.В. Заселение Калининградской области после Второй мировой войны. – М., 1996. С.87.

¹⁰ Оставленные на длительное время без обработки, заросшие пахотные участки земли.

¹¹ Инфекционное кишечное заболевание.

¹² Именная книга организаторов становления и развития Калининградской области. – Калининград: ГП «КГТ», 2002. С.346.

¹³ Там же. С.339.

¹⁴ Правление совхоза «Коммунар» находилось в пос.Щеглы.

¹⁵ Судьба комплекса печальна. В период с 1999 года по 2001 он варварски уничтожался, пока не был разрушен до основания, только одинокие белые столбы напоминают сейчас о «чуде механизации».

Смирнов Д.С. Черняховский государственный племенной рассадник остфризского скота. (По материалам из архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район»). – Статья написана на основе материалов, хранящихся в архивном отделе администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район» (далее АОАЧР), специально для данного издания и публикуется впервые. Автор, студент Российского государственного университета им. И. Канта, руководитель студенческого научного общества исторического факультета, был бы благодарен за отклики, вопросы, замечания, которые можно направить ему электронной почтой (e-mail: smirnoff.dmitriy@mail.ru; vasilisk.88@mail.ru).

¹ Государственный племенной рассадник (ГПР) – государственная организация в СССР, ведущая племенную работу на племенных и товарных фермах колхозов и совхозов в районах наибольшего распространения животных определенной породы. До 1960-х годов ГПР играли важную роль в совершенствовании многих существующих и

создании новых пород сельскохозяйственных животных. С внедрением в практику животноводства искусственного осеменения на базе большинства племенных рассадников возникли государственные станции по племенному делу и искусственному осеменению.

² С 1947 года Черняховский госплемрассадник находился в пос.Круглое Калужского сельсовета (быв. Россталь); позднее, в 1949-1950 годах, предприятие переехало в пос.Маёвка Черняховского района. С конца 1970-х годов и в 1980-е годы контора племенной станции располагалась по адресу: г.Черняховск, ул.Пионерская, 3. В числе обслуживаемых госплемрассадником хозяйств был и колхоз им.Сталина (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.4-6. Л.19).

³ Основана на материалах Архивного отдела администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район».

⁴ Не считая внештатных, сезонных, рабочих (в среднем от 1 до 4 человек ежегодно).

⁵ Так, по состоянию на 15 ноября 1949 года из 10 работников предприятия 6 имели высшее образование, «которое было получено ими в ведущих сельскохозяйственных вузах СССР» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.8. Л.53).

⁶ Как правило, это должности директора, зоотехника, зоотехника-селекционера, зоотехника по искусственному осеменению, агронома, бухгалтера и т.д.

⁷ Например, рабочие по заготовке сена или гречки.

⁸ Так, в выводах ревизионной комиссии от 9 июня 1951 года содержится буквально следующее: «...бухгалтерские документы Черняховского госплемрассадника не полностью оформлены: ...не заключаются договора с населением на работы по заготовке сена для лошадей...» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.10. Л.9-10). Выводы комиссии от 14 января 1954 года еще более удручающие: «...за период с 1952 года по январь 1954 установлен ряд упущений в работе Черняховского рассадника: не заведены личные дела на некоторых сотрудников, отсутствует учет трудовых книжек, перерасход зарплаты 0,9 тыс. рублей» (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.15. Л.4).

⁹ Применительно к исследуемому нами предприятию.

¹⁰ Обращает на себя внимание масштаб территории, входившей в зону деятельности организации (часть колхозов Гвардейского, Черняховского, Правдинского и частично Нестеровского районов), что представляет определенный интерес в плане рассмотрения вопроса об административно-хозяйственном делении территории Калининградской области, которое по большей части остается неизученным.

¹¹ Тогда как план на 1951 год составлял 2500 литров.

¹² На 20 мая 1951 года организовано 5 пунктов искусственного осеменения (АОАЧР. Ф.158. Оп.1. Д.10. Л.12).

¹³ Падёж составил 11%.

¹⁴ Впрочем, это единственный случай столь радикального вывода ревизионных органов.

¹⁵ На 1978 год свиней насчитывалось 1265 голов, тогда как в 1967 году их было 928 (АОАЧР. Ф. 158. Оп. 1. Д. 55, 59. Л. 23, 24).

¹⁶ Исходя из сохранившихся документов Черняховского госплемрассадника (станции по племенной работе), мы не можем проследить вектор развития организации после 1986 года, т.к. в архиве документы данного периода отсутствуют, равно как и сведения о ликвидации станции.

¹⁷ Например, фондов колхозов и совхозов, входивших в сферу деятельности Черняховского рассадника, или документы Главного управления госплемрассадников по Калининградской области на основании фондов ГАКО.

Ты – черняховец! (*Из анкет, собранных пионерами города в 1970-1980-е годы.*) – Данные материалы публикуются впервые. Оригиналы анкет хранятся в МИДЧ (ДЮОЦ), располагающемся в здании школы №8 (ул. Ленинградская, 18).

¹ Конезавод №7 – Калининградский конный завод №7 Черняховского района, образованный в 1960 году на базе Черняховской государственной заводской конюшни в пос. Маёвка; в 1992 году преобразован в ТОО «Конный завод "Калининградский"», с 2002 года – ЗАО «Конный завод "Теоргенбург"».

² Теперь здание, в котором находился детский сад №8, занимает филиал Московского социально-психологического института.

ЖИВОЙ ГОЛОС ИСТОРИИ

Гудилин В.А. О времени, родных и о себе. (*Из воспоминаний.*) – Материал публикуется впервые.

Мазалова Л.П. А значит, жил и воевал он не зря... – Очерк публикуется впервые.

Хабибуллин В.Н. Династия. – Очерк публикуется впервые.

¹ Гвоздильно-сеточный завод.

Каишанова-Ерофеева Г.В. Редактор. – Очерк впервые опубликован в черняховской газете «Полнос + ТВ», №75 (574) за 22 июля 2005 года, к 80-летию со дня рождения Николая Александровича Белана. Сокращенный вариант вошел в сборник «Страницы истории калининградской журналистики» (ред.-сост. Л.Е. Родименко), выпущенный в Калининграде в 2007 году. В настоящем издании печатается полностью.

Каишанова-Ерофеева Г.В. Настоящее время Всеволода Остена. – Очерк впервые опубликован, в сокращении, в сборнике «Страницы истории калининградской журналистики» (2007). В настоящем издании печатается полностью.

Каишанова-Ерофеева Г.В. «В каждой строчке – души моей свет...» – Очерк впервые опубликован в газете «Полнос + ТВ» №60(559) за 17 июня 2005 года к 70-летию со дня рождения черняховского поэта Петра Макаровича Гречишниковца.

Сидоренко О.И. Не очерствела сердцем и душой... – Очерк публикуется впервые.

Шахова А.А. Добрая улыбка добрым людям. – Очерк публикуется впервые.

Первые годы мира и труда. (*Из материалов, собранных волонтерами Черняховского ГДК.*) – Воспоминания первых переселенцев, записанные волонтерами Черняховского городского Дома культуры, публикуются впервые.

Каишанова-Ерофеева Г.В. Его стихия – радиоэфир. – Очерк публикуется впервые.

Кучина Г.Г. Одна судьба. – Очерк публикуется впервые.

Вспоминают старожилы. (*Из материалов, собранных юными краеведами школы №5 г. Черняховска, а также представленных жителями Черняховского района.*) – Воспоминания первых переселенцев, записанные краеведами школы №5 и родственниками и знакомыми старожилы, публикуются впервые.

Дмитриев М.А. «Черняховск – наша родина...» – Очерк публикуется впервые.

Эйзенбейс Р.Р. Живет такой человек... – Очерк публикуется впервые.

Юрьева Н.Н. Семья – ровесница области. (*По материалам из Музея имени И.Д. Черняховского Детско-юношеского центра г. Черняховска.*) – Очерк публикуется впервые.

ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Гахов А.К. Витинг. – Повесть впервые опубликована в издании: А.К. Гахов. Оберег: Повести. – Калининград: Терра Балтика, 2007. Вариант, помещенный в данном выпуске альманаха, подготовлен его редакцией к печати несколько ранее. Собственные наименования даются преимущественно в авторской транскрипции, имена персонажей прусских и скандинавских мифов – в соответствии с написаниями, принятыми в издании:

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т.1. – М.: Сов. энциклопедия, 1992. – Т.2.

Составленный автором *Словарь* дополнен выпускающим редактором (Г.Каштановой-Ерофеевой) на материале изданий:

Большая Российская энциклопедия. – М., 2006. – Т.5. – М., 2007. – Т.8; *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990; *Гуревич А.Я.* Походы викингов. – М.: Наука, 1966; Литва: краткая энциклопедия. – Вильнюс: Гл. редакция энциклопедий, 1989; Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретицин [и др.]. – Калининград: Янтарный сказ, 2002; Словарь исторических терминов / сост. В.С. Симаков; под ред. А.П. Крюковских. – СПб: ЛИТА, 1998; [и др.].

СЛОВАРЬ

Барздуки («бородаты») – в прусской мифологии гномы, помощники бога Пушкайтса,

маленькие человечки, живущие под землей и, видимо, связанные с богатством. (Ред.)

Бартия – одна из одиннадцати прусских земель; ныне территория, занимаемая Гвардейским и Правдинским районами.

Брутен – в прусской мифологии культурный герой. Согласно источникам XVI века, вместе с братом Видевутом прибыл в Пруссию по морю к устью Вислы. Основал главный прусский культовый центр Ромове, воздвиг там «жилище» для богов Патолса, Потримпса и Перкунса и стал первым верховным жрецом Криве-Кривайтисом. Оба брата почитались как боги. (Ред.)

Брутения – один из вариантов общего наименования земель древних пруссов, который употреблялся европейцами предположительно с IX века (а также Прутения, Пруссия). [Не самоназвание. (Ред.)]

Вайделот – жрец у пруссов.

Вармия – одна из земель пруссов, часть территории совр. Ольштынского воеводства (Польша).

Видевут – в прусской мифологии культурный герой, брат Брутена. Учредил у пруссов социальную организацию, светскую власть, был избран «королем». (Ред.)

Викинги (vikings, «люди фьордов») – скандинавы – участники морских торгово-грабительских и завоевательных походов в конце VIII – середине XI веков в европейские страны. На Руси их называли варягами, в Западной Европе – норманнами («северными людьми») или данами. На земли пруссов викинги (шведы и особенно датчане) начали нападать с IX века. В X веке в Самбии были их колонии. (Ред.)

Витинг – воин у пруссов.

Вотан (Водан) – см. *Один*.

Галиндия – одна из прусских земель, ныне часть территории Ольштынского воеводства с центром в г.Остроленка.

Дракар – боевой корабль викингов.

Жмудь, жемайты – одно из литовских племен.

Звайгстикс – в прусской мифологии божество света и плодородия. (Ред.)

Зупан – военачальник среднего ранга у пруссов.

Кауп – торгово-ремесленное поселение в Самбии, юго-западнее совр. Зеленоградска (у пос.Моховое). (Ред.)

Конгос – высший военачальник у пруссов.

Криве-Кривайтис – верховный жрец у пруссов.

Курке – в прусской мифологии злой дух, вредящий злакам. (Ред.)

Латрон – бродяга, разбойник.

Лигаионы – у пруссов жрецы, принимавшие участие в обрядах восхваления умершего. (Ред.)

Ляма – ведьма.

Надровия – земля пруссов, на которой ныне располагаются Черняховский район, а также частью территории Полесского, Гусевского районов, Сувалкского воеводства (Польша).

Натангия – земля пруссов, на которой ныне располагаются частью территории Гурьевского, Правдинского, Багратионовского районов.

Один – в скандинавской мифологии верховный бог, соответствующий западногерманскому Водану (Вотану), бог неба и войны, бог военной магии и военной дружины, покровитель героев и сеятель раздоров между ними. (Ред.)

Окопирмс («самый первый») – в прусской мифологии высший бог.

Патолс – в прусской мифологии бог подземного мира и смерти. Патолс вместе с Перкунсом и Потримпсом составляли триаду богов первого уровня, изображавшихся на знамени Видевута и на священном дубе в Ромове. (Ред.)

Перкунс (Перкунас) – в прусской мифологии бог-громовержец, помощник и исполнитель воли Окопирмса. В триаде богов символизирует верхний мир, небо, гром, дождь, небесный огонь как космологические элементы, в отличие от Потримпса (земля, урожай, злаки) и Патолса (преисподняя, смерть). (Ред.)

Погезания – земля пруссов, часть территории совр. Эльблонгского воеводства (Польша).

Потримпс – в прусской мифологии юный бог рек, источников, весны, цветения, плодородия.

Прегора – река Преголя (нем. Прегель). (Ред.)

Пруссы – племена западных балтов – прежде всего самбы (сембы, замы), натанги, вармы, барты, – населявшие Юго-Восточную Балтику; исчезли с лица земли вследствие завоевания и ассимиляции. (Ред.)

Пушкайтс – в прусской мифологии божество, связанное с землей и находящееся под священной бузиной (согласно «Хронике» Бреткунаса – божество, ведающее плодами земли, в частности злаками, по Я.Малецкому – покровитель священных рощ). (Ред.)

Рикис – в воинской иерархии пруссов младший начальник.

Самбия – земля пруссов, располагавшаяся на полуострове, который получил наименование Земландского (Замландского).

Скаловия – земля пруссов, ныне территория, занимаемая Славским и Неманским районами.

Сигтуна – город в центральной Швеции, расположенный на берегу озера Меларен, которое связано проливом с Балтийским морем; в прошлом один из важнейших политических и религиозных центров. (Ред.)

Судовия (Ятвягия) – земля пруссов (или близкого пруссам племени), где ныне располагаются Нестеровский район и часть территории Сувалкского воеводства.

Твангсте – городище пруссов в устье Прегоры.

Тримпс – бог моря у пруссов. [Точнее, бог плодородия. Однако именно к этому персонажу восходит в реконструкции бог моря Аутримпс. (Ред.)]

Трусо [Трузо] – торгово-ремесленное поселение в дельте Вислы (автор повести переносит его в устье Прегоры) со смешанным населением

из пруссов и выходцев с острова Готланд; ок. 850 года разрушено викингами. (Ред.)

Тулисоны – у пруссов жрецы, отправлявшие похоронные ритуалы.

Хедебю – торгово-ремесленное поселение викингов на полуострове Ютландия (на севере совр. немецкой земли Шлезвиг-Гольштейн), откуда суда волоком перемещались из бассейна Балтийского моря в бассейн Северного. (Ред.)

Хрон – река Неман (по некоторым источникам – Преголя). (Ред.)

Борода Виктор. Жаба; Догонялки. – Рассказы публикуются впервые.

[Стихи и лирические миниатюры членов Черняховского литературного объединения «Рассвет»]. – Некоторые работы публиковались в литературных рубриках черняховских газет: «Полнос» («ЛитАвР»), «Полнос + ТВ» («Палитра муз»).

Бочкарев М.П. Серафимыч. – Рассказ публикуется впервые.

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОГРАФИЙ И РИСУНКОВ

В указаниях на правообладателей и место хранения визуальных материалов используются следующие *сокращения*:

АОАЧР – Архивный отдел администрации муниципального образования «Черняховский муниципальный район».

КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей.

МИДЧ – Музей боевой и трудовой славы имени И.Д.Черняховского Детско-юношеского центра г.Черняховска.

МПШ – Музей Привольненской средней школы Черняховского района.

МЖДУ – Музей истории Черняховского железнодорожного узла Калининградской железной дороги.

С.6. Памятник Герою Советского Союза Шота Леонидзе в пос.Калиновка Черняховского района. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.7. Военный корреспондент Александр Иванович Станов в Инстербурге. 20 февраля 1945 года. Из фондов КОИХМ.

С.8. Коллектив ЛОВД ст.Черняховск Литовской железной дороги. 1950 год. Из фондов МЖДУ.

С.9. Угол улиц Сулинской (ныне ул.Калинина) и Пионерской. 1950-е годы. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.10. Передовой работник вагонного депо ст.Инстербург Д.Н. Сычевский. Конец 1940-х годов. Из фондов МЖДУ.

С.11. Черняховский речной порт. Из личных архивов горожан.

С.12. Здание Черняховского райисполкома в пос.им.Кирова (быв. Шприндт). Конец 1940-х годов. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.13. Первый председатель Черняховского горисполкома Николай Григорьевич Зинович (1-й слева), секретарь ГК КПСС Сидорчук (1-й справа). 1947(48) год. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.14. Ул.Пионерская. 1947-1948 годы. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.15. Контора благоустройства. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

С.16. Черняховский маслозавод. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.17. Коллектив ШЧ (дистанция сигнализации, централизации и блокировки) ст.Черняховск. 1952 год. Из фондов МЖДУ.

С.18. Фонтан со скульптурной группой «Дружба народов» у городского театра (Дом офицеров). 1950-е годы. Из семейного архива Климовых.

Перед товарищеским матчем. 1950-е годы. Из семейного архива Каштановых.

С.19. У городского стадиона. 1950-е годы. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.20. Городская Доска почета на углу улиц Спортивной и Первомайской (ныне ул.Ленина). Конец 1940-х годов. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.21. Спортивный праздник на Черняховском стадионе. Конец 1940-х годов. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.22. В пионерском лагере. Конец 1940-х годов. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.23. Канал, ведущий от Черняховского речного порта к Преголе. 1950-е годы. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.

С.24. Ул.Первомайская во время первомайской демонстрации. Начало 1950-х годов. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.25. Парад на Первомайской пл. (ныне пл.Ленина). Начало 1950-х годов. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.

С.26. Гвоздильно-сеточный завод. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.27. Первый памятник И.Д. Черняховскому. 1948 год. Из фондов МИДЧ.

С.28. Черняховский колхозный рынок. 1949 год. Фото Лунева. Из фондов КОИХМ.

С.29. Ул.Садовая у колхозного рынка и Театральной пл. (за площадью видны руины Тиволи-театра). 1950-е годы. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.

С.30. Фонтан в сквере у памятника погибшим воинам. 1-я половина 1950-х годов. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.

С.31. Памятник погибшим воинам на братской могиле (ул.Спортивная). Конец 1950-х годов. Водонапорная башня на ул.Спортивной. 1960(?)год. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

- С.32. Черняховская автостанция. 1957 год. Фото Чирина. Из фондов КОИХМ.
- С.33. Памятник А.С. Пушкину у автостанции. 1950-е годы. Из фондов МИДЧ.
- С.34. Вокзал ст.Черняховск. Конец 1950-х годов. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.
- С.35. Бюст И.Д. Черняховского в сквере у Привокзальной пл. Скульптор Мария Васильевна Прокофьева. 1950 год. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.
- С.36. Спортивный праздник на городском стадионе. Середина 1950-х годов. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.
- С.37. Сцена из спектакля по пьесе Б. Лавренева «Голос Америки» в постановке коллектива художественной самодеятельности городского театра (Дом офицеров). Макдональд – А. Лунин (слева), Кидд – А. Бугаенко. Режиссер И.П. Криворучко. Осень 1950 года. Из личного архива А.А. Лунина.
- С.38. Кинотеатр «Ударник». 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.
- С.41. 1-й секретарь ГК КПСС Владимир Петрович Дубасов. 1984 год. Из архива семьи Беланов-Козловских.
- С.42. Депутат Верховного Совета СССР Анна Степановна Плетнева (2-я справа). Конец 1950-х годов. Из личного архива В.Г. Мироновой.
- С.45. Колхоз им.Сталина Черняховского района. Уголок пос.Глушково. 1949 год. Из фондов КОИХМ.
- С.46. Колхоз им.Сталина. Колхозница А.К. Архипцева читает газету товарищам во время перемены на сенокосе. Июль 1949 года. Из фондов КОИХМ.
- С.47. Колхоз им.Сталина. Бригадир животноводов Е. Масько и А. Литвинова (справа) в поле. 1950 год. Из фондов КОИХМ.
- С.48. Черняховская делегация на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. 1960-е годы. Из личного архива В.Г. Мироновой.
- С.49. В колхозе им.Черняховского. Слева направо: Валентин Иванович Кравченко (председатель горисполкома), Б.А. Зайцев, Николай Прокофьевич Чака (председатель колхоза), Николай Александрович Белан (редактор газеты «Коммунист»). Из архива семьи Беланов-Козловских.
- С.50. Рысаки, выращенные на конезаводе №7. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.
- С.52. Председатель Черняховского райисполкома Иван Игнатьевич Миронов (справа) и 1-й секретарь горкома КПСС Василий Андреевич Логинов у Почетного Знамени Совета Министров РСФСР. 1957 год. Из фондов МИДЧ.
- С.55. Делегат 3-го Всесоюзного съезда колхозников доярка колхоза «Путь к коммунизму» Нина Михайловна Пожарицкая. Из фондов КОИХМ.
- С.57. Работа на волах. 1948 год. Из фондов МПШ.
- С.58. Вывоз навоза на участок. 1948 год. Из фондов МПШ.
- С.59. Строительство бани. 1948 год. Из фондов МПШ.
- С.60. Животноводческая бригада. 1955 год. Из фондов МПШ.
- С.62. На свиноферме. 1955 год. Из фондов МПШ.
- С.63. Животноводческая бригада. 1965 год. Из фондов МПШ.
- С.64. Передовики производства. 1965 год. Из фондов МПШ.
- С.66. Передовая животноводческая бригада. 1966 год. Из фондов МПШ.
- С.67. Передовая доярка В.Ф. Новченкова. 1966 год. Из фондов МПШ.
- С.69. Совхоз №7. Молодняк крупного рогатого скота. Из фондов КОИХМ.
- С.70. Колхоз им.Сталина. Свиноматки с молодняком на выпасе. 1949 год. Из фондов КОИХМ.
- С.71. Работницы Черняховской государственной станции по племенной работе (1-я справа – З.П. Лисовцова). Пос.Маёвка. 1974 год. Из личного архива З.П. Лисовцовой.
- С.72. Лаборатория Черняховской государственной станции по племенной работе в пос.Маёвка. 1974 год. Из личного архива З.П. Лисовцовой.
- С.73. Инстербург после штурма. Вид на Альтер Маркт со стороны Лютеранской кирхи. 22 января 1945 года. Из фондов АОЧР.
- С.74. Ул.Советская. 1947 год. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОЧР.
- С.75. Ул.Калининградская. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.
- С.76. Вид на ул.Ленина и сквер с Доской показателей предприятий. 1960-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.
- С.79. В.А. Гудилин. 1944 год. Из личного архива В.А. Гудилина.
- С.81. В.А.Гудилинвколхозе«Заря».1947(48)год. Из личного архива В.А. Гудилина.
- С.83. В.А. Гудилин. 1950-е годы. Из личного архива В.А. Гудилина.
- С.85. Председатель Черняховского горисполкома В.А. Гудилин (в центре). Из личного архива В.А. Гудилина.
- С.87. Полковник В.А. Гудилин. 1990-е годы. Из личного архива В.А. Гудилина.
- С.89. Сычевка. 21 мая 1941 года. Из личного архива Т.Я. Квитченко.
- С.90. Яков Кузьмич Хренов. Из личного архива Т.Я. Квитченко.
- С.94. Супруги Владимир Филиппович и Тамара Яковлевна Квитченко. 2007 год. Фото Светланы Мазаловой.
- С.95. Супруги Мария и Василий Кондаковы. 1951 год. Из архива семьи Кондаковых.
- С.96. В.П. Кондаков. Черняховск. 1955 год. Из архива семьи Кондаковых.
- С.97. Василий Кондаков с сыном Владимиром. 1953 год. Из архива семьи Кондаковых.
- С.98. Николай Александрович Белан. Конец 1940-х годов. Из архива семьи Беланов-Козловских.

С.99. Н.А. Белан (в центре) с друзьями и однополчанами. 1947 год. Из архива семьи Беланов-Козловских.

Николай Александрович Белан и Григорий Никитич Маслов в редакции газеты «Коммунист». 1956 год. Из личного архива Т.Г. Масловой.

С.100. День газеты «Коммунист» в городском парке. 9 сентября 1972 года. Фото П.А. Локтионова. Из архива семьи Беланов-Козловских.

С.101. Всеволод Викторович Остен. Черняховск. 1950-е годы. Из архива семьи Беланов-Козловских.

С.102. В редакции газеты «Коммунист». 1-я половина 1950-х годов. Всеволод Остен – в 1-м ряду в центре; Анатолий Лунин – 1-й справа во 2-м ряду. Из личного архива А.А. Лунина.

С.103. Книга В.В. Остена «Встань над болью своей». Москва, «Советский писатель», 1995 год.

С.104. Книга В.В. Остена «Встань над болью своей». Калининградское кн. изд-во, 1995 год.

С.105. Семья Гречишниковых в Черняховске у дома на ул.Озерной. К. 1940-х годов. Из личного архива В.М. Гречишникова.

Петр Гречишников. 1950-е годы. Из личного архива В.М. Гречишникова.

С.106. Петр Гречишников. Август 1951 года. Из личного архива В.М. Гречишникова.

Петр Макарович Гречишников. Конец 1960-х годов. Из личного архива В.М. Гречишникова.

С.107. Книга П.М. Гречишникова «Почему смеялись куры?». Калининградское кн. изд-во, 1976 год.

С.108. Клавдия Игнатьевна Андрияничева. Черняховский тубдиспансер. 1970-е годы. Из личного архива К.И. Андрияничевой.

С.109. К.И. Андрияничева (слева) в Черняховской инфекционной больнице. 1980-е годы. Из личного архива К.И. Андрияничевой.

С.110. Зоя Андреевна Сташевская. Из личного архива З.А. Сташевской.

С.112. Колхоз им.Сталина. Гнездо аистов на крыше скотного двора в пос.2-й бригады. Июль 1949 года. Из фондов КОИХМ.

С.113. Совхоз №7. Укладка картофеля в бурт. Из фондов КОИХМ.

С.114. Черняховский район. На сенокосе. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

Черняховский район. На грунтовой дороге. 1950-е годы. Из архивов семьи Беланов-Козловских.

Совхоз №7 Черняховского района. Молотьба на 2-м отделении (пос.Гноттау). Из фондов КОИХМ.

С.115. Василий Васильевич Гнездилов. Из личного архива В.В. Гнездилова.

С.116. В.В. Гнездилов и его воспитанники. 1980-е годы. Из личного архива В.В. Гнездилова.

С.117. Радиокружковцы 1970-х со своим наставником. Из личного архива В.В. Гнездилова.

С.118. Часы от Президента России. 2007 год.

С.119. Фрося Борисенкова (справа) сразу после приезда в Гремячье. 1946 год. Из личного архива Е.М. Шабан.

С.120. Ефросинья Михайловна Шабан (в центре) в колхозной конторе, где работала учетчицей. Из личного архива Е.М. Шабан.

С.121. Е.М. Шабан (2-я слева), Тамара Максимовна Черемисова (Ломакина) (2-я справа), Валентина Ивановна Кулеева (Лесовая) (в центре), фельдшер поселка (1-я справа), ?. Из личного архива Е.М. Шабан.

С.122. Клавдия Кузьминична Богданова. Из личного архива К.К. Богдановой.

С.123. На подъезде к ст.Черняховск. 1950-е годы. Фото В.Т. Климова. Из семейного архива Климовых.

С.124. Ул.Первомайская. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.125. Спортивная площадка у ГК ВЛКСМ (пер.Советский). 1950 год. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

С.126. Летний плавательный бассейн в г.Черняховске. Конец 1940-х – начало 1950-х годов. Из фондов КОИХМ.

С.127. Валентина Игнатьевна Соболева. Из личного архива В.И. Соболевой.

С.128. Супруги Роман Иванович и Ольга Ивановна Пея. Из личного архива О.И. Пея.

С.129. Лодочная станция в городском парке. Лодочная станция в городском парке. Конец 1950-х – начало 1960-х годов. Из личного архива Г.Н. Мороз.

С.130. Клавдия Шульженко со знаменитым платочком в руках. Кадр киносъемки выступления певицы («Синий платочек», 1942). Кинозал сайта klavdia-shulzhenko.narod.ru. URL: <http://video.yandex.ru>.

С.131. Лактионовы. Фото из семейного архива.

С.132. Зоя Ивановна (Зегре Занятулловна) Зябирова. Из семейного архива Зябириных.

С.133. Раис Зябиров с сыном Равилом. Из семейного архива Зябириных.

С.134. На автобусной остановке (Раис Абдулович Зябиров справа). 1950-е годы. Из семейного архива Зябириных.

С.135. Иван Михайлович Матва. Январь 1943 года. Из фондов МИДЧ.

С.135. Прасковья Антоновна Матва в фате, которую хранит со дня свадьбы. Из фондов МИДЧ.

С.136. Супруги Иван Михайлович и Прасковья Антоновна Матва с чемоданом-реликвией. Фото Сергея Треня. Из фондов МИДЧ.

С.138, 144, 153, 159, 164, 167, 175, 180. Графические работы художника Андрея Смирнова (замок Инстербург) из цикла «Песни древних пруссов».

С.187. В одном из черняховских дворики. Начало 1950-х годов. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.201. Во дворе дома №35 на ул. Садовой (поэз-же Тольятти, 8). 1958 год. Из семейного архива Каштановых.

С.204, 211, 214. Иллюстрации художницы Ирины Павловой (Гусев) к рассказу Михаила Бочкарева «Серафимыч».

ФОТОГРАФИИ НА ВКЛЕЙКАХ

С.1. Парад на Первомайской площади. Конец 1940-х годов. Из личного архива Л.Р. Чабан.

Развод почетного караула у Мемориала павшим воинам на ул. Спортивной. 1980-е годы. Из личных архивов горожан.

С.2. На реке Анграпе близ Радужного моста и Лютеранской кирхи. Лето 1945 (?) года. Фото П.А. Локтионова. Из фондов МИДЧ.

На берегу Анграпы близ Лютеранской кирхи. Декабрь 1949 года. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

С.3. Из личного архива Л.Р. Чабан:

Здание штаба 16-й дивизии на ул. Ленинградской. 1950-е годы. Фото И.Е. Чабана.

Станция. Блюменталь. 1949 год.

У Реформатской кирхи. 1949 год. Фото И.Е. Чабана.

С.4. Вид из окна на ул. Суворова. 16 января 1948 года. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

На Первомайской пл. 1950-е годы. Из личного архива Л.Р. Чабан.

На Первомайской пл. у 2-го Госпитального переулка (ныне ул. Князя М.Б. Баркляя-де-Толли). 1961 год. Из фондов МИДЧ.

На Первомайской пл. у въезда на ул. Партизанскую. 1950-е годы. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

На пл. Ленина. Начало 1970-х годов. Фото В.В. Гнездилова. Из личного архива В.В. Гнездилова.

Мост через Анграпу между улицами Л. Толстого и Октябрьской. 1950-е годы. Из личного архива В.Е. Васильева.

Ул. Театральная. Оставшаяся часть здания Тиволи-театра. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.5. Сквер на ул. Пионерской. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

Сквер на углу улиц Сулинской и Первомайской. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

Парикмахерская №1 на ул. Первомайской. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

Доска сатиры «Не проходите мимо!» в сквере на углу улиц Первомайской и Спортивной. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

С.6. Из личного архива В.В. Гнездилова:

Актер Павел Кадочников с коллективом Дома офицеров. 1957 год.

Певица Клавдия Шульженко с коллективом Дома офицеров. 1957 год.

С.7. Новогодняя елка у Дома офицеров. 1960-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

Дружинники вагонного депо. Конец 1940-х – начало 1950-х годов. Из фондов МЖДУ.

Самолет почтовой (?) авиации. 1960-е годы. Из семейного архива Беланов-Козловских.

Духовой оркестр вагонного депо. 1960-е годы. Из фондов МЖДУ.

С.8. В городском парке (у скульптуры «Девушка с мячом»). Начало 1960-х годов. Из личного архива Г.Н. Мороз.

Благоустроительные работы в городском парке. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

В городском парке. Мостик через р. Чернуппе. Конец 1940-х годов. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

Лодочная станция в городском парке. 1950-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

С.9. День пионерии в городском парке. 19 мая 1982 года. Фото В.В. Гнездилова. Из личного архива В.В. Гнездилова.

День пионерии в городском парке. 1960-е годы. Из личного архива Г.Н. Мороз.

С.10. В городском парке. 1980-е годы. Фото В.В. Гнездилова. Из личного архива В.В. Гнездилова.

На театрализованном детском празднике в городском парке. 1980-е годы. Из личного архива А.П. Котлярова.

С.11. На пляже у «Горбатого» (Радужного) моста. 1960-е годы. Фото И.Е. Чабана. Из личного архива Л.Р. Чабан.

На пляже у «Горбатого» моста. 1970-е годы. Фото В.В. Гнездилова. Из личного архива В.В. Гнездилова.

С.12. Бюст В.И. Ленина в сквере на углу улиц Сулинской и Первомайской. 1950-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

Сквер на углу улиц Калинина и Ленина. 1960-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

С.13. Фото П.А. Локтионова 1970-х годов из фондов АОАЧР:

Магазин «Детский мир» (теперь торговый центр «Макс») на ул. Калинина.

Дом пионеров и школьников на ул. Ленина.

Фонтан у кинотеатра «Ударник (ныне досуговый центр «Анита») и гостиницы «Первомайская» (ныне отель «Кочар») на ул. Ленина.

С.14. Фото В.В. Гнездилова (из личного архива автора):

Спортивный праздник на городском стадионе. 13 мая 1984 года.

Демонстрация в защиту мира. 1 июня 1984 года.

С.15. Фото В.В. Гнездилова (из личного архива автора):

Спортивный праздник на городском стадионе. Показательные прыжки парашютистов. 15 мая 1982 года.

Праздничное шествие в День Победы. 1980-е годы.

С.16. На перекрестке улиц Ленина и Спортивной в День Победы. 1984 год. Фото В.В. Гнездилова. Из архива В.В. Гнездилова.

Кинотеатр «Октябрь». 1970-е годы. Фото П.А. Локтионова. Из фондов АОАЧР.

МАТЕРИАЛЫ,

использованные в оформлении обложки

1-я сторона:

Переселенческий билет семьи Бакеевых (г. Черняховск).

Фото из семейного альбома Климовых. (В сквере у Мемориала павшим воинам. 1950-е годы).

Вырезка из городской газеты «Коммунист». (Фотография народной артистки СССР Любови Петровны Орловой).

4-я сторона:

Почтовая открытка с видами Черняховска. Фото Б. Штерна, В. Панасина. Калинингр. отд. Союза журналистов СССР. Фотохуд. студия «Объектив». [1970-е годы.] Из коллекции В.Е. Васильева.

Сберегательная книжка колхозника. Из фондов КОИХМ.

Вырезка из газеты «Знамя труда», выходившей в 1962-1965 годах в Черняховске. (1962. 29 марта. С.4.)

Автор шрифта для заголовка на обложке и титульном листе – художник Сергей Трень.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Айхенштайн – пос.Вороново¹
 Альтхоф – пос.Портовый, г.Черняховск
 Амвальде – пос.Сенцово
 Анграпп – р.Анграпа
 Ангерлинде – пос.Мичурино
 Ауленбах – см. *Ауловёнен*
 Ауловёнен – пос.Калиновка
 Биркен – см. *Грос-Бершкаллен*
 Блюменталь – ст.Овражная
 Вальдау – пос.Низовье Гурьевского района
 Вальдхаузен – ст.Пастухово
 Велау – пос.Знаменск Гвардейского района
 Вирбельн – пос.Жаворонково
 Виттгиррен – пос.Беломорское
 Ворпиллен – см. *Айхенштайн*
 Гайтцунен – пос.Новая Деревня
 Георгенбург – пос.Маёвка, г.Черняховск
 Георгенталь – пос.Доваторовка
 Гердауэн – пос.Железнодорожный Правдинского района
 Гестветен – пос.Нагорное
 Гноттау – пос.Ганино
 Грос-Бершкаллен – пос.Гремячье
 Грос-Бубайнен – пос.Бережковское
 Грос-Егерсдорф – поселение, находившееся в нескольких километрах к югу от Норкиттена, ныне не существует.
 Грюнхайде – пос.Калужское
 Гуделлен – не был переименован, Нестеровский район
 Гумбиннен – г.Гусев
 Даркемен – г.Озёрск
 Дидлакен – пос.Тельманово
 Обелишкен – пос.Зеленцово
 Заалау – пос.Каменское
 Заугветен – пос.Щеглы
 Земландский полуостров – Калининградский полуостров
 Зесслакен – пос.Придорожное
 Зимонен – пос.Сиреневка
 Енишкен – пос.Свобода
 Енихен – см. *Енишкен*
 Инстер – р.Инструч
 Инстербург – г.Черняховск
 Калишки – Колишкен – пос.Вершинино
 Кальп*² – ?
 Каралене – пос.Зеленый Бор
 Каттенау – пос.Заветы Нестеровского района
 Кёнигсберг – г.Калининград
 Краупишкен – пос.Ульяново Неманского района
 Куткемен – пос.Ушаково
 Ландвер – см. *Гестветен*
 Луизенберг – см. *Каралене*
 Луизенталь – пос.Нахимово
 Мангарбен – пос.Привалово
 Матенингкен – пос.Угрюмово
 Маттенау – см. *Матенингкен*
 Мельзак – г.Пененжно, Польша
 Миликапурин*² – ?
 Миттенау – ?
 Неттинен – пос.Красная Горка
 Нойендорф – пос.Загородное
 Нойнассау – см. *Нойнишкен*
 Нойнишкен – пос.Привольное
 Норкиттен – пос.Междуречье
 Пелленингкен – пос.Загорское
 Пиллау – г.Балтийск
 Позевальк – ?
 Прегель – р.Преголя
 Прегеляу – пос.Ушаково
 Прейсиш-Эйлау – г.Багратионовск
 Пушдорф – пос.Пушкарево
 Рагнит – г.Неман
 Розенталь – пос.Низменное
 Россталь – пос.Круглое
 Таммау – см. *Таммовишкен*
 Таммовишкен – пос.Тимофеевка
 Тапиау – г.Гвардейск
 Тильзит – г.Советск
 Фридланд – г.Правдинск
 Фрише-Нерунг – Балтийская коса
 Фришес-Хаф – Калининградский залив
 Хайлигенбайль – г.Мамоново Багратионовского района
 Цвион – пос.Доваторовка
 Швегерау – пос.Заовражное
 Шприндт – пос.имени Кирова, г.Черняховск
 Штаатсхаузен – пос.Подгорное
 Шталлупёнен – г.Нестеров
 Штригенгрунд – см. *Пелленингкен*
 Шульценхоф – см. *Обелишкен*
 Эбенроде – см. *Шталлупёнен*
 Эйдткунен – пос.Чернышевское Нестеровского района

¹ Здесь и далее названия поселков Черняховского района даются без указания на него.

² Здесь и далее знаком (*) обозначены неидентифицированные наименования, скорее всего, их «бытовые», деформированные варианты.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям. <i>Владимир Хлиманков</i>	3
От редакции. <i>Игорь Ерофеев, Галина Каштанова-Ерофеева</i>	4
ВЕРСТЫ ВРЕМЕНИ	
Игорь Ерофеев	
Хроника первых послевоенных лет. Инстербург-Черняховск: 1945 – 1950	6
Они возрождали край. <i>Страницы Именной книги организаторов становления и развития Калининградской области</i>	39
Игорь Ерофеев	
Сельское хозяйство Черняховского района. 1945 – 1970	44
Игорь Ерофеев, Галина Каштанова-Ерофеева	
Иван Миронов: вехи жизни	52
«Труд мне всегда был в радость...»	54
Андрей Кленовый, Юлия Гулиева	
История совхоза «Калининградский». <i>(По материалам из архива музея Привольненской школы)</i>	57
Дмитрий Смирнов	
Черняховский государственный племенной рассадник остфризского скота. <i>(По материалам из архивного отдела администрации муниципального образования Черняховский муниципальный район)</i>	68
Ты – черняховец! <i>(Из анкет, собранных пионерами города в 1970-1980-е годы)</i>	73
ЖИВОЙ ГОЛОС ИСТОРИИ	
Василий Гудилин	
О времени, родных и о себе. <i>(Из воспоминаний)</i>	78
Любовь Мазалова	
А значит, жил и воевал он не зря...	89
Виктор Хабибуллин	
Династия	95
Галина Каштанова-Ерофеева	
Редактор	98
Настоящее время Всеволода Остена	101
«В каждой строчке – души моей свет...»	105
Ольга Сидоренко	
Не очерствела сердцем и душой...	108
Алена Шахова	
Добрая улыбка добрым людям	110
Первые годы мира и труда. <i>(Из материалов, собранных волонтерами Черняховского ГДК)</i>	112
Галина Каштанова-Ерофеева	
Его стихия – радиоэфир	115
Галина Кучина	
Одна судьба	119
Вспоминают старожилы. <i>(Из материалов, собранных юными краеведами школы №5 г. Черняховска, а также предоставленных жителями Черняховского района)</i>	122
Максим Дмитриев	
«Черняховск – наша родина...»	131

Раиса Эйзенбейс	
Живет такой человек...	132
Наталья Юрьева	
Семья – ровесница области. <i>(По материалам из Музея имени И.Д.Черняховского Детско-юношеского центра г.Черняховска)</i>	134
ЯЗЫКОМ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ	
Александр Гахов	
Витинг. <i>Повесть</i>	138
Виктор Борода	
Жаба. <i>Рассказ</i>	187
Догонялки. <i>Рассказ</i>	189
Анна Бубенкова	
Грусть	190
Любовникам	190
Новосибирск	190
Галина Ваткеева	
Райский уголок	191
Ранняя осень	191
Александр Гахов	
Из цикла «Буду слушать море до рассвета...»	
«В вечности мрамора...»	192
«Ранним утром на песчаном пляже...»	192
«Ночь темна... Ни огонька, ни блеска...»	192
«Чайка море раскачала...»	192
Петр Гречишников	
Лирика	193
Утро	193
Из цикла «Перчиковые зерна». <i>Микробасни</i>	
К читателю	193
Упрямый хозяин	193
Претензия	193
Волк и Заяц	193
Из книги для детей «Почему смеялись куры?»	
Почему смеялись куры?	193
Угадай	194
У телевизора	194
Николай Долбунов	
«Собака лает даже на идущего мимо прохожего...»	194
«Я вижу фигуры: их очертанья... движенья... позы...»	194
Игорь Ерофеев	
«Когда ты один...»	195
«Город твердокаменный...»	195
Петр Жуков	
Аромат поэзии	196
Мир стихов	196
Любовь Мазалова	
С тобою породнилась	197
Полустанок детства моего. <i>Эссе</i>	197
Галина Каштанова-Ерофеева	
Крылечко	200

Михаил Бочкарев	
Серафимыч. <i>Рассказ</i>	202
Любовь Москун	
Откуда вкус полыни?	215
«Как листья осени минувшей...»	215
Подари мне этот мир	215
Надежда Топтыгина	
Сладкая ягодка	216
Алевтина Уманская	
Последний приют	216
Леонид Шахов	
«Ты стояла в реке...»	216
«Мы лежали в траве...»	217
Алена Шахова	
«Ну и что, что сегодня лето?...»	217
Последний романс в полумгле	218
«Ну вот и выпал первый белый снег...»	218
Раиса Эйзенбейс	
Лесной «пожар»	218
Голубые сны	219
Примечания, литература, источники	220
Перечень фотографий и рисунков	224
Указатель географических наименований	228

БЕРЕГА АНГРАПЫ

Художественно-публицистический альманах

Выпуск третий

Муниципальное учреждение «Централизованная библиотечная система»
Историко-краеведческое общество «Седьмая земля»
Литературное объединение «Рассвет»
238150, Россия, Калининградская обл., г. Черняховск, ул. Калинина, 4.
Тел.: (840141) 52459; факс: (840141) 52460;
e-mail: lkm_biblio@mail.ru

Заказчик – администрация муниципального образования
«Черняховский муниципальный район»
238150 Россия, Калининградская обл., г. Черняховск, ул. Калинина, 7.
Тел: (840141) 32103; факс: (840141) 32382;
e-mail: chernyahovsk@insteradm.baltnet.ru; <http://www.chernyahovsk.su>

Составители: *И.В. Ерофеев, Г.В. Кашианова-Ерофеева*
Редактор *Г.В. Кашианова-Ерофеева*
Подбор материалов для оформления: *Г.В. Кашианова-Ерофеева*
Компьютерный набор: *И.В. Ерофеев*
Корректор *Г.В. Кашианова-Ерофеева*
Верстка: *М.А. Дмитриев, Г.В. Кашианова-Ерофеева*

Подписано в печать 18.08.2009 г. Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. 14,5 печ. л. + 1 печ. л. илл.
Тираж 620 экз.

Издательство «ИП Мишуткина И.В.»
236000, Россия, г. Калининград, ул. Генерала Озерова, 17 Б.
Тел./факс: 8(4012) 571752; e-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в типографии «Стандарту спаустеве»,
Литовская республика, ЛТ-02189, Вильнюс, ул. Даряус и Гирено, 39

ISBN 978-5-98787-058-7

День поэзии

Не только весна виновата в том, что людям хочется читать стихи. Интерес к поэтическому слову стал потребностью советского человека. Особенно после памятной всем речи Н. С. Хрущева на встрече с деятелями искусства.

В читальном зале городской библиотеки состоялся «День советской поэзии». Были прочитаны обзоры произведений популярных поэтов, организована выставка произведений, удостоенных Ленинской премии и выдвинутых на соискание этой премии.

Редактор А. Ф. ПАНФИЛОВ.

В кинотеатре ЧЕРНЯХОВСКА

- «УДАРНИК» — 29 марта
- «Тайнственный остров» — начало в 10-00, 12-00; «Хуана Галье» — начало в 13-45, 15-00, 18-00, 20-10, 22-15. 30 марта — «Тайнственный остров» — начало в 10-30, 12-30; «Вольный ветер» — начало в 16-30; «Ты не сворога» — начало в 14-30, 18-30, 20-20, 22-10.
- «САЛЮТ» — 29 и 30 марта — «В мертвой петле» начало в 13-30, 15-20, 17-10, 19-00, 21-00.
- «СПУТНИК» — 29 марта
- «Человек не сдаётся» — начало в 17-00, 19-00; «Тайный арсенал» — начало в 15-00, 21-00. 30 марта
- «Только не сейчас» — начало в 15-00; «Цветок на камне» — начало в 17-00, 19-00, 21-00.

Черняховскому леспромхозу
ТРЕБУЮТСЯ
рабочие по строительству

Н К Ф СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ НАСС И ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА
ОЩАДНА КНИЖКА—АЩЧЯДНА КНИЖКА
ՀԱՅՅՆՆԱԿԱՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ ԱՍՊԱՏԱՆԱԿԱՆ ԿՐԵԿԻՏԻ
ӘМАՆӘТ ҚІТАБҚАСЫ — دفترچه امانت

СЧЕТ № 2813
Сберсберегательный банк

Имя владельца книжки (полн.)
Заяв. Наслов

УСЛОВИЕ ИЛИ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

193__ г.
№ контролер

